

М. ВЕЛЛЕР

Гонец из Пизы

...Что же касается Крыма и Донбасса – Украине следует помнить, что естественных союзников у нее нет. В случае чего она будет расчленена Польшей, Румынией и Россией. И вот тогда Россия будет единственным гарантом ее целостности. Украину надо посадить в долги, подогреть сепаратизм львовских католиков, но пока Крым и Донбасс остаются украинскими – мы должны иметь в виду вернуть их при первой возможности...

Командир ударного авианосца «Москва»
капитан 1 ранга Колчак

Роман-предсказание 1999 года, продолжающее сбываться

(стр. 335)

М. ВЕЛЛЕР

Гонец из Пизы

ACT
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 27

Серия «Странник и его страна»

Оформление обложки Александра Кудрявцева

Книга содержит нецензурную брань

Веллер, Михаил Иосифович.

В 27 Гонец из Пизы : [роман-предсказание] / Михаил Веллер. – Москва : АСТ, 2014. – 445 [3] с. – (Странник и его страна)

ISBN 978-5-17-088013-3

Эта книга — о том, что мечтают сейчас, откровенно говоря, сделать многие, да не хватает духу и останавливают непреодолимые препятствия. Но герои Михаила Веллера преодолевают препятствия. Сюжет его нового романа головокружителен и прост, реалистичен и невероятен одновременно. Роман смешон и печален, добр и зол. Язык его легок, но последовательная мстительность мысли даже пугает. Книга рассчитана на читателей, которые хотели бы крепко встряхнуть окружающую жизнь за шкуру, а это, мягко говоря, широкий круг.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-088013-3

© М. Веллер, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть первая

ДЕПУТАТ БАЛТИКИ

1.

«Что тебе снится, крейсер „Аврора“?»

Зигмунд Фрейд, «Толкование сновидений».

«Корабли постоят. И ложатся. На курс.
Но они возвращаются...»

Владимир Высоцкий, «Лоция».

«Все вымпелы вьются и цепи гремят!»

Песнь варяжского гостя из оперы «Садко».

«Пролетариям терять нечего, кроме своих цепей,
возьмемся за руки, друзья, соединяйтесь».

Реклама шоколада «Маркс».

«И тогда нам экипаж — семья».

*Свадебный марш Мендельсона в постановке
Р. Виктюка.*

«Забил заряд я в тушку Пуго».

М. Ю. Лермонтов, «Октябрино».

«И тогда Снорри Стурлусон снарядил большой
корабль, чтобы достичь того берега».

Младшая Эдда.

«Все, что плавает, раньше или позже утонет».

Архимед, «Физика».

«Атакуйте! Топите их всех!»

Резолюция гросс-адмирала Деница.

«Ты лжец, Нам-Бок, ибо все знают, что железо не может плавать».

Джек Лондон, «Морской волк».

«Семь футов под килем!»

Формула счастья.

«Полундра!»

Честное предупреждение.

«Изъятие испорченного листа из вахтенного журнала оформить актом. Дежурному по кораблю лейтенанту Беспятым за порчу вахтенного журнала и нахождение на вахте в нетрезвом состоянии объявляю пять суток ареста при каюте.

Командир корабля
капитан первого ранга Ольховский

(подпись)».

2.

Давайте назовем это для пущей внятности экспозицией, или рекогносцировкой, или привязкой по местности, или преамбулой. Ступим на мостовую с тротуара, поднимем руку, и почти сразу частник из правого ряда отслоится от движения Невского, вильнет к бровке и притормозит, перегнувшись к правой дверце.

— К «Авроре». — И поясним для непонятливых, чтоб не переспросили насчет кафе, магазина, ресто-

рана или гостиницы: — К крейсеру. — И уж для самых туповатых уточним: — На Петроградскую набережную. К Сампсониевскому мостику. — И хотя последнее уточнение звучит явно излишним, но способно доставить самому клиенту удовольствие своей осведомленностью.

Разумный водитель тут же свернет по Большой Конюшенной к Мойке, обогнет Марсово поле вдоль Лебяжьей Канавки, вырулит на набережную Невы и через Троицкий мост перескочит к Петропавловке — а там направо по Петровской, мимо громады Дома политкаторжан и крошечного домика Петра, пятьсот метров до поворота — и вот слева из-за угла, где проток Большой Невки отделяет Выборгскую сторону с бело-голубой коробницей гостиницы «Санкт-Петербург», — вылезает фок-мачта и мостик легендарного революционного крейсера.

В масштабе города он производит впечатление ностальгически небольшого. Две мощные, коробчатого металла штанги намертво приварили его правым бортом к набережной. А на самой набережной торгуют кока-колой, матрешками и значками. И вахтенный в скворечнике перед трапом скушает детским лицом.

А теперь — несколько слов про всем известный трехтрубный силуэт, шаровую краску, оттяжки стеньг, узкий латунный оклад иллюминаторов, и сомнение, стоит ли упоминать несоразмерно незначительные орудия, четырнадцать шестидюймовых стволов которых, впрочем, теоретически способны разнести все в радиусе пятнадцати километров. Крейсер не выглядит самоходной подставкой для своей артиллерии — каковой он, в сущности, является: мысль об этом странна, корабль — нечто значительное, цельное, комфортное для восприятия.

И однако ощущение общей ненужности и неожиданной неинтересности экспоната не оставляет зри-

теля. Слишком уж недотягивает бытовой облик оригинала до его мифической сущности. Виной тому и тотальная разочарованность эпохи, и нерешенность рутинных забот, равно пригибающих команду и посетителей.

Вход бесплатный.

3.

Подобно многим гадостям и проблемам, эта пришла со стороны Финляндского вокзала. Впоследствии, многократно возвращаясь мыслью к началу всего, Ольховский усматривал ехидный перст судьбы в том не лишенном символа обстоятельстве, что англичане явились непосредственно после осмотра ленинского паровозика (германской постройки локомотивы обслуживали российские линии той эпохи; и что стоило котлу взорваться бы когда надо) и памятника на площади, где вождь указывал на юг, в сторону Москвы, стоя на башне броневика английской системы «Остин», пулемет которого был сориентирован параллельно с указующим жестом руки. Город-музей Петербург вообще так густо профарширован символами, что куда ни плюнь — во всем готова явить себя изящная до назойливости аллегория.

Перст судьбы, да еще «ехидный», в подсознании ассоциировался с общей греховностью, и позднее Ольховский придумал в качестве определения своей роли в истории красивую и многозначительную фразу: «На всяком грех, да не всякому крест». В курсантские годы он пописывал стихи. Вообще во многих каперангах погибли эстеты и интеллектуалы. Служба такая. Может, оно и к лучшему.

Неизвестно на кой черт Ольховский прогнулся и выставил сигнальщика, чтоб он засек, значит, англичан непосредственно от их двухбашенного броневика, передавшего исторический привет нашему

двуглавному орлу. Хотя приданный им кавторанг из Главупра флота был специально снабжен мобильным телефоном — для лучшей координации действий в таких случаях.

Телефон позвонил, сигнальщик доложил, Ольховский выждал время по часам и лично поднялся на палубу.

Английские гардемарины вырабатывают осанку так: встают к стене, касаясь ее пятками, икрами, ягодицами, лопатками и затылком, так что задний фасад сливается с идеалом вертикальной плоскости, и стоят так по полчаса и более ежедневно, вбивая в память тела требуемую офицерскую выправку до полного автоматизма. Ольховский подумал об этом, встречая англичан у трапа: не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить британского морского офицера в штатском среди толпы. Здесь же они были в форме, маленьким стройным ордером в семь единиц.

Делегацию бывших союзников возглавлял коммодор Горацио Уоллпол. Через час присутствия англичан на борту Ольховский ощущал свой крест чем-то вроде гвоздя в пятке, и гвоздь этот рос и превращался в кол, причем совсем в ином месте: это ощущение способствует флотской прямоте осанки, но мало полезно для хорошего настроения. Даже недолгое общение с тезкой славного Нельсона позволяло ясно понять, почему многочисленные народы Британской Империи веками мечтали перерезать всех англичан. Для большего уподобления хотелось как минимум выбить ему глаз.

Картинно седой и сухопарый коммодор совал этот глаз в паре с другим во все дыры так, словно от его усилий впрямую зависела история — например, еще немного усилий, и личными героическими действиями крейсера «Аврора» будет выиграно Цусимское сражение, как следствие — вся Русско-Японская война, революции девятьсот пятого года не будет, и вообще все теперь пойдет иначе.

Он выразил свое непонимание по поводу отсутствия элеватора бакового орудия — того самого, с надраенной латунной табличкой на щите. «Ведь посетители не поймут, как и откуда подавались снаряды?..» Посоветовал наполнить беседочные гильзы главного калибра декоративными пороховыми картузами — «для наглядности». Снятые ступени трапа на верхний мостик (чтоб посетители не лазали) заставили его постоять и тупо посмотреть на то место, где им полагалось быть. При виде действительно жалких остатков машинного и котельного отделений он подергал углом рта, словно туда была приклеена веревочка. Вежливо удивился общей душевой в офицерском коридоре. А в командирском салоне изъясил сожаление по отсутствию двух казематных семидесятипятимиллиметровок и заваренным портам для них — «это позволяло ощутить боевой дух офицерского быта». Гость. Ну не сука ли.

В резком свете ветреного апрельского дня крейсер светился, играя бликами и треща флагами. Выходя на открытые палубы, офицеры придерживали фуражки. Ольховский таскал англичан по «Авроре» лично, проклиная тараканью дотошность сильно образованных бывших собратьев по оружию. Английская вежливость имела унижительную форму. Ольховский указывал на безукоризненное качество тиковых настилов и врал про работающую паровую машину командирского катера. И мстительно прикидывал минуты до поры, когда уложит британцев поперек салона правильными дозами водки в грамотном темпе флотских тостов за дружбу, море, походы, победы, карьеры и шторма.

Но топороподобные тараны британских мореманов цвет имели сизый, как боевой металл, не только от пребывания на холодном ветру, и этот номер в командирской программе также не прошел. Выпили за флаги и корабли, Ее Величество и Президента, исполнение долга и непотопляемость, но Ее Величества флота офицеры лишь все более со-

ответствовали тройному исключению из правил на суффикс «ян»: стеклянный, оловянный, деревянный. Банку они держали блестяще. Надобно и учесть, что традиционный ром в полтора раза крепче водки: школа.

— Рул Британия, — с угрюмым уважением признал старпом.

— Боже царя храни, — по размышлении отозвался коммодор.

Сопровождавший англичан кавторанг уже делал страшные глаза — что удавалось легко, глаза стали красными и стояли поперек лба. Уже пыхнули и поплыли кольцами клубы «кэпстена» и вонючие струйки «Петровских». Уже ушастый, как чайник, английский лейтенант тихо поставил недопитую чарку. Уже Ольховский открыто и лицемерно взглянул на часы: не задерживать гостей в их насыщенном петербургском графике. Когда — Уоллпол щелкнул пальцами, взял у своего личного вестового (!) кейс, вынул из него бланк и развинтил авторучку толщиной с мачту — дорогой «Waterman», как определил Ольховский, поднаторевший за годы командирства на «Авроре» в аксессуарах дипломатии.

Коммодор заполнил бланк и повернул к Ольховскому.

— Я имею честь от имени Британского Адмиралтейства пригласить господина капитана первого ранга посетить с ответным визитом Ее Величества корабль «Белфаст». Все расходы по визиту Адмиралтейство берет на себя. — Встал, выпрямив спину (которой, впрочем, никогда не сгибал вообще), пожал Ольховскому руку и со сдержанной церемонностью вручил лист с тисненым коронным львом и «Юнион Джеком».

Кавторанг сделал глаза, от которых сдуло бы собаку Баскервилей. Англичане заплодировали, русские налили.

Таким образом, если кого винить во всем, так это англичан.

А зимой коммодор Уоллпол прислал каперангу письмо. «Будем же веселиться, пока не вовсе состарились, — писал настырный англичанин, — ведь живем мы только раз, да еще в Англии и России: и то, и другое не пустяк, от любой из этих бед можно поседеть в одночасье...» Ольховского с этим письмом вызвали в бывший политотдел и долго пытали, что, собственно, англичанин имел в виду, еле откестился Ольховский. Странное какое-то письмо, с подколкой и несовременное, даже при помощи мюллеровского словаря и университетского трехгодичника Беспятых многое каперангу перевести не удалось.

Короче, в Англию Ольховскому после этого письма захотелось еще больше и особеннее. Кому ж не захочется повеселиться в Лондоне, пока не во все состарился, за счет Британского Адмиралтейства. А что коммодор шизанутый — мы у себя и не к таким привыкли, лишь бы платили.

В советские времена индивидуальное приглашение офицеру за границу, в капстрану, да еще член НАТО, да полученное лично в руки, да на официально-дружественной пьянке, причем вдобавок офицер этот — капитан первого ранга и командир корабля, а корабль, ему вверенный, — не тральщик какой-нибудь зачуханный, а прославленный и весь из себя черт знает какой идеологический флагман всея державы и ее флотов революционный крейсер-музей «Аврора»!! — такое приглашение скорее всего могло стоить офицеру дальнейшей карьеры, невзирая на. Ни на что не взирая. Это было равносильно приглашению на Колыму. Вон Большой Дом на Литейном высится через реку.

Но в новые времена, когда за Родину бьются мастера машинного доения Западной коровы, задробить приглашение начальство могло исключительно из зависти. Зависть испытывают к тем, кто сумел боль-

ше надоить в свой карман. На «Авроре» же красть решительно нечего. Музей — он музей и есть, причем из тех, где ни бриллиантов короны в запасниках, ни сокровищ мирового искусства на стенах. Кради не хочу матросский чайник образца девятьсот первого года. Нищ, как вдовая церковная крыса, музейный сотрудник; и должность командира такого музея — род почетной ссылки, тупик полусостоявшейся карьеры. Команды всей — сорок человек, пищевого и вещевого довольствия на них выписывается с гулькин нос, топлива и прочего добра — и того меньше, и кукует себе господин командир на зарплату, которой и кукушке всегда не хватало на воспитание детей.

А ответственности — как у командира офицерского атомохода: сплошные иностранцы шастают, от экипажей нейтральных шведских фрегатов до султанов Брунея и прочих цветных набобов, красы и грозы джунглей третьего мира и почти того света. Только и трясись, как бы честь флота не уронить, за упомянутую-то зарплату, которую по полгода упоминают, пока наконец дадут: жрать не на что, но честь поддерживай и уронить не моги. Опомнишься однажды — а ронять-то и нечего. Инфляция.

И нахимовцы постоянно на корабле околачиваются. Практиканты. Училище напротив. А где практикант — там бардак: водка, анаша и пропажа латунных гаек, которые можно продать на цветмет. Боевая рубка на амбарный замок закрывается, штурвалы наводки орудий шкертами привязаны!

Конечно, нахимовец — дармовая рабсила: прибрать-покрасить. А все равно неприятно — не служба, а детский сад. И вообще Нахимов — фамилия подозрительная, нерусская какая-то, строго говоря, фамилия. «Нахим» — що це таке? В истории флота про то ничего не указано, но есть слух, что из кантонистов был, не еврейским ли душком припахивает.

Так что служба у капитана первого ранга Петра Ильича Ольховского — не мед, как может показаться какому-нибудь бедолаге из Совгавани, гниющему годами безвылазно на своем железе по случаю отсутствия городской квартиры (если считать Совгавань городом). Родной флот позаботится, чтоб к каждой ложке меда офицеру неукоснительно прилагалось полбочки дегтя.

В управлении флота ему отделили меда пипеткой: решение приняли соломоново, оно же традиционное. Сформировать делегацию из трех человек: один контр-адмирал из управления, второй — из штаба флота, а третьим с ними, в довесок, собственно приглашенный, каковой и едет на счет приглашающей стороны, согласно договоренности. Предложение это внес сам Ольховский: они там все наверху провернут, под это дело и его пустят.

В апреле делегация погрузилась на теплоход «Балтика» и немедленно выпила. Трепещи, гордая Англия, скоро мы тебя покараем!

5.

Во времена легендарные лейтенант Беспятых был бы либо комиссаром, либо комиссаром расстрелян. Во времена новая борьба за идеал затруднена отсутствием идеала, духовное пространство приобрело все черты финансового при отсутствии собственно финансов, и Беспятых, напевая песню своего отрочества «Мы охотники за удачей — птицей цвета ультрамарин», углубился в поиски истинного идеала, взыскуемого душой, доведенной происходящим до психоза.

На флот он попал случайно и, как обещали, временно. После философского факультета Университета поступил в аспирантуру и уже почти окончил диссертацию по теме «Развитие классической диа-

лектики в русской философии начала XX века». Непосредственно после сдачи кандидатского минимума терпение у военкомата лопнуло, потому что число дезертиров и инвалидов по округу превысило норму призыва. Выскабливанию подверглись все сусеки, где могли самостоятельно передвигаться и знали таблицу умножения. Василеостровский военкомат забивал в том году флотскую разрядку, и превзошедшего воинскую премудрость на военной кафедре университета Беспятых приписали к флоту. Как специалист по идеологии он должен был способствовать поддержанию революционно-исторической атмосферы на «Авроре».

Иезуитская мудрость властей сказывалась и в том, что из гуманитаров университета традиционно готовили артиллеристов. Очевидно, военная специальность должна была компенсировать гражданскую. Здесь усматривается связь с другой песней, еще более старой: «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Искусство ставить гуманитарную мысль на пользу государству относится к числу древнейших. Философская подоплека артиллеризма яснее всего проявилась в лозунге, некогда алевшем над пушками у входа в Первое высшее Ленинградское артиллерийское училище: «Наша цель — коммунизм!». Это было лучшим украшением Московского проспекта, повышавшим настроение прохожих в далекие семидесятые годы.

Философ-артиллерист Беспятых сдал на допуск к самостоятельному заведованию и стал врио командира БЧ-2. Господин старший стрелок.

И вот теплым апрельским воскресеньем, в тот особенному томительный час, когда день переходит в вечер и небо начинает линять в оттенки фруктового салата, а низкое солнце от Адмиралтейства слепит и бьет вдоль фасадов Невского, он фланировал по проспекту. Стилистика архаичного «фланировал» точнее всего передает его походку, настроение и характер движения.

Он был в форме. Иногда ему нравилось вылезать в ней в город. Офицерская форма разнообразит и льстит самоощущению интеллигента. Оставаясь философом, одновременно он был боевым флотским лейтенантом: мудрость и лихая мужественность в одном флаконе. Форма стройнила и утверждала личность еще в одном качестве. Человеку свойственно играть не в того, кто он есть на самом деле. Такова психология маскарадной культуры.

Греемый в спину солнцем, он близился к павильону метро «Площадь Восстания», когда услышал за толпой прохожих ритмичный побряк и припев, а затем увидел и тех, кто издавал эти неправославные звуки.

Полтора десятка бритоголовых ребят в канаречных балахонах приплясывали и пристукивали в бубны. За шумом машин и призывом лотерейщицы непосвященный мог различить примерно следующее:

«О мама-мама мыла раму,
А Мата Хари мыла Кришну!»

Беспярых с удовольствием подумал о тонкой универсальности индуизма и изощренном богатстве его религий, вплоть до вот такого формально примитивного «экспортного» кришнаизма, когда одна из бритых голов показалась знакомой, причем неуместно знакомой. Неуместность заключалась в том, что голова принадлежала матросу с родного крейсера, и не было оснований сомневаться, что тело под ярко-яичным сари принадлежит ему же.

Будь лейтенант в штатском, он из уважения к чуждой ему, но безвредной и гуманной религии постучал бы перед матросом пальцем по лбу и проследовал своим путем. Но матрос, зацепив взглядом черную форму, ухмыльнулся с неудержимой радостью, и по этой беспричинной радости, а также по розовым, как у нежного кролика, глазам делалось понятно, что он хорошо подкурен.

Форма возобладала над содержанием: философ впал в офицерскую ярость. Матрос был оттащен за руку, освобожден от пацифистского одеяния, охарактеризован непотребно и отконвоирован на корабль.

В каюте, с нервного разгона проводя воспитание лично, Беспятых спросил с гадливой гримасой:

— Почему матросы зовут тебя Груней? Ты что... Груня?

— Никак нет, товарищ лейтенант. Я не голубой.

— Желто-розовый... коз-зел! Н-ну, что ты поешь по улицам... псалмопевец?

— Махамантру... товарищ лейтенант.

— Зачем?!

— У нас свобода вероисповедания, товарищ лейтенант.

— Что ты в этом понимаешь, балда? Или тебе лишь бы балдеть? Смир-на! Вольно! Садись! Кури! И не занимайся тем, в чем ничего не смыслишь. Молчать! Тебе увольнение зачем дали?!

— Отдохнуть...

— Отдохнуть! А ты что? А ты знаешь, что сегодня на обед корову съел, кришнаит? Да это хуже, чем командира убить!

— Сколько той коровы... не разглядеть...

— Макароны с говяжьей тушенкой!

— Да не было там тушенки, товарищ лейтенант. Так, один запах. Если волоконце и попало случайно... А и съел, так лучше хоть отчасти искупить. Есть-то охота, вот и жрешь... Вообще-то я не знал, что это говядина.

— А ты думал — омар? Хайям?

— Я думал — свиная тушенка...

— Ну ты остряк. Ну ты дубина. Вообще мяса нельзя! Что — не знаешь?!

— Да какое там мясо на нашем камбузе... Это простится. Я дух просветлял...

— Долбаный ты дух! Ну подумай: как может кришнаит служить на военном корабле?

— Что ж я, добровольцем шел? Призвали. Дезертировать, что ли, призываете?..

Беспярых вздохнул, покачал головой сокрушенно и бессильно, снял с полки над столиком Юнга и скорее в подтверждение себе, чем для дурного матросика, прочитал вслух:

«Тот, кто сегодня пытается, подобно теософам, прикрыть собственную наготу роскошью восточных одежд, просто не верен своей истории. Сначала приложили все усилия, чтобы стать нищими изнутри, а потом позируют в виде театрального индийского царя. Лучше уж признаться в собственной духовной нищете и утрате символов, чем претендовать на владение богатствами, законными наследниками которых мы ни в коем случае не являемся. Нам по праву принадлежит наследство христианской символики, только мы его где-то растратили. Мы дали пасть построенному нашими отцами дому, а теперь пытаемся влезть в восточные дворцы...»

— А я что — виноват насчет дома отцов? — сказал Груня. — И вообще, кому я мешаю?..

— Ты думаешь, из Индии эта твоя лабуда пришла? Из Америки она пришла! Гамбургер для тупых голов!..

— Ну уж.

— А ты что думал, Бхактиведанта в Калькутте жил? В Нью-Йорке он жил!

— С чего бы.

Беспярых подперся ладонью и мечтательным голосом доброй бабушки, начинающей сказку, стал рассказывать:

— Давным-давно, в далеких теплых морях Мэйна, жили-были умные и кроткие пираты. Сами себя они называли морской братвой. И был среди них авторитетный капитан, француз по имени Франсуа. Они называли его Олонезец, потому что он был родом из провинции Олоне. И вся команда очень любила Олонезца, потому что часто на песчаном пляже, под пальмами, в ласковом морском бри-

зе, он вешал за яйца... мудаков! вроде! тебя! Понял????!!!

— Так точно! В галльон разрешите выйти, товарищ лейтенант?

— Еще раз увижу — будешь петь мантры комендантскому патрулю. Иди! И промахнешься мимо унитаза — вылизывать заставлю! Сука красноглазая, я тебя еще увижу под дурью! Ауробиндо...

— А?

— Хрен на.

Оставшись один, он открыл иллюминатор, плюнул в него и с беспокойным неудовольствием попытался понять: «Чего я, собственно, сорвался? Фиг ли мне этот пацан? Фиг ли мне этот корабль? Хороший вечер, через год на гражданку. Седуксену выпить... или водки?»

6.

Туманный Альбион. Подагра. На Лондон глубоко плевать. Такой монотих Ольховский приготовил к встрече.

Но Лондон оказался неожиданно хорош. Общее впечатление: коричневый полированный камень, ранняя зелень и живущее в пространстве отражение былого имперского величия. Многозначим — а не давит. Прочее — смотри телехроники, а дышится легко.

Вопрос о посещении музея-квартиры Карла Маркса встал и лег в порядке шутки, а в Гринвич на «Катти Сарк» теплоходиком скатались. И здоровы же были знаменитые чайные клипера. В отличие от игрушечной, как киносьемочный макет, «Золотой Лани» сэра Френсиса Дрейка: с гордым удивлением думалось про ребят, которые на такой стотонной скорлупе годами жили и продирались сквозь океаны вокруг шарика.

А вот крейсер «Белфаст» привел Ольховского в мрачноватую задумчивость. Крейсер стоял на бочках прямо напротив Тауэра, разбитый в зигзаги нарядным серо-голубым камуфляжем, и ничем, кроме тента на юте, не напоминал музей — а выглядел тем, чем был задуман и создан: боевым кораблем. Тяжесть и мощь, стремительность и угроза! Шестидюймовки торчали осмысленно из трехорудийных башен по классической дредноутной схеме, а борта и надстройки топорщились спаренными бофорсами.

И все это действовало!

Броневые люки в башни были отдраены для входа. Элеваторные шахты светились, и снаряженные заряды были выложены в лотки, готовые к досылу в казенники с откинутыми затворами. Креслица комендоров в меру вытерты и вращались без излишнего скольжения консервационной смазки. Так вдобавок еще трансляция гудела и грохотала беспрерывно командами из артпоста и с мостика, докладами и залпами для пушек имитации обстановки боя.

Ольховский потащил всю экскурсию с невозмутимым дьяволом Уоллполом вниз, к погребам, — и убедился воочию, что носовой артиллерийский погреб можно пускать в ход хоть сейчас: кассеты и стеллажи набиты, электроприводы действуют... все вразумительно и соответствует!

В главных машинах все механизмы на месте, и даже коридоры гребных валов отдают маслянистое свечение обточенного вкруговую металла. Хрен ли ваш музей восковых чучел мадам Тюссо — тут в лазарете раненые, на камбузе готовка жратвы, в офицерском буфете поднос с виски, в кубрике дуются в карты (!!!) — двенадцать тысяч тонн водоизмещения, и каждая тонна при деле.

Посетители с зависимо-оживленным видом именно *гостей* стучали вилками и рюмками в кабаке с военно-морским уклоном, и открытые сверкающие

гальюны исправно действовали. И всюду торчали телемониторы, по которым гнали хроники морских боев, шум и выкрики битв не умолкали. А пацанва беспрепятственно лазала везде, куда могла достать, от гидроакустических постов до дальномеров, и крутила все, что крутится, так что зенитные установки вертелись ходуном, как при налете авиации со всех румбов сразу.

Как-то примирили Ольховского с действительностью только кают-компания и адмиральский салон. Все приличные кормовые помещения были заняты командой под офисы: там они работали на компьютерах, пили чай, разговаривали по телефонам и подшивали бумажки. Так что сдержанную роскошь командирской жизни посетители видеть не могли — ни тебе двухкомнатных кают, ни полированной деревянной мебели, ни покойных кожаных кресел. Это все музейщики отхватили в личное пользование — как везде и принято.

В заключение расселись в адмиральском салоне и, уже как старые друзья, вмазали без стеснения. Ольховский твердо принял литр — и ни в одном глазу. Он был уеден.

7.

Вернулся Ольховский в смутном раздрызге. Принял доклад старпома (тоже идиотизм: сорок рыл всех — это команда?! и из шести офицеров — два каперанга, — канцелярия вшивая, а не крейсер...), заперся в каюте, хлебнул из заначки и лягнул ковер.

После «Белфаста» родной корабль поразил убожеством. Шесть тысяч тонн — а набит неизвестно чем. Музейная экспозиция ничтожна. Посетителей мало. И не прекращается вечная приборка, шкрябка, подкраска, подкрутка, какие-то муравьиные омерзительные хлопоты: краски, кисти, ремонт бытовой

энергоустановки, замена телефонных аппаратов... мичмана ожиревшие, матросы недоноски... сменить белье — и открыть кингстоны, так дно слишком близко!

После приборки приперся кап-лей Мознаим. Как может служить на российском флоте офицер с фамилией Мознаим?! Не то узбекский диверсант, не то потомок крымского хана... добро бы немец или швед, тех давно следа на флотах не отыщешь, слизнул белую кость доисторический восемнадцатый год.

Кап-лей вкатился смуглым колобком, вписался в угол дивана, как в лузу, и включил монолог в жанре плача. Ольховского передернуло:

— Возьмите себя в руки, капитан! Вы еще в жилетку мне посморкайтесь!

Мознаим посморкался в средней свежести носовой платок и взял себя в руки: доложил о готовности застрелиться.

— Рассчитываю на вашу порядочность, — подпустил изыска командир. — Надеюсь, что прежде чем стреляться, вы спишетесь с корабля. Дабы тень этого поступка не омрачила репутацию крейсера.

— Репутацию «Авроры»! — опереточно захохотал Мознаим. — Да здесь младенцы на палубу писают! (Верно, был случай, когда пятилетний паршивец под управлением суки-мамаши помочился под чехол третьего орудия. Разъяренный Ольховский вlepил пять суток губы боцману, а что еще можно сделать? Оглушенный бедой боцман предложил суку-мамашу сдать в кубрик и отодрать экипажем, а заодно и младенца, чтоб неповадно было, но это, конечно, пустая бравада... к сожалению.)

— Хрен с тобой, — решил Ольховский. — Ты пришел стреляться или просить и плакать? Если стреляться — не забудь налить в ствол воды, по старому флотскому обычаю, а переборку позади себя завесь одеялом — чтоб, когда затылок вынесет, панель не портить, крась потом после тебя, а одеяло

мы спишем. Если плакать — считай уже отплакал. Если просить — квартир у меня нет.

— У меня семья рушится, — скривил Мознаим гладкое смуглое личико.

— Жена блядует? — перевел на разговорный русский Ольховский.

— Сколько можно углы снимать!.. — возопил потомок хана. — На Севере снимал, на Тихоокеанском снимал, теперь опять у какой-то суки снимать, дома же своего нет!.. сил же нет!..

— Нету квартир у флота! — заорал Ольховский. — Нету! Нету! Денег нету! Нету!!! Сам знаешь, до чего! флот! довели! Телевизор есть? Телевизор смотришь? Чего кругом — знаешь?

— Бред, бред, бред!! На атомные бомбовозы деньги есть, а на квартиры для офицеров — так нету? Вы знаете, сколько стоит бомбовоз?!

— Знаю! Не купишь!

— Это все равно что построить город на пятьдесят тысяч человек! А еще на одну хрущобу — денег вдруг нету?!

— Ой, вот только не надо. Про то, что офицеры пьют, моральный дух подорван бытом, ослабла мотивация к службе, адмиралы воруют... не на собраниях. Митингуй на Дворцовой. Дери жену лучше, и будет в доме мир и порядок.

— Так нет же дома! где быть порядку?! Она выходила за блестящего лейтенанта, — оплакал себя Мознаим... — А сейчас у нее нет целых сапог, зато есть бизнесмен с джипом, который возит ее по кабакам.

— Есть джип — на фига сапоги?

— Что я ей могу дать?..

— В глаз. Короче. Бомбовоз в Северодвинске я тебе могу устроить, — пообещал Ольховский. — Если вам обоим Петербург надоел.

— Не поедет она больше никуда! — уверил Мознаим. — Она молодая красивая женщина, она старости боится, а я что?..

— Мужа надо бояться, а не старости! Скажи спасибо, что здесь вообще зарплату дают. Господи, — обратился Ольховский, — зачем ты отменил замполитов? Плакал бы этот козел ему. Вызвали бы жену в женкомитет базы, заправили фитиля по гланды. Да что я, исповедник?.. Священника хочу, батюшку, служителя культа, попа мне!.. Встать!!!

— Вам хорошо, — сказал Мознаим. — У вас сын уже взрослый, и квартира есть.

— А ты на чужой каравай слюной не капай, — печально посоветовал Ольховский.

Сын его дважды лечился от наркомании, и каперанг с огромным трудом отговорил его от вербовки в Сербию — воевать за свободу братьев-славян против исламских экстремистов: за это обещали приличные деньги, которыми оболтус рассчитывал рассчитываться с долгами, а на это время смыться от кредиторов.

— Погоди, — посулил он хмуро, — пусть твои дочки подрастут, тогда узнаешь, почему фунт лиха. А пока это все цветочки.

Лицо Мознаима живо отразило весь комплекс чувств по поводу взросления двух его дочерей в свете всех изложенных обстоятельств.

— Я раньше застрелюсь, — успокоил он себя.

8.

И сели вдвоем со старпомом, разломили плитку дешевого шоколада и свинтили пробку с литровой бутылки «Капитанского джина» — не тормозной жидкости гнусного польского производства, а благородной сорокавосемиградусной слезы, разлитой в морском сердце Уэльса славном городе Ньюпорте; бутылка была подарена Ольховскому на прощание офицерами «Белфаста».

— Ну — чтоб мы еще пили за счастливое плавание!

Колочая можжевельная свежесть прорвала гортань. Неразбавленный джин пьют варвары и моряки.

— Мазут закачать — и на нем в море выходить можно, — даже без зависти рассказывал Ольховский. — Машина в сохранности, электрооборудование в сохранности... экскурсантов толпы шляются — и ничего, все цело. А ведь у него, если подумать, водоизмещение вдвое больше нашего, а вооружение то же: двенадцать стволов главного калибра шесть дюймов, а у нас четырнадцать.

— Он воевал?

— Еще как. Всю мировую. В конвоях ходил, в Средиземку ходил, в высадке в Нормандии участвовал.

— В том и вся разница.

— В чем разница, черт бы их драл, Николай Палыч?

Опрокинули по третьей, откинулись в креслах и закурили:

— А в том, что Англия пятьсот лет воевала на всех морях. А Россия сто лет подражала голландцам, а потом еще сто — англичанам. Форма, обычаи, жаргон — все английское было. Ты слышал — когда англичане ходили на покупных кораблях? А мы? Да все крейсера не свои: «Варяг» — США, «Аскольд», «Новик», «Богатырь» — Германия, «Боярин» — Дания, «Светлана» и «Баян» — Франция. А потом сдирали: «Очаков» и «Олега» с «Богатыря», «Жемчуг» и «Изумруд» — с «Новика». Что за национальное ремесло — перековка чужих блох! Да разве что «Громобой» и серия «Авроры» были собственные.

Ты подумай: с чего начался век? Американцы построили «Варяга», немец написал песню, японцы его подняли, назвали «Сойя» и поставили в строй — а мы сумели его только утопить и тем прославили! Поистине особенности национального русского флотовождения!..

— Но вышли, вышли подводными крейсерами в Мировой океан!

— Вышли. В одной руке дубина, а другая протянута за милостыней. Вроде знаменитого одесского босяка с его ультиматумом: «Рупь или в морду». Победы мы одерживали исключительно в екатерининские времена, и то без толку: как сидели за запертыми проливами, так всю музыку и просидели в своих внутренних лужах. За весь двадцатый век славный русский флот дал одно крупное сражение!

— Цусима.

— Так точно. А теперь скажи, Петр Ильич: так не прав ли был Жуков? Стоит флот дорого, жрет всего неимоверно, а толку?.. И с какого хрена на него тратиться, когда бабок ни на что нет?..

— Это ты так решил, когда «Москву» Украине отдали?

— Наливай, — сумрачно сказал старпом, показывая, что ниже его достоинства реагировать на эту чудовищную и неспровоцированную бестактность.

— Прости.

Капитан первого ранга Николай Павлович Колчин был последним командиром авианосца «Москва» (именовавшегося в ханжеской терминологии советского миролюбия «большим противолодочным кораблем»). «Москва» базировалась на Севастополь, и в Средиземку изредка пробиралась через Босфор под зорким турецким присмотром. К концу восьмидесятых топлива стало совсем в обрез, походы вовсе сделались редки, полеты палубной авиации и того реже... а когда дело дошло до развода братских славянских народов и дележки совместно нажитого имущества, ее отдали самостийной.

Дать новую присягу жовто-блакитному прапору капитан первого ранга Колчин не счел возможным даже на уровне обсуждения с самим собой. Места же ему на российских кораблях не нашлось — и своих

девать было некуда: с удивительной быстротой развалилось все, и флоты встали на прикол. Блестящая карьера засекалась на взлете, и близкие уже адмиральские погоны резко исчезли из зоны досягаемости.

И вот теперь семья его жила в сева­стопольской квартире, которую удалось приватизировать, но невозможно было продать за ощутимые деньги, — и находилась, стало быть, за границей. А он, с помощью старых друзей из Управления кадров, получил тихое и бессмысленное место старшего помощника на «Авроре», где дожидался теперь увольнения в запас, раньше или позже неизбежного, как встреча летящего кровельщика с гостеприимным тротуаром. Переквалифицироваться в начальники охраны фирм он не умел, а сухопутной профессии взяться было неоткуда.

Когда-то в закрытом советском прокате ленд-лиз­овская лента «Ревущие двадцатые» крутилась под названием «Судьба солдата в Америке». Когда Воробьевы горы станут Беверли Хиллз, мы увидим фильм «Рыдающие девяностые», которые коммерсант-прокатчик назовет «Судьба офицера в России». Следите за рекламой.

Пока же фильм не вышел, отметим для наглядности, что если Ольховский был высок и даже изящен, то Колчин — мал, сух, жилист, зол и носат. Кличка у него была с курсантских лет «Колчак».

В описываемый момент они действовали сообразно с характерами. Колчин посмотрел наверх и спросил, непримиримо брызгая слюной, не то у Ольховского, не то у того, кто находился выше палубы, мостика, клотика и даже облаков:

— Поч-чему они там все такие с-суки, а?

Ольховский же, покачнувшись, пересел к фортепиано и заиграл «Революционный этюд» Шопена. Иногда он неверно прицеливался пальцами в клавиши и сбивался.

Фортепиано на «Авроре» было роскошное, старинное, коллекционное, палисандрового дерева, хотя и слегка расстроенное. Первоначально оно принадлежало царской яхте «Ливадия».

9.

По малочисленности команды ни офицерского буфета, ни отдельного офицерского камбуза на «Авроре» не водилось с доисторических времен. И когда вестовой сунулся насчет типа закуски для командира и старпома, Макс озверел. Готовить он любил, но ведь не из чего! Даже «спец-доп» для высоких делегаций, если программа предусматривала обед в командирском салоне, капал через раз, и коку приходилось изворачиваться фокусником.

— Бухают, что ли? — скривился он.

Вестовой свистнул носом.

— Ананас и филе из рябчиков сойдут?

— Сой-дут...

Макс открыл банку консервированного рассольника, вывалил в миску и наковырял оттуда в блюдце обрезочков соленых огурцов. Нашинковал луковицу, перемешал и полил образовавшийся салат уксусом. Вытащил из той же миски кусочек желеобразной тушенки, размазал по четырем тонким полумомтикам черняшки и кинул в духовку, врубив на полную.

Вестовой удержал вздох: он был из молодых, а молодые постоянно хотят жрать; на третьем году это проходит, старики равнодушно не доедают положенное. Подольстился к подателю пищи:

— Что, в училище не такие блюда учили готовить?

— Техникум — не училище, — пресек попытку панибратства старший матрос Лаврентьев, корабельный кок и персона привилегированная. — Слюну втяни.

Обслужив заказ, он уселся и раскрыл на заложенном месте справочник «Рестораны города Москвы». Прочитал пять строк и вернулся в мечты. Через год дембель — и двигаем. Главное — найти корефанов среди деловых, это образуется автоматически, если работаешь в приличном кафе или тем более ресторане. А если кабак при отеле или, еще лучше, казино, — вообще нет проблем. Никакой банк, конечно, никакую ссуду ему не даст — не под что, и сам никто, — а братки могут. Крыша все равно нужна. Главное — раскрутиться, а там бабки пойдут... кабак — это и связи, и телки, и возможности.

Он осмотрел в зеркало широкое доброе лицо с ласковыми, как у теленка, карими глазами, приладил волоски на ранней зальсинке и представил себя в пятисотдолларовом двубортном костюме, синем в редкую серую полосу. О'кей.

Снял с верхней полки амбарную книгу, где вел учет продуктов, и стал писать однокашнику по техникуму. Кореш дослуживал на погранзаставе в Узбекистане: служба — дерьмо, чурки палят друг в друга, голодно, но намекал (как бы опасаясь загадочной, но якобы существующей военной цензуры) на доходную работу с «южными продуктами» — наркотой, стало быть. Он тоже хотел в Москву, а под приказ ему, сапогу сухопутному, выходило уже через месяц.

«С-сука, — мысленно обратился Макс к военкому, которого развеселила строчка „выпускник кулинарного техникума“. Развеселившийся идиот-военком назвал его Хазановым и законопатил на три года флота вместо двух армии. Макс пытался намекнуть, что за хорошее место в долгу не останется, но что взять с идиота. Вот уж что называется ни дать ни взять. — Я еще к тебе приеду в гости на „хаммере“ с парой пацанов. Побеседую, чтоб прокакался, а потом скажу: что вы, товарищ подполковник, я же только поблагодарить. И поставлю флакон мартеля баксов за двести. Для наглядности. Чтоб знал, кого профукал и сколько мог поиметь... пудель африканский!.. А теперь как

борщ — так эти в столовой педерастическими голосами: чего не хватает? хле-еба. Хазанов я им!»

Флотский ужин является разогретым дублем обеда, так что было время помечтать спокойно, хлопот мало. Но вот начнешь мечтать — и раздражаешься.

10.

В то время, как — доктор заваривал в автоклаве китайский чай для похудения «Канкура», с неудовольствием ощупывая молодой животик и размышляя о влиянии на обмен веществ нетрадиционной медицины и парапсихологии, причем парапсихология персонифицировалась в образе Джуны, и воображалась Джуна не абстрактной научной фигурой, но напротив — поджарой брюнеткой, жгучей и зрелой, что являлось для доктора идеалом женской красоты, и грезился этот идеал ему в роскошных альковных интерьерах ее московского особняка, так что, размышляя о путях и судьбах современной медицины, он возбуждался;

в то время, как в исторической радиорубке боцман Кондратьев — «Кондрат» — переписывал с радистом на кассету с заезженными «Пионерскими блатными песнями» в исполнении Козлова и Макаревича саунд-трек «Титаника» и рассказывал флотский анекдот: «Герасим с лодки — семафор „Титанику“: „Собачку на борт не возьмете?“»;

в то время, как старшина второй статьи Шурка Бубнов и матрос одного с ним призыва Саша Габисония, завершив протирку-смазку бакового орудия и надравив мемориальную табличку на щите, оглядевшись, курили сигарету на двоих и вспоминали вычитанный в забытом кем-то старом «Крокодиле» другой анекдот: «Вы не скажете, как попасть в Кремль? — Очень просто: наводи и стреляй!»; —

Иванов-Седьмой уронил себе на левую ногу экспонат. В музее раздался стук и взыв, которых никто

не услышал. Это был тяжеленный кусок броневой плиты, потенциальная энергия которой перешла, в согласии с законом классической механики, в равную ей кинетическую энергию вылетевших из Иванова-Седьмого ругательств. Все главное в музеях остается скрытым от посетителей.

Вырезанный автогеном квадрат брони с рваной пробоиной от японского снаряда в центре служил обрамлением фотографии командира «Авроры» каперанга Егорьева, погибшего в цусимском сражении. Когда-то офицеры «Авроры» преподнесли реликвию его семье. Семьдесят лет спустя его сын, контр-адмирал в отставке, вернул ее на крейсер для музея. И вот еще четверть века спустя она свалилась со своей подставки на директора того же музея.

Ранение было не смертельное, но болезненное, и просматривалась в нем определенная историческая преемственность.

Свалилась она на голову, фотомонтаж в пробоине можно было бы составлять из двух портретов. Но она ограничилась левой ногой, когда Иванов-Седьмой неизвестно зачем решил ее поправить. Многие считали, что на голову ему аналогичный предмет упал много раньше.

Иванов-Седьмой дохромал до доктора, который угостил его своим китайским чаем для похудания. Поскольку ушибленный мог соперничать худобой со шваброй, он компенсировал действие чая тремя ложками сахара.

Большой палец был залит йодом и забинтован. Желая увеличить объем лечения, доктор даже постриг ему ноготь. И с бездумным сочувствием состриг, что если бы Иванов-Седьмой носил перстень не на руке, а на ноге, то травмы удалось бы избежать.

Больные неблагодарны. Иванов-Седьмой назвал доктора жлобом и посоветовал, куда надеть кольцо, чтобы избежать травм в личной жизни. С чем похромал к себе.

Перстень был массивный, старого светлого золота, со славянской вязью «Громобой». Его носил еще командир кормового плутонга «Громобоя» лейтенант Иванов-Седьмой, дед нынешнего каптеранга в отставке и директора музея. По старинной флотской традиции офицеры-однофамильцы оснащались числительными в порядке зачисления в службу. Если такие перстни носили до революции все офицеры крейсеров, то в сочетании с фамилией это был знак причастности к касте.

В своей каюте при музее Иванов-Седьмой сел за стол, включил настольную лампу, надел очки и достал толстенную папку, на которой цветными фломастерами было художественно выведено: *«Сквозь XX век. Мемуары офицера „Авроры“»*.

Взял чистый лист, раскрыл старую «союзовскую» ручку с золотым пером, подаренную когда-то сослуживцами на день рождения, и стал писать свою ежедневную норму. Норма была одна страница. Страниц таких лежало уже полтора ящика, а масса случаев, историй и, главное, мыслей оставались еще незаписанными.

Палец болел, и мысли были соответствующие.

«В любой момент морского офицера подстерегает смертельная опасность, — четкими черными чернилами чертил Иванов-Седьмой. — И к этой опасности он готов с того момента, как приносит присягу на верность Родине. Но ничто не может сбить его с намеченного курса жизни и службы. Рифы и мели...»

Куда присобачить рифы и мели, так сразу в голову не приходило, он их зачеркнул и начал новый абзац:

«Однажды на „Авроре“ я был во время плановых работ травмирован тяжестью, незакрепленной по вине ответственного лица. Пришлось обратиться к врачу. Врач был молодой, не очень квалифицированный и не пользующийся уважением команды. Помощь была оказана без наркоза. Превозмогая боль, я вернулся к исполнению своих служебных обязанностей».

Настроение улучшилось. Мемуарист мстительно улыбнулся. Но поскольку про обязанности неоднократно излагалось раньше, в поисках нужных слов он посмотрел в иллюминатор. В иллюминаторе пьяные финны на набережной фотографировались на фоне «Авроры». Вечер сгустился, и пейзажу за пределами вспышки запечатлеться не светило. Но это было не принципиально.

«Отрадно знать, стоя на палубе революционного крейсера, что славные традиции не утеряны, и частица твоего мирного ратного труда еще послужит делу мира и прогресса...» Далее следовали варианты окончания фразы:

- а) во всем мире;
- б) родной страны;
- в) моей истерзанной державы».

Отделил следующий кусок тремя пятиконечными звездочками, и сделал лирическое отступление:

«Прекрасна и грозна „Аврора“ в закатный час, когда меркнувшее солнце золотит последним лучом гордо реющий андреевский флаг. И как бы трудно ни было кругом, невольно вспоминаются слова песни: „С нами Бог и Андреевский флаг!“

И гордостью греет знание, что что бы ни предстояло, ни один моряк „Авроры“ не посрамит чести корабля, на котором посчастливилось ему служить, и преодолет любые трудности, проявив мужество и смекалку. Авроровцам не привыкать! Как всегда — перед нами великие задачи!»

11.

.....
.....

— Ты с ума сошел! — сказал Колчак. — Выпил и охренел. А шутка была бы ничего. В стиле.

— А если не шутка? — сказал Ольховский.

Крейсер I ранга «Аврора»

Спуск на воду — 11 мая 1900 г.

Вступление в строй — 18 сентября 1903 г.

Водоизмещение — 6130 т.

Длина по ватерлинии — 116,8 м.

Ширина — 15,8 м.

Осадка — 5,6 м.

Максимальная скорость, первоначально — 19,0 уз.

Дальность плавания экономическим ходом —
4 000 миль.

Бронирование: броневая палуба — 38 мм;

боевая рубка — 152 мм.

Вооружение: 6-дюймовых (152 мм) орудий главного
калибра — 14;3-дюймовых (76,2 мм) зенитных
орудий — 6;

торпедные аппараты 381 мм — 3.

Штатный экипаж — 637 (23 офицера, 614 нижних
чинов).

Часть вторая

Р. В. С.

1.

Началось все не с того, чего началось, а с любви, и даже не с любви, в которой Шура был не уверен, хотя Майя доказывала это ему предлагаемыми ей способами, а с танцев, когда Шура в увольнении пошел на дискотеку в бывший клуб Первой пятилетки, куда по незапамятной традиции ходят в увольнении военнослужащие срочной службы с целью знакомства с девушками и завязывания с ними дальнейших отношений, вероятность чего очень велика, потому что девушки посещают упомянутый клуб, подразумевая возможность тех самых дальнейших отношений с военнослужащими, среди которых отлавливаются очень даже ничего мальчишки, в том числе порядочные и поддающиеся на превращение завязавшихся отношений в серьезные, а если и нет, то и несерьезные отношения бывают очень хорошими и глубоко желанными, способными одарить обоюдным счастьем, которым и наслаждались Шура с Майей по тем воскресеньям, когда его отпускали в увольнение, и Майя делала все от нее зависящее, чтобы их отношения стали как можно серьезнее, Шура же в свою очередь прилагал все усилия, чтобы их счастье было как можно полнее.

Выражаясь кратким языком кубрика, Шурка завел бабу в городе.

Но неудобство состояло в том, что не совсем в городе. Майя жила в Каменке, а это поселок городского типа за полпути к Выборгу, час с гаком электричкой с Финляндского вокзала. И когда дискотека из главного пункта программы превратилась в предлог, а предлог был отброшен наряду с прочими деталями и условностями, что произошло естественно и быстро, то встречаться приходилось там. Кругом было полно летней природы и сплошной зелени, а в плохую погоду Майина подруга, родители которой по выходным пропадали на дачном участке, давала ей ключ от квартиры и на полдня куда-нибудь линяла.

Когда у них все только начиналось, Шура позвонил родителям в Брянскую область с просьбой прислать немного денег телеграфным переводом, и на дешевом рынке в Апраксином дворе купил гонконгские джинсы, китайские кроссовки и индийскую рубашку. Теперь он не зависел от плана задержаний, который комендантские патрули выполняют на вокзалах с мрачным азартом звероловов. Гражданку он держал у дворничихи с набережной, которая оказывала разнообразные услуги матросикам, ответно помогавшим ей скромными подношениями со своего стола и вообще по мелочи типа починки дворницкого инвентаря или вразумления назойливых бомжей. В дворницкой всегда и выпить можно было, налив и хозяйке.

Командированный с утра в портовые склады за канистрой олифы, Шура прикинул время, сунул к дворничихе пустую канистру и в штатском махнул в Каменку — благо Финляндский под боком. С вокзала еще звякнул Майе на работу — в преддверии лучшей жизни она торчала в мастерской по ремонту обуви приемщицей, и договориться на пару часов уйти ничего не стоило.

Но пока он добрался, оказалось, что один мастер сегодня заболел, напарница в отпуске, Майя поца-

палась по этому поводу с начальником, и отлучка накрылась. Час Шура просидел на табуреточке, разговаривая с Майей через жестяной прилавок и дыша обувным клеем. А потом она попросила, чтобы он шел, чего так-то, и настроение испорчено, и ему нагореть может за самоход.

Вот это, стало быть, предыстория, а историю можно считать начавшейся с того момента, когда Шура, злой и огорченный настолько, насколько может быть огорчен и зол матрос, у которого, можно сказать, с живого места сняли уже готовую собственную и любимую девушку (в этот момент Майя была безусловно любима им страстно), решил попить пива. Денег оставалось, по ценникам ларька на станции, ровно на бутылку «Балтики № 3». Имея полчаса до электрички, он растянулся на теплой травке за кустом, закурил и сделал первый глоток. Жить стало лучше, жить стало веселей: товарищ Сталин понимал в психологии матроса.

И тут подошел какой-то солдатик, сапог, и как бы между прочим посмотрел на него так, как именно и только может смотреть не пьющий пиво солдат на человека, который его пьет. Внутренне заслоняясь от контакта первой попавшейся мыслью, Шурка подумал о школьном учителе литературы Матвее Марковиче: его съезд в Израиль провожали насмешливой цитатой: «И помчался в Палестину — крест на раменах». Поверху солдат был перекрещен пушечками на мятых погонах.

Перешагнув черту нейтрального расстояния, он всей возможной вежливостью смягчил просьбу:

— Простите, пожалуйста, вы на пиво не могли бы добавить?

— Ты что, браток, — усмехнулся Шурка, — я сам в самоходе.

Солдат вздохнул безнадежно и по-родственному:

— А... Ты откуда?

— С «Авроры», — небрежно бросил Шурка и, обозначив уже одним этим ответом неизмеримое превос-

ходство флота над армией, почувствовал себя вынужденным идти дальше по пути демонстрации и утверждения этого превосходства. С краткой досадой он дал солдату глотнуть и закурить.

Наладился ленивый необязательный разговор: каждому были интересны незнакомые особенности службы другого. Своя-то жизнь быстро осточертевает в замкнутом однообразии.

Иван (звали солдатика) возвращался в часть из артмастерских, и выкроил полчаса повалиться на солнышке, пострелять на пиво у станции.

— Чего там делал-то?..

— Ударный механизм брал из ремонта. — Он вытащил из отвислого набедренного кармана шлифованный стальной цилиндр размером с эскимо, с силой оттянул поперечный рычажок и щелкнул тугой пружиной.

— Дай поглядеть. Это от чего?

— От ЗИС-3. Старые семидесятишестимиллиметровки, учебные.

Дальнейший разговор мог бы явиться находкой для шпиона, если бы содержал хоть что-нибудь неизвестное еще шпионам.

Иван служил в отдельном арtpолку, который обслуживал стрельбы на полигоне «здесь рядом».

— Бобочинский полигон, не слышал? Центральный на весь округ, к нам все приезжают задачи по боевым стрельбам сдавать.

Через десять минут Шура знал размеры полигона, расположение артскладов и фамилию командира полка. Он с веселым сожалением попытался определить стоимость информации, но всучить ее кому бы то ни было на информационном рынке явно не представлялось возможным.

— Слушай, — спросил он, — если ты выдаешь столько секретов за глоток пива, то что ж ты сделаешь за бутылку водки?

— За две с закуской — все! — убежденно сказал солдат.

— Например?

— Например? За полбанки я тебе этот ударник отдам! — засмеялся Иван, и в голосе его Шурка понял закомуфлированную игрой готовность действительно отдать — вроде надежды рыбака на поклевку в пустом водоеме: а вдруг пошлет бог полбанки через дурака-матроса.

— Ты ж потом под суд пойдешь.

— О! Да! С разгону.

— А как?..

— А так. Стакан налью сержанту в мастерских, он мне другой в загашниках найдет. Там этого списанного барахла — немерено, а отремонтировать всегда можно. А триста грамм мне останется. Ну — не интересуешься?

— Да на что мне? — развеселился Шурка.

— Ну, мало ли. Грохнешь куда. Или братве сдашь. Это ведь, кому надо, хрен найдешь.

— А им зачем?

— Ну, откуда я знаю. Может, им пушку починить надо.

— На что им пушка?

— Ну, ты даешь. Мало ли. По ментам стрелять. Или по Смольному грохнуть.

— На что им Смольный? Они и так там сидят.

— Зануда ты! — рассердился солдат. — Зачем да зачем! Это ведь ударный механизм: главная вещь в орудии, без него — мертвое железо. Ну возьми, что ты! Слабó?

Они посмотрели друг на друга и загоготали. Ведь точно за полбанки пойдет ударник, было б кому сдать!.. Ну нормально.

Сознание даже ненужных возможностей способствует хорошему настроению. А хорошее настроение, в свою очередь, подвигает к реализации возможностей. Возникает прилив энергии в разных местах.

— Слушай, — сказал Шурка. — А как у вас насчет других калибров?

— У нас хорошо насчет других калибров. А ты почему спрашиваешь?

— К ста пятидесяти двум миллиметрам я бы поговорил, — продолжил Шурка игру, и в шутке явил себя не смысл даже, а чисто теоретический допуск связи со смыслом. Случайные связи опасны, но развлекают своей осуществимостью.

— Элементарно, Ватсон, — важно кивнул солдат.

— Ну уж?

— У нас отдельный взвод старых стапятидесятидвухмиллиметровых гаубиц есть. Не угодно?

До электрички оставалось девять минут. Шурка потащил артиллериста в кассы. Продал в очереди билет (зайцем доберется) и взял еще пива.

Снял пару глотков и щедро протянул Ивану:

— Слушай, земля. Записать есть чем? — И продиктовал телефон Майи. — Позвони через пару дней — она тебе скажет, если надумаю. Но смотри: будешь подкатываться — убью!

Случайный треп как бы приобретал приятную значительность бизнеса.

— Не топи Муму, — покровительственно успокоил солдат. — Ну что — проникся?

— Прикинуть надо.

— Чего прикидывать?

— Того. Калибр — это одно, а система — другое, сам понимаешь: посмотреть, размеры уточнить.

Иван поднял пегие бровки:

— Нестандартная работа дороже стоит! — скаредным купеческим тоном предупредил он.

— Не бздим-бом-бом. Матрос дитя не обидит.

— Дай-ка еще закурить... Ты что хочешь — по Зимнему второй раз грохнуть? Самое время.

— Учти: растреплешься — в дисбат пойдешь, помогу, — глупо пригрозил Шурка.

— Не смеши, моя черешня! Ты где живешь?..

— Если насчет встречи — ты в воскресенье из части сумеешь вылезти?

— Аск. Я уже старик, братишка, — обижаешь.

Если бы на кораблях Российского Военно-Морского Флота были штатные психологи, исповедующие архаичный фрейдизм, то необъяснимая и внешне немотивированная тяга двадцатилетнего матроса к стальному цилиндру размером с, как мы сравнили, эскимо подверглась бы однозначному фаллическому истолкованию; роль отца в проявившемся эдиповом комплексе замещал бы непосредственный отец-командир, а стремление ввести этот цилиндр в предназначенное для того отверстие орудийного затвора означало бы стремление обладать кораблем, в более широком смысле символизирующим матросу мать, которая его кормит, укрывает от опасностей внешнего мира, и только в утробе которой он находится в полной безопасности и свободе от любых забот, почему подсознательно туда и стремится. Не случайно на языке народа, понимающего вкус мореплавания больше прочих — у англичан, — корабль женского рода. Но на кораблях мужского рода (NB!) ВМФ подобных психологов, к великому счастью командования, нет, — а то практические следствия их работы могли бы быть неисчислимы и служить к непоправимому подрыву боеспособности экипажей, которые, по русской лингвистической традиции, и так готовы совершить акт с кем и чем угодно во вверенном заведовании. Самому же Шурке такая точка зрения в голову прийти не могла. Если бы его спросили: «На хрена тебе ударник?», он бы ответил соответствующе: «А хрен его знает. Так. Пусть будет... интересно».

Мотивация к военной службе в мирное время проста: отрицательная мотивация. Военкомат и милиция, как добрый и злой следователи, припирают юнца дилеммой: или армия — или тюрьма и зона. Не каждый военный мыслитель может искренне ожидать подвигов патриотизма от тех, кто служит в армии под страхом тюрьмы, выбрав меньшее из двух зол. Заградотряды никто не отменял — они просто видоизменены.

И наилучшим средством «выбить штатскую дурь» выступает бессмысленность службы. Задалбывание боевой подготовкой может утомить тело, но не душу: здесь явна целесообразность. Нет: многократные приборки до стерильной чистоты, тут же уничтожаемой ходом дел, содержание в идеальном и раз навсегда установленном порядке своего ничтожного хозяйства («Зубная щетка сле-ва от мыльницы!»), бесконечные стирки робы, дословная зубрежка уставов, отбой и подъем за секунды; образцовый экипаж есть самозатратный механизм, все силы которого уходят на содержание себя в некоем вымышленном и неестественном состоянии, не имеющем ничего общего с боеспособностью. Артиллерист может ни разу не стрелять из орудия, зато уметь виртуозно отбивать строевой шаг и чистить картошку.

Однако часто забываемая мудрость этого подхода — в том, чтобы война грезилась солдату отдыхом и развлечением, каким ее считали еще ветераны Мария. А также в накоплении немотивированной агрессии: цепного пса надо бить, дразнить и не докармливать, злее будет. Совершенно разумно оружие российского солдата хранится отдельно от него, под замком и без патронов: дорвавшись в карауле до заряженного автомата, он способен за неимением лучшего перестрелять сослуживцев, что регулярно и происходит. Это не означает изъядов в подготовке, но лишь переизбыток бойцового духа. Озлобленный джинн, не дождавшись вызова из бутылки, не выдерживает бездействия и самостоятельно вышибает пробку.

Настоящий солдат рассматривает окружающее через прорезь прицела, пусть даже мысленного. Оружие ласкает руку и глаз и провоцирует к применению — для того и создано. Задолбан ты, пес бесправный, но при стволе — ты главный в радиусе прицельной стрельбы. И посадить пулю в центр контура — никакое не убийство, а самооправдание жизни твоей позорной, единственное осмысленное действие, которому ты обучен и призван.

Но есть и побочное следствие гарнизонной рекламы «Живи по уставу — завоеешь честь и славу!». Тому, кто полной мерой хлебнул нектара с амброзией, которыми хлебосольное Министерство обороны потчует своих подопечных, понятна страсть, с которой уходит душа воина в разные неуставные, неприказные мелочи. Таковы дембельская парадка и дембельский альбом, подрезанный до ключиц тельник и красные пластмассовые подкладки под значки; и много еще чего. Стиснутая со всех шести сторон прессом службы, регламентируемая в мельчайших движениях все двадцать четыре часа в сутки, душа ищет малейшую щель и, найдя, перемещается туда целиком, создавая в этой крошечной щели свой огромный внутренний мир, где обретает счастье свободы и собственной воли. Мал золотник, зато мой собственный.

Столь длинное предисловие к одному маленькому конкретному вопросу понадобилось нам лишь для того, чтобы штатский читатель мог лучше представить себе чувства матроса, драящего шестидюймовку посреди большого города. Он совершенно не собирается из нее стрелять, тем более что это технически невозможно. Но молотовский коктейль, сбитый шейкером подсознания из манипуляций в учебке, эйзенштейновского «Октября», детских игр, унижений службы и генетической памяти охотников на мамонта, легко и ласково льется в форму: вот досылается в казенник снаряд и гильза с зарядом, затвор закрыть, наводка в историческом направлении на центр зеленого трехэтажного фасада Зимнего дворца — и рывок рукояти спуска. Грохот, фонтан кирпичной крошки и праха, дыра, ура! вот т-так-то, суки!

Приказ для настоящего бойца — это не подгоняющая палка, а снятие внутреннего стопора к действию. А иначе это не боец, а малопотентный пацифист, на горе и возможные неприятности непосредственного начальства. Из кого ж будем комплектовать танковые экипажи, чтоб засадить полбоеукладки в собственный парламент. И чтоб толпы народа вокруг — не с

транспарантами в поддержку ценностей гуманизма, а с горящими от захватывающего зрелища глазами.

Стрелять, повторяем, Шурка не собирался. Поведение его можно было уподобить посетителю казино, мысленно играющему в рулетку: задуманные и выпадающие номера щекочут возможностью выигрыша и проигрыша, но деньги остаются в кармане, да и нет их, этих денег. Вариант безопасного секса — ходить близ искушения и поддразнивать.

Во время большой приборки он выбил ломиком прихваченную сваркой заглушку из затвора. Деловито подчистил заусеницы кругового шва напильником. И снял внутренние размеры штангенциркулем, одолженным в слесарке. Вставил заглушку на место и прихватил краской.

А после ужина упросил вахтенного за стакан завтрашнего компота дать позвонить на минуту любимой девушке. Майя обрадовалась. После слов с понятным двоим смыслом он продиктовал ей для Ивана размеры и назначил встречу.

— А это что?.. Зачем?.. — насторожилась Майя.

— Да заодно тут по делу надо, я в мастерской одну штуку запорол. Все расскажу. Извини, больше не могу говорить, я с вахты звоню. В воскресенье приеду. Я тоже!.. Пока!

Вахтенный лениво вслушивался, ковыряя ногтем переборку.

— А говорил — одна минута, — заканючил он. — Масло бы с тебя взять надо.

— Дупа слипнется, — ответил Шурка. — Суши весла.

3.

Жить вообще трудно, а в армии просто невозможно. О флоте уже и говорить не приходится.

Где взять матросу деньги на литр водки да плюс закуска? Не вовсе ж гражданская война на улицах,

когда показал ствол первому прилично одетому господину — и на кабаке заработал. Господа-то и при стволах, мироеды. Пей, матросик, все, что горит. Нет для тебя денег на корабле. Их на корабле вообще нет.

И назвать матроса нищим — означает кровно обидеть нищего, или развеселить его, если нищий попался необидчивый. У любого порядочного нищего — свой участок, охотничье угодье, так сказать, с мусорными баками, пустыми бутылками, подземными переходами для сбора милостыни, не говоря об олигархах метро и вокзалов, и все это узаконено межнищенскими конвенциональными отношениями. Нищий — лицо экономически самостоятельное, freelancer на современном рыночном языке. Матрос же клюет нервно из мозолистой казенной руки, а казенная — она из щедрой горсти складывается в начальственный кукиш. Денежное довольствие без пинцета не удержишь: в математике такая величина называется мнимой.

Все Шуркины попытки одолжить денег успехом не увенчались, Украсть для продажи на корабле тоже нечего. Комсостав улучшает возможность толкнуть ящик масла или бочку солярки, а матрос кругом бесправен. Даже новый гюйс, купленный на свои, продать невозможно.

После отбоя он лежал в койке и был терзаем демоном безденежья, порождающим при сне разума двух родственных чудовищ: сочинителей детективов и бандитов. Если первые, в грезе о миллионе, зарабатывают на жизнь описанием измышленного преступления, то вторые, за недостатком литературных способностей, этим преступлением зарабатывают в натуре.

Решения приходят во сне не только великим ученым.

В воскресенье припараженный Шурка зашел к родимой дворничихе, и через час все было готово.

У входа в метро «Горьковская» стоял отутюженный матрос, а рядом на цоколе у ступеней стоял небольшой фанерный ящик. Сверху у ящика была щель, а спереди поясняющая надпись: «На рестав-

рацию музея крейсера „Аврора“». Щель была широкая, а вид у матроса деловой. Тисненные золотом буквы на ленте бескозырки снимали любые возможные сомнения. Шурка не понимал, как простейший и беспроегрывный вариант не пришел никому в голову раньше.

В конце XX века попрошайничество стало основой российской национальной экономики. Грань между понятиями «заработать», «наспекулировать», «смошенничать», «украсть» и «выпросить» исчезла на уровне слова и дела. Просят все и у всех, от упомянутых нищих до неупомянутых премьеров. Просят крестьяне, рабочие, больные и спортсмены, чиновники и предприниматели, деятели умственного труда и умственно неполноценные, каковыми представляются все; просят милитаристы и пацифисты, преступники и милиционеры, обокраденные и казнокрады. Дружной очередью, с протянутой рукой, как на египетских фресках к фараону, стоят представители творческой интеллигенции к мэрам, магнатам и вора́м, тактично перестав различать их. Как о победе народного хозяйства торжественно сообщает телевизор, что государство опять сумело выпросить у кого-то в долг. Иллюстрируя своими успехами русскую народную поговорку «семеро с сошкой, один с ложкой», президент поздравляет сограждан с присоединением страны к большой семерке, ставшей таким образом восьмеркой: ложка оказалась велика, и великолепная семерка отбрыкалась от умного ложечника.

Кого ж тут может удивить матрос с ящиком? Недалече разинулись ящики «На восстановление храма», «На помощь беженцам» и «На приют для бездомных животных» — но наш ящик был повеселее, посимпатичнее, и матрос при нем исправный.

Дул ветерок, шелестела листва, толпа валила вдоль пестрых лотков с мороженым и гамбургерами, и сбор пожертвований вписывался в пейзаж как нельзя естественнее. Оставалось только следить, чтоб не

показался патруль — тогда совать ящик в пакет и нырять в метро.

Романтика революционного крейсера обнаружила свой денежный эквивалент, как имеет его и все на свете. Надпись взывала к чувствам разных категорий прохожих: к ущемленной гордости петербуржцев, к стремлению провинциальных туристов приобщиться малой лептой к славе Петербурга, к жалости иностранцев и достоинству подростков, желающих быть состоятельными хотя бы в глазах подруг. Золотые дожди в нашем климате не идут, но что-то закапало.

Выражение лица матроса дарило меценатов желанным и главным убеждением: что человек звучит гордо, а жизнь иногда бывает прекрасна. Да здесь не на литр — адмиральскую зарплату собрать можно; Шурка в очередной раз с сомнением задумался о жизненном пути. Какой способ зарабатывания денег может быть прямее, чем получать их просто так? Он никогда не подозревал в себе такой любви к людям.

— Когда дембель-то? — покровительственно спросил молодой мужик, протягивая раскрытую сигаретную пачку.

— А для детей вход бесплатный? — поинтересовалась явная учительница при кучке подпрыгивающих созданий; когда она с педагогическим видом полезла в сумочку, Шурке стало совестно, но не мог же он ей сказать: «Ладно, вы не давайте».

Трое с утра подданных финнов, вдумчиво кренясь, потыкали в надпись и разрешили сомнения тем, что сунули в щель десять марок. Пара стриженных братков, передвигавшихся по своим делам от одного лотка к другому, переглянулись с презрением и ревниво скормили ящику пять баксов:

— Что, братан, на снаряды колымите? — они дружелюбно захохотали, бесхитростные в общем спортивные парни.

Шурка вошел в роль и был искренне убежден, что собирает на реставрацию музея! Ветеран с газетой

«День» под мышкой, влюбленная пара с тридцатирублевой розой, очкастый сухарик богомольного вида — ясное дело, жертвовали на святое начинание. Спыхватываясь, он удивлялся раздвоенности сознания.

Через два часа, сказав себе: «Жадность фраера губи» и усилием воли прекратив сеанс, он вернулся в дворницкую, по дороге зайдя в обменник. С поменной валютой и горкой мелочи денег было триста тридцать два рубля, не считая горстки эре, пенсов и одной эстонской кроны.

За десятку он взял машину до вокзала, там купил банку «Хольстейна» и пачку «Парламента». «Примерно так должен жить матрос с крейсера „Аврора“!» — бодро порадовался он за себя, шлепаясь в электричку.

Душа просит праздника всегда, но при деньгах особенно. Шура немедленно повел Майю в кафе, где заказал амаретто, шампанского и бутербродов с семгой.

— Мужичу одному заказ подхалтурили, — пояснил он приятно удивленной Майе свое благосостояние. Майя особенно оценила то обстоятельство, что он не поволок ее сразу в койку или на травку, а сам предложил культурную программу: это свидетельствовало в пользу ее планов на серьезные отношения.

— У меня тут потом еще маленькая встреча, ничего? — спросил он, и ее круглое личико вытянулось в овал, что ей тоже шло. — Ты чего?.. Да нет! Тут солдат один в мастерских, ну, который звонил, сделать кое-что должен.

— Где это ты с ним познакомился? — Майе не понравилось такое распределение его времени.

— Да здесь, когда в прошлый раз так неудачно к тебе сорвался.

Иван явился на станцию в пять — «Артиллерия любит точность, братишка!».

— Здорово, флотские! Ну?

Шура раскрыл пакет с двумя бутылками водки, колбасой, огурцами и батоном. Солдат сглотнул,

крякнул и, принимая гонорар, ответно другой рукой вытащил из кармана и протянул ударник. Это напоминало дипломатическую церемонию обмена подписанными договорами.

— Смотри сюда. Втулка на сорок миллиметров наварена, шов зашлифован, видишь? Стержень ударника в основании тоже надставлен, все путем! — Иван совал пальцем и требовал восторженной оценки. — Резьба как ты говорил. Погодь-ка секунду!..

Он змеисто скользнул сквозь ветви к ларьку и вернулся с пластиковыми стаканчиками:

— Ну, давай по одной — за работу! — Он был хватким, но явно не жадным. — Девушка твоя будет?

Майя пить водку отказалась.

Врезали, крякнули, выдохнули, Иван на секунду вдруг перестал лучиться радостью успешной сделки и взглянул пронзительно, с неожиданной усталой мудростью. Не так он был прост, змей в застиранном камуфляже. Но тут же зажевал и заулыбался:

— Я ж говорил: соглашайся — не прогадаешь. Работа супер!

Шурка с Майей успели еще полтора часа пробыть вдвоем и, что примечательно, никогда еще крылья любви не несли его так мощно, как на этот раз. Майя стонала в изумлении, и при расставании выглядела встревоженной. Она что-то почуяла, но не умела это себе объяснить.

...На утренней приборке Шурка вынул заглушку и ввинтил заранее смазанный по резьбе ударный механизм в затвор. Резьба, похоже, на какие-то микроны не совпадала, но это была ерунда. Он оглянулся: полубак и мостик были пусты, молодой швабрил палубу за рубкой и никуда не смотрел. Шурка взвел пружину и спустил рычаг: ударник крепко и четко щелкнул металлом.

— Так, — ухмыльнулся Шурка дурашливо: — Как попасть, значит? — наводи и стреляй! — н-ну-ну. — И неизвестно про кого ласково добавил: — Падлы!

4.

Капитан-лейтенант Мознаим придумал план, как стать богатым. Он постоянно имел дело с техникой и маслами, и запах топлива, возможно, ударил ему в слабую головку: прибыли нефтяных корпораций мешали ему спать.

Если бы, конечно, он служил на настоящем крейсере, да не у стенки, а постоянно ходящем в походы, то там мазут мерится на тысячи тонн, и пара пустых откачать налево тонн десять-двадцать. А здесь, с этими количествами, не откачка, а отсос.

Мознаим долго лазал по бывшей жилой палубе «Авроры» и в трюмах, растягивая рулетку и пометчая записи. Мазутные цистерны, переоборудованные в тринадцатом году из угольных ям при переводе машин на жидкое топливо, располагались вдоль бортов, как и предписано основами военного кораблестроения (служба дополнительной защитой жизненно важных узлов при пробивании снарядами бортовой брони). Везением было то, что при капитальном ремонте в восьмидесятые, когда в доке почти весь трюм с днищем заменили на хилую бутафорию, основная часть цистерн пришлась выше уровня «отреза» и уцелела. Это делало его план в принципе возможным.

Мознаим облачился в робу, взял для подстраховки матроса, они отдраили горловину левой носовой цистерны, и, светя фонарем, он пролез внутрь.

Бутафорская железная емкость была гулкой и ржавой. Но дно ее, к великому разочарованию, не было приварено к стенкам! Возясь коленями в сыром и шершавом, Мознаим на четвереньках обследовал щели и пришел к выводу, что их можно заварить. Дно цистерны лежало на бимсах нижней палубы, и добрые двутавры нагрузку должны были держать.

Главное в хорошем деле — скрыть его от начальства.

График плановых работ на корабле — вещь достаточно условная, особенно если условен сам корабль. Командир БЧ (боевой части) может показать

в плане все, что ему заблагорассудится, и ни командир корабля, ни старпом проверять его не полезут: с них достаточно отчета о ходе работ. При деле матрос? — порядок. Какой трюмной видел командира корабля в цистерне?..

Мознаим проверил сварку и загнал сварщика в левую носовую. Шов был проще некуда, но числящийся по штатному расписанию сварщиком матрос варить умел условно. Условность флотской жизни вообще может свести с ума.

Сварщик варил два дня и сжег все электроды. Мознаим списал электроды и помчался в базу кланчить еще.

Обнюхав работу, он объявил учения машинной и трюмной команд по борьбе за живучесть корабля и действиям по водяной тревоге. Рукав машинного насоса опустили в воду и сунули хобот в приемный лючок цистерны.

В двух местах шов потек. Воду откачали. Мознаим взгрел сварщика и послал переваривать.

И когда левая носовая и средняя (про запас) были приведены в порядок, который условно можно было считать рабочим, кап-лей приступил к исполнению второй и главной части своего плана.

Основан план был на том простом и доступном каждому наблюдении, что топлива по Неве зря плавает — до черта. Нет, Мознаим не сошел с ума настолько, чтоб собирать радужную нефтяную пленку с поверхности. Это могло бы прийти в горячую голову только активисту гринписа.

Топливо же в товарных количествах шло сверху по течению в самоходных нефтеналивных баржах, условно именуемых танкерами типа «река-море» серий «Волго-Дон» и «Волго-Балт». Они закачивались дешевым мазутом в Баку либо (тюменским) в Волгограде и тихо чапали в Скандинавию: малая речная осадка позволяет подниматься по фиордам и мелкостям до любого селения, и это обходится куда дешевле нефтепроводов или автоцистерн.

Возможно, эта обстоятельность в мелких технических деталях выглядит для непосвященного занудством. Но пока количество деталей не достигнет критической массы, событие не может состояться: ему нет основания. По мере же их накопления в один прекрасный момент оказывается, что действие незаметно уже идет полным ходом. Причем масштаб и незаурядность любого действия зависят лишь от комбинации обыденнейших деталей, этих первокирпичиков нашей жизни, которая есть не то сон, не то борьба противоположностей, не то реализм без берегов, медленно тянется, быстро проходит, преподносит сюрпризы и бьет ключом по голове. Кроме того, детали поучительны и расширяют кругозор, а это всегда может оказаться полезным.

Мознаим и решил извлечь пользу из своих знаний. Он взялся опровергнуть сомнительный тезис передачи «Что? Где? Когда?!», якобы только в ней можно заработать деньги своим собственным умом. Если сравнить заработанные собственным умом деньги Ворошилова и, допустим, Мавроди, это может явиться актом правосудия в случае смерти Мавроди от смеха. Нет, господа телевизионные гроссмейстеры, чтобы заработать деньги собственным умом, надо знать прежде всего одно: как купить дешево и продать дорого, оставшись с таким счастьем на свободе.

Нефтеналивники вставали выше мостов, в Речпорту. Там перед выходом доукомплектовываются экипажи и оформляются документы перед загранкой.

Мознаим взял больничный и поехал в Речпорт.

Пятитысячник «Волго-Балт 39» стоял у стенки и испускал ауру мазута, как нефтяной магнат. Мознаим офицерской поступью взшел по трапу и велел бритоголовому губошлепу с повязкой вахтенного доложить о себе капитану.

— Мастер отдыхает.

— Исполнять!

Пацан побурчал и отправился.

Капитан поднялся навстречу в каюте, шаркнув тапочками и застегивая клетчатую рубашку.

— Извините за вид, — сказал он, пожимая руку. — Мы здесь по-домашнему... я отдыхал. — Кивнул на кресло и придвинул пепельницу.

— Какие дела к нам у Военно-Морского флота? Рюмку чаю хотите? — предложил он.

— Виталий Николаевич, — представился Мознаим.

— А я — Кирилл Николаевич! Как насчет ста грамм, Николаич?

— Не сблую-с! — раздул воображаемые гвардейские усы Мознаим.

К бутылке азербайджанского коньяка прилагались лимон и печенье.

— Настоящий, — уверил хозяин, снимая пробку, — на базе в Баку брали.

Флотское гостеприимство не велит гнать обороты. Гость редок и тем ценен. Отчего не тяпнуть капитану с капитан-лейтенантом. Контакт? — есть контакт! — тогда и поговорим.

Коньяк был без подделки, и контакт пришел с первой дозы.

— Есть возможность помочь флоту, — серьезно поведал Мознаим.

Кирилл Николаевич, как опытный капитан, не выказал безоглядной поспешности бросаться на помощь флоту. Он выдержал паузу и в качестве первой помощи налил по второй.

Мознаим выпил, пососал лимон и построил предложение иначе:

— Есть возможность заработать.

— Это уже доходчивее. Так помочь или заработать? — уточнил капитан.

— Ваше здоровье!

— Ваше!

Народ и армия едины: после третьей военной и гражданский флот закурили и перешли на ты.

— Не тяни kota за хвост, — посоветовал капитан и сдул дым в стекло, туманя унылый невский

пейзаж. — С чем пожаловал? Помощь — это святое, но спасателю следует премия в четверть стоимости груза, верно?

— Я служу на «Авроре» — какой там груз?..

Капитан был вынужден признать «Аврору» судном социально бесполезным, и с сожалением посмотрел на почти опустевшую бутылку. Мознаим опустил руку в портфель и восстановил натюрморт пол-литром «Кристалла» и баночкой красной икры.

— Продай немного мазута, — сказал он.

— Так бы сразу. Сколько?

— Тонн пятьдесят.

— Вы что, в поход собрались?! Ты меня с японским супертанкером не перепутал? У меня всего-то четыре тысячи в танках.

— Ого. Будет три тысячи девятьсот пятьдесят. Ты считать умеешь?

— Я считать умею. За недостачу пятидесяти тонн шведы выкатят такую претензию нашему грузовому агенту, а он ее переадресует грузоотправителю, что я потом замучусь взятки давать, чтоб дело замяли и визу не закрыли. Не-не-не, я в эти игры не играю!

— А ведро нальешь?

— Ведро налью.

— За сколько?

— За так.

— А два?

— И два налью.

— Ну так налей тонн тридцать.

— Много.

— А сколько?

— Две.

— Да что мне, ботинки ими чистить, что ли? Вот черт, а у меня и деньги с собой. Ну ладно... — Мознаим снял со стола нежно булькнувшую бутылку, как бы взвесил задумчиво, убирать или все же употребить здесь, решительным выдохом изобразил молодецкое «Эх!» и свинтил головку.

— У тебя нож есть?

Красная икра была действительно ярко-красной, по контрасту с ней водочка отдавала в льдистую голубизну, и эстетика цветовой гаммы провоцировала слюноотделение.

— Продолжение следует, — сказал Мознаим и налил. — Содержание предыдущей серии вам известно. Сцена первая: тебе нужны сто баксов?

— За просто так — да. А чтоб пароход за них продать — нет.

— Пароход остается тебе.

— Спасибо. Я за это доплачивать не должен?

— Ты должен только получать. Плачу я. Я даю тебе в руку сто баксов. Ты перекачиваешь мне двадцать тонн. И идешь дальше, отапливать мерзнущих шведов, которые все не могут отогреться после Полтавы.

Капитан выдвинул ящик стола, вооружился калькулятором и стал считать:

— Пять долларов за тонну... или восемьдесят центов за баррель... или два цента за галлон очищенного топливного мазута. Полцента за литр. Я тебя уважаю. Наливай!

— Идет? — радостно вскинулся Мознаим, мало осведомленный в мировых ценах.

— Нет.

— Почему?

— Мало.

— Ну — давай за согласие!

— За согласие! Будем.

— Так чего мало-то?

— Денег мало. А мазута много. Плюс риск.

Водка попала не в то горло, бешеная слеза ударила в стол картечиной, перехваченный голос засипел сорванным и страшным боевым сипом.

— Это — риск? — услышал себя Мознаим. Такой голос предполагает простреленный флаг, скрытые мундиром шрамы, серое от пороховой гари лицо и нож, лезущий из рукава. Капитану следовало испугаться, устыдиться, сжалиться, сдаться!

Мознаим продышался, проперхался и расстелил по столу сто долларов — как пароль при встрече двух разведчиков, которые совмещают половины разорванной купюры, только эта была лучше, потому что целая.

— Десять тонн, — прохрипел он на целую октаву ниже, чем выводил когда-то «Шестнадцать тоннни!» знаменитый американский бас, и теперь в голосе качнулась виселица для осажденных и осужденных.

— Где и когда? — отозвался капитан, глядя в лицо любимейшего из героев современной русской истории — Бена Франклина, и реагируя более на изображение, чем на звук. Лицо отца американской конституции излучало уверенность в праве на счастье для каждого. Трудно даже предположить, каким магнетизмом он обладал при жизни, если даже два века спустя сохранил способность так воздействовать на людей.

Мознаим оставил портрет на столе гипнотизировать капитана.

— Пройдешь ночью Литейный мост и ошвартуешься у нас по левому борту.

— Мы завтра пойдем.

— Во сколько точнее — не знаешь?

— Как диспетчерская пустит. Ты встречай!

— Раскрытыми объятиями. У тебя с кранцами как?

— Вот только обо мне не заботься!..

— О своем борте забочусь!

— Вывесим, хватит. А что у тебя насос?

— Насос качает, хм.

— Слушай, — сказал капитан, — а у тебя счетчик есть в насосе?

— А у тебя?

— У меня только мерная рейка.

— Вот и измерим, не бойсь.

Они покрыли белый хлеб желтым маслом и красной икрой, чокнулись и продолжили обсуждение подробностей.

— У тебя рейс в оба конца месяц занимает? — убеждал Мознаим. — Вот и считай: плюс сто баксов к зарплате, это тысяча двести в год — плохо, что ли? Капитал!

— А отпуск? — возражал капитан.

— Отпуск я не оплачиваю, — открестился Мознаим.

...Следующие сутки по кораблю дежурил лейтенант Беспятых. После спуска флага Мознаим увлек его под локоток:

— Слушай, — тоном большой удачи поделился он, — я договорился тут топлива на всю зиму принять!

Беспятых был далек от проблем Газпрома и Транснефти.

— Замечательно, — вполне равнодушно отреагировал он.

— Но это так... хозспособом, понимаешь?

— В смысле?

— Танкер ночью подойдет и нам немного перекачает.

— Почему ночью?

— Потому что днем мосты сведены.

Беспятых признал объяснение разумным.

— В вахтенном журнале это отмечать не обязательно.

— То-есть? — насторожился Беспятых, уже наученный не писать лишнего в вахтенном журнале. — Почему?

— Ну, потому что официально нам этого не полагается. Зато тепло будет. Так что, сам понимаешь, не трепись.

— Ясно. Чем просить и унижаться — лучше спиздить и молчать, — рассудительно согласился Беспятых, и совесть его на этом успокоилась. Инструкцией не отопишься, а зимовать в железе зябко... бече-пятому виднее.

К разводу мостов Мознаим переминался на баке с биноклем. «Волго-Балт 39» прошел мост четвертым

и начал медленно уваливать вправо. На самых малых ходах, подрабатывая назад правой машиной и сдвигаясь по течению, он раскладывал носом черную в змейках огней воду, и достигшая «Авроры» пологая волна с шелестом плеснула в скулу.

— На кранцах по левому борту — смотреть! — скомандовал Мознаим.

Вывешенные за борт автомобильные покрышки сползли, строясь под линию палубы осевшего в грузу танкера.

— Ну как там у вас? — гукнул ночной космос громкой трансляцией: в свете ходовых огней различался напряженный силуэт на крыле мостика.

— Порядок, — закричал Мознаим. В соотношении масштабов голоса это напоминало беседу человека с Богом.

Танкер подвалил, с носа и кормы кинули швартовы, они были подхвачены на крейсере и заведены за кнехты.

— Стоп машина! Николаич, ты?

— А кто же! Ну?

— Давай по-быстрому, мне мосты пройти надо!

— Момент!

У борта задвигались, помогая возне рабочим матом, внизу на танкере лязгнул откинутый люк горловины: «Майнай шланг... еще!».

— Трави шланг! Ну! В машину — насос!! На цистерне — следы!

Собственно перекачка заняла восемь минут.

— Отдать швартовы! Боцман — палубу прибрать... наследили тут!

Через полчаса следы преступления были стерты, смыты, скрыты. Танкер скрылся, продолжая свой путь. В цистерне плескалось десять тонн мазута.

Как человек военный, Мознаим привык одновременно решать только один вопрос. Товар был получен. Теперь вставала конкретная задача, кому и как сдать. За полцены — нет проблем. Котельные города на голодном пайке, но с этих-то взятки гладки... а

вот коттеджи новых русских — все на мазутных котлах, со скидкой — они все возьмут, и транспорт свой найдут, для этих ребят препятствий нет, а считать копейку они очень даже умеют.

Он спустился вниз, с удовольствием понюхал цистерну, прислушался к содержимому и поехал домой спать.

«Заправиться вот так — и к черр-ртовой матери отсюда...» — неконкретно подумал он в серой дреме, клюя носом в первом трамвае.

5.

Унижение сравнением с «Белфастом» нет-нет да и давало себя знать. Вообще строевому командиру командовать музеем, что бы он ни говорил с высот опыта о покое и удобствах береговой жизни, — все равно что любителю животных пылесосить чучело кота. В хорошего моряка вбит рефлекс: любую акваторию рассматривать как пространство для похода, боя и победы. Бутафория службы разъедает личность скепсисом и депрессией, для лечения которой существуют только два лекарства: выпить водки и не думать — или изменить обстоятельства, ведущие к этой самой депрессии. Но если на водку не хватает зарплаты, а обстоятельства вяжут тебя по рукам и ногам, человек часто звереет без видимой причины — хотя на самом деле причин полно, а повод годится любой.

В таком состоянии Ольховскому на глаза попался подкуренный Груня. Он бесконечно водил кисточкой по леерной стойке и бессмысленно хихикал.

— Опять, сволочь! — рявкнул Ольховский.

— Никак нет, — замедленно и очень ровно, как раздвижной штатив, вытянулся Груня и хихикнул.

Ольховский схватил его за шиворот и встряхнул. Груня послушно взболтнулся под рукой. Ольховский сошел с резьбы.

— Есть у тебя хоть какая-то гордость за свой корабль? — прорычал он, сознавая всю глупость и неуместность первых попавшихся трафаретных слов. — Ты где служишь, животное?

Груня повел себя неадекватно. Он устал от службы, и радовался жизни только под дурью.

— Корабль в море ходит, товарищ капитан первого ранга, — лучезарно доложил он, капая краской на прогар.

Ольховский задохся от унижения.

Единственным итогом он сумел конвульсивно родить приказ «В трюмах сгноить гниду!», что на бутафорском корабле следует понимать скорее фигурально.

Ольховский же повернулся на каблуках так, что фуражка смазалась козырьком вбок, не успев за вращением головы, и проследовал высказать негодование старпому.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — спросил он, стравив пары.

— Знаю, — флегматично кивнул Колчак.

— Ну?

— Тебе в подробностях? Выстроить команду на баке, вызвать вооруженный караул и под горн повесить его на рее.

— Почти телепатия... Но на самом деле я мечтаю о другом...

— Все мечтают о другом, хм.

— В последние годы я понял, почему матросня в восемнадцатом году переколола в Кронштадте всех офицеров.

— С-с-сволочня потому что.

— Озверели-с, вашбродь. Развал, воровство, безнадега, безделье — и все можно. Ничего не напоминает?

— Есть предложения?

— Почти есть... — зло прищурился Ольховский.

— Гонять как сук и держать в ежовых рукавицах!

— Ежики для рукавиц кончились, господин старший помощник. Что ты с этим Груней сделаешь?

Нету у военкоматов для тебя других матросов! Губа? Дисбат? ЧП нам первым не нужно, и он это лучше тебя понимает. Списать? А пришлют лучшего?..

Колчак в этот день был также не в духе, но уже по совершенно другой причине, характера сугубо личного. Он получил официальный ответ от начальника КЭЧ, что квартиры ему в ближайшем полугодии выделить не смогут, следовательно, поскольку на съемное жилье казенных денег и близко не хватало, а своих тем более, семья продолжала куковать в Севастополе. Ему предстояло вечером звонить туда и сообщать эту новость жене.

— Да, — сказал он, — примерно вот так революция и происходила. Грохнуть раз главным калибром по штабу флота — и мгновенно найдутся квартиры для всех желающих. Кстати о грохнуть... в смысле о квартирах. Пошли чего покажу.

Он увлек Ольховского на палубу. Отчужденной прямой пройдя сквозь бессмысленное движение туристов, зацепились взглядом за приоткрытую дверь рубки — на ручке покачивался разъявленный замок.

В рубке они застигли фигуру в белесой застиранной робе, акробатическим пируэтом отлетевшую от штурвала и еще в воздухе пытающуюся принять стойку «смирно». Когда смазанное изображение зафиксировалось стуком каблуков о палубу, оно оказалось матросом Габисония. Матрос состоял из вытаращенных глаз и икоты.

— Блядь!! — завопил Ольховский.

— Й-я!! товарищ капитан первого ранга! — выкрикнул Саша от испуга и старательности на той же громкости.

— Ты что здесь... аэробикой занимаешься?!

— Никак нет!

— А чем?!

Саша дернул щекой, покраснел и запыхтел.

— Рукоблудствовал, — недобрым голосом предположил старпом.

— Я... у штурвала... стоял просто... — пробормотал Саша.

— Зачем?! Что?!

— Я... так... как бы... мечтал... — теперь для передачи Сашиного голоса пришлось бы прибегнуть к самым маленьким, неразличимым буквам. — Виноват, товарищ капитан первого ранга... не повторится!..

— Кто ключ дал? Спер? Мечтатель. Пять нарядов! А теперь пошел вон, — с отвращением сказал Ольховский, и гаснущее видение дробью чиркнуло по трапу.

— У штурвала он мечтает... — хмыкнул Колчак. — Мало занят, значит.

Ольховский расслабил тело в адмиральском кресле и бездумно вперился по курсу в неизменную набережную за длинным отблеском серой воды.

— Петр Ильич, ты музыку любишь? — спросил Колчак.

— Нам и без музыки дерьма хватает. А что?

— А просто, — вот тот особнячок прямо по курсу купил Ростропович с Вишневской... тот синий, трехэтажный.

— Весь?

— Весь.

— Уважаю виолончелистов, — сказал Ольховский. — Ты это и хотел показать?

— Тут я знаешь что подумал? Мы могли бы организовать товарищество с ограниченной ответственностью «Выстрел Авроры». Хорошие бабки гребли бы.

— Это как?

— Ну, скажем, богатый новый русский за двести тысяч может из бакового орудия засадить один снаряд по городу. По памятникам архитектуры нельзя. Точность попадания мы обеспечиваем. Боеприпасы наши. Из двухсот тысяч мы рассчитываемся с городом за убытки, а разницу — себе. Налоги, конечно.

— У меня тоже мысль одна была, — сказал Ольховский. — Привести корабль в порядок и катать но-

вых русских по Неве — за очень большие деньги. Сразу модно станет. Ресторан, казино, в охране матросы в пулеметных лентах. А потом подумал — нельзя.

— Почему?

— Утопить кого-нибудь захочется, швырнут матросики банкира за борт с колосниками на шее, потом копоты не оберешься, слухи пойдут, расследование, а...

Полистали мысленные картины.

— О чем я думал, когда командовал «Москвой»? — пожал плечами Колчак. — Ведь мог поднять самолеты, разнести эту самостийную раду, спровоцировал бы заваруху, а обратного хода уже нет, — и был бы Севастополь наш.

— А ты бы где был?

— Застрелился, — рассудительно ответил Колчак. — Так хоть человеком бы побыл! А это что — жизнь? Твою мать, Петька, когда же просвет. Ты не обращал внимание: сейчас спивается масса народа старше сорока, вот что интересно. В молодости гулял, квасил, все ничего, жизнь так или иначе состоялась, — и вдруг на склоне лет и карьеры без стакана день прожить не может. Почему бы? А глухо, как в трюме.

— Ты Саблина помнишь с его сторожевиком?

— Долбак твой Саблин! Тоже, второй лейтенант Шмидт. Через всю Балтику, против флота, когда все гайки закручены — на что он рассчитывал? Хочешь уйти — захвати малый торпедный и дуй к тому берегу. Хочешь мир известить — рви зигзагом на радио в Стокгольм. Не можешь выстроить операцию — не офицер! Типичный русский бунт — пример бессмысленности.

— Достало, значит.

Они посмотрели друг на друга, помолчали и засмеялись.

— Машину не наладишь, — сказал Колчак.

— Налажу. Нам хватит оборотов сорок на один вал для малого хода.

— Котлы не соберешь.
— Соберу. Дизель форсирую.
— Штанги срезать?
— Тоже, проблема.
— А как ты с постамента поднимешься?
— Дождусь нагонной воды. А вообще — понтон, с правого борта — кольца, и полотенца под днище. У нас шесть тысяч тонн — подумаешь.

— Где ты возьмешь понтон? — Колчак провел пальцами по нижней кромке смотровой прорези и внимательно осмотрел их, проверяя чистоту. Неужного ответа ждать не следовало, потому что достать можно что угодно, и он знал это не хуже командира.

6.

— На флаг и гюйс — смир-рна! Флаг и гюйс — поднять!

Вползли и впечатались в сизые тучи трехцветный государственный флаг и небесным крестом по горному снегу — андреевский.

Бросили руки от козырьков офицеры, но команды «вольно» не последовало: врос и тянулся матросский крошечный строй, подавая уставную выправку со снисходительной небрежностью служак.

— Слушай приказ! Принято решение вновь превратить «Аврору» в активную плаведницу, вернуть ей статус действующей учебной базы флота. Объявляю переход на новый распорядок. С этого момента корабль переводится в режим подготовки к бою-походу. Машинной и трюмной командам: привести механизмы в готовность для подачи оборотов на гребные валы. Топливные цистерны проверить и подготовить к приему топлива. Командиру БЧ-5 — выделить людей для переборки рулевой машины, обеспечить передачу усилия со штурвала на баллерс руля. Начарту — орудия главного калибра в рабочее

состояние! Всем командирам боевых частей и старшим команд подать план и перечень необходимых работ к семнадцати ноль-ноль. Поздравляю экипаж с переходом на боевой корабль!

Затянувшаяся пауза имела тональность стога, где более изумления и мрачных предвидений, нежели восторга.

— Ответ не слы-шу!

Выдержав отмеренные две с половиной секунды выдоха, ответ прозвучал с революционным разнобоем: если одни нестройно оторвали:

— Служим Отечеству! —

то другие покрыли святые слова казенным гарканьем:

— Ура! Ура! Ура!

Суммарный эффект клича получился какой-то невнятно-угрожающий. Так, вероятно, роптали на митинге стрельцы.

В течение всей процедуры Ольховский слышал свой голос со стороны, в метре правее и выше головы, которая была пустой и гулкой; он помнил такое за собой, когда девятиклассником выпил первый стакан водки.

— Вольно! Разойтись по заведованиям.

В десять пришел Иванов-Седьмой и, потрясенный новостью, немедленно уединился над заветной папкой. Объявленное начинание породило в нем такой богатый урожай мыслей, что черные каллиграфические буквы клонились и спешили, как матросский строй по команде: «Не в ногу — бегом марш!»

«Трудно даже описать энтузиазм, с которым встретил экипаж приказ командира, — писал он. — Наконец-то наша служба обрела подлинный смысл. Мы ощутили себя единой семьей, спаянной великим общим замыслом — дать новую жизнь историческому крейсеру „Аврора“.

Эхо Октябрьского выстрела еще живет в грозных обводах корабля. И вот это эхо наполнилось сегодняшним звучанием. Мы еще повоюем, черт возьми!

Мы еще покажем всем, кто поспешил похоронить великие идеалы Свободы, Равенства и Братства, что есть порох в пороховницах и огонь в сердцах!

Память об историческом выстреле согревает нас. Кто знает — История совершила диалектический виток, и не суждено ли нам повторить свою великую миссию!

А пока надо все силы отдать подготовке корабля. Куда мы пойдём? Видимо, говорить об этом ещё рано. Но каждый знает, где находится причина всех бед нашей многострадальной Родины. Как пелось в священном старом гимне: „Добьемся мы освобождения своею собственной рукой!“ И ещё одна цитата приходит на ум: „Трепещите, тираны!“

Задача потребует напряжения всех усилий. Но мы знаем, что весь Балтийский флот мысленно с нами! И не сомневаемся в оказании нашему кораблю всемерной помощи от товарищей по оружию и вышестоящих инстанций.

Так и хочется воскликнуть: „Братья, помощь близка!“

Офицеры корабля словно помолодели. Лица матросов полны молодым задором. Недаром говорится: „Русскому матросу все по плечу!“

Несомненно, новый распорядок будет способствовать прекращению пьянства и нарушениям дисциплины на корабле. Великие задачи объединяют людей!

Теперь каждый из нас мечтает только об одном: чтобы именно ему была доверена великая честь произвести знаменательный выстрел из бакового орудия!

Делая эти записи, я заметил, что у меня поднялась температура и начала кружиться голова. Думаю, что это сейчас можно сказать о каждом».

Вопреки последнему предположению легковозбудимого директора музея, пустое гудение в голове у Ольховского прекратилось, и он не мог согреть ледяные пальцы. В реальный мир его вернули слова Колчака, вошедшего без стука и швырнувшего фуражку через всю каюту на диван:

— Чего сидишь? Теперь поздно сидеть, гудок дан. Хорошо бы особиста утопить, командир.

— Что-о?

— То. Нечего кому не надо знать о наших делах. Раньше времени, по крайней мере.

— Ерунда, — отмахнулся Ольховский.

— Ого?

— А его эти вещи не касаются. Его касается идеологическое состояние команды и отсутствие должностных преступлений. А мы работаем над материальной частью. Ни воровства, ни политических лозунгов — напротив, сами все доставать будем. На хрена ему себя затруднять?

— А чуть любая проверка?

— А что они будут проверять? Наличие экипажа и порядок в помещениях? Сколько влезет. Они что, в рулевое полезут?

— А если?

— Э. Инициатива снизу.

— За инициативу снизу стержень и вставляют... снизу. Зачем, почему?

— Пионеров катать будем. По Неве. За деньги.

— Каких пионеров?! Бредишь своим детством?

— Тогда депутатов. Да брось ты — первый год на флоте, Палыч? Никого ничто не колышет. Выпьем и отбредаемся!

— Узнаю любимый флот, — вздохнул Колчак. — Сначала делаем, потом думаем — когда уже тонем. Ты что, не понимаешь, что через неделю, максимум, все всё будут знать?

— Откуда?

— От верблюда. Из воздуха. Не знаю откуда, но только через несколько дней всегда все всё знают, вот так флот устроен. И тогда плакала твоя Москва, в Мордовию по этапу пойдешь.

— Легенду пустим. Мечтаем пойти в Лондон с визитом дружбы.

— Крыша у тебя съехала на этом Лондоне! Ты мне напоминаешь сейчас чеховских сестер, которые

рвутся: «В Москву, в Москву!» — а сами дуры дурами... прости ради Бога.

— Между чеховской сестрой со слезами и крейсером первого ранга с шестидюймовками есть маленькая разница. Но в чем ты прав, конечно, — подсуетиться надо, чтоб не успели нас прихватить и стопорнуть.

— Так что — поднимаемся привычным хозспособом?

7.

«Строительство хозспособом» развратило вооруженные силы давно и до крайности. В основе его лежало благое намерение, которыми вымощены у нас все дороги: направить воровскую смекалку в полезное русло, на решение нужных армии и флоту задач. Неудержимую склонность пристраивать все, что плохо лежит, задумано было использовать как созидательную силу. Этим остроумным ходом предполагалось безостановочно убивать по два зайца сразу: как бы покончить с воровством путем придания ему легального и даже похвального статуса, ибо все другие пути мгновенно впадают в традиционное российское бездорожье — и одновременно тем самым получать то, что нужно, если получать это неоткуда.

По преданию, Петр I, стремившийся привести в порядок и стройное подчинение всю деятельность в стране, озверел от повального воровства и однажды поделился с Меншиковым мыслью подписать нехитрый и эффективный высочайший указ: кто украдет что-либо стоимостью дороже веревки — да будет повешен на этой самой веревке. Меншиков был министром отменно проворным во многих смыслах — отчего посвящение его в план кампании первым носило угрожающий характер. Ответ Меншикова история для нас сохранила. «Мин херц, — сочувственно отвечал он, — останешься без единого подданного».

Оценив перспективу и затруднившись в поисках веских контраргументов, Петр обломал об спину оппонента трость, и с тем кампания завершилась. В очередной раз русский народ был спасен от геноцида со стороны властей. Поскольку любимой цитатой нынешних поколений из всей мировой поэзии стала бессчетно повторяемая «но воруги мне милей, чем кровопийцы» — достойно удивления, что ни в Петербурге, ни в этом нашем Меншиковбурге — Москве, ни даже в Березове нет до сих пор памятника Меншикову, бизнесмену и гуманисту; было бы как нельзя более уместно и своевременно исправить сейчас это историческое упущение.

«Хозспособ» заключался в том, что командир вел строительство (ремонт, переоборудование) силами подчиненных во время и вместо службы, а нужные материалы и все на свете где мог крал, кланчил, выменивал и одалживал — короче, «доставал». Начфин вел бухгалтерию, по которой все добытое значилось приобретенным в кредит. Годовой отчет подбивал баланс этим подвигам Геракла. А уже в новом году финуправление округа или флота гасило расторопной части показанные ею затраты в той или иной мере. То есть: ты сначала вынь да положи! — а потом я погляжу, как ты умеешь выполнять приказ, и покрою тебе расходы насколько смогу и захочу. Крутитесь товарищ командир! И крутились: тридцать два фуэте по сравнению с этим — переход улицы паралитиком после двойной дозы снотворного.

Командир воспитывался в духе сметливости и инициативы. Требовалось мочь все, не прося ничего. Манна небесная в паек не включалась. Сверху не сыпалось ничего, кроме выговоров и мата. Мудрость гласила: «Делай что хочешь, пока тебе не запретили». Шевелись, рыбий корм!

Получив своего рода духовного пинка, народ слегка выпал из духовной спячки и зашевелился. Выпадение из спячки обычно сопряжено с открытиями, некоторые из которых бывают приятными. Первым

открытием явилось, что рулевая система находится в состоянии хотя нерабочем, но поддающемся наладке.

Старшина трюмных Сидорович влез вниз в румпельное отделение и убедился, что сама рулевая машина цела. От недостатка витаминов и плохого освещения у него в последний год развилась близорукость, и теперь он выудил из кармана робы очки и пристроил на кривоватый нос: очки преобразили старшину трюмных в маскарадного интеллигента. Этими очками он повел во всех направлениях и обнаружил, что электромотор покоится на предназначенном ему месте, но передаточные тяги в приводах отсутствуют. Сидорович покивал сам себе и отправился к боцману.

Квадратный Кондрат кружил, как привязанный, вокруг шпилевой машины, одной рукой он грозил злым силам, а другой держался за сердце.

— Товарищ мичман, — вкрадчиво приступил Сидорович, — цепи надо организовать.

Жизнь порядочного боцмана — это одно сплошное страдание: Гобсек по сравнению с ним — безудержный транжира и мот.

— Еще чего, — болезненно возмутился Кондрат. — Какие и зачем? Цепи им.

— А в тех шпилевых, которые при музее. Они ж настоящие, а лежат все равно только для бутафории.

— Что значит — для бутафории?! Ты те цепи красил? Ты их лачил? Якорь-цепи ему подавай... вздумал!

— Якорей у вас четыре, а руль у нас один.

— И что? Мало тебе?

— Мы их пропустим через ходы тяг, подсоединим.

— Вот пусть старпом прикажет — тогда подумаю.

Сидорович поскакал к Колчаку выплакивать свои потребности.

Колчак двумя пальцами, как таракана, снял с него очки и брезгливо протянул:

— А электропривод?

- Провода от динамо протянем, это пустяки.
- Хм. Пустяки. А гидроусилители ты смотрел?
- Так точно.
- Ну и!

— Нормально. Уплотнители сами сделаем. Хорошо бы только стеола, ну, или тормозной жидкости достать. Зальем и попробуем.

— Сколько?

— Литров пятьдесят... товарищ капитан первого ранга.

— Подумаю. Надо — будет. Цепи бери. Под мой приказ. И давай — крутись, крутись!

Гидравлическую жидкость посреди города взять негде. Обращаться в базу флота было нельзя — любая утечка информации, любые вопросы и подозрения могут сорвать замысел. Портовые мастерские? — то же самое. Колчак стал думать. Примечательно, что думал он о чем угодно, но мысль о покупке тормозной жидкости в автомагазине сразу осталась за скобками: самый прямой и короткий путь к цели всегда прегражден отсутствием денег. Он принялся крутить телефон платной справки:

— Девушка, из Главного управления Балтфлота беспокоят! — Наглое представление — это рефлекс: для улучшения связи, чтоб не отфутболила тебя девушка побыстрее, у нее от телефонных голосов вавилонское столпотворение под черепной крышкой, профессиональное заболевание телефонных диспетчеров — шизофрения, голоса начинают будить ночью и подстрекать на глупости. — Телефоны автобусных предприятий дайте, пожалуйста. А штуки три, что там к центру поближе.

По директору автопарка вместе с его хозяйством эпоха прошла рашпилем. Потерт был его коричневый костюм старого хозяйственника, обшарпан полированный некогда стол, выбита до бурого корда переставшая быть ковровой дорожка, ворс которой при старом порядке торчал так начальственно и багрово. Пейзаж в оконном проеме гармонировал

с интерьером: раздрызганные и просевшие на рессорах «Икарусы» заполняли половину огромного двора, бугристый асфальт в нефтяных пятнах отваливался пластами и ржавые остовы подпирали валяющийся бетонный забор. Картина могла разжалобить реформатора и устыдить сборщика налогов.

— Ну что вы, друг дорогой, — печально сказал директор, — где же я вам возьму бочку тормозной жидкости. Мы и так еле шестьдесят процентов машин на маршруты выпускаем.

— Сто литров, — снизил требования Колчак, умножая теперь нужное количество всего на два (а пробы? а утечки?).

Директор вялой улыбкой уравнивал сто, двести, один и тысячу как величины мнимые и отсутствующие в природе.

— Вы ленинградец? — спросил Колчак. — Петербуржец? — И, немного презирая себя, подпустил фанфарной меди насчет чести города.

— Да, о да, конечно: чести у нас полные штаны, потому и денег нет.

— Но я же у вас не задаром прошу!

Старший помощник перешел к привычному и понятному торгу.

— Я вам могу со своей стороны дать пять человек на мм... скажем, на три дня для разных работ. Квалифицированные специалисты! Совершенно бесплатно.

— Представляю ваших специалистов. Нажрутса и потащат все, что отвинчивается. Что я, матросов не видел. Тут свои люди без работы сидят, что вы.

— Даже обидно слышать...

— Чего ж обижаться. А солярки у вас нет? За пару тонн договорились бы. Помогите и вы городскому транспорту, а?

— Откуда ж солярка... товарищ директор... А вот могу дать сурика! Кузова суричить — по железу под грунт, это же краска вечно держать будет.

— Допустим, — осторожно отозвался директор. — А сколько?

— Килограммов сорок. А? Ну — отрываю от себя: сто. Кило за кило, добро?

— А еще что у вас есть? Резины-то нет, конечно?

— Посмотреть надо, — веско ответил Колчак, пытаясь припомнить, какие именно покрышки служат «Авроре» кранцами и насколько они вовсе лысые. — А вот еще искусственная кожа — на сиденья, а? У вас ведь вечно сиденья режут!

— Это какая? А цвет? В рулонах?

Рулон валялся у Кондрата в брезентовой кладовой, спертый в доке неизвестно кем еще во времена капремонта. Применения ему до сих пор не придумали.

Обмен совершился, и назавтра Колчак привез на «газели» симпатичный алюминиевый столитровый бочонок тормозной жидкости.

— Сидоровича ко мне!

Сидорович приполз влажный и помятый после растаскивания цепей.

— Держи. И — чтоб хватило!

Не успели скантовать бочку с палубы вниз — над ней насадкой вырос доктор Оленев, против обыкновения аккуратно застегнутый на все пуговицы по мягкому животику.

— Братцы! — проникновенно воззвал он с какой-то старорежимной отеческой заботливостью. — Всех предупреждаю — пить это нельзя! Понимаете? — нельзя! Полстакана — это слепота, отравление, отказ почек, смерть. Не вздумайте фильтровать через противогазную коробку — не помогает.

— Да ну за кого вы нас принимаете, товарищ старший лейтенант.

— Я вас принимаю за тех, кто вы есть. Христом-Богом молю — вата, марганцовка, сверло на больших оборотах и все эти прочие глупости и народные средства — не применять, все равно не поможет.

— А что поможет?..

— Я тебе покажу «что поможет»! Уж лучше шарашь сразу коктейль «Т-80» — стакан холодной во-

ды и молотком по голове. Пре-ду-пре-ждаю: отравленных лечить не буду, будут подыхать так.

— Оленев, — спросил Колчак, — а ты не можешь сразу добавить туда чего-нибудь ядовитого, чтоб исключить полностью применение внутрь?

— Чего? Только цианистого калия, так он в комплект корабельной аптеки не входит.

— Ну... зеленки...

— Зеленка на семидесятиградусном спирте, наши драконы ее очищают и пьют спокойно!..

— А что не пьют?

— Что не пьют, то грызут. Нюхают и колют. Сволочи.

8.

Всеобщее шевеление на корабле приобретало ту бодрость, которая сообщается людям с началом работ: глаза боятся — руки делают. За работой начал ощущаться некий еще неясный смысл — предвестие того знания конечной цели, следующего из сложения всех мелочей и возникающего как бы неизвестно откуда, которое есть дух и суть действия и являет себя неизбежно, о чем и предупреждал Ольховского Колчак. Любая секретность — утаивание шила в мешке, и чем позже ты обнаружишь в этом мешке себя самого, тем сильнее уколешься.

Испытанный Ольховским укол, вернее даже два укола, исказили его представление о реальности и ввергли в мистику. Необъяснимым феноменом было возникновение ударного механизма в баковом оружии и топлива в левой носовой цистерне. Объяснить это никто ему не сумел. Запахло высшими силами, паранормальными явлениями, материализацией воли и победой чуда над рассудком. Так сокрушается материалистическое мировоззрение. Похоже, кто-то там в астральных сферах брал на себя всю ответственность. Рука провидения дружески обнимала его

за плечи и подпихивала по избранному пути. Он гипнотизировал и буравил зеркало, пока оно не уверило в потустороннем уверенном блеске глаз. Происходило осознание миссии и рождение вождя. (Рассудок конвульсивно сопротивлялся: хотелось выпить и одновременно хотелось сунуть голову под холодную воду, то есть протрезветь двумя противоположными способами сразу. Однако это помогло слабо: успокоило, но ничего не изменило.)

Если человек не может смириться с каким-то явлением внутри себя, он начинает бороться с аналогичным явлением снаружи: не сознание исправить, так хоть бытие, авось одно в другом отразится. И если поступки удаются, то (практика критерий истины) сознание постепенно уверяется, что с ним все в порядке. Оно очищается от сомнений, выбрасывая их наружу, вымещая вон и там разрешая в практическом порядке.

Испытывая потребность борьбы с любыми психическими ненормальностями, Ольховский вызвал доктора. Сестрь не предложил. Старшему лейтенанту медицинской службы Оленеву был дан боевой приказ излечить от наркомании матроса Принсипа. Такую фамилию влачил по жизни наряду с прочими своими глупостями и несчастьями Груня.

— Месяц сроку тебе! Больше времени нет! А то... разьелся!..

Оленев подивился неподдельной страсти приказа и вышел в коридор строевым шагом, больно ударившись ногой о комингс.

Груня отнесся к очередной напасти равнодушно: хрен с ними, пусть, работа у них такая. Но Оленев, которому была обещана аттестация по результатам эксперимента, въехал в задачу плотно.

Он отдраил иллюминатор, заварил чай, закинул ноги на стол и перелистал учебник наркологии. Теория не порадовала, а практика представилась просто беспросветной. Он плюнул в иллюминатор, поковырял в носу, втянул перед зеркалом живот, постучал

ребром ладони о спинку кресла и, исчерпав все средства, разразился негодующим:

— Да что я им, Бехтерев, что ли!

Опрокинул чай и, промакивая стремительную лужу на столе пухлой газетой объявлений, автоматически зафиксировал взгляд на ее названии. Газета называлась «Шанс», и купил ее доктор две недели назад в надежде обнаружить новый, эффективный и недорогой сжигатель жира. В нарочито-школьных завитках водянистых красных букв, вчетвером скомбинированных в слово «шанс», было что-то мошенническое.

Доктор поцокал языком чему-то удачному в памяти и стал разъединять страницы, слипшиеся в кашу и расползающиеся. На втором развороте открылась реклама «Центра доктора Калашникова», который, были в городе такие слухи, вроде и вправду возвращал в строй нарков и алкашей удачнее всех прочих.

Сдать Груню на курс лечения в клинику доктора медицинских наук и профессора Калашникова возможным не представлялось. Во-первых, случай был сравнительно легкий, не смертельный, да и Груня не брат родной, и тыкаться туда с этим было неловко. Во-вторых, и этого было достаточно, центр брал за свои услуги деньги, пусть смешные по мировым расценкам, но ни по каким расценкам ВМФ не в состоянии лечить прибабахи своего контингента — только средствами военно-морской медицины или же в порядке благотворительности.

Замысел потащил его, как рвущая поводок собака. Телефонный номер был занят, прорвался он попытки с двадцатой.

— Приемная профессора Калашникова, — ответил женский голос, соответствующий представлению о сестре именно милосердия.

— Это вас беспокоят из медицинского управления Военно-Морского флота, — представился Оленев, осаживая голос на нижний, басовый регистр. —

Здравствуйтесь, коллеги. Могу ли я поговорить с профессором?

— Профессор сейчас занят. Подождите, пожалуйста...

Через час он входил в подъезд напротив узкого темнокирпичного костела в Ковенском переулке. О демократичном подходе к клиентам можно было сделать вывод по разномастности плотно припаркованных машин, где трогательная в своей аккуратненькой бедности пластмассовая «Ока» лепилась к огромному квадратному «Хаммеру», как ягненок к тиранозавру во время райского (или наркотического, чем не одно и то же) перемирия. Клиника занимала половину первого этажа и была снабжена закамуфлированной под нежное дерево мощнейшей бронированной дверью, мало уступавшей люку боевой рубки «Авроры».

Увидев Калашникова, Оленев понял, почему не был до конца убежден в собственном медицинском призвании. Профессор обладал тем, чему нельзя научиться: способностью поднимать настроение самим своим присутствием. Бывают такие врачи: посмотришь — и сразу легче, вроде не так все и плохо. От высокой фигуры, худого ироничного лица, ехидно-добрых глазок исходила энергетика, самонастраивающаяся в унисон дергам пациента и гасящая их со спокойствием; что-то в этом было от подкачки колеса или анестезии веселящим газом.

Калашников опустил в кабинете жалюзи и придвинул гостю жестянку тонких голландских сигар.

— В общем, извините, я насвистел насчет «управления флота», — начал Оленев и, поощряемый кивками, изложил свою проблему.

— Элементарно, — подытожил веселым баритоном Калашников с тем видом, что жизнь смешна, легка и хороша. — Мой метод опубликован, так что секрета из нашего лечения мы не делаем. Для наглядности приглашаю вас, как коллегу, перед которым встала та же задача, присутствовать при процедуре.

Через полчаса удивленный простотой методики Оленев почувствовал себя в положении зрителя, которому фокусник раскрыл секрет распиливания ассистентки пополам.

— И каков процент... успеха?

— Как всегда — зависит от многого. Но в общем — намного выше пятидесяти. До восьмидесяти-восьмидесяти пяти, я бы не побоялся сказать.

Оленеву неудобно было спросить, почему же так не лечат все — при столь небывалом проценте выздоровлений. Ответ он получил и без вопроса:

— Здесь очень много и главное зависит от личности врача. А кроме того, на устаревших и неэффективных, но общепринятых методиках люди делают карьеры и деньги: посты, звания, поездки. Кто ж распишется в том, что конкурент лучше лечит. Как везде, все обычно.

— А... одну ампулу... можно у вас купить?

— Простите, но — соблюдение закона от нас требуется скрупулезнейшее. Сами понимаете, с кем мы работаем и чем это пахнет...

Ясное дело. От школьников и путан до банкиров и бандитских авторитетов. И никогда не знаешь, кто стукнет. В сущности, Оленев ему не знаком.

— Лицензии и вообще официального права на эти вещи у вас нет. Поэтому я даже не даю вам совета, заметьте. Но дружески и как с коллегой могу поделиться информацией. Кетамин может быть у гинекологов и ветеринаров, у них это обычное средство. В аптеке вам не продадут, даже если найдете.

Наутро Оленев освободил Груню от работ и запер в изоляторе. Загнал в душ и выдал лазаретную пижаму. Завтрак и обед ему принес вестовой. Груне было приказано лежать в койке и читать книгу Поля де Крюи «Борьба с безумием». Сигарет его лишили. Все это входило в предварительную психологическую подготовку — чтоб проникся серьезностью предстоящего и задумался. У психологически не готового жлоба эффекта может не быть, предупредил

профессор. А как еще готовить — Оленев не знал, тут он действовал по разумению и наитию.

В семнадцать ноль-ноль он приступил. Для полной безопасности и нагнетания обстановки он добросовестно измерил Груне давление и посчитал пульс. Груня был здоров, как лошадь, на которой можно возить воду, если давать иногда лошади подкурить. Он лежал и с чуть тревожным интересом ожидал продолжения, отвлекая себя речью в защиту травки, которая во многих странах вообще разрешена и кроме пользы ничего не приносит.

— Помолчи, — приказал Оленев и отломил головку ампулы. Прищурил глаз и втянул в шприц полкубика. Он волновался.

— Это что? — спросил Груня, кося глазом.

— Прекра-асный препарат... — с ласковостью вивисектора прокомментировал Оленев, аккуратно попадая иглой в локтевую вену и медленно, с паузами подавая поршень. Груня следил с любопытством.

— Ого! — сказал он. — Приход на кончике иглы, доктор.

Больше он ничего не говорил, потому что в теле обнаружилось тихое и вибрирующее моторное гудение, стена изолятора оказалась дальше и выше, лицо Оленева прорисовалось необыкновенно четко и нависло по дуге, как торшер, а его ладонь, приятно теплая, легла ему на лицо, закрыв глаза, и он не столько услышал, сколько понял голос:

— Закрой глаза и лежи спокойно.

Тело Груни перестало быть, и бесплотная субстанция, которая была им, оставаясь на месте, но чуть выше топчана, приняла легкое движение вперед ногами и несколько вверх. Движение нельзя было назвать полетом — это было просто перемещение в неоощуемом пространстве.

Призрак изолятора в тающей памяти округло раздвигался, как бесконечно надуваемый мыльный пузырь, эта округлость удлинилась косо вверх бесконечным тоннелем, плавная поверхность которого под-

свечивалась мрачноватым фиолетовым светом, в котором было что-то от камзола средневекового рыцаря, и была фасетчатой, как чешуя кедровой шишки. В конце тоннеля обещало себя косматое бело-синее сияние космических солнц. Летящее восхождение по тоннелю было незаметно-медленным, но сияние приближалось непостижимо быстро, и по исчезновении тоннеля Груня начал рассеиваться, как облачко, в не имеющем пределов просторе. Простор представлял собой необыкновенной красоты синий тысячекилометровый водопад, в котором было нечто общее со сказочным и гигантским готическим замком. Это вселяло необыкновенный восторг и подъем.

В это время в изоляторе Оленев над ним напряженно орал:

— Ты летишь в небе! Ты паришь! Тебе хорошо! Легко! — В первую очередь он старался своими словами убедить себя самого, и чтоб это убеждение перетекло из его живота, груди и головы через руки в пациента. — Чудесно! Тебе никогда не было так хорошо!

Груня пребывал в блаженстве сотни лет. Это было всемогущее блаженство. Он вел серебряный звездолет через туманность Андромеды и был им и одновременно его командиром.

— Точка! — криком артиллерийского корректировщика надсаживался Оленев. — Появилась черная точка! Ты пытаешься отвернуть, но не можешь! Она закрыла полнеба! Это дурь! трава! анаша! конопля! Ты врезаешься в нее, это муки, ты умираешь!!!

У Груни перехватило дыхание от ужаса. Стремительное падение продолжалось вечность. Черная точка росла внизу, она распадалась на отдельные квадратики и сегменты, которые в приближении оказались буро-красными, как кровь или как кирпич, а границы между ними — черными. Ядро этой бывшей точки обросло зубчатой стеной с острыми башнями, игольчатые шпильки угрожали пятиконечными красными звездами, и золотой двуглавый орел, блестя-

щий, как инструмент хирурга и палача, терзал ему печень.

В экстазе отчаяния Груня рванул шнур бакового орудия, Кремль взорвался и похоронил его под невыносимо давящим курганом обломков.

Он еле слышно простонал.

Оленев в энтузиазме удвоил усилия.

— Стоп! Все! Ты дышишь! Ты летишь! Хорошо, великолепно! Это продолжается тысячи лет! И ты начинаешь падать!!!

Сеанс продолжался в течение семи оборотов секундной стрелки на циферблате в белой переборке изолятора. Цикл вечности и смерти повторился четырежды. При последнем добрый доктор, вскрывший его беззащитное подсознание этой «сывороткой правды», беспощадным внушением всаживал в него счастье наслаждаться жизнью на «Авроре» и ужас нескончаемых адских мук при любом контакте с анашой.

Эта Грунина «Аврора» была отпрессована из сто-долларовых бумажек и укомплектована экипажем обнаженных плейбоевских красавиц. Кремль был тоже отпрессован, но уже из плохой анаши, как брикет пайковой гречневой каши. Остроконечный нос крейсера сминался и портился об крепостную стену, и задача состояла в том, чтобы успеть прострелить в ней проход по курсу движения, пока стены не сомкнулись над ним саркофагом, огромным и тяжким в своей вечности, как пирамида Хеопса.

Сверившись с часами и вздохнув, Оленев командовал голосом командира расстрельного взвода, одним решительным и милосердным ударом рубящего хвост жизни приговоренному:

— Все! Ничего не помнишь! Ни-че-го не помнишь!.. Проснулся! Проснулся.

Выдохнув и стерев пот, он внимательно смотрел, как пациент медленно открывает глаза. Груню плавно увлекло боковое вращение, воздух вокруг него имел форму горизонтально расположенной трубы и ускользающе поворачивался против часовой стрелки.

— Будет сначала немного кружиться голова, но это пройдет, — пообещал Оленев то, что пообещали ему на консультации.

Когда через пятнадцать минут, переоблачившись в робу, Груня наклонился зашнуровать прогары, его немного замутило. Он покинул изолятор вежливо и независимо, но в коридоре шатнулся.

Оленев же, под впечатлением от себя, заварил чай, но пить не стал, подпершись рукой в позе раздумчивости. Раздумчивость носила двоякий характер: личный и общественный.

С точки зрения общественной — можно ведь всему личному составу ВМФ проводить такую медикаментозно-комбинированную психотерапию с целью внушения абсолютной дисциплины, рвения, запретов на самоходы, счастья выполнять приказ и так далее. Последствия виделись неисчислимы: идеальные матросы без страха и упрека под управлением идеальных офицеров, которые счастливы исполнением любого приказа командования. Пахло кандидатской, докторской, кафедрой в академии и местом заместителя начальника Главного медицинского управления флота. Да что флот — всю Россию можно так обеспечить! Не пить! Не курить! Преступлений не совершать! Трудиться! Ничего не просить! И никакой лоботомии — элементарное внедрение в подсознание при снятии кетаминем всяких защитных заслонок с него. Боже... как просто! и доступно.

— Суки, — с тяжелой ненавистью проговорил Оленев. — Это ведь надо до чего додумались! Хрен вам всем! Мы еще повоюем, бля! Вам ведь только в руки чего дай!..

Но перспективы личного характера были прекрасны. Внушение безграничного доверия и любви к себе красивым девушкам, банкирам и политическому руководству страны. Миллионы и слава.

И тут его полоснула мысль, несерьезная в силу своей исчезающе малой вероятности, но очень уж жуткая в принципе.

Он побежал во второй кубрик. Груня сидел на рундуке и глубоко дышал, прислушиваясь к организму. Оленев вернул его в изолятор, усадил и стал расспрашивать:

— Что ты помнишь? Спокойно, внимательно, припомни все и постарайся восстановить очень подробно. Это очень важно.

С момента приближения к вылету из тоннеля и до пробуждения на топчане Груня не помнил решительно ничего. Постаравшись и даже замычав, он выдавил наверх розовато-влажный эмбрион в форме двух сложенных пельменем черепаховых панцирей, которым он какой-то миг был, и еще какую-то толпу красных флагов на берегу реки, непонятно чем и непонятно почему связанных с Кремлем и одновременно с «Авророй». Дальнейшее, как выразился классик, молчанье.

— Что-то не так, доктор?.. — неуверенно спросил он.

— Все так. Свободен! Все отлично, — Оленев шлепнул его по спине, ощутив четки позвоночника под тонкой простиранной тканью.

Но еще полчаса крыша у него была на легком сдвиге. Конечно, все это фантастика, ерунда, бред, но... Если при помощи элементарного кетамина и обычного вышесреднего врача (слово «вышесредний» он мысленно произнес с удовольствием) достигим и даже в подавляющем большинстве случаев гарантирован эффект стойкого внушения, которого человек не помнит... но следует ему... то есть корректируется психика личности в заданном направлении... то... то?.. А что, если это всем и делается? Раз это технически возможно и просто? Если всем внушено выполнение законов, указов и приказов? А нонконформисты — это просто малый процент лечебного брака? И всем внушено забыть о внушении, а только следовать ему? Короче — поголовное зомбирование сегодня — не утопия, а реальность, и с этой реальностью не считаться — глупо.

Он вспомнил детский анекдот про страуса: надпись в зоопарке: «Не пугайте страуса! В клетке бетонный пол!»

— Я вам покажу страуса! — тяжело пообещал он «им» — туда, в неопределенный и объемистый, как облако Саваофа, верх. — Вот кого — огнем и мечом... ну гады.

Он содрал свою же печать с бутылки со спиртом, выпил полстакана, и когда докурил сигарету, все уже прошло.

Во сне его достала следующая кошмарная мысль: если в России все пьют, то?.. Кто же тот ДОКТОР?..

9.

— Без чего корабль не может идти?

— Без всего не может.

— А в первую очередь?

— И в первую очередь без всего не может, и во вторую, — упорствовал Мознаим, с болью думая про обнаруженный мазут и уже раскрытую тайну его появления: как теперь продашь?..

— Без винтов, Виталий! Возражения есть?

— С вами трудно спорить, товарищ капитан первого ранга.

— Доложите ваши соображения.

— Да пара пустых.

— А именно?

— Наше водоизмещение грубо шесть тысяч тонн.

— С тобой тоже трудно спорить.

— А проектная скорость девятнадцать узлов.

— И что из этого следует? — не понял Ольховский.

— А следует из этого то, что с увеличением скорости сопротивление среды и, пропорционально, мощность возрастают в кубической прогрессии.

— И что? Физику я тоже читал.

— С уменьшением скорости в три раза потребная мощность уменьшается в двадцать семь раз. Грубо:

шесть узлов теоретически можно дать на одном котле из двадцати четырех, которые на «Авроре» стояли когда-то. У нас после ремонта сохранились два — для вида. На двух котлах, перебрав их и доведя до сорока процентов проектного давления, мы можем идти на пяти узлах спокойно.

— Ой ли? — усомнился Колчак, не в силах довериться оптимизму столь наивной математики. — Эдак ты докажешь, что мы на веслах можем идти.

Мознаим выкатил грудку. Приятно чувствовать себя умнее и значительнее двух каперангов, один из которых недавно командовал ударным авианосцем; Колчаку нравилось, если в разговоре «Москву» называли именно так.

— Пара сотен римских рабов — и пошли бы на веслах, — заверил он. — Подумаешь, шесть тысяч тонн. Да у «Волго-Донов» пять. А обводы у нас лучше. С их машиной мы б их сделали только так!

— Рабы-то, положим, свои найдутся... а гонки нам не нужны.

— Я и говорю. Нам нужен винт от пятитысячника. И на нем пойдем со свистом.

— А без свиста?

— А без свиста — от трехтысячника тоже хватит, чтоб уж узла-то четыре с половиной выжать. Все-таки ход! Согласны?

— Нет.

— Почему?

— Нам нужны два винта.

— Да зачем нам обязательно два, Петр Ильич?

От вопроса столь непрофессионального Ольховский поморщился.

— Потому что без трех мы обойдемся, — язвительно заверил он. — Все равно силовых установок на три не хватит. А один не дает возможности маневра машинами, на таком ходу в реке одним рулем не обойдешься, еле слушаться будет, ты что, не понимаешь? А на Неве встречное течение будь здоров.

Мознаим посопел и продолжил:

— Ну, подходящих винтов в любом судоремонте полно. Хоть на Адмиралтейском, хоть на Балтийском.

— А лучше всего было бы на николаевских верфях, — вздохнул Колчак. — На Украине все дешевле, договорились бы как нефиг делать.

При слове «Украина» всем представились акации, сало, пыльный теплый вечер и баснословная дешевизна.

— Машина, перевозка, таможня, поборы, — перечислил Мознаим. — Не получается.

— А как ставить будешь?

— Да в тех малявках тонны не будет. На лебедке спустим. А водолазов в портослужбе возьмем.

...На Адмиралтейский командир взял машину. Все-таки унизительно каперангу при форме давиться и трястись в трамвае. На переговоры надо являться, чувствуя себя человеком. Пересекая город в машине, ты отдыхаешь под защитой обособленного микромира, даже застряв в пробке. Общественный транспорт размалывает и заражает чужой усталостью, дорога утомляет хуже дела.

Пропуск ему был выписан. Жестокий прежде режим секретности оборонного предприятия заметно ослаб: когда-то потребовали б допуск с Литейного, хотя и шел он только в административный корпус.

Как человек бывалый, Ольховский не стал по мелочи морочить голову генеральному директору этой махины, сговорившись по телефону о встрече с замом, ведавшим матобеспечением ремонтной базы.

Лысый тонкий человек с нездоровым цветом лица, какой бывает у язвенников, не подавая руки кивнул ему на стул у длинного стола для совещаний. Стол был украшен российским флагом. Солнечные ромбы ползли по просторному кабинету.

— Винты решили ставить на «Аврору», — радостно оповестил Ольховский, задавая глиссирующий темп беседы, чтоб проскочить над неприятными подводными рифами.

— Ну, прекрасно, — ровно откликнулся зам.
— Решили обратиться к вам.
— Какие ставить будете?
— Думаем ста десятью сантиметрами ограничиться.
Шаг ноль три.
— А что так? Не мало ли?
— А хватит. Нам на них мерную милю не ходить.
— Три?
— Два.
— А что так?
— А из скромности.
— Ограничены во всех возможностях?
— Не без того. Время... Вы правильно понимаете.
— Ну хорошо. Заказ от управления снабжения флота у вас есть?

— С заказом пока чуть сложнее, — беззаботно улыбнулся Ольховский, показывая улыбкой, что это — незначительные мелочи. — Хозспособом восстанавливаемся.

— А кто платить будет? Если заказа нет?

— Я вам пишу гарантийное письмо, указываю наш субсчет в банке, печать, все по форме.

— Товарищ командир, дорогой мой, — ласково отмерил сочувствия зам и сказал в трубку секретарше подать кофе. — И что мы получим с вашего субсчета? Вы сами за какой месяц последний зарплату получили? Не могу и не имею права, и не надо меня жалобить. Сами на картотеке сидим.

На этот вариант также имелась домашняя заготовка. Ольховский трагически отодвинул чашку, поданную секретаршей с роскошной косой до попы. Швырнул на стол бумажник, часы и обручальное кольцо — так в драмах швыряли шапку оземь и ставили на ребро последний рубль и на кон — нательный крест. Встал в позу памятника Маяковскому и двинул речь. Он пел и плакал о славе русского флота и часе позора.

Зам твердо и точно вошел в паузу, сделанную для очередного вдоха:

— Тебе в думе или в театре цены не будет. Просто лауреат самодеятельности. Ария Каварадосси. Или Квазимодо? Я всегда путал.

— Бери все, что есть!.. — воззвал Ольховский. — Ну оформи шефскую помощь, будь человеком. Не для себя прошу! Ты сам хоть раз в море ходил? Ты что кончал?

Голос лысого зама был ровен и тих, как полет совы.

— Все — не для себя просят, — сказал он. — А кончал я севастопольский подплав. В семидесятом. Инженер-механик по силовым установкам. Еще вопросы будут?

— Бомбовозы, что ли? — кивнул Ольховский на его бликующий кегельный шар.

— Северодвинск, — кратко подтвердил зам.

— Контур потек?

— Примерно. Правильно мыслишь.

Ольховский мыслил правильно, и именно подобного момента дожидалась в боковом кармане плоская стеклянная фляжка расхожего виски «Джонни Уокер».

— Кап-два?

— Так точно.

— Выпей со мной, кавторанг, — сказал Ольховский и выставил бутылку.

— Сволочи вы все, — откликнулся зам и достал из стенной панели две рюмки, полкоробки конфет и нарезанный лимон. — Со всеми пить — никакой печени не хватит.

— Алкогольная щетка полезна для вывода радиации из организма.

— Моей щеткой уже можно сапоги чистить.

Они выпили и пожаловались друг другу на жизнь — не унижаясь до слов, жестов и взглядов, — а так, через позу и общее выражение лица. Ритуал выпивки успешно заменяет самые душераздирающие монологи.

— Пару винтов отдал бы тебе за так, — сказал зам. — Уж для «Авроры»-то — святое дело. Что

я, не моряк, что ли, или не ленинградец. Не могу, поверь.

— Почему?

— Потому что это бронза. Цветной металл. А он весь на учете.

— Мне тебя учить? «На учете»...

— Ты не понял. Здесь не формальный учет, а по жизни.

— То есть?

— Ты знаешь, кто в Питере контролирует весь цветной металл?

— Не понял. — Ольховский проанализировал текущий момент и слегка не поверил общеизвестному:

— Бандиты, что ли? Вас?

— Ну... можно сказать и так. А вообще — серьезные люди. И если завтра две тонны бронзы у меня уйдут неизвестно куда, то очень скоро вежливый человек сообщит мне сегодняшнюю цену на бронзу, стоимость этих двух винтов и сумму, которую я должен ему уплатить, включая проценты. Проценты представляешь?

— Ты с ума сошел. Не круто ли? Вы — оборонное предприятие!

— Не смейся. Ты где живешь? На своем революционном крейсере? На берег-то частоходишь? Здесь серьезные деньги ходят. Так что — наливай. И доставай заказ от флота. Или плати налом — тогда без проблем.

Ольховский выпил и двинул свои мысли в ином направлении — по прямой в лоб преграде.

— Кто это тебя рэкетирует? — спросил он. — ФСБ с бандюками разобратся не может, или снизу доверху взаимовыгодное сотрудничество?

— Вот только не суйся. Я тебе ничего не говорил.

— Ну назови группировку. Тамбовские?

— Не суйся, мужик, — повторил лысый зам и цыкнул углом губ. Губы у него были подогнаны плотно, как кирпичи.

Поскольку бандиты давно стали восприниматься такой же естественной составляющей нашей жизни, как дождливая погода, старость или банковская система, то известие Ольховского не смутило. Вряд ли договориться с бандитами труднее, чем с начальством. Все мы люди. И встреча с ними наверняка не столь опасна, как, скажем, в бою с предполагаемым противником, а ведь к такой встрече военного готовят с первого дня службы.

Первый шаг оказался легок и прост сверх ожидания: непосредственно у метро он купил с лотка удивительную по откровенности книгу «Бандитский Петербург». Доступность подобного справочника поразила моряка: тираж был указан массовый. Напрашивалась мысль, что бандиты столь же нуждаются в рекламе, сколько потенциальные покупатели — в сведениях о них. Происходила явная легализация профессии не только в общественном сознании, но и на товарном рынке.

Полистав справочник и почерпнув массу полезной и увлекательной информации, Ольховский поехал в гостиницу «Пулковская». Книга утверждала, что петербургские бандиты предпочитают проводить время в ресторане именно этой гостиницы. Очевидно, там у них гнездо.

Прибыв, он уверился, что автор ценного пособия журналист Константинов — не сочинитель, но документалист. Неширокий проезд, затененный тополями, был плотно заставлен машинами, среди которых преобладали две характерные марки: БМВ цвета «мокрый асфальт» и джипы «гранд чероки», глубокая зелень которых отливала той самой искомой бронзой. Здесь же скособоченно приткнулась, въехав двумя колесами на нижнюю ступень входа, «альфа-ромео», раскрашенная в жовто-блакитную канарейку, при ней казенно стоял милицейский майор и с вялостью зудел в матюгальник:

— Господа бандиты. Освободите, пожалуйста, проезд для транспорта.

После повторного призыва из стеклянных дверей появился браток, продолжительно и пусто посмотрел с крыльца вниз и скрылся. Выждав, власть возобновила серенаду.

Через приличествующее время спустились двое ребят в свободных черных брюках и великоватых пиджаках.

— Ну что ты тоже — «бандиты», — с неодобрением заметил майору один; и они перепарковали свои джипы прямо на газон, освободив центр асфальтовой дорожки.

Ну-ну, сказал себе Ольховский и поднялся по ступеням.

В холле внимательно скучала секьюрити, в своей явно дорогой униформе при галстуках выглядящая приятно так, как может быть приятен уголовник, готовый дружески взять тебя под свою защиту.

— Здесь мероприятие, — без выражения сказал орел белоголовый с плечами шестьдесят четвертого размера; у него были очень крупные и по-мужски красивые татуированные руки. — Зал зарезервирован.

— Знаю, — сказал Ольховский. — Мне надо решить вопрос.

— Какой вопрос? Мы никаких вопросов не решаем.

— Ребята, — сказал Ольховский. — Господа, товарищи, братки, пацаны, охрана. Выберите сами любое обращение. Я с «Авроры». У меня очень мелкий вопрос насчет двух тонн бронзы.

Ребята немного улыбнулись свысока.

— Мужчина, я не понимаю, о чем вы говорите, — отчужденно ответил оплывший крепышок с мятыми свиными ушками борца-классика.

Ни один из тройцы не сдвинулся с места, но невидимая преграда поперек вестибюля была явственней дубового прилавка.

Ольховский прибавил оборотов и положил руля прямо по фарватеру.

— Вот тут написано, — вытащил он из кармана книжку, — что цветмет контролируют тамбовские. Мне нужен кто-нибудь из руководства группировки.

Если столь неслыханная наивность и несуразная прямота фраера в погонах и развлекли охрану, то видом она этого никак не выказала.

— С такими вопросами — к автору книги, — посоветовал борец.

Ольховский покраснел от унижения. Он быстро отшагнул к стене, впаялся в кресло и кинул ногу на ногу.

— Я — командир крейсера «Аврора» капитан первого ранга Ольховский, — лязгнув челюстью, доложил он так, как докладывают зарвавшимся адъютантам перед начальственной дверью. — И речь о моих винтах! Винтах крейсера, — уточнил он, делая поправку на сухопутную тупость и готовый к ярости при возможном гоготанье. — И вопрос отлагательства не терпит. Не доложите кому надо — выйду на встречу иначе, но тогда ответственность будет на вас.

Подобно всем подчиненным, бандиты тоже не хотят брать на себя ответственность перед начальством.

После минутной отлучки борец проводил его ко входу в зал (мгновенно обыскав легкими касаниями) и кивнул в глубину:

— Второй столик, у стены,

За бутылкой «Абсолюта» и салатницей с миногами сидели двое очень приличного вида мужчин под сорок. Носатый был поджар и подтянут, как стайер, хлопковая синяя курточка свободно висела на нем. Второй был мордаст, густоволос и напоминал певца Расторгуева, этот был в темно-оливковом двубортном костюме и табачном галстуке в тон.

— Присаживайтесь, — пригласил носатый и похорошему улыбнулся. — Расскажите, что у вас. Только представьтесь, пожалуйста.

Он мельком взглянул в удостоверение Ольховского и кивнул соседу.

— Господа, — сказал Ольховский. — Я знаю, что вы серьезные люди. Дело такое. Городу и флоту нужно ваше понимание.

Носатый стайер улыбнулся еще раз, и его лицо собралось в тонкие морщинки, став веселым и умным. Он сделался похож на спортивного такого доктора физико-математических наук, и Ольховский бы немало удивился, узнав, что он и писал докторскую, когда новая эпоха запела новые песни и призвала его к новым подвигам.

— Рюмку выпьете? — спросил мордастый, и Ольховский оценил аптечную дозировку интонаций: можно было с равной легкостью согласиться или отказать, это был акт вежливости, который ничего не менял в отношениях, ничего не приближая, как отказ выпить ничего бы не отдалил.

— Спасибо, — отвечал он в утвердительном смысле.

Чоканье не производилось.

Ольховский закусил не раньше, чем было предложено, и кратко изложил суть, ни словом не упомянув разговор с лысым замом.

— Кто конкретно вам мог бы помочь?

— Адмиралтейский завод.

Миг совещания его собеседников был незаметен, если был вообще.

— Ну, это такая мелочь, — прокомментировал мордастый, и в голосе его Ольховский попытался уловить не то сочувствие, не то укоризну.

— Делайте спокойно ваш ремонт, — сказал математик.

От второй рюмки Ольховский отказался, показывая, что ценит чужое время и правильно понимает гостеприимность жеста. Он поблагодарил и коротко попрощался.

— Желаю успеха, — проводил его фразой математик.

Мордастый уже смотрел мимо.

Не взглянула на него и секьюрити.

Он неторопливо и деловито двинулся в сторону автобусной остановки, всем видом показывая и даже играя перед самым собой, что идет пешком не потому, что у него нет машины вроде оставшихся за спиной у гостиницы, а потому что неограничен в любых своих действиях и предпочитает прогуливаться пешком.

Отойдя на хорошее расстояние, он сказал:

— Ну, твою же мать!.. — покрутил головой и сплюнул.

10.

Как по мере роста знания открывается до бесконечности смежная область еще не известного — так с ходом корабельных работ выросал до нереального объема всего того, что требовалось сделать. Мознаим впал в коматозное состояние.

— Хочешь увидеть лицо Сизифа, оглушенного своим камнем? — шепнул Беспятых доктору за четырехчасовым чаем в кают-компании.

Мознаим очнулся оттого, что горечь жизни стала нестерпимой и достигла чисто физического ощущения. Он допил чай и прислушался к желудку. Желудок ответил конвульсивной попыткой вывернуть себя через пищевод. В стакане были размешаны две ложки соли: Акела промахнулся.

— Не горько, Виталий Николаевич? — посочувствовал Беспятых.

— Это вы для очищения организма? — поинтересовался доктор.

Кают-компания захохотала. Мознаим обиделся и вышел. Взбалтывание при ходьбе послужило катализатором реакции, он впрыгнул в галюн и хлынул верхом и низом, как если бы проглотил огнетушитель. Организм действительно очистился: голова стала ясной. Это была ясность смертного приговора.

Этот приговор он попытался опротестовать у командира.

— Нужна хотя бы одна кормовая пародинамомашина, — рыдал он. А где я возьму новые паропроводы для высокого давления? Их из водопроводных труб не сварить!

Музыкальное ухо могло обнаружить в его плаче мелодическую полифонию, он был построен подобно симфонии в четырех частях, и тональность всех четырех была исключительно ре-минор. Менялись лишь скорость и сила от форте до пианиссимо. Бессердечно развлекшись, Ольховский прервал эту филармонию практическим вопросом:

— Сколько тебе надо?

— Чего? — остановил Мознаим пиление безумного смычка.

— Людей и денег.

— Это работа для дока! Для судоремонтного завода!

В дверь вежливо постучали.

— Кто еще? — заорал Ольховский.

И вошли именно те, кем он только что интересовался: люди и деньги. Первые были представлены старпомом и старшиной второй статьи Бубновым, и хотя невысокий старпом пихал его рукой в загривок чуть даже снизу, впечатление от композиции возникало, как если бы кошка тащила в зубах за шиворот поджавшего лапки котенка. Деньги же содержались в фанерном ящике со знакомой нам надписью «На реставрацию музея крейсера „Аврора“», каковой ящик был извлечен из пакета, загадочно улыбающегося лицом Моны Лизы и сердечно извиняющегося «Sorry, Leonardo».

— Сори, понимаешь?! — спросил Колчак, вытряхивая на стол веер бумажек и ручей рублевых монет.

Вид денег был в принципе приятен, но их мелкость выглядела оскорбительной. Ольховский потребовал объяснений.

— Еду мимо метро, — задыхался от негодования Колчак. — Смотрю — кто! Стоит! Этот сучонок сшибал деньги у метро! Можете почитать, под каким

соусом! А от самого разит! Нет, это ж надо додуматься!..

— Товарищ командир, разрешите обратиться! — отчаянно воззвал Шурка, проклиная свое невезение: он действительно врезал в разливе двести под бутерброд, давно сделав наблюдение, что под выпивкой время летит быстрее и тем самым процесс заработка субъективно ускоряется.

— Не команда революционного крейсера, а жулье-с! Побирухи!

— Боже! — обратился Ольховский, стремясь излить в одной фразе все, чем мучила его окружающая действительность: — Когда матросы столичного гарнизона начинают просить милостыню на панели — державу уже ничто не спасет!

— Спас-сет! — пообещал Колчак.

— Спасет! — стремительно возразил Шурка. — Это не милостыня!

— Лепта, подаяние, улов, хабар! — выстрелил очередь синонимов Колчак.

— Это сбор средств! — объявил Шурка, поддавая вибрирующих модуляций, по смыслу соответствующих разрыванию тельняшки на груди. — Как бывало — подписка населения на новый истребитель! или броненосец!

— О, где бы взять приличного истребителя на вас на всех!..

Но по дороге от метро Шурка успел продумать линию защиты. От страха выдумка дозрела до правды.

— Это же для «Авроры»! За кого вы меня принимаете! Нам же нужны деньги! ремонтные работы! хозспособом! ударники для пушек!

— Дисбат!!!

— Ударники для орудий! где взять! а еще снаряды! элеваторы!

— Ударник коммунистического труда! В зад и в глотку! В дисбат!!! Какие еще на хрен ударники?! попрошайка, хам... мошенник!

Шурка прибег к бессмертной системе Станиславского: умер от оскорбления.

— Расстреливайте, — сказал он. — Я пошел для корабля на это, что, не унижение?.. и вы после этого...

— Одну минуту, — подал голос забытый на диванчике Мознаим. — Ты хочешь сказать, что ударник бакового орудия — твоя работа, что ли?

— А чья еще?

Произошло молчание. Ольховский осознавал столь простое объяснение чуда, беспокоившего его, но и вдохновлявшего, и не мог так сразу смириться. Мознаим соображал, не воспользоваться ли подходящей обстановкой к своей пользе и раскрыть происхождение мазута, но решил пока воздержаться. Колчак же детально вообразил последующие действия реставратора, учитывая его реплику о снарядах, и пожелтел. По направлению и углу возвышения ствола бакового орудия снаряду полагалось вмазать куда-нибудь по Московскому вокзалу и площади Восстания — и символика тут ни при чем, голая баллистика.

— Почему не доложил? — трибунальским голосом просвистел он. — Почему самодеятельность?..

— Стеснялся... — бессмысленно ляпнул Шурка.

— Чего стеснялся?!

— Хотел проверить...

— Что?! Что проверить, кретин?! Уебище, ты же дебил!

— Думал, сюрприз...

Ольховский истерически рассмеялся.

— О Господи, — вытер он слезы. — Списать тебя, что ли...

— Товарищ капитан первого ранга! Не надо!

— А пил зачем, болван? Братался с народом?

— Для храбрости... от стыда... — с исключительной искренностью сказал Шурка.

— До принятия окончательного решения — под арест. Скажи дежурному, чтобы запер тебя в носовом

артпогребе. Нет! Лучше в кормовом... от греха подальше.

Денег на столе оказалось сто шестьдесят два рубля семьдесят копеек, две финских марки, одна немецкая, один английский фунт и один монгольский тугрик, который можно было не считать.

— Подписка на броненосец, говорите... — прищурился Ольховский. — Будем считать, что здесь десять долларов. Один человек, тридцать дней — это триста долларов в месяц. Ничего, да?

— Ни хрена себе, — сказал Мознаим.

— Умножить на двадцать человек — это шесть тысяч баксов в месяц!

— Не может быть!.. — сказал Мознаим.

— Да вы тут помешались на арифметике, — сказал Колчак.

— Спокойно, — сказал Ольховский и опустил артистически растопыренные пальцы на стол, как на клавиатуру. — Значит, так. Виталик, вот тебе столик, сбегай возьми бутылку и закусить. По дороге боцмана отправь ко мне!

Преступление и наказание сочетались в традиционной русской пропорции. Изобретатель и инициатор сидел под арестом, радуясь, что легко отделался, а намеревающиеся использовать его открытие гонители пили в комфорте на его деньги и обсуждали, как развить полезное начинание.

Боцман получил приказ обеспечить к утру изготовление двадцати ящиков по данному образцу.

— На борту остаются кок, вахтенный у трапа и вестовой, — резюмировал Ольховский. — Остальных матросов — в город! Это сколько — семнадцать? И пару мичманов.

Ящики решили снабдить замками, а матросам при них — запретить пить под страхом повешения на реях.

— Товарищи офицеры — за успех!

Колчак съездил в книжный и купил план города.

— Отмечай: у Дома книги, у Эрмитажа, Московский вокзал, Витебский, Финляндский, Балтийский,

у Гостиного, метро Парк Победы, Техноложка, так — Кузнечный рынок, Сенной...

Городской пейзаж украсился и обогатился свежим оттенком нарядной военно-морской ноты, органично растворившейся в движении толп. Матросы были в отутюженном параде и снабжены командировочными предписаниями — претензий не предъявляли ни комендантские патрули, ни милиция, ни бандиты: дело служивое. Что может быть естественнее на сегодняшних улицах, полных беженцев, переселенцев, погорельцев, защитников животных и инвалидов всех войн от Цусимы до Чечни.

Чтоб служба медом не казалась, им был определен план: пятнадцать баксов за смену. За невыполнением следовал втык и угроза дисциплинарных взысканий. Колчак на своих «жигулях» объезжал город, контролируя наличие на постах.

Однако металлическая мелочь на пиво и сигареты вытряхивалась через верхнюю щель за углом или в подъезде.

11.

Выяснилась характерная вещь — один нищий может содержать двух-трех квалифицированных рабочих. Новая экономическая политика сулила самые оптимистические перспективы. Ольховский мотался по стихшим в депрессии судоремонтам, вербуя бригаду мастеров и заказывая оборудование.

Колчак с амнистированным Шуркой поехал в Каменку. «Жигули» заправлялись на корабельные деньги, собранные Шуркиным способом, и это создавало между каперангом и старшиной атмосферу некоей неприятной обоим демократии...

В Каменке им без труда указали дорогу на Бобочино. Через десяток километров узкого лесного проселка, пружинящего под колесом обнаженными корнями сосен, они уткнулись в шлагбаум КПП.

— Начкара позови, — бросил солдатику Колчак, не вылезая из машины.

Выбравшийся из караулки сержант, которого сухопутный военный сразу определил бы как деда, при виде флотского офицера подумал, стоит ли застегнуть воротничок, и не стал.

— Нам на артсклады, сержант, — сурово сказал Колчак.

— Это вы не там свернули, — с ненаказуемой мерой фамильярности по отношению к чужому офицеру отвечал сержант. — Вам в Каменке надо было за Домом культуры на развилке направо свернуть, а вы налево поехали...

Через три минуты военная тайна расположения артскладов Краснознаменного Ленинградского военного округа была выдана с потрохами. Отчаявшись стать находкой для шпиона и развращенный журналистами, военный давно валит всё всем подряд.

Территория складов была обнесена бесконечной колючей проволокой, за ней тянулся бетонный забор, пропадая вдали, а на него накатывался крепостной вал земли, обсаженный дерном. Там, внутри, мегатонный город, распланированный квадратно-гнездовой обваловкой на бесчисленные кварталы пакгаузов, как соты всех будущих войн, хранил их в штабелях зеленых деревянных ящиков и цинковых коробок.

После переговоров «жигули» вышедшего из моды цвета «коррида» загнали на площадку у ворот между колючкой и забором, а каперанга с Шуркой провели в одноэтажный барак с облупившейся розовой штукатуркой, архитектура которого отдавала гарнизонной тоской сталинской эпохи.

Шурка остался сидеть в ободранной приемной, а Колчак вошел к начальнику складов.

Начальник попытался осанисто развести плечи в подполковничьих погонах, но добился только того, что из-под галстука отскочила пуговка. Он был похож на прапорщика, попустительством начальства превысившего возрастные и весовые пределы.

Колчак извинился за беспокойство и объяснил небрежно и мягко. Сушная ерунда вынудила — сотня стапятидесятидвухмиллиметровых выстрелов.

— А что не со своих складов? Полтора бэка — фу.

Потому что на флотских складах вышел срок годности короткокалиберным шестидюймовым снарядам, а длиннокалиберные им не подходят. А принято решение к юбилею города торжественно вывести крейсер в Балтику и в присутствии иностранных наблюдателей провести стрельбы. А артснаб все не может найти нужные боеприпасы, потому что подобных орудий давно не стоит на вооружении флота. А от старых наземных систем кое-как подходят. А за проведение стрельб отвечает командир крейсера, и трудности никого не волнуют.

Следует заметить, что все сказанное Колчаком вполне могло быть правдой. Приди кому-то наверху в голову подобная идея — примерно так и сложилась бы реальность. Впрочем, психология бывалого офицера такова, что он способен вникнуть в самые дикие объяснения — служба знакомит с тем, чего и вообразить нельзя.

Подполковник вник до установленного службой предела:

— Везите требование, подписанное в Артуправлении округа. Отпущу хоть вагон — мне полтора боекомплекта не жалко.

Колчак выстелил голос бархатом. Управление требует оплаты, флот жметя по бедности, флагарт закусил удила и скатил на армию телегу через Минобороны — заклинило, короче, взаимопонимание между армией и флотом: так вот, нельзя ли напрямую? И он выразительно потер большой палец об указательный, как будто склеивал жест «о'кей».

Напрямую было нельзя категорически и даже якобы вообще нереально. Дистанция между утопией и реальностью измеряется в поллитрах, что делает ее сокращение делом техники. Преодолев указанную единицу пространства-времени, подполковник дружески навалился на стол:

— Слушайте, обратитесь прямо в полк! — Он был лучезарен, как помидор, и приветлив, как малиновка. — Им списать один б/к — плюнуть раз, спишут после первых же боевых полигонных стрельб, а они там регулярно. И тогда по документам этих выстрелов в природе числиться не будет, и взятки гладки хоть со складов, хоть с полка. А насчет этого, — потер пальцы и щелкнул по кадыку, — решите прямо с командиром полка.

Он продиктовал фамилию и телефон.

— Нет, от меня звонить не надо. Да поезжайте прямо так.

Выехав за шлагбаум и дав газ, Колчак произнес так, как это мог бы сказать оплеванный праведник или по крайней мере сторонний наблюдатель:

— Поразительно. Ведь продадут все! Как служить?.. Да будь у нас миллион, Шура, — он бы сам взорвал свой склад. Ну мерзавцы...

— Рыба гниет с головы, товарищ капитан первого ранга.

— Ты на кого намекаешь?

— Никак нет! Я имел в виду президента.

— Он тебя тоже имел в виду.

В полку было спокойно: никто не красил траву зеленой краской и не драил плац зубными щетками. Со стороны пищеблока несло помоями. По дорожке меж казарм перемещались в шеренгу по два шесть воинов, а седьмой сбоку вскрикивал с подвизгом усталого частушечника:

— И-р-р-рез! И-р-р-рез! и р-р-рез, два, три-и!..

Полковник сидел за столом и читал газету «Спид-Инфо».

— Уполномочен передать вам приглашение офицеров крейсера «Аврора» на дружеский ужин, — прямо от дверей шлепнул ему компостер на мозги Колчак.

Полковничьи мозги заставили хозяина улыбнуться растерянно и польщенно. Сами же соображали, что, перефразируя старую мудрость, бесплатный паек бывает только на гауптвахте.

Не уточняя раньше времени количество имеющих быть на ужине офицеров, Колчак выволок его в зеленогорский ресторан «Олень» — всего сорок минут езды.

Он прибег к старорежимному меню: коньяк и шашлык. Это должно было настроить собеседника на ностальгический лад, когда подобный стол ассоциировался для лейтенантов с верхом кутежа и роскошной жизни, а сам «Олень» считался шикарным и фешенебельным местом. Недостаток присутствующих офицеров компенсировался избытком бутылок и еды, что как-то утешило полковника.

После третьей он взглянул вопросительно.

— Нужны два б/к для ста пятидесяти двух миллиметров, — сказал Колчак и повторил версию, обкатанную на начальнике складов.

— Дружеский ужин, — сказал полковник. — Сукин сын.

— Э, — сказал Колчак. — За наши прямые попадания!

Стапятидесятидвухмиллиметровые гаубичные снаряды не входят в число дефицитных военных товаров нашего времени. Ценится стрелковое оружие и патроны к нему, гранатометы и ранцевые зенитные ракеты. Из артиллерийских боеприпасов спросом пользуются лишь стадвадцатимиллиметровые унитары для танковых пушек и отчасти — статридцатимиллиметровые выстрелы для дивизионных Д-30.

Взвесив это, полковник стал набивать цену.

— Ты представляешь, что ты просишь?

Колчак легко изложил, как вписываются выстрелы в запись стрельб.

— Умный, — хмыкнул полковник. — А как я буду подотчетные гильзы сдавать?

— А гильзы, — удивился Колчак, — склад покажет использованными до некондиции и вместо отсылки на переснаряжение выбракует на цветмет. Дело бумажное.

— Тебе бы огневым снабжением округа заведовать... А тара?

— Сломалась! Акт о сожжении.

— За ствольную артиллерию! Что не закусы-
ваешь?

Начали торговаться.

— Цены сейчас безумные, — округлил глаза полковник. — Сам знаешь — рынок! Даже в прежние времена выстрел стоил семьдесят рублей — как хромовые сапоги. Все так и знали: «Огоны!» — и полетели сапожки... со свистом... в цель! — он стукнул по столу и ловко подхватил прыгнувшую рюмку.

— Один боекомплект! — сбавил Колчак, прикидывая, что семидесяти пяти снарядов вполне хватит, чтобы «Аврора» ощущалась вооруженным кораблем. Честно говоря, трудно себе представить, что могут наделать в мирном городе семьдесят пять шестидюймовых снарядов, каждый из которых весит полцентнера и под корпусом сталистого чугуна нафарширован толлом. «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна, а та сторона — вообще конец».

— Давай считать спокойно.

— Давай.

— Сколько сегодня реально стоит выстрел — не знает никто, от вахтера номерного завода до министра обороны. У американцев снаряд стапятидесятипятимиллиметровой гаубицы-пушки стоит четыреста девяносто долларов.

— По этой цене можешь их продать на линкор «Нью-Джерси», когда к тебе приедет старпом с него.

— Да?

— Да. Так прямо можешь на меня и сослаться: капитан первого ранга Колчин велел продать вам по четыреста девяносто долларов.

— Остряк, — сказал полковник. — Давай считать!

— Давай!

— Выстрел стоил семьдесят рублей. Тот рубль равен сегодня двум долларам. Хоть бензин, хоть пиджак, хоть водка, хоть как считай.

— Это до кризиса было.

— Кризиса? Какого?

— Последнего.

— Последнего еще не было, мой непотопляемый друг. Все последние у нас впереди. Кризисы постоянны, а стрелять надо всегда — в том смысле, что цены растут после кризисов еще выше. Итого. Сто сорок баксов выстрел. Умножим на семьдесят пять. Официант!!! Спишь?! Калькулятор!

— Семьсот пятьдесят... семь тысяч пятьсот... Что?! Не может быть... семью четыре — двадцать восемь...

— Десять тысяч пятьсот долларов.

— Ты охуел, — сказал Колчак.

— И заметь — сюда входит риск и нарушение присяги. Плюс статья и так далее. Ты понимаешь, чем я рискую?

— Ха! Смотрите на него — он рискует! Люди танки и ракеты продают, а ты из-за вшивого б... б... бэка готов с брата по несчастью последнюю м-м-мошонку содрать. — Колчак чувствовал утомление после третьей за тяжелый рабочий день бутылки. Надо было держаться на остатке сил, предел которых был близок: он пожалел себя. — Какие десять тысяч? — укорил он. — Что ты ноли накатываешь, как в бильярде. Я не бандит и не лицо кавказской национальности. Ты, может, недослышал? «Аврора» — это не банк и не акционерное общество, а всего лишь крейсер. Его сейчас весь-то за десять тысяч никому не втюхаешь.

— А сколько же ты хочешь?

— Десять баксов выстрел — итого семьсот пятьдесят.

— Счет! — возвестил полковник голосом, каким оглохший от грохота комбат командует: «Стой! Записать — цель задымлена!» и наполнив этой командой весь зал вплоть до кухни, где их официант компоновал гарниры из недоеденных блюд.

Счет составил девятьсот двадцать рублей, что на тот день равнялось сорока долларам.

— И ты хочешь, чтобы вот за эту выпивку и закуску я отгрузил тебе, значит, четыре выстрела, которыми можно в хлам разнести все ваше го-венное Адмиралтейство? — изумился артиллерист. При этом он не мешал Колчаку расплачиваться.

— Повторить! — приказал Колчак официанту. — Мушкой лети!

— З-зачем? — сурово спросил артиллерист.

— Двадцать, — ответил Колчак. — Это предел. Это полторы штуки баксов! Ты в месяц сколько получаешь?

— Это ты брось. Я же тебя не спрашиваю, почем и кому ты это перетолкнешь.

— Мне для стрельб!

— Стреляй, но не свисти. Для стрельб никто и трешки своей не выкинет. Конечно для стрельб! Но я не интересуюсь, кто будет стрелять, где, в кого и за что — это все не мое дело.

— Слушай, — сказал Колчак и замер с восторгом на краю бездны: — Эх! — ухнул он и в отчаянии ударил по колену. — Вот тебе мое последнее слово! Заедем с другой стороны. Сегодня «волга» — «волга»! ГАЗ-3110! новая! теплая! стоит три тысячи. Три тысячи! Я плачу тебе две.

— Почему две?.. Три!

— Две триста.

— Ладно. Две пятьсот.

— Нету, нету, больше нету!

— Черт с тобой. Жмот. За грузовик снарядов — недельную зарплату американского полковника!..

— Ты за год получаешь недельную зарплату американского мусорщика.

— Ненавижу янки, — сказал полковник.

— Короче — когда стрельбы?

— Я тебе позвоню. Но транспорт твой!

Вывалившись из-под вывески в перекошенную холодными фонарями ночь, Колчак сориентировал полковника в сидячее положение внутри такси, махнул вслед красным огонькам и озадачился проблемой

возвращения. Он оседал под мухой, лежавшей на плечах, как оленья туша.

Забытый Шурка храпел и тосковал в «жигулях».

— Ты водить умеешь?

— Никак нет.

— Садись за руль... Заводи!

— А если вмажемся куда, товарищ капитан первого ранга? — усомнился Шурка.

— И в страшном сне не мечтай. До пенсии будешь мне на ремонт деньги по улицам в свой ящик собирать.

12.

Впервые в жизни Ольховский познал счастье труда. Счастье труда — это чувство, которое испытывает заказчик, глядя, как рабочие ремонтируют крейсер «Аврора».

Работяги ползали в железном чреве, трещали сваркой, жужжали фрезой и доводили дело до ума при помощи кувалды и многострадальной матери. Они курочили и восстанавливали машину с добродушной невозмутимостью пролетариев на договорной оплате.

Бригадира сводной команды звали Юрий Арсентьевич. Арсентьевич поседел в трудах, не учтенных никакими планами и сводками. Свой путь организатора производства он начал много лет назад с должности заместителя директора Казанского собора по хозяйству. Собор выполнял официальную функцию Музея истории религии и атеизма, а его завхоз — функцию снабженца дачныхстроек, продавая кровельную жечь, доски, кафель и цемент, и поставляя напрокат грузовичок и старый автобус. Обеспечивал он и рабсилой, не давая засидеться четверем подчиненным бездельникам. В результате проведенной в соборе реставрации образовались дача, машина и безременная машинистка. Музею остались запах опиума для народа и выбранные на десять лет вперед

фонды. Ольховский нарыл умельца в конторе Балтийского завода.

Все необходимое тащилось или изготавливалось на заводском оборудовании из заводских материалов. Подмазка на лапу и расчет черным налом снижали себестоимость до взаимоприемлемого уровня. Приблизительно так можно обменять казенный танк на собственный «запорожец».

Обжившись и оглядевшись в низах, Арсентийч представил полную смету. Цифра обездвигила Ольховского. Так окаменела жена Лота при взгляде на счет, который подали Сверху ее городу.

Быть яхтсменом — дорогое удовольствие, как заметил один кинопродюсер покупающему корабль викинг. Авианосец «Форрестол» стоит четыре миллиарда долларов. Яхта Сильвестра Сталлоне — девять миллионов. И даже средней паршивости катерок обходится не дешевле лимузина, который не заработать на паперти усилиями двадцати матросов.

Конечно, если бы экипаж «Авроры» насчитывал штатных шестьсот человек, и всех их заблаговременно погнать в город собирать подаяние, крейсер можно было бы содержать в боевом порядке и поныне. Так кто ж знал...

Ольховский оставил в смете лишь то, без чего обойтись было вовсе невозможно, итог здраво поделил на два, а Мознаиму приказал проговориться Арсентийчу, что командир собирается менять его на более дешевого мастера. И решил подождать эффекта.

Если беда приходит обычно с той стороны, откуда ее не ждали, то ведь и счастье имеет обыкновение являться без фанфар и белого коня. Спасение пришло оттуда, откуда никто ничего хорошего не подозревал — исламский фундаментализм протянул братскую руку помощи балтийским морякам в их нелегкой доле. Может, это был и не фундаментализм — авроровцы были не сильны в нюансах ислама, и вряд ли сумели бы назвать разницу между суннитами и шиитами.

Пожаловавшее лицо в сопровождении подобающей свиты возникло из неких эмиратов, которые стремились к прогрессу. Для продвижения к прогрессу им нужны были четыре ракетных катера. Лицо прибыло для их закупки, и его вылизывали по полной программе, надеясь втюхать еще пару дизельных лодок.

По случаю визита на «Аврору» араб облачился в адмиральскую форму с орлами чуть меньше натуральной величины. Их золотые крылья затеняла пестрая арафатка, придавленная к голове плюшевым обручем.

Палубу очистили от экскурсантов. Ольховский сопровождал этого Синдбада-морехода по кораблю.

На мизинце синдбада горел бриллиант размером с макаровскую пулю. Бриллиантовая дробь разных калибров украшала орденскую звезду и заколку галстука. Когда он протянул руку для пожатия, с манжеты мигнул еще один бриллиант. Блеск его высочества рождал разные мысли...

Ольховский задержался рядом с вахтенным и тихо отдал несколько кратких приказаний.

На баке синдбад заглянул в ствол орудия, в рубке подвигал штурвал, в музее постоял с вежливым лицом.

В адмиральском салоне Ольховский отсчитал себе: «раз, два, три», мысленно попросил прощения у Господа и родителей, встал и провозгласил:

— Аллах акбар!

В качестве тоста это вызвало замешательство обеих сторон. Российская сторона в составе контр-адмирала и капраза из Управления флота округлила глаза и рты и впала в некоторое затруднение. Синдбад подтвердил: «Аллах акбар», и серьезным выражением лица дал понять, что это заявление слишком ответственно для тоста. А переводчик, парнишка лейтенантских лет, вполголоса пояснил, что правоверные мусульмане вообще не пьют, и как раз потому, что Аллах, который акбар, решительно против, так что упоминание его в данном контексте неуместно

до предела; вообще же выпить можно, только тихо и после захода солнца.

Реакция Ольховского была достойна Александра. Он кликнул вахтенного и приказал играть спуск флага. Вахтенный с искаженным лицом отправился командовать «построение». А Ольховский пригласил синдбада на палубу, где перед строем команды и объяснил через переводчика, что на кораблях Российского флота ночь наступает тогда, когда спущен флаг, а флаг спускается тогда, когда постановлено командованием и обычаем.

Интереснее всего было в этот момент смотреть на нашего адмирала. Он тяжело дышал, и при напряжении желваков у него шевелились уши. Он пытался понять, похвален ли поступок Ольховского как изящный дипломатический ход, или заслуживает товарищеского расстрела как святотатство. Но хотелось мира и выпивки, и сомнение было решено в пользу командира.

Флаг был спущен. Горнист исполнил «захождение». Команда дергала лицами от восторга.

Строго говоря, команды не было. Четыре офицера, два мичмана, кок и вестовой, изо всех сил компенсируя свою малочисленность торжественной истуканностью стойки, могли сойти разве что за ассистентов при знамени. Но, захваченные ситуацией, гости не поинтересовались, к облегчению Ольховского, где же, собственно, матросы.

— Вот и ночь! — объявил Ольховский, узурпируя функции Творца.

Видимо, арабу нравился его визит, потому что он согласился выпить. Ольховский же щелкнул пальцами лейтенанту Беспятым и велел приготовиться переводить, бо переводчик скоро выйдет из строя.

Управленцев с переводчиком споили жестко и безжалостно.

Ольховский приступил.

— Вестовой! — громко скомандовал он. Вестовой при полном параде, ждавший за дверью, грянул

строевым, поставил на стол коробку и четко удалился.

Под официальные аплодисменты собравшихся Ольховский принялся одаривать синдбада сувенирами, собранными с корабля: лента с надписью «Аврора», значок «За дальний поход», гюйс, матросский ремень с надраенной бляхой и — фуражка в белом чехле. В заключение были значительно вручены погоны с двумя просветами, оснащенные во всю ширину головными кокардами с золотыми листьями и звездами: это тянуло на знаки различия примерно адмирал-фельдмаршала, соответствуя важности задачи и самолюбию востока.

Синдбад установил фуражку на арафатку и отдал честь. Даже подвергнутые алкогольному наркозу трое наших не портили церемонии, придавая ей национальный колорит.

— Лейтенант! — возвысил голос Ольховский.

По этой команде вошел Беспятых, стуча каблуками, как метроном. В белых перчатках он сжимал перед грудью кортик. Типовой кортик был куплен за это время на сувенирном лотке у Петропавловки.

Ольховский строго выпрямился, двумя руками прижал кортик к груди (это совмещение восточного этикета с морским обрядом оказалось довольно неудобно) и через стол протянул арабу, как рыцарский меч.

— Господа офицеры — встать! Юра — переводи! Имея честь — торжественно принимать — господина главнокомандующего военно-морскими силами... блядь, как его страна называется?.. ладно, обойдемся... дальше: данной мне на борту властью — от имени — Верховного Главнокомандования...

— Товарищ командир, это уже как-то по-сталински — Верховное Главнокомандование, — тихо поправил Беспятых, выстраивая в голове свои английские слова.

— Насрать, хуже не будет. Переводи как можешь, но покруче. Дальше: я торжественно посвя-

щаю его в офицеры Российского... славного, не забудь, — Военно-Морского флота. Ура!

Араб обнажил кортик и поцеловал лезвие. Ольховский ощутил неловкость, словно обманывал ребенка. Конечно, спьяну и не то поцелуешь... «Ни хрена, — подумал он, — если я аллах акбар, так и ты целуй. Как это у дипломатов? — симметричные меры».

— Старший лейтенант! — выкликнул он, повышая чины в соответствии с наращиванием событий до кульминации.

Следующим и последним промаршировал доктор. В руках он имел белую коробочку из-под антигеморройных свечей. Белых перчаток этот идиот не нашел, и надел медицинские резиновые.

Ольховский раскрыл коробочку, как ларец Али-Бабы, и произвел кощунственную процедуру награждения араба орденом Красной Звезды. Орден был куплен на том же лотке, что кортик; доктор успел отчистить его до новизны нашатырем и зубной пастой.

Орден прикрепили к мундиру. Выпить за это полагалось до дна и стоя. Трудно было не столько пить, сколько стоять.

И тогда Ольховский произнес речь. Суть сводилась к тому, что команда братского крейсера «Аврора» просит братского командующего военно-морскими и вообще всеми братскими силами Зимбабве или Иордана, или как там эта кочка на теплом берегу называется, одолжить «Авроре» до Нового года десять тысяч долларов.

— Транш, — убедительно произнес Ольховский. — Кредит. Ленд-лиз.

Люди востока выдержанны. Бек-паша ничем не нарушил достойное выражение лица. Он произнес ответную речь. Беспятых вылавливал блоки «дружба между нашими народами», «путь к прогрессу», «военно-морские силы» и обстраивал соединительными словами, перевода. Талант синхрониста в находчивости.

— Эту всю муть пропускай, — обидно пренебрег Ольховский. — Он про деньги сказал?

— Никак нет...

— Дрянь!

Оставался последний резерв — третье лотошное приобретение.

— Подавись, сука, — сказал Ольховский. — Стой! это не переводы. — Он снял с руки новенькие «Командирские» и вложил в руку арабу. — А это лично от меня, скажи так, чтоб он понял. И если он ничем не ответит, то следующего араба я скину за борт с гирей на шее, предварительно заставив сожрать швабру. Стой!!! это не переводы.

Но арабский главвоенмор не был неблагодарной скотиной. Он через стол потянулся обнять Ольховского, трижды приложился щекой, снял с запястья свои часы и подарил ответно.

Сердце Ольховского упало. Он все пытался определить навороченный «Ролекс» или хотя бы «Омегу», возможно в золоте с бриллиантами. Они как раз тянули бы штук на десять, а может и пятьдесят, учитывая класс владельца.

Это же был некий «Shopard» в обычном металлическом корпусе, и всей радости, что «Swiss made».

Ольховский почернел и свернул процедуру.

Когда высокопоставленного поганца сводили к лимузину, а русскую часть свиты укладывали в «волгу», из ясных сумерек появился свитский араб, который, оказывается, незаметно исчез с банкета. Он передал хозяину конверт, а тот дружески и небрежно вручил его Ольховскому.

— Он говорит: «Пожалуйста, это пустяки, очень рад», — перевел Беспятых.

В конверте была десятитысячная пачка зеленых. Синдбад правильно понимал трудности русских с чеками и кредитками, и учел пристрастие к наличным.

— Аллах-то, похоже, действительно акбар! — с энтузиазмом воскликнул Ольховский и взял под козырек отъезжающему лимузину.

— Воистину акбар, — согласился Беспятых.

Часы были сданы в ювелирке еще за двенадцать штук. Фирма оказалась известной, а корпус — платиновым. Напарили при этом Ольховского процентов на триста, но он этого не знал, и радость была большой и неомраченной.

— С этими деньгами в кармане я бы выкупил у хохлов «Москву», — сказал Колчак. — Как выразился Пикуль о «Тирпице», кто нас теперь остановит!

Арсентьич получил деньги, гарантию оплаты впредь и предупреждение о неполном служебном соответствии. Он стал ходить в замасленной тельняшке и погонять работяг морскими оборотами: вжился.

Электромоторы, трубы и фланцы спустили на автомобильной лебедке через световой люк. Скрытая палубой от посторонних глаз, сварка искрилась бенгальскими огнями. Зудели сверла и вызывали в памяти плакаты стоматологических поликлиник, где счастливый больной соединяется французской любовью с бормашиной.

И тут ко Дню Флота вернулся из отпуска замполит, ныне просто зам, и рьяно подключился к процессу. Сомнения не искушали этого простого и хорошего человека. Жизнь давно выучила его, что залог успеха — поддакивание начальству во всех его начинаниях: с него спрос, ему и палка. Не по части подхалимажа, а по части дальнейшего продвижения по службе.

На День Флота команде был дан святой отдых. В свете последнего распорядка это означало, что все остаются без схода с корабля. Ольховский объявил строю убытки от невыхода в город и потребовал ценить.

К обеду выдали по чарке (все равно выпьют)! Продукты были закуплены на Сытном рынке. Матрос был нагл и свеж — глядел орлом.

Воспрянув от послеобеденного сна, обнаружили, что зам уже успел приготовить сюрприз. На крейсер пожаловали шефы.

Ну, не то чтобы вовсе шефы. Зам проявил инициативу и пригласил одноименные организации, вся-

чески намекнув насчет посильных подарков. Он светился от своей находчивости.

Сначала Хазанов проклял замову маму и шефов накормил. Потом народ собрали в большой кают-компании, и шефы стали оправдывать свое явление подарками.

Сочная тетка из кондитерской «Аврора» подняла на стол шесть тортов «Аврора» — две стопы по три коробки, схваченные шпагатиком. Работница с парфюмерной фабрики «Аврора» выглядела, напротив, занюханной, зато обошла сидящие ряды и каждому вручила по флакончику дешевого одеколона «Аврора»; для развлечения все немедленно им запахли, Колчак поморщился и велел открыть иллюминаторы.

Чувственно развеселила морячков роскошноногая манекенщица из фирмы бытуслуг «Аврора». Игнорируя подаваемые шепотом из заднего ряда советы насчет бытуслуг, она выкатила огромный пластиковый жбан окномоя «Аврора», где на этикетке грудастая красавица в бикини неприлично сжимала швабру. Это рождало мысль, что чистота способствует здоровому сексу.

Престарелая милашка из ресторана «Аврора» любовно передала Хазанову бачок с сорока порциями замороженных бараньих котлет «Аврора». («А почему котлеты именно бараньи?» — ехидно поинтересовался у зама Колчак.) А накачанная штангистка из кафе «Аврора» приволокла лишь два пакета фирменных блинчиков «Аврора», и кто-то разочарованно мекнул. Но тут же был выставлен ящик водки «Аврора», покрытый овацией.

«Мы сваяли огромного дурака, — прошептал Ольховский Колчаку. — Надо было запатентовать приоритет на название — гребли бы сейчас огромные деньги. — Не переживай, — отозвался Колчак, — они бы тогда назывались Афина или Паллада. Налоговая с них не гребет — и ты бы хрен получил».

В заключение бабушка из кинотеатра «Аврора» положила книжечку билетов на завтрашний сеанс, а

двое молодцов с мебельной фабрики «Аврора» вволокли в трех запечатанных упаковках несобранный письменный стол «Аврора». Ставший рачительным Ольховский подумал, что билеты завтра пошлет сдать в кассу, а стол постарается вернуть фабрике за деньги.

— Вы видите, товарищи, — сказал зам, — насколько един с нами, можно сказать, наш город на Неве!

— Особенно бараньи котлеты, — непримиримо сказал Колчак.

— Куда ни плюнь — «Аврора», — подтвердил из заднего ряда Груня и был немедленно удален.

После перекура с сигаретами «Аврора» настал черед художественной части. Шефы пересели в первый ряд. Вошли двое ребят из театральной студии «Аврора». Они были переодеты матросами так, как можно переодеть в форму никогда не служившего человека.

— Кто это? — надсадно спросил первый, глядя в зал.

— Публика, — ответил второй, но не ему, а залу. — Наши потомки. Наше будущее, о котором, помнишь, мы тосковали когда-то на кораблях.

— Интересно посмотреть на осуществившееся будущее, — заметил первый. — Наблюдают за нами... не видели моряков!

Реплику встретили дружелюбным смехом. Актеры были подобраны совершенно одинаковой фактуры, как две головы морского змея, и первая голова была совсем глупой, а вторая поясняла ей увиденное.

Ольховский узнал «Оптимистическую трагедию» Вишневского. Название не было объявлено, очевидно, для большего сценического эффекта. Расчет работал: непосредственное восприятие матросов не было замутнено знанием советской классики.

Голос второго задрожал:

— У каждого из них была семья. У каждого из них была женщина. (Ему ответил беззвучный стон.) Женщины любили этих людей. (Возглас: «Еще как!» Колчак обернулся к аудитории.) У многих из них были дети. (Рыдание.) И у каждого было некое смут-

ное: грядущее поколение. И вот оно пришло, это поколение. Здравствуй, пришедшее поколение!

Актер неосторожно дал паузу, мгновенно забеременевшую готовым рывкнуть ответом: «Здрав! жлам!». Нежеланные роды остановило появление молодого господина в серенькой тройке — представителя инвестиционного фонда «Аврора». Опоздавший уверенным жестом прервал спектакль, долю секунды сравнил двух капитанов первого ранга и, повинувшись чутью, именно Ольховскому протянул чек на пятьсот долларов. Таким образом, пришедшее поколение поприветствовало себя аплодисментами. Инвестор поклонился и сел.

Вторая голова продолжила уязвленно:

— Он предлагает молча подумать, постигнуть, что же, в сущности, для нас борьба и смерть.

В контексте прозвучало так, что жизнь копейка.

Ольховский терпел минут шесть — до исторической кульминации, волей автора поставленной в начало пьесы.

Девушка в перетянутой кожанке выпалила холостым из газового револьвера и закричала:

— Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела?

— Молчать! — приказал Ольховский, вставая и тем гася требующую немедленного вмешательства ситуацию.

Колчак сильно ущипнул зама за ляжку.

— Антракт! — объявил он, приходя на помощь.

В антракте заму был показан кулак. Команда огребла по наряду. Актерам налили в порядке извинения: пояснили специфику и напомнили о краткости, этой горемычной сестре таланта. «Двадцать минут, ребята. Ну, композицию по основам».

От семикратного сокращения пьеса ничего не потеряла. Узловые моменты монтировались между собой по оптимистическому принципу «пришел, увидел, победил» — ушла дурная суета. Две головы налегали на ремарки.

Комиссар сползла по переборке и завещала:

— Реввоенсовету сообщите... что крейсер «Аврора»... разбил противника. Держите марку военного флота... — Это было ее личное поздравление хозяевам и одновременно маленькая актерская месть за усекновение роли.

И второй ведущий гневно и упоенно завершил:

— Это обнаженный, трепещущий порыв и ликующие шестидюймовые залпы, взлетающие над равнинами, Альпами и Пиренеями. Восторг поднимается в груди при виде мира, рождающего людей, плюющих в лицо застарелой лжи о страхе смерти. Как течение великих рек, залитых светом, как подавляющие грандиозные силы природы, страшные в своем нарастании, идут звуки, сырые, грубые, колоссальные — ревы катаклизмов и потоков жизни.

Аплодировали стоя, и никто не смеялся. Было в этом наивном и выпрленном пафосе то, чего не бывает в жизни, или наоборот, что в жизни как раз есть, но не может быть высказано нормальными человеческими словами. Было неловко за самозванных актеров, произносящих эту чушь, но то, что так коряво, фальшиво и неумело пыталась выразить и внушить пьеса, то в своем настоящем и очень простом виде было в людях.

После праздничного ужина, когда в офицерской кают-компании с женщинами-шефами выпили брудершафт, зам объявил:

— А теперь — кино!

Два дня он ползал с любительской видеокамерой, взятой в прокате, а звук накладывал в радиорубке с пластинки «Советские марши».

Кассету вложили в видик большого телевизора — «общего» — и расселись со вниманием.

Под бодрые такты «Новостей дня» пошла панорама «Авроры» у набережной. Это прервалось кукареканьем горна, и флаг вполз в небо, заняв экран.

Затем пошла сплошная производственная хроника, но смотрели ее увлеченнее любого боевика.

Буханье «Славянки» придавало чувств попыткам Колчака всунуть узкое лицо в ствол орудия правой бортовой батареи, из которого вырезана стальная перемычка и зачищены приливы сварки с нарезом.

Работяги в румпельном отделении привинчивают к основаниям спертые с завода электромоторы и подводят к ним кабель. Их усилия сопровождается «Раскинулось море широко».

На юте облачают водолаза и проверяют воздушную помпу. Мознаим линейкой замеряет расточенное гнездо бронзового винта и машет кулаком, попадая в ритм «Путь далек у нас с тобою».

Старшина Сидорович подает в раззявленный котел отрезок трубы, прижимает к груди, неслышно матерится, бросает и из нагрудного кармана достает раздавленные очки. «Плещут холодные волны». Эту сцену повторили на бис.

И под «Марш энтузиастов» четверо корячатся с домкратами, пытаясь напрессовать подшипник главного вала.

Фильм впечатлил.

Шефов проводили, и офицеры поставили посмотреть еще раз.

Снарядный погреб было решено, за слишком малой надобностью, не оборудовать, а на старинный манер складировать снаряды в ящиках в пустой каюте, сделав ее тем самым крьюйт-камерой, и приставить к двери часового.

14.

Вернувшись из портовых складов к обеду, то есть к полудню, Ольховский поставил ногу из машины на набережную — и так остался сидеть. Капля пота, прохладно щекоча, сползла по затылку.

Над крейсером был красный флаг.

Через секунду-другую пустота в животе потеплела, а пульсы в висках забились тихо и быстро:

произошел вдох-выдох. Флаг был маленький, обгрызенный, хотя цвет имел однозначный. Трепался он на кормовом шлюпочном выстреле и должен был обозначать не политический вызов, а ничего более страшного, как «ведутся водолазные работы»...

— Вам что, нехорошо? — спросил водитель.

— Кажется, пронесло пока, — с нервным смешком ответил Ольховский.

Однако закон парных случаев являет себя не только в реальных событиях, но и в субъективном восприятии событий внешне не связанных. Сигнал тревоги может быть послан через любую мелочь. Предчувствие оправдалось прямо у трапа.

— Товарищ командир, — с партизанской преданностью доложил вахтенный, — тут ребята губернатора с корабля скинули!

Он переминался от небрежности и восторга.

Ольховский не понял услышанное, но по мере проявления в мозгу картинки челюсть его отвисла.

— Что? — горлом спросил он.

— Ну, может, честно говоря, не самого губернатора, тут какие-то хмыри приперлись из мэрии.

— Кто?..

— Да-а мелочь пузатая, слуги народа... от Кардена. Вы не волнуйтесь.

— И что?

— Ну, ребята высказали претензию.

— Какую претензию?!

— Ну, что зарплату четыре месяца не давали. И вообще.

— А мэрия тут при чем?! Вам что, городского заработка мало!

— Наглые, крутые... Ну, не сдержались.

— Что сделали-то? Ну! И за это — за борт?! Суки, суки, идиоты, Боже... Где они?..

— Ну, за борт только хотели. Свистели там, слова, естественно. В общем, сцена из «Броненосца Потемкина».

За грудину Ольховскому вставили выгнутую металлическую пластинку вроде обувного рожка. Его уложили в каюте. Прибежал доктор, роняя валидол, валокардин, нитроглицерин и валерьянку. Завоняло скорой помощью. Ольховский запил этот коктейль коньяком и глубоко затаился. Доктор закухтал.

— А ты где был?

— В изоляторе. Занят по службе, товарищ капитан первого ранга! Иванов руку авторучкой проткнул — проводил процедуру, обеззараживал...

— Старшего помощника!

Колчак вломился с боцманом, направляя его движение отработанный хваткой за шиворот. Кондрат услужливо семенит, симулируя беспомощность под железной рукой старпома.

— Вот! — предъявил Колчак, брезгливо разжимая пальцы. Кондрат покачнулся как бы потрясенный. — Он был на палубе! Докладывай... капитан Блад, понимаешь... губернатора он прогнал!

Губернатора, слава Богу, среди изгнанных чиновников не было: молве хотелось рисовать грезу. Были какие-то вторые лица с какими-то гостями города. Почему начальство «Авроры» не предупредили — никто не знал, обычная неувязка, какой-то клерк или секретарша кому-то не передали или забыли позвонить.

— Ну, они, значит, впираются на палубу. А команда вся здесь, мы же после обеда в город на дежурство идем. А они все такие в фирме, парфюм французский, и один командует как мичману Куркину, нагло так: где начальство? Подать немедленно! А тот им: а в чем дело, вы кто? А эти — мол, помощник губернатора, тут гости, почему командир лично не докладывает и вообще не обеспечивает, короче с угрозой так! Куркин: командир занят. Я дежурный, чего надо? Вежливо, товарищ капитан первого ранга! А тот его матом! А у Куркина же семья, вы знаете, а зарплаты полгода нет, он и

отвечает: как, говорит, удачно, с самим почти губернатором встретиться, а вы знаете, господин зам губернатора как вас там, что у вас военные моряки ночными сторожами подрабатывают, потому что семьи кормить нечем? Ну, в общем слово за слово, а тут еще Бубнов проходил: а, говорит, вы еще моряков пошлите милостыню собирать! А тут Хазанов вылезает с камбуза компот остужать, ну, вы ж его знаете: забыли, говорит, чем кончается, когда команду тухлым мясом кормят? А если вообще без мяса?! И Сидорович подвернулся, он же сейчас без очков, как крот: с кем это, говорит, вы тут базарите? Кончай базар, гони их с корабля, шляется шваль всякая, а тут и за борт оступиться можно запросто! А Бубнов говорит: вот ебнуть... простите, товарищ командир! — по вашей мэрии из шести дюймов, то-то вы обосретесь... простите, товарищ командир! Ну, вот...

— А ты что?!

— А я что... Тут старший по званию был, я только следил, чтоб без рукоприкладства... по возможности. Я же понимаю.

— Кто старший был?!

— А капитан-лейтенант Мознаим кормовую лебедку проверял, он тоже пришел.

— А он что?!

— А он стал кричать: а вы знаете, что у вас морские офицеры, которые щитом родины воспитаны, на макаронах сидят и мазут воруют!

— Старший помощник! Я не слышал, где были вы!

— В низах, Петр Ильич. Мне не доложили.

— Товарищ командир, мы же действия товарища капитана первого ранга представляем, решили лучше не беспокоить, лучше уж сами как-нибудь...

— Как-нибудь — как?!

— Ну, свистеть в общем стали. Ну там несколько слов, может. Но это больше работяги свистели, по моему, они тоже вылезли. В общем, прогнали.

— О Господи, — сказал Ольховский. — Вот и бунт. Суки, суки, идиоты, ну вообще!.. повесить всех!

Ждали с тоской и трепетом, что раздастся грохот сверху — и всех накроют. Неужто — не успели?.. Все валилось из рук.

К счастью, никаких громов из мэрии или Управления флота не последовало. Очевидно, мэrcы сами сочли за благо, что моряки с крейсера не стали развивать успех и преследовать их до стен родной мэрии, осадив ее с плакатами типа «Воров — на фонарь» при поддержке сочувствующих граждан. Смех, позор, хлопоты, лишние расходы: худой мир дешевле обходится — на то он и мир, на то и худой.

Для себя осталась память о хорошем настроении и ожидании тревоги, а для истории — строки в мемуарах Иванова-Седьмого «Сквозь XX век»:

«Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему кораблю молчание, подобное тому, как бывает перед свирепую бурю, а потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил корабль.

— Как, чтобы допустить такие мучения на русской земле от проклятых недоверков? Чтобы вот так поступали с матросами и офицерами? Да не будет же сего, не будет!

Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели балтийцы и почуяли свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались все характеры тяжелые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар.

— Перевешать всю жидову! — раздалось из толпы. — Перетопить их всех, поганцев, в Неве!

Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молнией по всем головам, и толпа ринулась на них с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых мазутных бочках, в котлах и даже заползали под тенты шлюпок, но моряки везде их находили.

— Глубокоуважаемые моряки! — кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. — Слово только дайте нам сказать, одно слово! Таких моряков еще никогда не видывано. Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете!.. — Голос его замирал и дрожал от страха. — Как можно, чтобы мы думали про балтийцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что хозяйствуют в России! Ей-Богу не наши! То совсем не жида: то черт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей-Богу, правда! — отвечали из толпы Шлема и Шмуль в изодранных галстуках, оба белые, как глина.

— Мы никогда еще, — продолжал длинный жид, — не снюхивались с неприятелем. А американцев мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! Мы с балтийцами как братья родные...

— Как? чтобы балтийцы были с вами братья? — произнес один из толпы. — Не дождетесь, проклятые жида! В Неву их, товарищи! Всех перетопить поганцев!

Эти слова были сигналом. Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые балтийцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в ботинках и носках болтались на воздухе».

Иванов-Седьмой осторожно потрогал ладонь, заклеенную кружочком пластыря. Вдохновение медленно остывало в нем. Сегодня текст поражал выразительностью и силой. Откуда что взялось. Он и анти-семитом не был. Буквально-таки словно кто-то свыше осенил крылом и водил его рукой.

Литературное мастерство приходит с профессиональной подготовкой и трудом, подумал он на подъеме.

Вечером деликатно постучал Саша Габисония и сделал Ольховскому предложение, от которого он не смог отказаться.

— Петр Ильич, — обратился он заботливым сыновним голосом. — Команда приглашает вас на заседание совета.

— Какого совета?

— Революционного военного совета.

— Это что значит?!

— Это команда образовала в помощь командиру и офицерам, значит.

Ольховский надел фуражку и пожалел, что у него нет пистолета. Оружие в заднем кармане представилось сейчас как нельзя более уместным. Если не сволочей перестрелять, так хоть самому застрелиться.

Идя перед Сашей, он представил себе кинематографические полутемные трюма, вздыхающие поршни в горячих масляных брызгах, угольную пыль и чумазые матросские лица с горящими жаждой высшей справедливости глазами. «Я определенно схожу с ума, — подумал он. — А кто не псих? А вы не псих? Боже, как прав был покойник Галич».

В мичманском коридоре навстречу попался сменившийся с вахты Куркин с двумя свежими симметричными синяками на скулах. Сторонясь, он прижался к переборке и быстро отвернул лицо в тень.

О том, насколько глубоко запустил на крейсере щупальца спрут самодеятельности и заговоров, можно было сделать заключение уже по тому, что никаких чумазых лиц, конечно, не было, хотя глаза и блестели оживленно: как полагается обнаглевшим элементам на коррумпированном ими судне, треть команды вполне комфортабельно расположилась на камбузе, попивая чай и нагло, по-хозяйски куря; причем по блуждающему румянцу даже неопытный командир, и даже вовсе не командир, мог догадаться,

что в кружках плескался не только чай. Воздух был тонко прослоен алкогольным выхлопом.

Все дружно встали, соблюдая уважение. После чего Хазанов домашним голосом scomандовал:

— Вольно, товарищи. Садитесь. — И сделал жест к свободному месту у стола: — Садитесь, товарищ командир.

— Что происходит? — спросил Ольховский. Он постоял, утверждая свою начальственную независимость, сел и положил фуражку перед собой.

Тогда встал Шурка Бубнов, касаясь стола пальцами опущенных рук и позой напоминая комсорга былых времен, собирающегося принять в дружные ряды нового товарища, либо наоборот, исключить из тех же рядов провинившегося.

— Петр Ильич, — обратился и он, как раньше Габисония, по имени-отчеству вместо звания или должности, и тем с некоторым усилием преодолевая субординацию и подчеркивая внеслужебное равенство собравшихся. — Революционный военный совет крейсера «Аврора» единогласно осудил необдуманную, провокационную выходку, которая сегодня произошла с делегацией мэрии. (Почему любые официальные ораторы коверкают грамматику, подумал Ольховский. Социолингвистический феномен.) Это было недопустимо, потому что может повредить нашему делу. Виновные будут строго наказаны. Меры уже приняты.

— Ага, — кивнул Ольховский, подумав о физиономии Куркина. Но поинтересовался: — Утопите, или с трапов на железо сбросите?

— Будут назначены в наряды, — сказал Кондрат.

— И лишены материально, — пообещал Шурка.

— Оставлены без увольнений, — добавил Мознаим. Только после слов Мознаима Ольховский понял, наконец, что показалось ему в этой композиции заporожцев, пишущих письмо петербургскому мэру, особенно странным и неуместным. Среди матросов сидели Мознаим, Оленев и Беспярых, и на лицах их

не было проведено никакой границы, отделяющей от рядового, старшинского и мичманского состава.

— Стираем кастовую грань между ютом и полу-баком? — съязвил он. — Кто мне объяснит, что тут все-таки происходит.

Объяснять взялся кок Хазанов. Он пригладил начесик и повел рукой вокруг: цинковые столы, лампы в сетках и вытяжка над плитой.

— Понимаете, Петр Ильич, в жизни страны каждый день происходят изменения, и народу от них жить только хуже. Партий сейчас много, дело это обычное. А толку от них мало. Ну, и мы, можно сказать, решили создать как бы собственную партию. Возможно, вернее, пока только ячейку. Ничего такого.

— И давно вы ее зарегистрировали?

— Откуда ж у нас такие деньги и связи на регистрацию. Вы сами знаете, это все грязные политические игры, мы в них и участвовать не хотим.

— Они что бы ни заявляли, все равно только о том и думают, как бы украсть побольше, — подал голос тихий Габисония.

— Значит, партия нелегальная? Запрещенная, можно сказать? — уточнил Ольховский.

— А кто, интересно, до революции регистрировал партии? — спросил в ответ доктор. — Ну, до девятьсот пятого года?

— И ты, Эскулап, — скривился Ольховский. — Тоже решил — Русь к топору призвать? Это что — новая редакция клятвы Гиппократата?

— Именно что клятва Гиппократата, — оживился доктор. — Народишко ведь вымирает, Петр Ильич. Врач обязан против этого бороться.

— Как же называется эта ваша, с позволения сказать, партия?

— Очень просто. Социал-демократическая.

— М-угу. Ясно. Здорово. И какова же ваша программа, господа, в смысле товарищи, социал-демократы?

— Во-первых, воры должны сидеть в тюрьме, — сказал Шура.

— Ну, это кино я тоже видел.

— Во-вторых, украденные у народа миллиарды долларов должны быть возвращены в страну и пущены на народные нужды, — сказал Мознаим.

— В-третьих, расстрел бандитов без суда и следствия, — непримиримо потребовал Хазанов, у которого двое быков на рынке засекли бумажник и спросили полтину баксов, а после категорического отказа удивились мягко, так что он рысил до трамвайной остановки и оглядывался.

— Равенство всех перед законом, — с обидой дрогнул Габисония, неизменно прихватываемый ментами, если он выходил в штатском, как лицо ярко выраженной кавказской национальности.

— И вообще борьба с коррупцией властей, — подытожил боцман.

Ольховский раздавил окурок в пепельнице и сжал ладонями виски.

— Ребята, — взмолил он. — Перед нами серьезные задачи, вы знаете. Надо срочно кончать ремонт, и чтоб ни одна сволочь об этом где не надо не знала. И только после этого нам предстоит тяжелейший переход по незнакомым местам. И только после этого — когда мы прибудем в Москву — мы должны сделать то, ради чего все это затеяли. А у вас детство в заднице играет! Честью прошу: не надо партий, не надо бардака, не надо всяких революционных советов!..

— Почему?

— Потому что чем больше такой демократии, тем меньше толку. Кто в лес, кто по дрова, пар в свисток. Один способ есть делать дело, один: единоначалие и дисциплина!

Тогда Беспятых вздохнул и, чувствуя потребность в каком-то жесте, надел фуражку.

— Вы не правы, Петр Ильич, — сказал он. — Людям необходимо уважать в себе личности, а не быть пешками. Им важно сознавать, что они не про-

сто исполняют приказ, а реализуют свою собственную волю. Мы ведь все это делаем не потому, что вы приказываете, а потому, что все так хотят, потому, что ведь нет уже ни сил, ни охоты продолжать всю эту, простите, мутотень, которая из года в год творится. Так что я могу только порекомендовать принять положение вещей таким, как есть — поскольку это к нашей общей пользе.

— Вот что я вам скажу, товарищи социал-демократы. Кто хочет делать — делает, кто не может делать — болтает. Любая болтовня происходит за счет энергии, отнимаемой у дела. Вы — можете сказать конкретно: что вы делаете?

— Можно сказать, неуставными отношениями дополняем уставные. Для пользы дела. Работы на борту, моменты дисциплины. Моральная подготовка к решению задач в ближайшем будущем. Взять хоть сегодняшней инцидент. Принято решение: впредь не допускать.

— М-да, — крикнул Ольховский. — Мерси за помощь. Остается только одобрить, так, что ли? Ох не знаю, ребята... И какие же полномочия вы себе дали?

— Поскольку цель у нас с вами одна, — ласково улыбнулся Хазанов, — то полномочия наши самые широкие. Можно сказать, любые. Но — в рамках пользы дела.

— Так... И кто же у вас, так сказать, парторг?

— Я, — сказал Шурка.

16.

На утренней поверке недосчитались электрика Рябокопя. Поиск следов не обнаружил. Чтобы он сходил на берег — никто не видел. Вахтенный таращил честные глаза. Все вещи были на месте, включая полный комплект парадной формы.

— В гражданке, у бабы где-нибудь, — недобро предположил Колчак.

— Началась демократия, — процедил Ольховский. — Шкуру, шкуру спущу!.. Совет, па-артия... гниды. Ладно, подождем немного.

Он наорал на дежурного и пригрозил команде отменить послеобеденный сход в город, невзирая на убытки от отсутствия дневного заработка.

Ждать пришлось не далее как до обеда. Вестовой внес в командирскую каюту поднос для снятия пробы.

— Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться.

— Ну? — сказал Ольховский, проворачивая ложкой густой рассольник с ломтями рыночной говядины и конусом рыночной сметаны.

— Совет просил передать вам, что о Рябоконе беспокоиться не надо.

— В каком смысле?

— В таком, что, значит, как бы сказать, стукачом был.

Вестовой подвигал подбородком, вкладывая в это дополнительный смысл.

Ольховский поперхнулся так, что треугольничек малосольного огурца вылетел из горла и влип в полированную панель переборки.

— Точно, ребята все выяснили. Информатор он был. Сексот. А нам сейчас рисковать никак нельзя. Если наверх не докладывать — кто его хватится? А там видно будет. Неприятности никому ведь не нужны, товарищ капитан первого ранга.

Мгла рассеялась, и ясность позванивала под теменем, как в куполе крошечного храма.

— Так, — продышался Ольховский. — Что, значит... — одного уже пустили корюшке на корм?.. А я там у вас в плане когда стою?

Вестовой вытянулся и оскорбился подобным предположением.

— Никак нет, товащц капитан первого ранга. Такое вообще в голову никому прийти не может! Вы зря обижаете.

— Я — вас — обижаю! С-с-секретаря вашего во-
нючего с-с-совета ко мне!!

Шурка примчался, вытирая руки ветошью.

— Ну?! Что?! Самосуд!!! Под расстрел пойдешь.
Понял? Кто командир на борту?!

— Вы, товарищ капитан первого ранга!

— Так. Как это произошло? Кто сделал?

— Зачем вам подробности, товарищ капитан пер-
вого ранга. На вас ответственности нет. Совет по-
становил. И сделал совет.

— Право кто дал?

— Так и так — всем из-за одного не погибать.

— Почему не согласовали?! Почему меня заранее
никто не известил? С утра дурака из меня делали!

— Извините, товарищ капитан первого ранга. Ду-
мали, может догадаетесь. А заранее — какая разли-
ца? Только лишние осложнения и разговоры. Ваша
совесть ни при чем, мы сами.

— У меня волосы дыбом встают от вашей забот-
ливости! Шура, ты что сделал, ты что — серьезно?..

— А что делать? Арифметика простая: одна пад-
ла или мы все. Так что без вариантов.

— Но ведь до сих пор он, судя по всему, ничего
никуда не сообщал. Ребята, вы же с ума сошли.

— Береженого Бог бережет. А рисковать нельзя.

— Да как вы узнали-то? Ошибки не боишься?

— В кубрике секретов нет, товарищ капитан пер-
вого ранга. Уж вычислили. Не сомневайтесь.

Меря каюту шагами, Ольховский выдернул Бес-
пятых, целясь сорвать все зло хоть на этом друге
народа. Но Беспятых неожиданно охладил его пыл.

— Моя вина, — признал лейтенант.

— ?!

— Ну, я им рассказал как-то, что у Наполеона
были солдатские суды чести, когда рота собиралась
после боя и, если заметили кого в бою прятавшимся
сзади или в таком духе, сами, без офицеров, устра-
ивали суд и расстреливали труса. И офицерам было
приказано в такие вещи не вмешиваться.

— Ты понимаешь, что такое анархия на борту?!

— Вы неверно подходите. Уж у Наполеона с дисциплиной было все в порядке. Дисциплина духа!

— Да вот с этого семнадцатый год и начался, что велели офицерам не вмешиваться! — заорал Ольховский. — В конце концов, плевать мне на стукача-электрика! Хотя электрик мне нужен! Идиоты! Где я электрика возьму? Тебя поставлю, философа?

— Работягу на зарплату подпишем.

— Но ты понимаешь, что так они могут и нас с тобой — посовещаться и за борт! Это тебе как?

— Уж всем заодно — так заодно, Петр Ильич, — сказал Беспятых. — Обратного хода нет. А объединение команды такими вещами — оно невредно. Порука...

И тут же получил в ухо: командир был еще крепок. (Гибкая рука пианиста — хлестка на удивление.)

— Извини, погорячился, — ошеломленно сказал Ольховский, разглядывая кулак. — Ну заслужил же! Не обижайся... достань бутылку из шкафа... объединитель.

Колчак отнесся к происшедшему спокойно. «А ты что хотел — с сажей играть и рук не замарать? Никуда не денешься. Я тебя еще когда предупреждал».

Остаток бутылки Ольховский допил с замом.

— Слушай, — сказал он, — такое дело. Тут у нас давно разнарядка лежит — одного офицера на сельхозработы. Больше некого. На картошку поедешь, понял? В Оредежский район. Матросикам хвоста крутить. Только будь осторожен, я тебя прошу, — не удержался он.

Огорченный зам поупирался.

— Надолго?..

— Месяца на полтора, видимо. И ты не торопись обратно, не торопись! Варешкой щелкать лишнего не будешь, я надеюсь?

— Петр Ильич!

— Не возражать! Тебе же лучше. Нагрузишь мичмана, сам по выходным — домой. Давай, давай, завтра и поедешь, — напутствовал.

По ночам к «Авроре» приставали тихие речные танкеры, сливая по дольке малой мазут. Мознаим оказался хорошим снабженцем и, как хороший снабженец, не терял надежду в Москве продать излишки на свой карман.

Желтый и светящийся, как погон, лист слетал в Летнем саду и сплывал по серой невской глади. Чертежной штриховкой расписали пространство дожди. Петропавловский шпиль неся в проткнутых тучах, как перископ всплывающего к невидимому солнцу города.

Седой и хитрый Арсентьич перестал цыкать на своих, «понявших службу»: крутились только так. Умудрились найти спеца-аса и без сухого дока наварили кронштейн левого гребного вала.

— Ну что, командир, — подвалил Арсентьич как-то утром. — Паропроводы собрали. (Модульные трубы из нержавеющей стали были сперты со стенки у подлодок-бомбовозов, надежней не бывает.) Будем пробовать греть котлы, пары поднимать.

Ольховский спустился в машину. Зыбкий зеленый свет тек сверху сквозь световые люки, отмытые до ангельской прозрачности. Факелы форсунок бились и гудели в топках обоих котлов, шуршал и ухал водяной насос.

— С Богом, — сказал Колчак, снял фуражку и ударил себя по колену.

Красные стрелки манометров еле заметными движениями стали переползать деления.

— Провернем? — спросил Ольховский.

— Поднимем сколько можно и посмотрим сначала, как контур, — озабоченно сказал Мознаим.

— Еще пару часов можно отдыхать, — прикинул Арсентьич. — Если все будет в порядке — провернем винты на самых малых, поглядим.

Без всякой надобности Ольховский пошел проверить часового у «крыйт-камеры», где в штабель

лежали семьдесят пять дощатых зеленых ящиков, и в каждом, в выпиленных гнездах перемычек, помещался снаряд с пластиковой пробкой, ввернутой в усеченный конус головной части в гнездо взрывателя — и отдельно и ниже гильза, под залитой парафином крышкой которой ждал полный комплект пороховых картузов. Цинку с взрывателями Ольховский держал в собственной каюте. Если что — уж лучше пусть грохнет там: сразу.

Винты провернули к вечеру.

18.

Давай, брат, отрешимся, давай, брат, воспарим, в тихих сумерках дернем дешевой дрянной водки и трехструнным блатником повесим звон отсыревшей в кубрике гитары, и увидим что-нибудь такое нехитрое и романтическое, что иногда хочется увидеть, типа того нехитрого представления, что даже стоя на месте, крейсер плывет сквозь время, и под таким углом зрения любое упоминание о любой связанной с ним мелочи сразу приводит в движение, активизирует, оживляет, делает видимым и слышимым весь поток времени, омывающего его борта и надстройки: здесь били листовенные сваи и засыпали бутовым камнем, одевали набережную в гранит, снимали булыжники и мостили проезд торцами, торцы меняли на диабаз, а после стелили асфальт, здесь проходили демонстрации и обкладывали мешками с песком зенитные позиции, здесь мамы прогуливали малышей, малыши шли в школу, выросли, женились, рожали детей, старели, выходили на пенсию, умирали, за этими окнами, где много раз меняли стекла, делали ремонты и перепланировали квартиры, въезжали одни жильцы и выезжали другие, здесь менялись моды: козловые ботинки со скрипом, парусиновые тапочки, белены зубным порошком, рогожковые брюки и тенниски шелкового трикотажа, крепдешино-

вые платья с плиссированными юбками и туфли на венском каблуке, и мини, и белые ажурные чулки, и черные отутюженные брючки шириной в шестнадцать сантиметров, и голубовато-снежные нейлоновые сорочки, женские прически «бабетта» и мужские локоны до плеч, а под ними просвечивают клеши, и перманент, и стальные фиксы, и зеленые суконные вицмундиры с чеканными орлеными пуговицами в два ряда, и в музыке сменялись Утесов, Вертинский, Бернес, Элвис, Битлз, Пьеха, и прорисованы один сквозь другой портреты Николая, Зиновьева, Кирова, товарищей Булганина и Хрущева — Брежнева, Андропова, Горбачева, и через штукатурку стен бежит мелом, схваченным в классе: «Гагарин! Ура!», и даже если взять лишь один гранитный синевато-багровый блок набережной — это каменоломня в Карелии, и замордованные мужики с кувалдами и клиньями, плотная серая дымка злющего комарья, и дым костров, булькающий котел на огне, и волокуши, на которые укладывают обвязанные пеньковыми тросами блоки, и лошади, давно уже кончившие свой век на живодерне, из их копыт сварен клей со старинным забытым названием «гуммиарабик», которым гимназисты клеили осенние листья в альбомы гербариев, украшенные тонким и угловатым золотым тиснением ятей, а блоки обтесывались стальными тесалами, и державшиеся за теплый металл узловатые, разбитые работой и обросшие мозолями руки были когда-то руками детей, цеплявшимися за материнскую юбку, и каждый камень — это история счастья и слез человеческих семей, от которых только и осталось их воплощение в этом гранитном блоке, и зернистый камень навечно хранит прикосновение этих жизней, и эти бессчетные связи с миром и множеством миров тянутся от каждой гранитной крошки, в полыхании штандартов, выпелов и знамен, в лязганье и громе оркестров и пьяной россыпи гармошек, в мате, мольбах и клятвах, в веерах блеклых и радужных ассигнаций с калейдоскопом профилей, и бесчисленное

плетение времен и судеб накрывает громадной прозрачной и призрачной полусферой тот небольшой участок пространства, на котором мы остановили сейчас свой взгляд, и любой обрывок ткани бытия, любая нехитрая материальная комбинация, вроде того же крейсера — не сама по себе, но, как пел сгнувшийся в веках англичанин и поэт, но — как буксир, который, отчаянно и тихо работая винтами, пытается сдвинуть с собою вместе всю набережную, воду реки, городской пейзаж и историю города и страны, с которыми каждый миг времени он срощен воедино невидимыми и нерасторжимыми связями, являясь сам их частью и продолжением, малой гранитной крошкой времени и общего целого.

Вот во что верим мы, историки.

И мы любим истину.

Вот что такое сдвинуть с места крейсер.

19.

Безопасный секс хорош только в телерекламе. Майя забеременела, о чем немедленно сообщила Шууре и трепетно уставилась, ожидая реакции. Шура с подобным явлением природы применительно к своей небогатой личной жизни столкнулся впервые, и в понятном волнении, проникнувшись весомостью события, в ответ рассказал о том, какое ответственное дело предстоит ему. Личное и общественное вступили в классический и классицистский конфликт.

Он чувствовал себя скотиной еще и потому, что в голове, совершенно противу его желания и эмоций, истерически прыгал глумливый и подлый стишок: «Если ты беременна, то знай, что это временно, а если не беременна — то это тоже временно». Господи, какое же я говно, думал Шура.

— Вообще мы могли бы пожениться до вашего отхода, — сказала Майя. Подумала, отчаянно обхватила его за шею и зарыдала.

— Откуда я знаю, что нам предстоит, — пробор-мotal Шура, со стороны понимая высокий трагический пафос момента.

— Зачем вам в Москву!.. — плакала Майя.

— Ты что — не понимаешь, на каком корабле мы служим?

— Вам только ваши революции устраивать, а нам потом что? Как я так останусь?..

— А как все?

— Все ходят в абортарии, где их потрошат, как курей. Тебе очень охота, чтоб из меня выпотрошили твоего ребенка, да?

— Погоди, — гладил ее Шура по голове, — погоди. Наведем порядок, тогда и поженимся. Ну, как я сейчас могу? Что я ребятам скажу? А они мне что скажут?

— А если вы-вы-вы-ы не вернетесь?

— Ага, — сказал Шура. — Если смерти — то мгновенной, если раны — небольшой. Нельзя так дальше жить, понимаешь, нельзя! — закричал он, с отвращением слыша, что говорит чужими заемными словами, не зная, как сказать иначе.

Майя судорожно вздохнула, посмотрела на часы и вылезла из постели.

— Сейчас Катя придет, — сказала она, — надо одеваться. Ты только предупреди меня, когда вы поплывете. Я тебя буду встречать в Москве, хочешь?

— Вот только не надо! Сиди дома, поняла? Здесь спокойно, по крайней мере.

— Это здесь-то спокойно? Ты телик смотришь?

— Ну, относительно.

20.

Кабельное телевидение Ольховский приказал протянуть на крейсер по одной-единственной причине: следить за прогнозами погоды, поскольку ни родному городскому метеобюро, ни кронштадтской службе он имел все основания не доверять. Ждали одного:

нагонного ветра, который поднимет уровень воды; а это происходит, как правило, в октябре, если происходит вообще. Как тут не вздохнуть, от какой мало-сти зависят судьбы людей и стран иногда. Впрочем, судьба моряка всегда зависела от ветра.

Теперь после отбоя команда в тапочках пробира-лась смотреть эротику и глотать слюни. Нет худа без добра. Это тоже способствовало общему подъему на-строения. Завершением на доньшке дня оставалось удовольствие.

Но ожидание напрягает, и атмосфера стала не-сколько нервной, а в манерах вдруг начала про-глядывать церемонность, через которую выражала себя значительность предстоящего: так находят опо-ру в создании этикета вокруг мелочей люди, живу-щие рядом с опасностью. Не просто, то есть, живем и служим, а каждый день готовы ого-го к чему.

Все чаще Ольховский ночевал на корабле, приез-жая домой раз в несколько дней.

— Пьер, — сказала жена в одно из последних их свиданий; откуда она взяла это дурацкое французское обращение? и произносила-то как-то в нос. Очевид-но, ей казалось в этом что-то гвардейское, аристокра-тическое: словно так подобало говорить аристократке, спокойно готовой к любым катастрофам, муж которой избрал военное ремесло, и риск придает остроты отно-шениям любящих супругов. — Пьер, я боюсь.

— Боюсь не боюсь, а что делать, — отозвался муж.

Никому в голову не приходило, что три часа ночи и что пора спать.

— Говорят: несчастья, страдания, — сказал Пьер. — Мы думаем, как нас выкинет из привычной дорожки, что все пропало; а тут только начинается новое, хоро-шее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много. Это я тебе говорю, — сказал он, обращаясь к Наташе.

— Да, да, — сказала она, отвечая на совсем дру-гое, — и я ничего бы не желала, как только пережить все сначала.

Пьер внимательно посмотрел на нее.

— Да, и больше ничего, — подтвердила Наташа.

Жизнь любого человека — роман, в этом — жила-была девочка, ее любили, и как она надеялась на жизнь, выросла, и вот познакомилась с курсантом, и влюбилась, и они ссорились и вновь сходились, и ревновали, и строили планы на будущее, и поженились, свадебное платье, и поехала за ним на Дальний Восток, гарнизоны, ожидания, неустроенность, беременность, сплетни и скука, служебные дразги, отпуска на Запад, родители стареют, подарки и выпендрож перед подругами, морщины и грузнеет красивая фигура, а сын растет и идет в школу, уже помнишь себя в этом возрасте и с ужасом не веришь своему пониманию, что пошел второй круг — твои дети стали людьми, а ты старой, как твоя мама при тебе-школьнице, у мужа появляется седина, у вас тускнеет интерес к жизни, и уже что-то болит по ночам, и спишь, наконец, в ночной рубашке, которая раньше при муже была непонятно зачем нужна, а сын... сын, твой, пристрастился к наркотикам, а муж пропадает на службе все позднее и чаще, а считать приходится каждую копейку... и давний отпуск в Сочи, и как он ей, еще студентке, дико смущаясь, подарил белье, и она хохотала его смущению, покупка стирального порошка, визиты к стоматологу и гинекологу, уборка квартиры, пронзительная жалость к старению другого, и неужели это тот твой праздник всегда с тобой, который всегда помнится. И когда командир всходит на борт — это входит весь его мир, и такой мир у каждого, эти миры ловко и сложно складываются, как ажурные головоломки из миражей, романы их жизней ветвятся во все стороны пространства и времени, и лишь в пределах объема крейсера все они соединяются, как тысяча прозрачных теней дают в сложении четкий черный силуэт.

— Ты знала, за кого выходила. Я морской офицер. Есть все-таки присяга, долг.

— Пьер, — шепотом позвала Наташа. — А нельзя заложить этот корабль в банке и уехать куда-нибудь далеко-далеко?..

— Что?

— Что, все так делают. Ничего, ничего. — Она улыбнулась сквозь слезы Пьеру. — Спокойной ночи, пора спать.

— Есть честь, — растерянно сказал Ольховский.

— Почему для всех нет, а для тебя есть?

— Отчего же только для меня. Сорок человек в команде. Зеленые пацаны причем в основном.

— Неужели ты в самом деле думаешь что-то изменить?

— Еще как! Еще как!.. Представь — если бы мы в октябре семнадцатого вложили сотню снарядов в Смольный? Вся история пошла бы иначе! Так что нечего кивать на объективные законы. Я и есть объективный закон.

21.

Некоторый мандраж на борту присутствовал. Без повода замечали друг другу, что все нормально, а будет еще нормальнее.

Колчак вернулся из командировки: на «Волго-Балте» доехал пассажиром до Москвы, проводя рекогносцировку маршрута. «Пройдем», — удостоверил он.

Облеченный доверием Шурка, томясь жаждой чего-нибудь такого, внес от лица совета предложение: провести как бы небольшой митинг у памятника декабристам, ну, типа вроде клятвы, что ли. Услышав, Колчак сделал публичное заявление:

— Кого я со школы ненавидел — так это декабристов. Боевые офицеры! — точили лясы и бездарно дали перебить сотни доверившихся им людей. Ах — пятерых повесили... Мало!!! Всех офицеров надо было перевешать — за неумение и нежелание командовать, что привело к катастрофе, за неуправление войсками

в бою, за обман своих солдат: вот в чем преступление! Хоть бы раз помянули тех, кого в картечь разметелили на Сенатской, кто вмерзшим в лед уплыл в залив: нет, нам жалко только господ аристократов, а солдаты — хрен с ними, серая скотинка, им помирать по званию положено. Один ротный залп по экипажу царя — и вся история России пошла бы иначе! Все, что требуется для наведения шороха — решимость, организованность и крепкие нервы. Власть лежит и ждет, кто ее возьмет! А тут: бал-бал-бал бал-бал-бал!

— Их там счастье, что мы пока еще здесь, — резюмировал Мознаим.

22.

Если в Петербурге и случается раз в полвека наводнение, то бывает оно ближе к середине октября. Но редкий год проходит без того, чтобы западный ветер с Балтики не запирал невисское устье нагонной волной; тогда тяжелая вода выплескивается на ступени Адмиралтейства, скрывается в глубине булыжный обвод Василеостровской стрелки, лужи бьют вдоль Менделеевской линии, и в кайме мусора пологие валы полощут гранитные фасы петропавловских бастионов. Стихия, понимаешь, и поэзия. Диалог Медного Всадника с дамбой. И ничего дамба, как выяснилось, не помогла: застоялая акватория залива цветет и пахнет, но проходы встречных вод в ней достаточно широки, чтобы мощный сход невисского течения при западном ветре в считанные часы поднял уровень реки на метр и два выше ординара.

В восемь вечера Колчак лично привел портофлотовский буксир: нельзя было рисковать непредвиденными задержками. Буксир назывался «Мощный», но мощность его была умеренной, средней; хватит. Рабочий день в порту кончился в пять; состоящую из четырех человек команду пригласили на борт закутить. Буксир ошвартовали по левому борту.

Дождевые струи летели полого, дробя зигзагами проблиски фонарей; подходящая была погода. С оттенком художественной символичности и исторических параллелей, что вовсе необязательно в реальной обстановке.

К одиннадцати уровень воды был на восемьдесят пять сантиметров выше ординара.

— Ну что же, Николай Павлович, — сказал Ольховский, — полнолуние не подвело. Хоть и у лужи живем, а большой прилив — он есть прилив.

Колчаку хотелось поежиться, и поэтому он расправил плечи.

— В ноль часов режем балки, — сказал он так, как запертый долгие месяцы на стоянке моряк говорит, мыслями уже в открытом море: «В полночь поднимаем якоря». — Мосты сейчас в одну разводку, сверху пропускаем — и встраиваемся: после половины третьего вылезать надо.

К полуночи вода поднялась еще на три-четыре сантиметра.

— С Богом! — Ольховский встал и надел дождевик. — Пошли на мостик!

В ходовой рубке было сухо, тепло: обжито.

— Боцману! Сварщиков с аппаратами — в люльки! Швартовой команде — на верхнюю палубу! Приготовиться к отдаче швартовов!

Стальную коробчатую балку швартовом назвать трудно, но в Морском Уставе такой команды, как «Режь балки!» не предусмотрено.

Черная волна шевелилась под самыми балками, косо уходящими от борта в воду к затопленному склону набережной. Люльки потравили с борта вплотную. Вспыхнули и загудели сине-белые острия газорезок и с шипением лизнули металл. Полыхнула и завилась стружками, растаяла краска в обе стороны рдеющего разрезного шва.

— Команде к отходу — по местам стоять! В машине — поднять давление!

Прорезали боковую и нижнюю плоскость мощных коробок и переместили люльки на другую их сторону.

Полудюймовая сталь поддавалась медленно. Верхний разрез оставляли напоследок: вес балки будет работать на разлом.

В час тридцать пять сквозь голые деревья бульвара всплыл и остановился красный огонь разводного пролета Троицкого моста.

Из люлек доложили:

— На пять минут работы осталось! — Теперь крейсер соединился с берегом лишь неширокими перемычками.

Буксир тихо застучал машиной, отошел вперед и выше по течению и надраил пятидюймовый буксирный конец, заведенный за носовые кнехты. Теперь, работая на средних оборотах и перемалывая воду за кормой, он создавал тягловое усилие, оттягивающее крейсер от берега и против течения. Одновременно облегчалась последняя работа сварщиков.

— На швартовах — стоп. Все на местах. Машине — готовность к оборотам!

В час сорок поехал вверх сигнал здорового центрального пролета Литейного моста.

Неслышный за шорохом дождя речник, двоя в черном зеркале огни надстройки, заскользил сверху.

«Четвертый, — считал Ольховский, — пятый... Сколько их сегодня?..»

В два двадцать шесть ходовые огни поднимающегося судна вылезли справа из-за угла набережной, закрывавшей обзор вниз.

— Режь! — заорал с крыла мостика вниз Ольховский, перегибаясь через обвес.

Две белые точки под бортом вздулись конусами и развернулись алым круговым лепестком по металлу.

— На буксире — полный! Машине — средние обороты на оба винта! Палыч — дай право руля!

В два тридцать негромко и медленно бултыхнул обрезанный конец носовой балки, и нос крейсера еле уловимо подался влево, вверх по течению и в кильватер буксира.

Положенный вправо руль и работающие машины стремились отодвинуть корму от берега и одновременно — скатить нос вправо в берег, что компенсировалось оттягивающей работой буксира. Теперь корабль удерживался только узкой недорезанной смычкой кормовой балки.

Уже второе поднимающееся судно приближалось к Литейному.

— Режь!! — зверским голосом гаркнул Колчак.

Кормовая балка обрушилась в воду.

— Борт чист! — выкрикнул боцман.

И мгновенно крейсер вошел в сложную эволюцию. Работа винтов и руль на правый борт направляли движение воды в берег, не давая течению навалить корабль на берег кормой. Заведенный за нос буксир, преодолевая собственную тягу крейсера, оттягивал нос влево и выводил корабль на простор акватории — если невскую акваторию вообще можно считать простором для корабля.

В результате «Аврора» двигалась не носом вперед, как обычно подобает кораблю, а левой скулой, наискось удаляясь от берега всем бортом. Буксир впридачу к своим машинам и положенному против поворота рулю создавали эффект бокового движения, который так легко достигается на современных парамах винтами поворотного шага.

— Отвалили, — хрипло объявил Ольховский. Вытер мокрую и горячую изнанку фуражки носовым платком и закурил, затянувшись до диафрагмы.

— Ф-фу-у, — признал Колчак. — По стакану бы сейчас.

Ольховский прочистил горло, зачем-то топнул ногой и с шумным молодым счастьем прокричал:

— Расчет бакового орудия — к орудию! Пять выстрелов из крьюйт-камеры — подать к орудию!

— А это зачем? — флегматично поинтересовался Колчак, как будто это было самое обычное дело: ночью посреди города подавать снаряды к шестидюймовому орудию.

— А чтоб ощущали нерв жизни. Для тонуса!

Внизу промолотили по тиковой палубе прогары расчета. Снарядные ящики тащили бегом по двое и аккуратно поставили в ряд позади щита.

— Расчет бакового орудия к стрельбе готов! — с молодецкой злостью доложил Шурка, задрав голову; холодный дождь стекал по разгоряченному лицу, и он наслаждался этим ощущением.

— Радиорубка! — закричал в связь Ольховский.

— Есть радиорубка.

— Почему не слышу? Музыку на отход!

— Есть музыку на отход! — в восторге отозвался маркони, и трансляция вползвука разнесла объявленное им мимо микрофона: «Начинаем концерт по заявкам московских радиослушателей!»

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает! —

ударил над водой тяжелый мужской хор.

— Отставить! Я те покажу последний парад! Веселее!

— Есть веселее!

С якоря сниматься, по местам стоять!
Эй на румбе-румбе-румбе — так держать!

— Отставить! Без клоунства!

— Есть без клоунства!

Капитана в тот день называли на ты,
Боцман с юнгой сравнялись в талантах.
Распрямяя хребты и ср-рываая бинты,
Бесновались матросы на вантах!

— Я те дам «на ты»! Хорошо, но не по делу!

— Слушаюсь, — озадаченно сказал радист, затрудненный в выборе неопределимостью командирского вкуса. И озвучил мглу, воду и гранит суровыми ритмами:

Посмотри на моих бойцов —
Целый мир знает их в лицо!..

— Да что за мрачность! Я сказал — по настроению! Или ты настроения не понимаешь?

— Виноват, товарищ капитан первого ранга, — сказал динамик и неразличимо добавил: «А чтоб ты сдох, меломан».

Раскатисто бухнул барабан, запели тромбоны, подпираемые геликоном и покрытые контрабасом, и панацея на все случаи жизни, мелодия всего русского двадцатого века, не марш, а гордая слеза жизни нашей, серебряными литаврами накрыла ночной город «Славянка».

— Подо что же еще, черт возьми, отходить, — сказал Колчак.

Слушали в отсеках и на палубе, и без спроса затаившись от всех в своей каюте встал и заплакал Иванов-Седьмой, прервав запись: «...спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?..»

Уперев взгляд выше скрытого ночью горизонта, Ольховский мысленно обратился: «А теперь, Господи, можешь не помогать, только не мешай», — тем самым, сам того не зная, повторив молитву Бар-Кохбы, затевающего грандиозную и освободительную смуту в необозримой империи.

Вслух же он, выплюнув окурок и крепко хлопнув по колючему погону также взмокшего Колчака, в том же направлении сказал:

— А вы что думали — вы будете драть нас всю жизнь безнаказанно?!

Крейсер вываливал на фарватер.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

1.

Черные лаковые струи свивались вдоль бортов. Если прислушаться — то даже здесь, на мостике, можно было уловить тихое-тихое, воспринимаемое всем телом и ни с чем не сравнимое живое гудение и дрожь машины в глубине корпуса: крейсер жил и двигался; существование его было наполнено смыслом движения.

Дождь измельчал и превратился в ровную водяную взвесь, заполнившую ночное пространство над рекой и городом. Фонари и редкие ночные окна вдали на набережных рефракция превратила в мутные желтые одуванчики с белесым искрением в сердцевине.

Поэзия просилась к выражению.

— Редкая птица долетит до середины чего не надо, — сказал Ольховский, не запахивая плаща и с неприятностью ощущая потные и стынувшие подмышки и спину.

— Ты лети с дороги, птица, — скептически молвил Колчак из теплой и темной глубины рубки, где мерцали редкие огоньки действующих приборов. Он стоял перед лобовыми стеклами, широко расставив ноги и сдвинув фуражку на затылок. — Зверь с дороги уходи.

Буксир трудился в полусотне метров впереди, взбивая светлеющую косынку пены за полукруглой низкой кормой. Расчет бакового орудия стыл внизу шестью

темными столбиками, и выражали те столбики хозяйственную и деловитую готовность сотворить с проплывающим мимо городом то, что будет приказано с высоты мостика. Ощущение своей власти над окружающим и достигаемым миром, беззащитно спящим в иллюзии наглого могущества — придавало людям звенящую значимость. Атмосфера этой значимости продолговатым обтекаемым контуром покрывала движущийся корабль.

Разведенный мост приближался, раздвигая освещенную картинку своего открытого подбрюшья под вздетым пролетом. Силуэт буксира плавно задвигался в этот выхваченный яркими лампами кусочек сухопутного пейзажа.

— Ноль два часа тридцать девять минут, «Мощный», прохожу вверх Литейный, — доложила рубка буксира в речную диспетчерскую, и стоящая на той же переговорной волне ультракоротковолновая рация в рубке «Авроры» с характерным летящим искажением продублировала доклад.

— Не препятствовать, — хмыкнул Ольховский, ненужными словами стравливая излишек напряжения, как клапаном.

— «Мощный», вас понял, — отозвалась диспетчерская из невидимого потрескивающего далека, существующего только в области звуков и однако связанного с реальностью, как бряканье цепи за забором связано со сторожевым псом.

Электрические блики заскользили по осклизлому зеленому граниту быков, уходящих назад. Срезанная плоскость моста, в послойном сечении асфальтовых покрытий и стальных двутавровых перекрестий, проходила слева над головами. А справа накрывали и прихлопывали небо механические внутренности и огромные облупленные заклепки поднятого пролета, нереального и страшноватого, как квартал мира, построенного в вертикальном измерении.

Крейсер протянулся сквозь этот сухопутный оазис и вновь разъединился с обитаемой землей, вернувшись в естественную тьму над пустой водой.

Справа приблизились в косых столбах прожекторов бело-голубые башни и купола Смольного; за ними угадывался длинный корпус дворца.

— Ахнем сейчас по нему спокойно! — сказал Колчак, и в ответ фигурки внизу приблизились к орудию и пришли в движение.

— А-атставить, — негромко отреагировал Ольховский и наиграл грубым пиратским тоном: — Перевешаю, сучьи дети. — И сучьим детям, и отцу-командиру эта игра была приятна.

Далеко внизу по течению, где-то на фоне размытой подсветки Ростральных колонн, проблеснули за изгибом набережной ходовые огни поднимающегося следом за ними сухогруза. Все было мирно и спокойно.

— Никак идем помалу, — признал Колчак.

Он вышел на крыло мостика к Ольховскому, глядя назад, и тогда они увидели, как где-то в районе Дворцовой площади, заслоненной углом Большого дома, вершинами Летнего сада и ломаным силуэтом крыш, возникли и стали перемещаться отсветы какого-то движения. Заметались, то и дело перекрещиваясь, лезвия прожекторов, утыкаясь в глухое подбрюшье туч, донесли тукающие пробочные хлопки и прерывистый тихий швейный треск, взлетела и выписала гаснущую дугу зеленая ракета.

— Это еще что за спектакль сегодня? — спросил Колчак и переместил козырек фуражки с темени на брови, параллельно своему тарану. Ольховский методично застегнулся.

С Петропавловки скатился в воздух круглый хлопок, весьма напоминающий не столько полуденный сигнал, сколько выстрел артсистемы среднего калибра.

— Никак наводнение? — усомнился Ольховский, вглядываясь в берег.

Каменное погромыхивание удаляющегося звука исчезло, и тогда оттуда, от Дворцовой, донеслось еле различимое здесь:

— А-а-а-а-а... — Словно из сотен глоток, забываемых ветром.

Крошечные окна Зимнего беспорядочно вспыхивали и гасли. Из-за фасада выскочил и проткал темноту плавно загибающийся книзу пунктир трассера.

— Должен признаться, — врасстяжку произнес Ольховский, — что более всего это мне напоминает незабвенную съемку Эйзенштейном штурма Зимнего дворца. Но поскольку сейчас, кроме отдельных уцелевших шедевров мировой живописи, брать там решительно нечего, то я просто теряюсь в догадках! В любом случае мне сдается, что мы вовремя ушли. Твое мнение, старпом?

— Чеченская братва штурмует Санкт-Петербургское законодательное собрание.

— А почему ночью?

— Для конспирации. Традиция такая. Не принято? Ну — Никита Михалков приступил к массовкам новой версии «Милюков в октябре». Слушай: внесем разнообразие? Положим им снаряд за фасад?

— Да? Шутник. Ты сначала туда министров-капиталистов перевези.

— Уже.

— К черту! в поворот ложимся! В машине — малый на оба винта! На руле — два румба влево держать! В машине: правая — самый малый назад! А то выкатит нас сейчас кормой на мель с фарватера, замучишься сниматься...

— Да не бойсь. Мы же на буксире.

— Береженого Бог бережет.

2.

На рассвете вышли в Ладогу.

Множество оттенков и разновидностей серого цвета, составляющего основной зрительный и как следствие эмоционально-ассоциативный фон (тон) Балтики (седой, туманной) и русского Севера (хмуроватого, скуповатого), не поддается исчислению. Сизая и жемчужная облачная пелена молочно светлеет к

точке, где предполагается солнце — его место обозначено тускло-серебряным монетным кружком. Зыбкая дымка скругляет горизонт с темнеющей вблизи кромкой берега. Грифельная штриховка полупрозрачных голых ветвей разнообразит пустоты между пепельными контурами дальних строений. Мышастые фигурки разной степени плотности мягко контрастируют с грязноватой размытостью перспектив, и плывущие в воздухе волокнистые клочья конденсированной влаги от места до места смазывают картину нежной слепой мутью. Свинец, сталь, серебро, олово — четыре военных металла придают тусклую тяжесть своих отсветов окоему Севера. Добавьте акварельную гарь труб, ртутный блеск луж и ручьев, пребывающие в разных стадиях эволюции от белого цвета к черному деревянные заборы и срубы — и вы получите гибрид живописного шедевра «Над вечным покоем» с шедевром поэтическим «Приют убогого чухонца» в черно-белом, то есть исконном, исполнении.

Итак, на рассвете вышли в Ладогу.

Рассвет — это не спозаранок, хотя у нации горожан, получивших поголовное и обязательное среднее образование и паразитирующих в бетонных сотах, рассвет ассоциируется с лугом в алмазной росе, первым мычанием доброй и полезной коровы и мучительной похмельной жаждой. Зимний рассвет на Севере — это то время, когда в странах более южных и вследствие того цивилизованных (если только не наоборот: более цивилизованных и вследствие того более южных) трудящиеся и капиталисты прерывают бодрое сосание соков друг из друга и покидают рабочие места ради вкушения ланча, что дешевле стоит и легче обходится. И это еще хорошо, потому что если зимой забраться на русский Север подальше, то вообще не рассветет, даже если петух исполнит Седьмую симфонию Шостаковича от первой и до последней ноты; что гарантирует эти Богом заповеданные места как от ланча, которого там отродясь не нюхали, так и от капитализма, бессильного

против единства национальной формы и содержания, являемых бутылкой и огурцом.

Но зато в конце октября рассвет приходится исключительно вовремя: к подъему флага. Дрогнула дробно и замерла двойная шеренга на юте, отсыревшая флажная шерсть зашевелилась складками и поползла кверху, и до боевого сияния начищенный латунный горн старинным петровским сигналом (голландским, парусным, морским!) возвестил начало дня: в данном случае первого дня плавания.

УКВ рация в рубке захрипела, раскатисто высморкалась и голосом механического людоеда сказала:

— На крейсере! Ну что, разбегаемся? Отдавай буксир. Командир, вы ход гасите помалу.

Отдали буксирный конец, врубили машину на самый малый назад, и «Аврора», медленно сбавляя движение, застыла на воде.

Буксир подработал к борту. Скинули штормтрап. Капитан буксира вскарабкался наверх, они с Ольховским залепили рукопожатие и загоготали.

— Ну что, товарищ капитан первого ранга? Вперед? — Было ему лет двадцать пять, на рано заматеревшей фигуре лопалась канадка, жесткий волчий чуб пер из-под замятой фураньки, и смотрел он сытым ухарем, которому и адмирал не бог, и черт не брат.

— Пошли, капитан, — Ольховский хлопнул его по спине, плотной, как дубовая колода. — Врежем за благополучный рейс.

— Это святое!

В каюте Ольховский плеснул себе в коньячный бокал, капитану — стакан с мениском.

— Семь футов под килем! Хотя дальше — хорошо, чтоб два фута или хоть один везде у вас оставался.

— Позавтракаешь?

— Да нет, спасибо, у нас все есть. Назад пора.

Он спрятал в большой потертый лопатник двести долларов и поднялся. С нахальной покровительст-

венностью уважающего себя и независимого профессионала обернулся от двери:

— Речной атлас, значит, у вас есть?

— Позаботились.

— В Свирь по фарватеру так войдете, а в Подпорожье советую брать лоцмана. После Онеги по каналу вам осторожно протискиваться надо.

— Спасибо, знаю.

— Давайте, засадите им там! Не-не, я ничего не спрашиваю и ничо не знаю. В портоуправлении записал, что в рембазу пошел. Ну — удачи!

Буксир дал три несоразмерно густых гудка, с морским щегольством приспустил флаг и лихо заложил циркуляцию на обратный курс, выстилая над трубой дрожащую струйку горячего воздуха.

— На руле!

— Есть на руле!

— Ты понял, что ты теперь старшина рулевых не на бумажке в штатном расписании, а на самом деле? Проникся? сын гордого Кавказа...

— Так точно, товарищ капитан первого ранга. Проникся.

— Ты не в открытом море, на компас смотреть не надо. Смотреть тебе надо на бакены. Проходишь рядом левым бортом. А чтоб не кататься на курсе — выбираешь ориентир на берегу, и по нему держишь. Учись, пока я жив!

Саша Габисония вцепился в штурвал и вспотел от старательности.

— Машина! Средний на оба винта!

Водяной валик медленно поднялся и взгорбился перед форштевнем и развалился на две волны, плавными морщинами убегающие по сторонам. Крейсер дал ход.

Через десять минут измученный Саша был в ужасе. Давнишние занятия на тренажере перед зачетом в учебке не давали ни малейшего представления об управлении крейсером на малом ходу. А ход был мал, как его ни называй...

— Не р-рыскать на курсе! В машине — осторожно: поднять обороты до полных.

Машина в шесть тысяч тонн не торопилась отзываться на движения руля. Она шла себе, куда шла, хотя руль уже был положен чуть не на борт — и вдруг начинала наконец скатываться, и хотя руль уже был возвращен по курсу, все катилась и катилась; Саша клал руль на другой борт, чтоб выправить курс, крейсер не обращал на это внимания, пока всей массой не уваливался в противоположный поворот, который вновь приходилось отчаянно компенсировать. И хотя шли они от силы узлов в пять, след за кормой, напоминавший проглаженную утюгом дорожку с закрученными глазками крошечных водоворотов, был извилист, как путь водяной змеи по синусоиде.

— Дай сюда... р-рулевой. Положил круто вправо — и тут же отдал руль обратно почти до ровного. Вот — начал катиться: теперь держи ровно, сам дойдет до курса. Это не прогулочный катер, инерцию учитывай, понял?

Выпятив нижнюю губу, Саша сдувал капли пота. Заныла поясница, плечи затекли и окаменели. Через час он был заезжен, как после двух авральных вахт подряд.

— Чего ты дрожишь? Расслабься! Эх, морячки... Вот так кончит службу — и ведь ни хрена не умеет, если что вдруг. Старпома на мостик!

Колчак поднялся из машины с видом сдержанного довольства.

— Работает! — сообщил он с насмешливым удивлением. — А?

В машине от Мознайма шел дым — он вибрировал не меньше матроса-рулевого.

— Давление качается! А повышать мы больше не можем, Петр Ильич, если где паропровод лопнет — вставить надо, варить надо, запасных труб нет почти, а варить нержавейку они ни фига не смогут... уж давайте потихоньку!..

— Я тебе лопну, — пообещал Ольховский. — Ты у меня до Москвы в кильватере сам поплывешь... потихоньку... брассом!

В румпельном коротышка Бохан (до призыва монтер, потому поставлен электриком) замерял амперы на серверах рулевой машины.

— Товарищ капитан первого ранга! Там кто на руле — Сашка?

— В чем дело?

— Дайте вы ему в ухо, что ж он рулем ворочает, как х-х... х-х... ну гадина! Нельзя на ходу так класть руля, у нас генераторы сгорят, слабые они для нас, осторожней надо! Товарищ командир, ну опять же!

Ольховский сделал вдох и выдох. Положение обязывало — вести себя соответственно.

— Сгорят — пойдешь под судовой трибунал, — с равнодушной жестокостью произнес он. — А дальше — своих друзей сам знаешь. Раньше думать надо было! Ты третий год служишь, ты специалист второго класса, так кто ты такой?!

А ведь идем, подумал он. Сорок человек, сорок рыл зеленых всей команды, в три вахты, держится все на соплях и честном слове, — и идем!

С обедом Хазанов расшибся в лепешку. Огненный харчо продирает перцем и чесноком. Барская роскошь отбивных золотилась луковой стружкой. Обжаренная на огромных противнях картошка хрустела корочкой и сочилась жиром, а ледяной компот щекотал витым фруктовым ароматом.

— Пять баллов с плюсом и рекомендацией в аспирантуру, кок. Сколько денег в продукты вбухал — ну?

— Так ведь праздничный, товарищ капитан первого ранга. Первый день похода. — Хазанов сиял и падал, как победитель марафонского забега.

Бачковые отваливали от раздаточной амбразуры дед-морозами. Так, должно быть, чувствовала себя когда-то матросня, грянув в пиратскую вольницу и от пуза сметая все вкусное из кладовых: сегодня — жизнь, вот она!

— Дежурного по кораблю ко мне! Чайник пусть прихватит.

За письменным столом у Ольховского стоял, задрапированный зеленой занавеской, пятидесятилитровый бочонок контрабандного грузинского спирта.

— На время похода команде — восстанавливаем к обеду традиционную флотскую чарку. Ну, с корректировкой объема до наркомовских ста граммов. Разведешь пополам и проследишь лично.

Дух был поднят, и дух был окрылен. Не так стопарь важен — жест. Глоток к обеду не брюхо греет — душу радует.

Проходя отмеченными в атласе квадратами для забора питьевой воды, наполнили машинные и питьевые водяные цистерны. Хотя и загаживают Ладугу, но в известных местах чиста водица сверх всех фильтров.

3.

Заблудившийся и отставший день бабьего лета вынырнул и зажег берега Свири последним и редким осенним огнем. Понятно, что пикник на берегу имеет смысл только в хорошую погоду: глобальное потепление бывает кстати.

Дело в том, что пропускная способность шлюзов Волжско-Балтийского пути невелика, и судам порой приходится стоять в очереди, особенно если где-то впереди в шлюзе приключилась какая неисправность. О чем и уведомляют рации по цепочке.

Отдали оба носовых якоря, и после нервного напряжения последних часов и дней Ольховский, посоветовавшись с Колчаком, объявил день отдыха. Вывалили ял и в три рейса доставили всех желающих, кроме, естественно, вахты, на берег.

Сам сход на берег для моряка — это уже отпуск, развлечение, свобода: свежая страница жизни.

Прыгнув из яла и подышав, разлеглись в шуршащей теплой листве всех цветов мирового пожара и от полноты чувств дружно закурили.

— Боже мой, — сказал Беспятых, назначенный старшим команды. — Вот так поставить избушку и тихо жить на берегу. Грибы собирать, печку топить, книжки читать... — Он блаженно потянулся.

Паучок, путешествующий в воздухе на своей нити, счел его черный рукав подходящей посадочной площадкой и приземлился.

— Беги отсюда, дурак, пока цел, — посоветовал Беспятых. Паучок отцепил свое воздухоплавательное средство и побежал устраиваться на твердой почве.

— Тр-р-р-р, — сказала сорока, качая хвостом; она была такая ладная и чистая, что на нее было приятно смотреть.

Даже взрослые люди в таких условиях начинают напоминать не то детский сад на прогулке, не то городских практикантов, вывезенных в лесопарк для сбора гербария и знакомства с природой родного края. Застиранные сизо-белесые робы группками разбрелись по зарослям.

— Белый! У тебя нож есть?

— Не до грибов нынче, Петька... ха-ха!..

Редкие поздние грибы-переростки собирали в береты. От нечего делать развели костерок и стали жарить сыроежки на прутиках: есть не хотелось, но хотелось всего неежедневного, другого.

— Эх, удочки нету, — сокрушался Сидорович, пытаясь сквозь очки углядеть в реке рыбу.

Немедленно стали обсуждать, где найти крючки и леску, чтобы Хазанов построил уху из свежей речной рыбы, которая так любезна под стопку.

— Шурка, ты что после дембеля делать будешь?

— Организую фонд реставрации морских памятников Петербурга.

— На хрена?..

— Дура, а ты прикинь, какие бабки. Кто те памятники считал...

— А я б организовал небольшое такое бюро сексуальных услуг. Любые виды, льготные расценки. Только, боюсь, на этом рынке все давно забито.

Колчака подвезли одного позднее. В джинсах и куртке по случаю выходного он лежал на животе в сторонке. Уткнул нос в листья и наблюдал кипение лесной насекомой жизни. Божья коровка сновала вверх-вниз по стеблю, обследуя и охотясь на тлей. Мелкие черные муравьи волновались за свое стадо внизу. А крупные рыжие пробегали своей тропкой, четверо потащили хвоянку, а пятый пытался пристроиться с разных сторон. Жук, похожий на половину рифленной бронзовой горошины, зарывался под желтоватую жилу травяного корня. «В Севастополе еще купаются, — подумал он. — В школу без пальто ходят. Денег им еще на месяц хватит, а там... Машина в Питере стоит — деньги, если что... а там разберемся. Кто сейчас вообще знает, что будет через месяц?»

Настроение было безусловно лирическое... Несколько часов в лесу ложились в память как большой и наполненный впечатлениями день. Хотя никаких поводов к впечатлениям, казалось бы, и не было. Средней паршивости лесок с болотистыми низинами. Надо хоть годок-другой отгрубить на железе, чтоб оценить сухую листву под ногами, и треск сороки на вершине черно-зеленой ели, и полянку раскисших маслят, и рдяную шрапнель рябины, которую стали немедленно жевать и сплевывать.

Вдохнешь вот так — родная земля, и даже в груди щемит. А походишь пару часов — устанешь вдруг с непривычки, и скучно вдруг и неинтересно на этой земле делается. Как писал писатель, и все хорошо, да что-то нехорошо. И мысль одна, и банальна она до тошноты и противности: как вообще на земле хорошо, и как мы в частности неправильно живем, а правильно почему-то неохота. А и охота — так неясно, как. А и ясно — не получается. А если получается — так вечно не то, хоть немного, но обязательно не то.

Но есть варианты, ребята, подумал Колчак. Бывают варианты.

Особенно же хорошо на земле, когда знаешь, что сейчас — домой, на борт.

— Ну что — конец экспедиции? В шлюпку!

4.

Лоцмана сговорили на ходу по радию. Лоцманов по старинке полно — водить им нынче особенно нечего.

Лоцман был — загляденье, хоть сейчас в парадную хронику. Походил он на старого артиста советского кино Олега Жакова, блиставшего и трогавшего души зрителей в ролях старых рабочих, хитроватых боцманов и самородков из народа, не шибко сильных в общей грамоте, но смекалистых крепким народным умом. Седоус и сухощав был боцман, мал и прям, и в чисто промытых морщинах таились подначка, честность и куча прочих положительных качеств. Он внушал симпатию. О нем хотелось заботиться и называть «батя». Короче, хорошо вписался в команду.

Лоцману выделили каюту и место за столом в офицерской кают-компании. Походило на то, что он знал о своем сходстве со знаменитым некогда артистом и, в свою очередь, старался играть взятую на себя роль, находя в этом лишний повод к самоуважению. Кителек был стар и отутюжен, тельник стар и свежестиран, латунный краб на заношенной капитанке потемнел от времени и речной сырости. Нет, лоцман ласкал взор. Соответствовал. Трогателен и надежен одновременно.

Ощувив уважение, лоцман, которого звали Максим Егорович, тоже такое хорошее народное имя-отчество, и которого все тут же стали, естественно, звать просто Егорыч, — так вот, лоцман попросил поставить ему на мостике кресло, чтоб он мог там с удобством проводить все время безотлучно. А поскольку кресло оказалось низким, и лобовых стекол

не доставало, Егорыч попросил подставить под него какую-нибудь подставку, ящик. На этом подиуме он, сидя в кресле, напоминал знаменитого виолончелиста Ростроповича, того самого, чей особняк был виден с «Авроры» на набережной оставшейся далеко позади Невы, солирующего в концерте перед оркестром, чтоб всем было его хорошо видно и сразу понятно, кто в оркестре главный.

Водрузив свое сухонькое тело на насест, он туманно возвестил рулевому, как бы сразу давая понять распределение функций:

— Партия — наш рулевой. — Выпить за обедом он уважал. Уважал и в другие приемы пищи, и между приемами тоже.

Рулевые тут же окрестили его «лоцман Случай». Сидеть молча ему было скучно, он чувствовал настоятельную потребность передавать молодым морякам свой большой навигационный и жизненный опыт, иллюстрируя бытовую философию доходчивыми примерами из богатого лоцманского прошлого.

— А вот еще однажды под Северодвинском был случай, — упоенно журчал он. — Иду я это раз по деревне, в магазин зайти. А деревенька — мужиков ни одного. А я в форме, молодой, здоровый, грудь в медалях! И вдруг — бабка навстречу: миленький, говорит, выпить хочешь?

— Понятно, — хмыкал рулевой.

— Ничего тебе не понятно! Старая такая бабка, старушка, можно сказать.

— Понятно. Не бывает старых бабок, бывает мало водки.

— Ты слушай сюда! Бабушка, понял? Я, конечно, говорю: не страдаю, но всегда можно. Зовет в дом. Показывает литровку самогона. И говорит: угощу как полагается, только вот мне корову забить надо. Старая, болеет что-то, надо хоть на мясо продать, пока не сдохла, сердешная. Ладно, говорю, бабка, наливай. Она мне налила стакан — и все: нет, говорит, сначала дело сделать надо. Беру тесак, иду

в хлев. Стоит корова и на меня смотрит. Буренка. И глаза грустные. Ну — не могу! Рука не поднимается. Ей тоже, думаю, что ли, выпить дать, чтоб легче ей было, для поднятия духа перед переходом в лучший мир. Бабка услышала — ни в какую: не для коровы, говорит, самогон делан, да и не станет она. Коровы, говорит, не пьют, где это слыхано!

Бабка, говорю, а ты ей наливала? Вот потому и не пьет. Так бы все не пили, если б не давали. Неужто тебе собственной, можно сказать, кормилице стакана перед смертью жалко?

Налили корове. Бабка переживает: мясо алкашом разить будет. Закусить, говорю, дай от запаха. Но в самом деле не пьет. И смотрит грустно, сердце разрывается. Не могу я ее убить. А выпить охота. И женщине помочь надо. И корове — чего мучаться зря?

Был бы, думаю, наган — выстрелил бы я ей в затылок. Из милосердия. Уж больно она тощая и страшная, все равно не жилица.

— Бабка? — не удержался рулевой.

— А? Да бабка тоже. Я про корову. Таковую и есть грех. Зубы об кости обломаешь. Но нагана у меня не было.

В общем, выпил я и ее стакан и пошел к себе. И встречаю минера с эсминца знакомого. Он говорит: ты чего такой печальный, как с похорон? Нет, говорю, похороны как раз не состоялись. И все, значит, ему рассказал. Он вскинулся так и говорит: жди здесь. И быстрым шагом ушел.

Вскоре возвращается и говорит весело: пошли, выпьем. Куда? Да к твоей же бабке! Но ведь корову забить? Мое дело, не волнуйся.

Ну что. Приходим. Вот, говорю, бабка, привел специалиста. Он по специальности корабли ко дну пускает вместе со всей командой, ему твою корову к морскому царю отправить, в смысле к коровьему богу — как плюнуть раз. По сравнению с ним Малюта Скуратов — практикант маникюрного салона. Только — сначала выпить. Он в трезвом виде мухи

обидеть не может. А выпьет — выноси святых, гроза морей, его адмиралы боятся.

Достает бабка свою бутылку, хлеб-огурчики, и хорошо мы посидели. Ну что — пора дело делать. Идем в хлев.

И тут он достает из кармана толковую шашку, шпагат, и приматывает ей — корове, не бабке, конечно, — шпагатом шашку к рогу, ко лбу, значит. Я говорю: а много не будет? Все же непривычный способ мясо заготавливать. Будет потом, как в магазине — копыта да вымя. Он успокаивает: ты что? разве это заряд? да это только утке голову оторвать, я ж минер, это дело понимаю. И вставляет в гнездо детонатор со шнуром. И сигаретой его поджигает.

Я говорю: ты — гений! Действительно, голову в корове не едят, там мяса нет, развернет — не жалко, а язык ото лба далеко, уцелеет на заливное. А он говорит: давай все же из сарая выйдем на всякий случай, все же должна быть техника безопасности: хоть заряд небольшой, но вдруг, скажем, кончик рога оторвет и в глаз попадет, на хрен оно нам надо.

Выходим. Бабка к нам: сыночки, все? Убили? Минер еще шутит так: ну, убили не убили, но запомнит нас надолго. Это как? Он рукав отворачивает, смотрит на часы и говорит: считай, бабка, до двенадцати — и иди, принимай работу, сейчас будет все. Это у него шнур отмерен был.

Бабка удивилась, но послушалась, стала считать. И только досчитала она до двенадцати — ка-ак рванет в хлеву! Крыша торчком, стенки в стороны, дым дунул и солома кружится. И падает на нас сверху какое-то мелкое рагу и кусочки пегой шкуры.

Старушка так и застыла. А минер говорит: вот черт, цель ведь не бронированная, неужели заряд неправильно рассчитал? Ведь и шашек меньших на корабле уже не было. Старушка — в вой. Я говорю: да что ты убиваешься, ведь главное — дело сделано, а мясо собрать можно и прямо продавать готовые шашлыки, лучше нарезанных. Она нас — граблями!

Ну что, ушли, конечно. Минер говорит: плевать, корове все равно умирать, причем мигом и без мук, а мы все равно заранее выпили, так что все нормально. А бабке так и надо: корова ее всю жизнь кормила — «корми-илица!», — а как заболела — так вместо доктора с лекарством зовет убийцу с ножом, старая сука, забодать ее надо было, пока коровье здоровье позволяло. Вот и пусть теперь хоронит боевую подругу по-христиански... если соберет... что за каннибальство, в самом деле.

— Старый, мы ж мимо бакена прем! — завопил рулевой, вращая штурвал.

— Ах, — засуетился лоцман, — куда ж ты смотрел, оглоед! Так и на мель сесть можно.

5.

Плавучая лавка — это скорее развлечение, чем шопинг. Обычный набор жратвы и ширпотреба по обычным ценам и даже завышенным — за услуги. Услуга и удобство в том, что лабаз сам подворачивается тебе под борт, а сбросить ход на полчаса — это, конечно, не швартовка к берегу с походом по магазинам.

Под лавку был оборудован музейного возраста, колесный еще, плоскодонный речной пароходик. Круговые веранды прогулочных палуб зазывали доморощенной рекламой, нацепленной на дырявый сетчатый обвес. Окна бывших салонов и кают были зашиты фанерой и жестью, дешевая голубая краска придавала архитектуре сходство с павильонами в парках культуры и отдыха той же эпохи, в какую пароходик имел имя и катал по рекам праздничных трудящихся пятилеток во время их аккуратно оплаченных отпусков. Теперь же его внутреннее хозяйство не отличалось от секции любого рынка, где деловитые челноки теснятся и предлагают стандартный набор испанского оливкового масла, китайских кроссовок и южнокорейских видеодвоек.

Остановились более из любопытства. Шурка, как секретарь судового Р. В. С., подошел к командиру и, стараясь сочетать деликатность со значительностью выборного лица, передал, что экипаж интересуется поглядеть — если время, конечно, позволяет. Время позволяло.

Лавочный народ оживился и вылез наружу: военные корабли здесь каждый день не расхаживают.

— Мужики — эсминец!

— Ты что — крейсер.

— Ниче-го себе — это что, «Аврора»?!

— Эй, ребята! Это вас в честь той «Авроры» называли, или это она и есть?

— В Москву переводят, — с неприязнью объяснил кривобокий язвенник, выражая хроническое неодобрение всему, с чем его сталкивала жизнь. — Все им надо перекурочить, разорить.

— Эй, на «Авроре»! — развязным дуэтом одобрила пара качков, по виду и обстановке державшая функции крыши этого плавучего базара. — Что, идете по Белому дому выстрел давать?

— Вы цельтесь лучше, братаны!

Это дало повод к новому взрыву веселья:

— На крейсере — наводчики не нужны?

— А снаряды купили?

С «Авроры» засвистели:

— Купили!.. На ком попробовать?

Из всех покупок Хазанов взял дешевого кетчупа, а сигнальщики вкладчину на троих приобрели нательную шерстяную рубашку, отданную из контейнера секонд-хэнда практически даром. Груня приценивался к памятной значку «Минзаг „Тарантул“»; Сидорович забраковал оправу для очков. Экскурсия.

Но щупая прессованный ряд кожаных курток, Шурка задумался туманно. Кожанки, конечно, не ахти — тундра: турецкой, разумеется, кожи и недорогой выделки. Щеголять в такой хочет деревенский подросток и экс-полуинтеллигент, вкус которого сформирован дефицитом советской эпохи.

От нечего делать и слабо забавляясь каким-то модельерским позывом, он отлепил и выдрал из связки черную двубортную тужурку. Облачился до бедер и повернулся перед косо отколотым зеркалом. Бросил через плечо молодому:

— Принеси-ка беску из кубрика. Быстро.

— Твою, Шура?

— Все равно. Можно мою.

Снял ремень, перетянул им кожанку. Поправил тельник в вырезе. Стащил берет, бескозырку надвинул на правую бровь. Сделал нужное лицо.

Лихой и опасный революционный браток подмигивал из зеркала. Не хватало только перекрестия пулеметных лент, набитых остроголовыми латунными патронами, и деревянной кобуры маузера на узком ремешке.

В черной коже было — надежно. В зеркале она казалась непродуваемой, непромокаемой и вообще неуязвимой. Вот именно, подумал Шурка. К ансамблю просились в образ суконные клеши парадки, полощущие по ветру при шаге, и угловатые сияющие ботинки, отчетливо бьющие подкованным металлом.

Феномен зеркала изучен мало. Кстати, психологи утверждают, что мужчины смотрят в него чаще женщин. Зеркало сговорчиво, убедительно и услужливо. Шурка предстал значительнее себя самого. Его зазеркальная сущность обрела адекватное выражение: в таком духе, что от винта, ребята, Балтийский флот идет наводить порядок.

Одна из особенностей зеркала, вставленного в реальность — его уподобление картинке, совмещенной из двух изображений: она как бы пульсирует перед глазом, и изображения скачут, заменяясь туда-сюда одно на другое. Отражение возникает как реальность, а окружающая реальность становится деталями к центральной картинке или просто ерундой.

В данном случае дело ведь было не в моде восемнадцатого года, когда конные армии под клинок выбривали степи, маршевые матросские батальоны

грузили в теплушки снятые с кораблей кольтовские пулеметы, а «Аврора» на двадцати четырех котлах Бельвиля о трех винтах давала девятнадцать узлов и имела семьсот человек команды. Все эти исторические подробности, так же как и черные кожанки, перекрещенные лентами и ремешками маузеров, были лишь внешним выражением того, что делалось в душах и чего этим душам требовалось.

Но в столь глубокий анализ Шурка не вдавался и умными формулировками не оперировал. Он просто сказал себе: «А чего, по делу», выразив этими словами образовавшееся настроение.

А дальше было так.

В этом настроении он наморщил лоб, пошевелил губами и спросил у продавца, похожего на тихого инженера, который через силу тщится канать под прожженного коммерсанта:

— Сколько таких у тебя?

— А тебе сколько надо?

— Сорок.

— Сколько?

— Матрос не мелочится, дядя.

— Погоди. Сообразим. Серьезно берешь? Найдем.

Продавец коротко перекинулся с соседкой, плотно упакованной в коричневый с наворотами кожан пышкой, подошел к длинному хмырю с тремя колечками в ухе, тот покивал и врылся в закрома.

— Размеры-то у тебя какие?

— Подходящие! Все есть. «М», «Л», «ИксЛ». По-старому — от сорок шестого до пятьдесят второго, как раз.

— Только — черные. И не короткие.

— Выберем... Посмотришь.

Шурка тихо проинструктировал двух молодых, которые дисциплинированно паслись рядом.

Через несколько минут штабель курток чернел у двери и поблескивал складками. А за штабелем молча выстроились полтора десятка матросов, и двое передних почему-то — со штык-ножами вахтенных на поясе.

— Относи! — скомандовал Шурка, и охапки курток поплыли над пружинящим трапом на высящийся серый борт «Авроры».

— Бубнов! — окликнул Беспятых, удивленно наблюдая сверху эту торговую операцию. — Ты что это тут за базар затеял?

— Судком закупает спецодежду, товарищ лейтенант, — ответил Шурка, сосредотачиваясь перед серьезным разговором с продавцом.

Продавец в четвертый раз потыкал кнопки на калькуляторе и с душевным подъемом огласил итог:

— По пятьдесят пять баксов считаем — две тысячи двести. Шурка, не снимая своей кожанки, сунул большие пальцы за ремень и посмотрел крепко и сумрачно.

— Понял, — сказал продавец. — Скидка оптовому покупателю. Одна куртка — в премию. Две тысячи сто пятьдесят за все. Идет?

— Сейчас пойдет, — пообещал Шурка недобро, перемещаясь к своим. — И больше пойдет. — Матросы за его спиной переступили, приноравливаясь к месту на случай возможных действий.

Возникло промедление.

— Какие проблемы, ребята? — улыбался продавец, чуя и не веря в плохое.

— Никаких. Бумагу, — сказал Шурка, и ему подали бумагу. — Ручку, — сказал он, и подали ручку. — Тебя как зовут, дядя? — спросил он у продавца.

— Валера. Валерий Никитович. А что? А тебя?

— Фамилия?

— Чего — фамилия? Ты плати!

— На что тебе его фамилия? — подняла голос соседка-пышка.

— Ну, предположим, Лепендин. И что? Ты не темни, давай плати!

Торговцы зароптали и стали подтягиваться. Запахло крупной, неординарной разборкой.

— Где бандиты наши? Позовите, — велел кривобокий язвенник.

Шурка положил бумагу на картонную коробку и под взглядами стал писать:

«Расписка.

Нами, экипажем крейсера „Аврора“, взято у гражданина Российской Федерации Лепендина Валерия Никитовича кожаных курток черного цвета производства Турция сорок штук на сумму две тысячи двести долларов США. Обязуемся отдать с процентами, десять процентов в месяц, не позднее чем через месяц в городе Москва. В случае, если форс-мажорные обстоятельства не позволят рассчитаться с продавцом, эта расписка служит основанием для подачи в суд на экипаж крейсера и наложения ареста на личное имущество членов экипажа.

Председатель Революционного Военного Совета крейсера „Аврора“ старшина второй статьи А. Бубнов (подпись, число)».

Лепендин разбирал неровные строчки вверх ногами и озирался в надежде на помощь.

Шурка распрямился, отхаркнул в горле сгусток и, сглатывая и не поднимая глаз от расписки, громко прочитал.

— Ни-и фи́га себе наезд, — протянули в толпе.

— Ребята, да вы что... — прошептал убитый продавец, вздрагивая одной половиной лица.

Качок с коротким коллоидным рубцом в углу рваного рта передвинул за ремнем пистолет со спины на бок, так чтоб было видно под курткой.

— Гони бабки или товар, — сказал он, не мигая и взглядом отделяя Шурку от остальных — на секунду тот ощутил себя одиноким и в его власти.

— Не смехи, — с неожиданным акцентом посоветовал рядом Габисония и показал большим пальцем за спину, в закатанный шаровой краской броневой борг. — Тебя не утопят. Тебя на кусочки порвут.

Шурка опомнился и ухмыльнулся рваноротому.

— Он храбрый, — сказал он. — Ему семьсот человек — тьфу. Санек, автомат возьми у дежурного, он без ствола не понимает.

— Тебя ведь достанут, — сказал качок спокойно. — Ты меня понял?

— Понимать будешь ты меня, — ответил Шурка, сладко наслаждаясь позицией силы. — Сидор — принеси-ка от боцмана шкерт для рваного, чего откладывать.

Качок цыкнул слюной. Его напарник, до сих пор молчавший, вытащил макаров, передернул затвор и сунул за джинсы на живот, показывая готовность к продолжению разговора.

— Нельзя так, — сказал он. — Ты у кого берешь? Это наши коммерсанты. Есть же какие-то понятия. Не по-людски выходит.

— Два храбрых, — констатировал Шурка.

Но народ и криминал были едины.

— Разве можно так нагло человека опускать, — заступился хмырь с кольцами во всех выступающих частях лица.

— Хоть пожалел бы его, — укорил язвенник. — Ты на него посмотри, он же теперь из долгов не вылезет.

От этого сочувствия бедный продавец утер слезу.

Шурке стало немного нехорошо. Еще не поздно было перетащить куртки обратно. Собственно говоря, они не были необходимы. Говорил он уже на автопилоте:

— Все отдадим, Валерий Никитич. Клянусь! Ну — это в кредит! С себя последнее снимем, но отдадим. Если живы будем. Такое дело. А сейчас — надо. Тебя не мы грабим. Тебя жизнь ограбила. И не тебя одного — всех ограбила. Вот всем и надо вернуть.

— Ах ты, гад, еще театр устраивает! — заголосила баба-пышка, наливаясь клюквенным соком. — Внаглую ограбил, и еще речь толкает, как директор Госбанка! Ему чем теперь детей кормить? Да нас так никогда ни таможня, ни бандиты наши, ни милиция, никто так не грабил! Так еще только вас не хватало на вашей «Авроре» вонючей!..

— Гибни тут за вас, — пробормотал Шурка с досадой, переминаясь и торопясь уйти. — Спекулянты.

Только о своей шкуре думаете. А о нас вы подумали? А о других вы подумали?

— Фильтруй базар, брателло, — сказал мирный качок без особых примет. — Взял — так не раскидывай чернуху.

— По фене не ботаю, — презрительно ответил Шурка и согнал складки кожанки сзади.

— Прости, отец, — сказал он, пытаясь всунуть в руки Лепендину расписку. — Простите, мужики. Отдадим, клянусь.

Ко времени мостик грянул:

— Все на борт! К отходу стоять!

Снизу в разноголосье, но не очень громко, пожелали много неприятного.

С палубы долго смотрели, как уменьшается позади нелепый голубой пароходик. Всем было неловко.

— Как же это у нас ни одного ствола на борту, — потер щеку Шурка. — На голом понте до Москвы — вот не подумали...

— А ты поменьше проявляй инициативу, — посоветовал Сидорович и спустился вниз.

— А ты можешь свою не брать, — крикнул вслед Шурка. — Вот падла...

Но потом — где есть спирт, всегда обнаружатся и подкожные его запасы, — нашлось выпить, стали раздавать куртки, пошла примерка и поднялось оживление и веселье. Толкались в умывалке перед зеркалом, вставляли на цыпочки и менялись друг с другом.

— А, ничего, — решили. — Не пропадет, еще на торгует.

— Если они порядочные люди, так скинутся ему на следующую ходку, и всего делов. Это будет с их стороны честно.

— Если б у нас были деньги — заплатили бы? Да без разговоров! Тут дело не в совести... а — для нужд дела.

Совесть была не совсем спокойна, конечно, но новые куртки сильно перевешивали ее тихие поскребывания.

Выбрав лучшую, понесли Ольховскому. Ольховский куртку не взял. Выслушал и выругался.

— За следующий факт мародерства расстреляю, — посулил он, и как-то поверилось, что раз уж пошли такие дела — в самом деле может расстрелять, ничего невероятного. Если только, конечно, найдет из чего.

Вечером ревком вынес своему председателю (или секретарю, сбивались в титуловании) моральное порицание большинством голосов. Одновременно объявили благодарность за проделанную работу о заботе над экипажем. Приятно быть справедливым.

6.

Люди склонны сильно переоценивать масштабы того, что происходит здесь и сейчас. Прорыв трубы в собственной ванной куда значительней наводнения в Китае. Взять хоть бандитизм.

Война и оружие — обыденность многих времен; наше не исключение. Масштаб бандитизма в России девяностых давно перестал поражать. Разборки и заказные убийства доставляют обывателю газетное и телевизионное удовольствие: ты смотри, что делается! А убитый явно ворюга: все они хороши. Бедняков это не касается, а мы-то бедняки. Только в темноте не гуляй, деньги не свети, дочь одну не отпускай и стальную дверь поставь. Пистолетик бы еще, и имели мы всех, кто ниже нас ростом.

За последние восемьдесят лет страна знала три пика бандитизма. Первый и высший пришелся на любезный и легендарный восемнадцатый год, когда наган был властью законодательной, исполнительной и... черт, какая третья? все равно ее нет. Ну, нэп, конечно, но уже не так. Краток и крут был всплеск сорок пятого-шестого: уцелевшие солдаты вернулись домой — а дома нищета, бездушная бюрократия и никакой благодарности за увечья и подвиги. А солдат привык: хочешь жить — стреляй,

надо — возьми; а оружия кругом полно. И в первом, и во втором случае государство решало вопрос быстро и эффективно: террор, расстрелы на месте и смертные статьи в судах быстрых и отчасти праведных.

Так что бандитизм девяностых отнюдь не оригинален. И не так ужасен и крут, как кажется моралистам, подверженным гипнозу собственных лозунгов ах-гуманности. В нем своя система, и почти все вопросы можно решить миром. Бандиты закрыли своими спортивными телами прорехи в деятельности государства, которое вздрагивает слабыми ножками из кармана (держи шире) олигархов. Хлеб да соль, братва.

Еще в раннесредневековой Англии каждый платил предводителю шайки бойцов, которая защищала его от других и давала возможность как-то жить. Свободным человеком считался лишь тот, кто мог защитить себя самостоятельно: имел средства и людей. Таков был закон. Никакого отличия от лидера группировки, который убежден, что любой коммерсант обязан кому-то платить. Эпоха такая.

И чем был бы плох в сквере перед Манежем памятник Робин Гуду, покровителю свободолюбивых и угнетенных, с золотом по постаменту: «Братку от тамбовских». Цветы по праздникам и депутация из Шервудского леса на майские дни,

Примерно такие мысли бродили у Колчака, а сам Колчак бродил по крылу мостика. Мысли эти носили не вовсе праздный характер, потому что по правому берегу проплыл шаткий причал, у которого три лодки и дюралевый катер синхронно раскачивались на волне, разведенной «Авророй» — а над причалом стояли два джипа: машины, законно ассоциирующиеся с бандитами; недешевые такие серьезные тачки в этой бедной глуши, где честным образом на них заработать невозможно.

При рассмотрении в бинокль сквозь слабо тонированные лобовые стекла джипов внутренность их

различалась укомплектованной лицами, менее всего вызывающими в воображении сцены мирного крестьянского труда. Лица были со вниманием обращены к проходящему мимо крейсеру. И внимание это не казалось похожим на праздное любопытство зевак, специально прибывших поглазеть на старинный корабль.

Человек, дослужившийся до капитана первого ранга и командира авианосца, может быть грешен во многих пороках, но глупость и беспечность в их число входят редко. Поэтому Колчак сопоставил историю с куртками, господствующие в обществе нравы и обычаи, лица в джипах и плавсредства у причала — и с железной лентой, какая дается многолетней привычкой к беспрекословному и любой ценой выполнению твоих приказов, скомандовал:

— Боевая тревога. Орудийный расчет — к кормовому орудью. Пять выстрелов — подать к кормовому орудью. Сигнальщикам — смотреть хорошо на кормовых румбах. Хорошо — ты понял?

Заквакал ревун. Застучали каблуки на юте. Ровным шагом поднялся на мостик Ольховский с задранными бровями:

— Что случилось, Николай Павлович?

Колчак изложил соображения.

— Не понравились мне их морды.

— Логично. Лучше перестрахуемся.

Они поделились давно остывшим негодованием по поводу того, как «жигуль» с бандитами нагло пер через КПП полка, зная, что никакой командир не захочет брать на себя ответственность за открытие стрельбы и жертвы среди местного населения; как группировки диктуют волю командирам частей, реально угрожая жизни их семей; и вообще каленым железом выжигать весь этот беспредел.

Через полчаса в тишине реки возникло еле уловимое акустическое колебание — словно точка зумера в звуковой пустоте.

— Сигнальщик — смотреть по корме!

Колчак перелистнул атлас, повел носом по карте и кивнул: «Никаких населенных пунктов на ближайший час нашего хода». Хорошее место, тихое. Хоть сарынь на кичку кличь.

Колебание быстро усиливалось и оформилось в комариное зудение. Оно нарастало, тонкий слитный звук распался на рокот, и из-за поросшего черной чащей поворота выскочил белый треугольничек буруна, сопровождаемый докладом сверху:

— Катер в кильватере! Дистанция семь кабельтовых! м-м, сокращается! Скорость восемнадцать-двадцать узлов! Команда восемь... девять человек!

— Кормовое орудие — к бою!

— Так, — сказал Колчак. — Приехали. А как ты будешь без прицела стрелять по движущейся цели? Через ствол наводить?

— А что? Пока они в кильватере на дистанции — угловой скорости не имеют. Сближение учтем! Орудие! Взрыватель осколочный!

— Погоди, а ты им взрыватели дал?

— Черт!!! — закричал Ольховский и понесся в каюту.

— Спокойно, — сказал Колчак, хотя рулевой и лоцман интересовались происходящим без всякого беспокойства, как будто к ним это не имело никакого отношения. — У нас есть минуты полторы-две. Как бы не утопить кого не того, а? Сигнальщик! Кто там в катере? Разбираешь?

— Да вроде все молодые ребята, товарищ капитан первого ранга.

— Я тебе дам «вроде»! Оружие есть?

— Да вроде не вижу.

— Еще «вроде» — убью! Есть или нет?!

— Никак нет! Оружие не наблюдаю!

На корме Ольховский, присев на корточки, ввинчивал в снаряд взрыватель. Ввинтив, он топнул, проорал жуткий мат и побежал в каюту за установочным ключом, закрепленным в цинке.

— Дистанция четыре кабельтовых!

Ствол орудия опустился, ловя цель.

— Уничтожить его профилактически, — с сомнением сказал Колчак. — Не знаю даже. Нет катера — нет проблемы.

Он набрал воздуха и заревел в громкую трансляцию:

— На катере! Глуши мотор! Не подходить! Буду стрелять!

Услышали или нет, но катер резко повернул, показав красное днище, и продолжил преследование размашистым зигзагом. Стрельба стала невозможна.

— Ты что сделал!!! — надсаживаясь, затряс кулаком Ольховский.

— Да, — сказал Колчак. — Без прицела, без автомата стрельбы, без дальномерного поста, — да. Думаю, это они возню у орудия заметили.

— Автомат! — сообщил сигнальщик. — Вижу у одного автомат... вроде, АКМ-47. И два пистолета... вроде, ТТ.

— Пиздец тебе, — сказал Колчак. — Я предупреждал — вроде.

— Есть! Виноват!

— М-да. Родине нужны герои, а рождает идиотов. Плюс — цель понял. Минус — а чем воевать-то будем? Сальдо — минута на размышление.

Ольховский взлетел над трапом, легкий и страшный, как дух мщения.

— Потом, потом! — поспешно парировал Колчак. Он закурил, оскалился и сам себе задирижировал сигаретой:

— Так!!! Боцман! Все ведра наполнить мазутом — и на палубу! Жив-ва!!! В машине! Мознаим! Давай шланг к паропроводу — и чтоб достал до борта палубы! Ты понял меня?! Док-тор-р! С бинтами на палубу!

— Чистый адмирал Ушаков! — восхитился лоцман.

— Ты что хочешь? — растерялся Ольховский.

— Потом, Петя, потом! Давай свой спирт на палубу, тащи быстро, ну! — Колчак подпихнул его вниз.

Катер с урчанием и треском уже выскочил на траверз кормы.

Серьезные ребята изготовились в нем с видом сноровистых командос и неотвратимых карателей. Не в том, мол, дело, что нас мало, а в том, что за нами безусловная сила, которая жесточайше подавит любое сопротивление, так что о нем никто и думать не могли.

Катерок поравнялся с мостиком, сидевший на носовой банке у кокпита встал и поднял раструбистый мегафон:

— На «Авроре». Есть разговор.

Колчак передернулся (как лимон разжевал) от презрения не к ним даже, замечать кого было ниже его достоинства, а к ситуации, в которой вынужден был присутствовать.

— Боцман. Ответь этим...

Кондрат поставил ведра, перегнулся с борта и ответил с искусством и от души.

— А за слова ответишь, — пообещали с катера. Рожи выражали властную решимость отчаюг, ломающих волю противника и жертвы.

Сидевший на моторе уравнивал скорость и притер катер к борту.

— Всем отойти от борта! — драконьим спецназовским голосом гаркнули из катера.

Автоматчик передернул затвор и дал очередь вверх. Две пули цокнули и прошили кожух средней трубы. Восемь пистолетов, ну до игрушечного ничтожных под шестидюймовыми стволами, уставились снизу. В этом контрасте они не воспринимались угрозой, а только раздражали. Но держались за них ребята подходящие, и в реальной схватке они имели все шансы взять верх.

Два легких дюралевых трапика с широкими скобками-захватами на конце вцепились в срез борта, и на них тут же полезли двое.

— Абордаж, ты понял? — изумился Колчак. — Вот это храбрецы!

Секунды растянулись и сделались длинными и емкими.

— Боцман — лей! — Колчак скатился вниз и поспешил к месту действия. — Сбросить лестницы чертовы!

Снизу хлопнули выстрелы, Кондрат невольно попятился от борта, и желтовато-черный выплеск мазута пролетел дугой и шлепнулся о воду далеко за катером.

— Вплотную!!! Где пар????!!!

«Черт, сейчас ведь влезут! Дождались!»

И тут произошло непредвиденное. В борту, прямо за трапиком, открылся иллюминатор, и что-то длинное и тонкое сильно пихнуло лезущего бойца в живот. Он согнулся, отпустил руки и, спружинив в воздухе, спиной свалился в катер на других.

В иллюминатор высунулась винтовка со штыком. За нее держались две бледные мосластые руки. Как воинственный дятел, выставивший клюв из дупла, штык ткнул вбок в соседний трап, но не достал, тюкнул еще — тот, кого он кольнул в бок, дрыгнул ногой, вильнул и соскользнул вниз.

Выстрелили, пули вскользь выбили борозды краски рядом с иллюминатором и с визгом ушли в рикошет. Снизу защитник крейсера был невидим и неуязвим.

— Подлезь высади ему обойму в окно!

— Передвинуться надо!

— Хрен дадут еще зацепиться!

— Все равно иллюминаторы по всему борту — другой откроет!

— Быстрее!

— Так стреляй, когда лезешь!

— Куда, бля?!

— По рукам!

— Давай, пока не сбросили!

Автоматчик дал очередь над бортом, прикрывая высадку — давя на психику и отгоняя: выпущенные косо снизу пули задеть не могли, но охоту лезть вперед отбивали.

Произошла краткая заминка с обеих сторон. Как писали в батальных сценах старых романов — момент был решительный.

В этот самый момент над бортом возникла дикая и исполненная боевого пыла фигура.

Но сначала объясним ее явление.

Иванов-Седьмой не мог упустить возможность пойти в знаменательный (и, не исключено, последний) рейс «Авроры». Но не сумел он и мотивировать начальству необходимость своего присутствия на борту: отказ был категоричен. Оставалось незаметно запереться в своей каюте-кабинете-канцелярии директора музея в день перед отходом, что он и проделывал неделю подряд, пока не стронулись. Он справедливо рассудил, что в переходе будет не до музея, куда никто не сунется.

Вдумчиво запасшись консервами, печеньем, кипятильником и ночным горшком, опорожняемым ночью в иллюминатор, он не казал носу, страдая исключительно от недостатка информации. Но к его услугам была трансляция, вид в иллюминатор и воображение.

Стесняясь униженности своего положения, он высчитывал и выжидал время, когда списать его на берег покажется уже нецелесообразным и можно будет выйти и претендовать на судовую роль и довольствие. От консервов с печеньем не проходила изжога и появились легкие рези в желудке. Зато, как любят выражаться эпигоны романтизированных биографий, никогда ему не писалось так хорошо, как в эти дни.

Услышав «Боевая тревога!», он насторожился, как старый строевой конь. Даже мысль не мелькнула у старого моряка, что настал удобный случай покинуть добровольное заточение. Лишь судьба корабля заботила его. А вид малого речного судна с пиратами и поднявшаяся стрельба ввергли в сильнейший гнев и тревогу и подвигли к немедленным, любым, решительным действиям по обороне фактически безоружного, беззащитного крейсера.

Он выскочил в экспозицию, суконным локтем (нет времени!) разбил витрину, схватил трехлинейную винтовку, обойму, гранату системы Новицкого и успел обратно как раз вовремя, чтобы отразить

первую атаку. После чего двумя движениями задрал иллюминатор на броняжку — и, черной молнии подобный, метнулся на палубу, щелкнув обойму в магазин.

В возбуждении выкрикнув неизвестно откуда выскочившую на язык фразу:

— Огребай, руманешти, матросский подарок! — он швырнул в катер тяжелую, пятифунтовую гранату.

Миг остолбенения внизу сменился непроизвольным и неудержимым хохотом. Иванов с непониманием проследил взгляды и увидел у себя в руке длинную рукоятку. Стряхнутый с нее ветхий цилиндрический корпус булькнул в воду и выпустил мелкие пузырьки.

Слишком возбужденный для того, чтоб отдавать себе отчет в деталях, Иванов швырнул рукоятку следом за гранатой, передернул затвор, приложился и выстрелил вниз.

Боек щелкнул. Боевая пружина была в порядке. Он сам чистил затвор. Но выстрела не последовало.

Передернул еще (хрюкающий всхлип внизу) — и выпалил!

Один в катере схватился за живот и повалился, хватая воздух. С шипением и фуканьем из патронника вылетела вверх желто-серая струйка. Иванов схватился за обожженное лицо и уронил винтовку на палубу. Давным-давно он сам залепил просверленное, как положено экспонату, отверстие хлебным мякишем и закрасил черной ручкой. Но как затесался в холостую музейную обойму чем-то когда-то снаряженный патрон, не узнает уже никто; обычное дело.

В катере захлебнулись, зарыдали и бодро полезли наверх. Упавший вытер слезы и прыгнул на ступеньки, как кошка.

Но эта трагикомическая сцена дала необстрелянной и безоружной команде столь необходимый выигрыш во времени. Над Ивановым-Седьмым можно было смеяться сколько угодно, но трусом он не был и действительно подал пример.

— Ломы! — крикнул Колчак, указывая на борт.

Но ломami подковырнуть, поддеть захваты трапов и сбросить не удавалось.

— Мазут! — в то же время крикнул он, и трое на четвереньках, пряча головы и мешая друг другу, вылили за борт, на лезущих и в катер, шесть ведер мазута — кто-то ухнул и бешено заматерился.

Следом полетели спички и зажигалки. Но они гасли сразу. Кроме того, мазут — не бензин, и поджечь его не так просто: брошенная спичка в нем гаснет, вспыхивает только пирофугас в кино.

Над бортом поднялась рука с наганом, наган выстрелил дважды, Колчак прыгнул вбок, выхватил у матроса лом и ударил по руке — попал по револьверу, он отлетел, рука мотнулась и скрылась, там крикнули:

— Ствол! Дай ствол!

Боцман совал пожарным багром над соседним трапом, за багор схватились, там пошло перетягивание каната.

— Отвал! — закричали снизу. — Ночью подойдем, тихо!

— Я говорил, бля!

— Они смотреть будут! Паш-шел!!!

Колчак штыком пробил дырку в крышке поданной гильзы с порохом, оторвал жгут бинта, макнул в спирт, отжал в кулаке и забил конец фитиля в отверстие.

— Н-ну... — прошептал он, поджег и сбросил эту бомбу вниз.

Над бортом снова высунулась рука с пистолетом, и Колчак машинально отметил, что теперь рука левая.

Внизу рвануло глухо и протяжно — как-то объемно: звук был похож на сконцентрированное в секунду шипение бенгальского огня, пыхнувшего оглушительно. Над бортом взлетели крупные искры и какие-то чадающие клочки. И сразу повалил густой черный дым.

Там завопило, заорало, гулко шлепнулось в воду.

Колчак с силой, как копье, метнул лом вертикально вниз, щурясь в гари и целя в середину этого дыма: пробить дно.

— Бросай ломы!!!

Еще два лома мелькнули отвесно.

Боцман страдальчески поморщился, вцепясь в отвоеванный багор. Остальные вопили: «А-а-а-а-а!!!»

И только тогда, приплясывая и подвывая, Мознаим дотащил свой шланг, бьющий вверх паром, до борта.

— Отставить, — сказал Колчак.

— Трафальгар, — сказал Ольховский. — Жалею, что не участвовал в баталии сей хотя мичманом, а?

В ушах, однако, звенело.

Катер, медленно погружаясь, сплывал и удалялся по течению. Вернее, это был уже не совсем катер: лобовое стекло было снесено, в кокпите зияла дыра, и он сидел почти по планширь в воде, продолжая опускаться. Тусклые красноватые язычки змеились по краске, радужным кустом лопнул бензобак, и жирный мазутный дым прoderнулся цветными нитями. Черные пятна на воде коптели и дробились.

— Восемь стволов пропало, — с сожалением отметил боцман. — И три лома, — не удержался он.

— От дураки, — вздохнул Колчак. — Нам бы такую морскую пехоту.

На несколько тел, мутно угадываемых в гари, не хотелось смотреть. Ноги в зеленых адидасовских штанах свесились через борт в воду, как будто их обладатель раскинулся в шезлонге. Две черные головы медленными толчками двигались в сторону берега, куда ветер нес и рассеивал слоистый редеющий шлейф чада.

Шурка поднял с палубы револьвер и подал Ольховскому. Ольховский повертел его и протянул Колчаку.

— Благодар-рю за службу, товарищ капитан первого ранга, — взял под козырек.

— Служу, служу, — ворчливо отозвался Колчак. — Хотел бы я знать, кому и чему...

На рукояти было выбито выше щечки: «Оружейные заводы Петра Великого — 1916 годъ». В барабане нагана оставалось пять патронов. Обшарпан до белого — ну и шпалер...

— Боцман. Трапы прибрать, борт привести в порядок... закоптили тут. Позорище: стыдно кому сказать — дюральку с пацанами утопили.

Вечером Ольховский вызвал секретаря ревкома и потоптал, как петух цыпленка. «Вот тебе твои куртки, сучий потрох! Только мы и мечтали с бандитами воевать».

Шурка тянулся с побитым, но достойным видом: готов был страдать впредь за правое дело...

— Парадокс в том, — кипятился Ольховский, — что мы нарушили справедливость, а шпана пыталась ее защищать! Революционер хренов! Шурик, сука, пущу я тебя привет Рябоконю передавать!

Пока Р. В. С. заседал по поводу: бандитов осудить и топить и дальше, но особо не нарываться, — Колчак принимал раскаяние Мознайма. Раскаяние носило форму довольно тяжелого ящика с двадцатью гранатами РГД.

— Не сообразил! Клянусь! — звенел слезой Мознаим. — Я же не знал, почему тревога, Николай Павлович! Закидали бы сразу, мне же не жалко!

— Стоп. Ты их где взял?

— Да на том же складе купил, куда вы летом ездили.

— Зачем?

— Они списанные, дешево отдали, а в Москве продать можно...

Сумасшедший дом, подумал Колчак. И ведь так везде. Может, лучше пчел в Крыму разводить?

7.

«28 октября. 12.00 по Пулкову. 61°10' сев. широты, 36°15' вост. долготы. Волнение 0 баллов, ветер северо-восточный 3—8 м/сек. Скорость 5 1/2 узлов, курс 80. Следуем озером „Онежское“ ко входу в Волго-Балтийский канал. Машины и ходовые механизмы работают нормально. Больных и раненых нет. Чрезвычайных происшествий не борту не случилось».

«Удивительно душевны и заботливы в экстремальных условиях советские (зачеркнуто) русские (зачеркнуто) русскоязычные (зачеркнуто) российские моряки. А ведь они ежедневно рискуют жизнью. Поистине риск — благородное дело. Это благородство я испытал на себе.

Доктор смазал мне ожоги лица, произошедшие вследствие выстрела из трехлинейной винтовки системы Мосина-Нагана обр. 1891 г. (экспонат инв. № 47-12) синтомициновой мазью и выделил тюбик для постоянного пользования. Кроме того, он постриг мне концы волос на голове, обгорелые вследствие вышеупомянутого выстрела. Ведь он мог бы зарабатывать большие деньги в мужском парикмахерском салоне, но предпочел верность своему профессиональному долгу и присяге. Этот скромный корабельный врач способен на многое.

Не уступают ему и другие члены экипажа. Нижние чины (зачеркнуто) матросы преподнесли мне прекрасную кожаную куртку. Она пришлась мне в пору. Дело не в подарке, а во внимании.

Командир объявил мне благодарность перед строем за поведение в бою. Смерть немецким оккупантам (зачеркнуто) врагам трудового народа!

Питание и обеспечение корабля выше всяких похвал. Если вдуматься — это тоже подвиг. Настроение команды приподнятое, боевое. Англия (зачеркнуто) Россия ждет, что каждый исполнит свой долг. Я чувствую себя так, будто сбросил десять (зачеркнуто) двадцать лет.

Прекрасно дополняют друг друга командир крейсера и старший помощник — в походе это стало очевидно. Капитан первого ранга Ольховский — настоящий флотский интеллигент, хотя порой проявляет вспыльчивость. Почему-то не одобрил мою куртку. Зато каждый день находит время играть на рояле. Он полон юношеского романтизма и пользуется за-

служенной любовью подчиненных. Капитану первого ранга Колчаку (зачеркнуто) Колчину мы в первую очередь обязаны успешным исходом боя. Его осмотрительность, разумная осторожность и высокие волевые качества заслужили ему уважение подчиненных. Вдвоем они составляют идеальное командование. У меня даже появилась мысль, что в некоторых случаях можно единоначалие заменить двуначалием. Как говорится в народе, ум хорошо, а два лучше. Поделится этой мыслью с лейтенантом Беспятовых как с образованным офицером. Он подтвердил, что у древних римлян два (федерала? прокурора? трибуна? — переспросить) командовали войском по очереди. Да ведь и командир с комиссаром командовали вместе — и результат известен всему миру.

За обедом выпил положенную чарку, и рези в желудке прошли. Не следует отменять флотские традиции, это вредно сказывается на здоровье плавсостава.

По просьбе команды радист поставил прекрасную старую песню „Тяжелым басом гремит фугас, ударил фонтан огня!“. Очень мужественное, замечательное музыкальное произведение. Решил узнать у радиста, кто ее написал. Он сказал, что два еврея: Вайнберг и Соболев. Кто такие? Странно. Почему везде евреи? Несмотря на ряд их отрицательных качеств, мы все же за интернационал.

Вспоминаю старый зарубежный фильм „Корабль плывет“. Помню, что совершенная ерунда — моряки уходили из зала, я смотрел его еще в Кронштадте. Нет, господа — плывет наш корабль!»

9.

На подходе к Вытегре Мознаим взмолил, что в генераторе серворуля при поворотах горит обмотка, и или они достанут новый трансформатор, или он ни за что не ручается, хотя, с другой стороны, может ручаться, что крейсер буквально через двое суток

потеряет управление. Как можно заметить, его озабоченные плачи сменили тематику, сохранив тональность: временно отрешившись от семейных забот, он незамедлительно переключил свои страдания в служебно-технический регистр.

Вытегра была типичным речным поселком, разросшимся до размеров и статуса города в презрительной уверенности, что таковы и есть все нормальные города на свете: грязь и мешанина кривых деревяшек с панельными пятиэтажными коробками. Вид его являл симбиоз слияния города и деревни чисто механическим путем: сложить, перемешать и вывалить на местность, как грудку кубиков из ведерка в песочницу, размоченную дождем.

Отдали якоря на рейде, хотя назвать рейдом расширение речного фарватера напротив хилых хибар порта было бы явным преувеличением.

— Здесь магазин оптики хороший, — оживился Егорыч, — съезжу посмотрю себе очки новые, давно собирался, да все случая не было. Для дела ведь, — заискивающе пояснил он Ольховскому, мягким вымогательством получив сторублевку.

Услышав про очки, Сидорович побежал переодеться.

Вывалили ял. О чем никак не думали в Петербурге за сборами — это о моторе для малого обеспечивающего плавсредства. Не было оно нужно несколько, вот и не думали. И теперь приходилось, как на показ или в учебке, сажать шестерых гребцов на весла, старшину — на руль, и таким картинным манером съезжать на берег. Бутафорский катер висел под шлюпбалками — красавец.

— А это что за маскарад? — воспретил было Колчак, когда гребцы полезли в ял, припарадившись по форме номер три и в черных чертовых кожанках поверх. — Кто разрешил? Отставить. Дежурный!

— Товарищ капитан первого ранга, — заканючил Габисония под аккомпанемент нежных вздохов, — в

город же выходим, все равно что в увольнение. Корабль же представляем, чего ж в рабочем-то платье...

— А куртки — ну, для тепла, а в бушлатах жарко... грести.

Колчак махнул рукой — а, хрен с вами.

На берегу праздный — как по характеру, так и от безработицы — люд сориентировал носы и ноги в сторону крейсера: развлекая себя этим необычным оживлением скучной повседневности. Сенсации «Аврора» не вызвала — к кораблям здесь привыкли, пусть не к таким. Кучка любопытствующих собралась, пацаны тыкали пальцами и спорили.

Мознаим тут же выяснил, где расположен заводик, и даже где на заводике электромеханический цех, и убыл с двумя сочувствующими в коляске мотоцикла. Лоцман пряменько посеменял покупать свои очки, цапнув под локоток Сидоровича. А мичман Куркин, оставив Габисонию нести вахту у яла, с четырьмя остальными пошел пошляться по городу: раньше, чем через пару часов, Мознаима ждать не приходилось.

Ходить было приятно: черное сукно утюжено, ленточки вьются, кожан тугим ремнем охлестнут, и смотрят на тебя, как на высшее существо из дальнего счастливого края, с завистью и почтением; и подавляют в себе, из вежливости и остатков самоуважения, охоту заговорить и тем приблизиться, уравниваться отчасти. Бедная у них жизнь, понимаешь. Дыра, чего взять.

Тротуары не везде, глина липнет, фасадишки обшарпанные, машина брызги разведет — помойка на колесах. Только девчонки ничего смотрелись. Смотрелись и сами смотрели ничего. Сигнальщик, Серега Вырин, тот просто млел и маслился от взглядов — ну одичал.

— Эх-х, — раздувался, — все бабы наши были бы.

На тесном от хлама и продавцов рыночке промочили ноги, попили пива и хозяйской развальдой заложили дугу обратно.

Вот у одного фасадишка, где розовое облезло, а серое разошлось, путь великолепной пятерки пересекается с мелким скоплением аборигенов. Скопление имело форму очереди и характер демонстрации и состояло исключительно из представителей старшей возрастной группы. Причину скопления с ясностью объясняла зеленоватая вывеска «Сбербанк», блеклая и безнадежная, как прошлогодняя ботва.

Лозунги и транспаранты отсутствовали. Два десятка старушек, которые на свое горе живут дольше мужчин, гомонили на нисходящих интонациях, не в силах разойтись. Общественным возмущением предводительствовал старичок-боровичок, тип занозистого активиста дворового масштаба. На удивление большие малиновые уши, торчащие в стороны, придавали ему сходство с перекаленным чайником.

— И так каждый раз! — плевал чайник. — Сами на машинах ездят! Дворцы строят! А пенсий нет! Всю жизнь работали! Ельцин обещает, а все пустая брехня!

И согласный ропот старушек гнал телеграфную ленту, которую никогда не возьмут в руки товарищи Ленин и Свердлов, озабоченно стоящие у прямого провода на картине Юона: что на хлеб нет, на лекарства нет, на квартплату нет, и остается бы только помереть, но на похороны тоже нет. Ни живописец, ни журналист не заинтересовались бы этим сюжетом в силу невозможности продать его, как абсолютно заурядный и привычный всем уже много лет.

— Вот если бы они сейчас повесили на фасаде директора сбербанка — телевизионная реклама обеспечена, — сочувственно сказал Кондрат. — Говоруна бы посадили, другим дали пенсию — хоть на этот раз.

Шурка затормозил, упер ноги в грязь и набычился.

— Шурка! — закричал Кондрат, — идем дальше, не дури, я пошутил!

Матросы остановились с видом праздных рыцарей, которых оживляет возможность похода совершить нетрудный и приятный подвиг. Ничто так не

провоцирует дремлющие силы, как надкушенный плод революционной вседозволенности.

— А что, — цыкнул торпедой слюны сигнальщик, — неплохая мысль.

Шурка приблизился к крайней старушке, которая прятала руки в карманы красной нейлоновой куртки, перекрещенной коричневым клетчатым платком.

— А сколько рублей пенсии, мать? — спросил он.

Жалобы примолкли. Униженные и оскорбленные устали на морских витязей. Зрелище было приятным, и приятно было даже праздное любопытство, потому что выражало солидарность.

— Двести шесть рублей, — сказала старушка.

— Девять долларов, — перевел сигнальщик.

— А у других сколько?

— Да ведь у кого сколько. Вон у него — четы-реста.

— Так, — наморщился Шурка. — Десять на двадцать пять считаем — двести пятьдесят баксов на кагал. А за сколько месяцев?

— Пятый месяц табуретки грызем! — зашумел чайник. — А грызть-то уже нечем, — раззявил розовые десны.

Кондрат потащил Шурку за ремень.

— У нас столько нету, Шура, — негромко буркнул он. — А корабельные у Ольховского, он не даст.

— И правильно не даст. Самим нужны.

— Ну так че ты вхолостую заводишься? Давай сходим обратно на базар, продуктов им немного купим, что ли.

Старушки подали голос и замахали в том духе, что их положение не стоит вмешательства и беспокойства:

— Да чего, сынки, вы себе не думайте! Кому дети помогают, у кого огород. Не помрем. У нас тут немцы тоже суп раздают почти каждый день.

— Дойче зуппи, — сказал сигнальщик и высморкался, прикрыв лицо. — Во, твою мать...

Возможно, история с куртками еще жгла Шурку и требовала компенсации. Возможно, ощущение сво-

ей безнаказанности во всех поступках последних месяцев раздвинуло для него границы нормы и реальности. Возможно, у него вообще была повышенно активная жизненная позиция, и последние события его в этой позиции укрепили, как в танке. Много возможно, хотя определенно утверждать ничего нельзя. Но реальные следствия были следующие:

...Психология подвига вообще вещь интересная и заслуживающая отдельного рассмотрения. Проклятая гололедица, сказал Александр Матросов, падая на амбразуру. В науке психологии до сих пор не выделилась в отдельное русло подвигология, — несмотря на то, что спецслужбы всех стран усердно используют последние достижения по части промывки мозгов для подготовки своих агентов к подвигам во имя родины, национальной идеи и вышестоящего начальства. Если бы, конечно, тут вдруг запахло сигарой и кельнской водой, и пожаловал старик Фрейд собственной персоной, в высоком хальстухе под седой бородкой и черном профессорском сертуке — он бы без малейших колебаний поведал, что Шурка в пике юношеской гиперсексуальности лишен нормальной половой жизни с девушкой Майей и всеми прочими девушками и женщинами, и его сексуальная энергия сублимирует в отчаянные и рискованные поступки. Его ученик и оппонент Юнг возразил бы с мягкой непреклонностью, что подвиг есть архетип, в той или иной степени проявляющийся в поступках каждого, если этот каждый попадет в соответствующие обстоятельства. Бердяев же сказал бы, что имеет место христианский порыв, всегда живущий в душе и взывающий к действию, особенно в экстремальных для упомянутой души условиях, — и, возможно, пожал бы безупречно умытую руку Швейцеру, который классифицировал бы этот порыв как естественный гуманизм человека независимо от религиозной конфессии, культуры и расы. А командир районного ОМОНа в превентивных целях вмазал бы Шурке в затылок затыльником автомата и проревел

лежать мордой в асфальт, руки крестом или все на тот же затылок, и квалифицировал бы святой порыв по статье уголовного кодекса. Но поскольку никого из вышеупомянутых лиц рядом не случилось в силу разных причин, то мало искушенный в психологии Шурка выразил свои интеллектуально не оформленные позывы эмоционально насыщенным словосочетанием: «Вот суки!.. Ну мы сейчас!»

— За мной! — скомандовал он и отворил дверь, соседствующую со сбербанком. Она была обита жестью и украшена рукописной табличкой «Обмен валюты». Близость двух дверей наводила на естественную мысль о родстве и даже внутреннем единстве кроющихся за ними хозяйств.

В тесном предбаннике скучал на старомодном (еще не офисном, а канцелярском) стуле охранник в камуфляже. В фанерной перегородке была прорезана следующая дверь, а рядом с ней окошечко, в котором блестел кулон, горизонтально лежащий на соответствующем бюсте, как на печке. Обладательница бюста сонно взирала сквозь заокошечный мир с тем презрением к нему, которое превращает провинциальных служащих дам в лаек средней злобности при всех режимах.

— Все на местах, — сухо и непререкаемо припечатал Шурка, — это ограбление. Не двигаться, молчать.

— А. Ага. Понял, — от избытка согласия нарушил запрет охранник и быстро кивнул, подтверждая прием информации и отречение от служебного долга. Пять фигур в черной коже, тельняшках и бескозырках выглядели малопонятно и тем более внушительно.

Обменщица приоткрыла пунцовый рот и перестала дышать.

Охранник был держан за руки. Шурка симулировал ниже окошка передергивание невидимого затвора:

— Спокойно, милочка, к тебе претензий нет. Отвори потихоньку калитку — быстро, быстро, ну!

Спрятаться в ее кабинке было решительно некуда, спорить не представлялось возможным. Сменив

презрение на отчаянную любовь и суетясь белым лицом, она открыла замок и только тогда возобновила работу дыхательных мышц — первый вдох получился с подвывом.

— Умонька, — похвалил Шурка, втискиваясь в этот пенал и тесня крутой бок, не помещавшийся между стулом и кассовым аппаратом. — А теперь выдвинь ящичек. Не прячьте ваши денежки по банкам и углам! Сколько у тебя?

В ящичке нашлось две тысячи семьсот пятьдесят долларов довольно новыми бумажками и восемнадцать тысяч рублей: копейки не в счет.

— Шарфик. Поясок, — руководил Шурка тихим легким голосом: один человек в нем был отрешенно спокоен, а второй со стороны отмечал замедленную слаженность всех действий, получавшихся в результате удивительно быстрыми. — Ремешок... Платочек!

Еще через полминуты охранник и дама сидели приоткрытыми к стульям, с аккуратно заткнутыми ртами.

— Ключик от двери где? А табличка «Закрывается»? Ага. Телефончик оборвем... У вас мобильника нет, браток?.. бедно живете, что же так. И сидеть тихо, ну очень, очень тихо!! час не двигаться!!

Операция заняла три минуты от силы.

«Бонни и Клайд, — подумал Шурка: мыслительный процесс летел и прыгал, как слалом. — Золотое дно. Это не милостыню собирать».

Выйдя, провернули ключ и нацепили табличку. О-па — все!

Пенсионерки все обсуждали свои горестные дела, явно смирившись с ситуацией, изменить которую были не в силах: так хоть пожаловаться.

— Внимание! — объявил Шурка. — Строимся в очередь. Шефская помощь от Балтийского флота! Каждый получивший немедленно покидает это место и идет домой. Вопросы потом! Бабка — держи.

И сунул зеленый столярный столик ей в лапку:

— Пра-хади! Следующий! Эй, позови там потихому народ изнутри!

Старушки оказались не по возрасту понятливы и вопросов не задавали: неясные подозрения просто не успели у них сформироваться за скоростью неожиданной процедуры. Хотя их мыслительные процессы не носили столь интенсивный характер, как у двадцатилетних моряков, но общий ход мыслей был верным: дают — бери и беги.

— Ах... Где... Благослови вас Бог, сыночки!

— Тебе, тебе...

Благодатная почва для процветания благородных разбойников была взрыхлена и удобрена многими последними годами: даже Ванька Каин, начни он раздавать им деньги, был бы провозглашен голубем от Сергия Радонежского. Если справедливость не может торжествовать вообще — с тем большей признательностью встречаются любые частные ее проявления. В данном случае справедливости было проявлено ровно на сто долларов — а это большие деньги для пенсионера, почти способные уравновесить собой деяния царя Ирода или финансовый кризис девяносто восьмого года.

Толкание происходило деликатно: боялись раздражить благодетелей. Брала в лапку и отваливали. Двадцать семь человек получили по сто баксов, и еще четверо — по две тысячи рублей. Остатки Шура сунул боровичку с ушами: «Нам некогда, подели на всех и раздай, как встретишь». Не отдаст — и черт с ним, бухгалтерию разводить нет времени.

Лоцман с Сидоровичем уже покуривали на берегу.

— Дует на корабль, — стараясь не выказывать торпливости, подпихнули друг друга локтями. — Подъедет Мознаим — увидим, доставим. А здесь светиться нечего.

Ял приподняли на таях, сами курили у борта. Чертов Мознаим провалился. Смеялись не без нервности — дать бы ход скорее.

— Международный матросский летучий смертельный отряд пролетарского гнева — это откуда?

— Кажется, Пикуль.

— Лавренев, грамотей, — бросил проходивший мимо Беспятых.

Кондрат стряхнул пепел с кожаного лацкана, задрал кожаный обшлаг над часами:

— Ну хорошо. Дело мы сделали. Но поймет ли нас милиция, а главное — что мы ей скажем?

— Скажем, что будем разговаривать только с военно-морским патрулем. — И захохотали (отход адреналиновой реакции).

Но милиции, как и ощущалось почему-то сразу, не последовало. А последовал визит совершенно же непредусмотренный.

10.

К берегу, покачиваясь на неровностях и мягко осадив, подъехал джип размером с автобус — «линкольн навигатор», черный и лаковый, как люксовая душегубка.

Из серо-жемчужного лайкового чрева вышли средних лет мужчина в верблюжьем реглане и спортивный молодой человек в черном длинном плаще и с черным большим кейсом, скорее даже саквояжем.

Они перешагнули в катерок, отделанный по планширю полированным деревом. Катерок фыркнул, выдул над водой угарный клуб и, тихо постукивая движком, подрулил к борту.

— Господа моряки! — вежливо встал в катере мужчина. — Я бы хотел подняться к вам с визитом дружбы. Трап можно спустить?

Переглянулись: хватит с него и штормтрапа. Скинули за борт. Он достаточно ловко взобрался на палубу.

— У меня несколько слов к старшему вашей... береговой команды.

— Я старший, — выступил Шурка вперед Кондрата. — В чем дело? — Офицеры, слава Богу, были

внизу, что избавляло от преждевременных и мало-приятных объяснений.

— Вы не пригласите меня в помещение? Кстати, кто реально командует кораблем?

Шурка подумал.

— Командир, — неторопливо сказал Кондрат.

Мужчина кивнул. Он был похож на отставного функционера крепкого замеса: резкие морщины, густая проседь, в начинающей грузнеть фигуре ощущался запас силы. Абсолютное и непринужденное спокойствие как-то снимало любые возможные напряжения в общении. Ну свой со своими. Доброй школы босс. — Я так и думал. А кто командир — можно спросить?

Какие секреты, решил Шурка.

— Капитан первого ранга Ольховский. А почему вы, собственно, спрашиваете?

— Имею серьезное предложение, — улыбнулся мужчина. — А имя-отчество?

Ольховский сидел в каюте за столом, подперев кулаками виски, и углубленно перечитывал Морской Устав. Мысленно он выкручивался перед судом офицерской чести, каковым для простоты и наглядности представлял собственную совесть. Методом перебора соотнося все эволюции «Авроры» с различными статьями Устава, он находил между ними все больше соответствий и связей — пусть косвенных, отдаленных, отвечающих скорее духу статьи, нежели букве. Это укрепляло его в сознании правоты и даже правомерности своих действий и благотворно влияло на нервную систему, изрядно истрепанную. Чем лишней раз подтверждается, что он был интеллигент, не лишенный вредной для офицера склонности к рефлексии.

Шурка постучал и доложил.

— Почему посторонний на борту? — тяжело спросил Ольховский.

Игнорируя тон и суть вопроса, мужчина отстранил Шурку и вошел с естественностью равного и званого гостя.

— У меня предложение, — повторил он. — Не позволите ли присесть, господин командир? Или мне лучше обращаться «товарищ»?

— Слушаю, — бросил Ольховский, не снисходя отвечать.

Мужчина сел без приглашения, непринужденно и с приветливым видом.

— Петр Ильич, простите пожалуйста, вы могли бы ответить, кто за вами?

— За мно-ой? — протянул Ольховский с неожиданным богатством модуляций. — А вот на это... друг вы мой незванный!.. я должен дать ответ не вам. Совсе-ем не вам. — Мысленно он как бы продолжал еще диалог Устава с долгом. — Вы меня поняли? Кто вы такой, черт возьми, и почему я вас здесь терплю?!

— Так, — спокойно сказал мужчина. — Допустим. Понимаю. Считайте, что я представляю интересы этого города. Теперь позвольте сказать. Я знаю, что некоторые вопросы... скажем так, в этом городе, не решены. Я всегда готов решить их мирным путем, соблюдая интересы всех сторон. Я должен был... быть готов к вашему визиту, меня предупреждали, это правда. Признаю. И я ценю сдержанность, так сказать, пока... ваших мер.

— О чем вы, черт подери, толкуете?! — перебил Ольховский. Шурка со стороны отметил, что его задранные брови вполне могут читаться как нарочитая без старательности имитация удивления — и вдохновенно вмешался:

— Господину капитану первого ранга официально невозможно знать все. — За спиной визитера он делал отчаянные рожи Ольховскому, на что тот, пытаясь въехать в необъяснимую ситуацию, ответил угрюмым сопением.

— А ты чего рожи корчишь?! — взорвался он.

Мужчина оглянулся на Шурку, как на союзника в чужой крепости — послал понимающий взгляд.

— Хорошо, — сказал он. — Я готов пойти на встречу. Я принимаю предварительные условия, и в

любой момент готов к конкретным переговорам, только дайте знать. Единственное, о чем я прошу: сейчас у меня физически нет всей суммы. Деньги вложены в дело, откат верный. Я прошу предоставить мне отсрочку еще на три дня. Потом можете включать счетчик, слать пацанов — я отвечаю.

Ольховский откинулся в кресле и раздул ноздри. Шурка понял, что подвергнут кастрации, протянут на лине под килем и на том же лине, с которого еще капает, повешен на нок-рее. Он дернулся всеми суставами, как паяц, через которого пропустили электрический разряд. Командир прохрипел невнятное и тяжелым движением век показал, что принимает информацию к сведению и не исключает возможность договориться.

— Все, что у меня есть сию минуту, — это тридцать тысяч наличными... и еще кое-что в счет уплаты. Вы согласитесь взять?

Шурка отчаянно артикулировал, тараща глаза ромбами.

— К-ха, — сказал Ольховский. — К-хе.

— Допустим, — сказал он.

— Означает ли ваше «допустим», что вас устраивает мое предложение?

Шурка, бешено соображая, кивал с риском стряхнуть голову с позвоночного столба, шея трещала и рассыпалась от тряски.

— В том случае, если все остается без всяких последствий, — как бы на ощупь перешел Ольховский на казуистику гостя, когда говорилось все, и при этом ничего не называлось. «Ох нелегко разбираться по понятиям», — безуспешно пытался сообщать он.

— Разумеется! — облегченно расцвел мужчина. И обернулся к Шурке: — Позови моего пацана из катера, пожалуйста.

Пацан, привязав катер к штормтрапу, пришел со своим саквояжем. Он молча поставил саквояж у ног хозяина и отступил, заняв место по чину рядом с Шуркой.

Мужчина открыл саквояж и вынул сигарную коробку. Поставил на стол перед Ольховским:

— Прошу вас, Петр Ильич.

Каперанг открыл розоватый кедровый ящичек с изящным золотым тиснением и латунным замочком. Внутри лежали три пачки по десять тысяч долларов.

— Это все? — без всякого выражения спросил он.

— Вы разрешите закурить?

Произошел ритуал закуривания по достижении договоренности. Мужчина достал «Давидофф», Ольховский — хранимую для представительства пачку «Мальборо». Каждый из подчиненных сделал два шага вперед и щелкнул зажигалкой под сигаретой начальства: пацан — «Ронсоном», Шурка — разовой штамповкой. В глазах мужчины что-то промелькнуло.

Две струи дыма были выпущены с глубоким облегченным выдохом.

— Итак? — промолвил Ольховский с восхитившей Шурку холодностью.

— Я сказал, что сию минуту больше нет, и вы согласились, при условии, что в счет части суммы я сдам товар. Так?

— Ну-с.

Мужчина запустил руку в саквояж и извлек оттуда вороненый смазанный маузер с длинным двухсотмиллиметровым стволом.

— Испанские. «Астра». Фирма хорошая. Рыночная цена — у нас до полутора. Вы согласны по этой цене зачесть одиннадцать штук?

Ольховский посмаковал взглядом маузер, потер один глаз, словно тот натрудился больше другого или увидел нечто не вызывающее доверия, и отдулся.

— Вы бы еще берданки предложили, — со светским укором вздохнул он.

— Можете взглянуть на год изготовления — новье. Безотказность, пробивная сила — вне конкуренции, патроны — без проблем, от ТТ.

— По одной, — скупой отвесил Ольховский.

— Что ж, — с ноткой горечи согласился мужчина, — где-то они могут стоять дешевле. Одиннадцать — за пятнадцать тысяч: согласны?

— А патроны? — поинтересовался Ольховский, поражаясь своему вхождению в роль, которой он не знал и сейчас.

— Конечно. По полста на ствол. Не китайские, а польские, это хорошее качество. Витек!

Пацан Витек выдвинулся, левой рукой поднял саквояж и, держа на весу, правой в ряд разложил вдоль стола одиннадцать маузеров. Перед центром этого арсенального строя, бликующего лосненным воронением, он построил штабелек из одиннадцати белых коробочек: по пятьдесят патронов 7,62 в каждой. Указанный на маузерах калибр 7,63 был им адекватен.

— Слонобой, — сказал мужчина. — Жалоб не поступало.

Необязательные уже по завершении сделки его слова воспринимались как премия в довесок.

Пацан позволил себе улыбнуться. Мужчина поднялся и протянул руку:

— Значит, по рукам.

— Простите, — сказал Ольховский, — руку подать не могу.

— Обойдемся без жестов. — Мужчина убрал руку. Лицо его ничего не выразило. — Значит, мы расстаемся без претензий.

— Без.

— Будьте здоровы.

— Будьте и вы. Шура, проводи.

— Есть проводить!

На палубе озабоченно сияющий Мознаим руководил четырьмя матросами, пыхтевшими над носилками с новым трансформатором.

Бригадир, лидер, пахан, авторитет или кто он там был, спустился в катер, пацан ему следовал, одновременно как бы прикрывая. Они были спокойны, ни на кого не смотрели и не прощались — ни одного

лишнего жеста. В этой их обособленности чувствовалась своя этика и ничем не поколебленное самоуважение.

Шурка отметил, что саквояж оставили в каюте как нестоящую мелочь, тару.

Катер чихнул и пошел к берегу.

— К отходу по местам стоять! — загремела трансляция двойной дозой командирского металла. — Машине — самый малый! Поднять якоря!

Народ с преувеличенным усердием понесся по своим местам.

С железной выдержкой выждав час — убедиться в отсутствии погоны и показать характер, пусть подергаются в ожидании, подлецы, — командир вызвал на разборку пятерых подчиненных, которые, судя по всему, делались все менее подчиненными.

— Я командовал дураками, дураки командовали мной, — начал он свою речь с констатации типовой карьеры, — но чтобы дураки делали меня еще бóльшим дураком — это впервые. Спасибо за службу, товарищи матросы, старшины и мичманы. Кто мне изволит объяснить этот жест вопиющего меценатства, которому мы столь успешно подверглись?

Пятеро стояли «смирно». Кондрат шмыгнул носом, из которого неожиданно потекло, промокнул большим пальцем каплю и объяснил. Вероятно, примерно таким образом Аль Капоне объяснял большому жюри неуплату налогов исключительно бескорыстной любовью и милосердием к обездоленным, и милость к падшим призывал. При всей нелепости рассказа в происшедшем прощупывалась своя логика.

— Вор у вора дубинку украл, — потер щеку Ольховский. — Нас, стало быть, не за тех приняли. У них тут свои разборки и счета, и вы, похоже, очень удачно вклинились со своей... акцией во внутренние отношения этих криминальных хозяев банков и прочих нефтепроводов. Военно-морской флот, значит, в качестве наемных бойцов, по договору напущенных на задолжавшую сторону с операцией

устрашения. Крейсер на побочном заработке — мимоходом, значит, пригрозили им. Ну-ну...

— Ведь очень хорошо все вышло, товарищ капитан первого ранга! — предложил радоваться Шурка. — Ну прикиньте сами — сплошные выгоды для всех!

— Товар нам скинули, я думаю, неликвидный, — добавил сигнальщик. — Во дурынды какие! Испанская дешевка, «глоки», поди, не притаранили.

— А если они потом друг друга все перегрохают — только чище станет, — пожелал Кондрат.

— Вы рассуждаете прямо как министр внутренних дел. Государственные умы! — вздохнул Ольховский.

По совещании с Колчаком маузеры он решил раздать. Дальнейшие неприятности в рейсе не только не исключались, но были почти гарантированы — так уж спокойней иметь своих людей вооруженными, нежели беспомощными перед любой кучкой шпаны со стволами.

Обращаться с этим фольклорным оружием никто, конечно, не умел. Не сразу сообразили, как сверху набивается патронами магазинная коробка.

Проходя пустым берегом и убедившись по карте в отсутствии ближайших селений, вылезли на палубу пристреливать: Колчак дирижировал шеренге.

В столярке стали ладить коробки-кобуры из дерева и фанеры, припоминая и споря, как они выглядели на картинках и в старых фильмах. Запасные ремни порезали на узкие полоски и приладили к светло-желтым, пахнущим стружкой и лаком коробкам, которые стали болтаться на бедре с необыкновенной лихостью.

11.

Лейтенанту Беспятым маузер достался, а доктору нет. По этому поводу доктор чувствовал себя несколько ущемленным. Строго говоря, маузер был ему ни за чем не нужен — как, впрочем, и лейтенанту, — но игрушки взрослых людей, каковыми в сущ-

ности являются все вещи сверх жизненно необходимых, расцвечивают и услаждают жизнь значимостью обладания: отсутствие их при наличии у другого портит нервную систему завистливой досадой.

Так что выпить по глотку спирта и сыграть в шахматы Оленев пригласил вечером Беспятовых не совсем бескорыстно.

Проиграв ему первую партию и заботливо следя, чтобы гость пил больше, он предложил небрежно, изображая задетость проигрышем:

— Реванш?

— Неохота, — зевнул Беспятовых.

— Ну, давай еще одну. На шпалер слабó?

— На шпалер не выйдет, — хмыкнул Беспятовых и расставил фигуры.

Разыграли ферзевый гамбит, и внезапно, как это бывает при недостатке воли к победе, доктор почувствовал равнодушие и даже отвращение к игре. Сделав вид, что уже просчитал комбинацию, он спросил, стараясь увести мысли партнера в сторону:

— А знаешь, что меня бесит в нашей ситуации?

— Что выиграть у меня не получится.

— Нет. Вот я вдруг представил себе, что ничего этого всего с нами на самом деле нет — а так, игра воображения... с тобой такое бывает?

— Регулярно. Это с каждым бывает. Особенно в критических ситуациях. Вроде как во сне мужественно готовишься к неизбежной смерти, а в последний миг охватывает страх и умирать зверски неохота, ищешь способ спастись и с облегчением понимаешь, что все это опять только во сне, и тогда становишься очень храбрым и испытываешь огромное удовольствие от того, что реальная ситуация, в которой ты находишься, на самом-то деле тобою уже понята и лишь воображаема, но это знаешь только ты, а окружающая реальность этого не знает, и делается даже досадно, что ты так находчив и храбр только потому, что знаешь нереальность этой реальности.

— Интересная концепция храбрости, — протянул доктор. — Синдром активного страуса, я бы сказал. То есть, если реальность тебе круто в лом, ты от нее отрекаешься — и вперед на танки, которые есть лишь безвредная игра твоего воображения?

— Не исключаю, что именно так берсерки и полагали в транс.

— Но на кой черт вообще что-то делать, если все — лишь игра твоего воображения?

— А вот тут уже ты подошел к концепции самоубийства как ухода от бессмысленных сражений с воображаемым окружающим.

— Хм. Надо подумать. Но все равно — это ты сам все воображаешь, это другое дело. А если это все кто-то другой навоображал? В том числе и тебя с твоим воображением?

— Пытливый ум у этих врачей. А какая тебе разница?

— Вот именно! А разница такая, что та сволочь, которая это все навоображала, сидит себе в комфорте и безопасности и ловит кайф на том, что мы тут дергаемся. А он нами за ниточки управляет и придумывает все эти шлюзы и маузеры. Достал — убил бы падлу!

— Да? А его кто придумал? И так далее. Старая шутка. Если истины в конечной инстанции не существует и познание бесконечно — то этот гипотетический «он» лишь на одну ступень истиннее тебя — что есть стремящаяся к нулю разница в бесконечной лестнице познания конечной истины.

— Ты у нас большой философ. Модные книжки читаешь.

— Есть один нюанс.

— Какой?

— Маузер сделан на оружейных заводах Толедо, а шлюзы построены в тридцатых годах энкаведешными зеками под управлением товарищей Бирмана и Ягоды. И это такая же реальность, как та, что после хорошей дозы твоего спирта у меня запор.

— Обезвоживание организма. Пей теплую воду по утрам.

— А этот воображаемый тубою лично автор наших дел если и существует, то лишь настолько, насколько его воображение способно создать нас, ибо только через нас и наше воображение проявляется его сущность. Ты на таком уровне понимаешь?

— Ну, в общем.

— Есть демиург или нет — хрен его знает, мы можем судить о нем только по реальным следствиям его воображаемых дел. А реальные следствия — это мы. Так что если он есть — тем хуже для него: это мы его придумали. Хотя он может думать, что наоборот — это он придумал нас.

Доктор подумал и разменял пешки, вскрывая вертикаль ладье. И тут же Беспятых перебросил коня на королевский фланг, усиливая давление на поле С7 так, что еще через ход там могло запахнуть явным разгромом.

— Со времен Платона, — сказал он, — весь диапазон мудрости, а также схоластики, казуистики и словоблудия между солипсизмом и объективным материализмом сводится к английскому анекдоту про официанта, который в ответ на жалобу клиента, что невозможно различить, чай ему подали или кофе, резонно возражает, какая тому в этом случае разница?

— Но знать-то хочется!..

— А знание поступков не отменяет. Можно знать, можно не знать, всего все равно знать не будешь — а действовать все равно надо.

— Зачем?

— А затем, что без этого жизни нет. Инстинкт. Ты жить хочешь? Ферзь Е5, шах!

Сметя второго и последнего докторского слона, Беспятых продолжал:

— Ты в Бога веришь?

— Вряд ли. Скорее нет.

— Откуда он взялся?

— По идее, он был всегда.

— Откуда ты это знаешь? Внимание: честный ответ.

— Гм. В общем, товарищи посовещались и решили.

— Именно! Посовещались и придумали. Занесли резолюцию в протокол: Бог есть. И что же они придумали? Они придумали, что Бог их придумал. Се-кешь поляну? Они придумали его, а он, в свою очередь, для этого придумал их, то есть нас. Так что мы с Всевышним квиты. Он — нас, мы — его. Это называется дуализм. Правда, невосточному человеку это понять трудно. А если вполне серьезные люди, нас с тобой образованнее и даже, возможно, умнее, вполне допускают, что Бог — сам Бог! — существует лишь в нашем воображении, нет ничего логичнее допуска, что и мы, в свою очередь, существуем лишь в воображении Всевышнего. Как эйдос, скажем. Это как минимум справедливое допущение. И если между нами и Ним затесался какой-то, как ты называешь, «автор», — это абсолютно ничего не меняет ни в картине мироздания в принципе, ни в нашей с тобой жизни в частности; это его, «автора», как ты выразился, личное горе и личные сложности. А нам и своих выше крыши хватает. На самом деле интереснее другое.

— Что?

— Да одна простая вещь. Что ничто не возникает само по себе и ничто не происходит изолированно. В линейный детерминизм Лапласа даже Бог встраивается, и Гейзенберг ничего тут по сути не отменял.

— Что?..

— Да взять хоть это приключение наших байстрюков в обменнике. В результате, вполне вероятно, две кучки бандитов перешлепают друг друга, произойдет какой-то передел владений, новые люди втянутся в бригады, поскольку свято место пусто не бывает, а какие-то пацаны поверят в действенность благородства и захотят, возможно, раздавать деньги пенсионерам, и кто-то из этих пенсионеров проживет

дольше и чему-то научит внука, и так далее... Короче, круги по воде. Только вместо брошенного в пруд камня — не камень, а шесть тысяч тонн нашего крейсера, который движется сейчас с севера к сердцу огромной страны — и каждый сантиметр, который он преодолевает в сопротивляющемся пространстве, сопровождается все новыми и новыми расходящимися кругами следствий, хотим мы того или нет.

— Ясное дело, — сказал доктор. — Декабристы разбудили Герцена, и вот мы здесь. Вам мат, герр лейтенант!!! Гони шпалер!

— Отдыхай, — посоветовал Беспятых. — Я на него не играл.

— Как не играл?!

— Так не играл. Моего согласия не звучало. Это все ваши вздорные фантазии, герр доктор. Сидеть, клистирная трубка!

12.

— Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться.

— Чур меня! Сгинь, нечистая сила!

— Старшина второй статьи Бубнов! Разрешите обратиться!

— Устал я от тебя, Шура!.. От твоих обращений я лысею и валерьянку пью. Что еще?

— Через полчаса, согласно речному атласу, проходим деревню Тюкавкино.

— Не препятствовать. Пусть живет деревня Тюкавкино, ее счастье.

— Там у матроса Бохана мать живет.

— Здоровья ей и многих лет жизни.

— Он ее два года не видел.

— Догадываюсь. Матросу Бохану передать мое сочувствие.

— Товарищ командир, судовой комитет обращается к вам с ходатайством.

— Отказать.

— На полчаса отпустить матроса Бохана в увольнение, на побывку.

— Мы на ходу. На месте отпустил бы на трое суток.

— На полчаса остановиться, товарищ командир.

— Да что за бар-рдак наконец!!! Налево кругом!

Комитет, он же Р. В. С., в составе свободных от вахты, собрался на любимом камбузе и стал думать: ставить ли дело на принцип, или хрен с ним, с Боханом, не больше других ему надо. Тихий и туповатый Бохан никого особенно не заботил, и когда он сказал ребятам, что вот бы на час остановиться здорово было, он отнюдь не надеялся, что ради него станут стопорить крейсер. Но ребятам захотелось сделать корешу приятное, и одновременно продемонстрировать не только свою человечность, но и возможности, власть. Всем идея понравилась. И вот их благой порыв пресечен на корню.

Присутствие здесь же обсуждаемого Бохана было психологической ошибкой комитетчиков. Вникая в доводы за и против, матрос Бохан возвышался в собственных глазах как фигура, заслужившая находиться в центре внимания и страстей. И размеры несправедливо причиненной ему обиды возрастали по мере продолжительности речей.

— Пора уметь себя поставить, чтобы считались с комитетом! — настаивали одни.

— Да ладно, зря завели волынку... где это видано — на походе менять режим хода крейсера, чтоб моряк маму повидал, — справедливо возражали другие.

Резолюция: иди отдыхай, Бохан. Бохан теперь раздражал, как поле проигранной битвы.

Но отдыхать Бохан не стал. А пересчитал у койки свои семнадцать рублей, сунулся в пустой первый кубрик, украл из рундучка вестового две сотни и вылез на палубу, смотреть по левому борту, когда покажется родная деревня.

— Человек за бортом!

— Бохан, сука, убью!

До берега тут было метров двести, и проплыть их прямо в робе — как нечего делать.

— Стоп машина! Шлюпку на воду! Шлюпочная команда — в шлюпку! Вытащить и набить морду!

Но быстро только команды отдаются, выполняются они вовсе не так гладко, о чем свидетельствует вся история катастроф на воде.

Течение здесь было тихое. Бохан отмахивал энергичными саженками, поочередно выдергивая плечи и выбрасывая вперед руки. Синий берет, облипший дурную белобрысую голову, быстро приблизился к голым ивовым кустам, свисающим в бурю гладкую воду. Водичка была октябрьская, но ничего, не Ледовитый океан, да и плыть недалече.

— Дезертира расстреляю лично!! Отдать якоря!

Все, что должно делаться особенно быстро, неизменно получается особенно медленно, как известно. Заело кормовой таль. Через пять минут — и так норматив неплох! — ял был спущен. Беглая падла матрос Бохан как раз в этот момент вылезал на берег, скользя коленями и цепляясь за ветви. Он оглянулся и скрылся в кустах.

— Вон он бежит! К домам! — показал с мостика лоцман.

— А куда ж ему бежать, в Америку? — пробурчал Ольховский.

Догонщики навалились на весла. Десяток гребков вырвали, как на гонках, так что звонко чмокали водовороты под вылетающими из воды лопастями. Потом опомнились и успокоились. Ладно, никуда не денется.

Деревня была ужасна. Это была даже не дыра, а скорее останки дыры, выбывшей по ветхости из конкурса дыр. Все прямые линии были кривыми и волнистыми, все прямые углы косыми, содержа любое количество градусов, кроме девяноста. Заборы застыли в падении. Деревянные стены и крыши напо-

минали цветом и общим пессимизмом слинявшую от старости и полудохлую ворону. Наиболее радостно и жизнеспособно в этом пейзаже после битвы выглядела настоящая ворона, сидевшая на ржавой телевизионной антенне. Удивительна была сочная грязь на единственной улочке, если можно назвать улочкой проход между двойным рядом хибар: при полном отсутствии видимых людей неясно оставалось, кто мог эту грязь замесить своими ногами либо колесами. Грязь выглядела естественным основанием и прародительницей всего, что возвышалось над ней и наводило на мысли о стихах Некрасова, крепостном праве и домотканых саванах.

— Да здесь лучше удавиться, чем жить, — пробормотал Габисония.

Казалось странным, чтобы урожденный обитатель этих мест, выросший с представлением о нормальности жизни здесь, мог бы быть человеком современного мира, служить на крейсере, иметь дело с механизмами и ничем не отличаться от прочих. Не то на корабле он должен был бы выделяться, как туземец в Лондоне, не то здесь — как белый среди бушменов.

Они постучались в крайнюю калитку. Тишина. Вошли во дворик, чувствуя себя нарядом эсэсовцев. На двери рыжел амбарный замок.

Единственным жилым духом была слабая сладковатая вонь отхожих мест. Но жизнь, однако, в деревне присутствовала. В третьем дворе из-под распавшегося крыльца на них блеснули два внимательных глаза.

— Кис-кис-кис!

Кошка зашипела и метнулась за угол.

В четвертой избе, с выбитыми окнами, дверь была заколочена наискось щербатым горбылем.

— Эй! Да есть тут кто живой?

Следующий дом был явно обитаем, потому что на окнах висели занавесочки, а у завалинки копались две голенастые рябые курицы, отмеченные кольцом синей изоленты на лапе. Наличие в природе хозяев

косвенно подтверждалось и различимым, если при-слушаться, фырканьем трактора за дальним увалом. Взгорбок ограничивал перспективу кочковатым и клочковатым лугом, на ближнем краю которого и помещался этот могильник, называвшийся, по утверждению беглого в настоящий момент матроса Бохана, деревня Тюкавкино.

Бохана они обнаружили в седьмой и предпоследней избе — по мокрым следам на крыльце. Здесь их встретила собака — тощая шавка, которая дважды неуверенно гавкнула и отскочила, поджав хвост и как бы извиняясь за то, что посмела выразить им неуважение лишь в силу кормящих ее обязанностей.

На стук не отозвались и здесь.

— Бохан, выходи! — заорал Шурка. — Не фиг прятаться, ну?

За дверью ощутилось движение.

— Еще пять минут, ладно? — попросил обреченный голос Бохана, и звякнуло железо: он поправил засов.

— Открывай, а то сейчас толкну дверь и развалю нечаянно дом, — гаркнул Кондрат. — Ладно, даем тебе еще пять минут...

Дверь отворилась. В темных сенцах — если считать сенями метровый тамбур — стоял матрос Бохан в неуставных трусах в цветочек.

— Заходите, — пригласил он тоном пусть и стыдящегося своей нищеты, но все же хозяина, — словно не пятиминутный интервал отделял его от настигшей погони, а успело за прошедшее время восстановиться его единство с этим домом, и теперь он встречает давно не виденных приятелей. На миг представилось, что Бохан уже пару лет как демобилизовался, и нынче принимает старых друзей-сослуживцев.

Шесть пар прогаров были по возможности обтерты от грязи о траву сбоку крыльца. Под притолокой приходилось наклоняться.

— На побывку едет молодой моряк, — глупо сказал Габисония, стучаясь головой.

Поздоровались и встали неловкой толпой.

— Познакомься, мама, это мои друзья, — сказал Бохан, снял с веревки отжатую робу и стал надевать.

Стоявшую у стола женщину трудно было назвать старухой, но и женский ее век был выработан намного раньше предусмотренного календарем срока. Волосы ее были наполовину седы, а когда она открыла рот, зубов там желтело не больше половины комплекта. В секунды скованного молчания Шурка успел представить, что если волосы постричь и покрасить, зубы вставить, лицу сделать массаж и положить косметику, одеть нормально, то и получится нормальная сорокалетняя баба: сбросившая лет двадцать с тех, что висели на ней сейчас, пробивая морщины и сутуля плечи. Правда, с тяжелыми, разбитыми и опухшими крестьянскими руками маникюр, наверное, поделывать бы ничего не смог.

— Спасибо вам большое, — сказала она.

— За что?..

— За помощь...

Одевающийся Бохан переместился так, чтобы заслонить собой стол, на котором лежали эти паршивые две влажные сотни и семнадцать рублей мелочью.

— Потом объясню, — быстро и тихо попросил он. — Не надо сейчас ничего, ладно?

— Вы садитесь, — сказала мать. — Стульев всего три... вы вот сюда, на Женину кровать садитесь.

Сели. Вся сцена была тягостной и вызывала желание покончить скорее. Было бы нормальное жилье, нормальный, пусть бедный, достаток — естественно было бы поулыбаться хозяйке, а прямо за дверью дать дезертиру по шее, чтобы не хрен, все служат, у всех матери, шустрый больно. А тут просто какая-то душераздирающая постановка «Напрасно старушка ждет сына домой». Что скажешь?.. Не то пристрелить, чтоб не мучались и себя не мучить, не то печенку из себя вынуть и отдать на прокорм.

Бохан, с трудом шнуруя набухшие прогары, выстраивал оправдания.

— Телефона-то нет, — сказал он. — А на почту далеко ходить, ездить не на чем. Я перед отходом как раз получил письмо, что болеет, дома часто лежит, вот и решил... и застал.

— К счастью случилось, — сказала мать.

— И вообще трудно сейчас, света вот нет опять полгода.

— А куда ж он девался? — спросил Кондрат, и все дружно подняли глаза к лампочке в оранжевом пластиковом абажуре, словно обрадовавшись, что есть повод не смотреть на хозяев.

— А солярки для движка нет. Хозяйство выморочное, одни долги.

Понятным образом напрашивалось сравнение положения его матери с пенсионерами Вытегры, встреча с которыми подвигла на решительные действия, и из этого сравнения те стали выглядеть благополучными и наслаждающимися благами цивилизации. Здесь не от кого было ждать ни немецкого супа, ни русского милосердия.

— Свет-то ладно, — махнула хозяйка и промокнула глазницы. — Вот без телевизора плохо.

— Что, и телик не работает?

— Так он работает, но электричества-то нет.

— А чем болеете-то?

— А кто ж его знает. Неможется иногда совсем.

— А врачи?

— А что врачи. Рентген сделали, анализы сделали. Таблетки принимаю. Говорят — пройдет.

Она поставила на стол бутылку водки с незнакомой аляповатой этикеткой «Онежская» — явно полуподпольный продукт местного снабжения по ценам ниже керосина. Лук, чеснок, в сенях набрала из ведра миску соленых огурцов. «Погодили бы — я картошки сварю».

В избе пахло кашеевой смертью, кислой кашей и пыльными занавесками. От этого гостеприимства хотелось удрать. Нищета даже не трогала — она оставалась чем-то нереальным, из параллельной жизни,

не имеющей никаких точек пересечения с жизнью нормальных людей. Единственной точкой пересечения, как гвоздик на ножницах, был матрос Бохан, который вдел наконец пуговицы брючных клапанов в мокрые петли и теперь стоял в ожидании.

— Что ж ты мать небогато содержишь? — неискренне осудил Кондрат, пытаясь изобразить, словно в воле Бохана было изменить это положение.

— Так, — положил в воздухе черту кулаком Шурка. — Двое — в ял, стрелой — на борт и обратно, соберите там сколько можно, только рублями, тысяч несколько.

А пока тяпнули сивухи и с решительностью и размахом людей молодых, вкусивших власти денег и оружия, стали выдвигать планы. Своим словам сами мало верили — скорее следовали потребности выразить отношение к увиденному.

— Можно купить корову, — предложил Габисония, кот Матроскин.

— А чем ее кормить? — спросила Лидия Петровна, мать. — И так у нас всех коров порезали.

— Электричество надо провести, — сказал Кондрат.

— Откуда?

— Как откуда. Оттуда, где оно есть.

— Да говорят, в районе своя электростанция почти не работает, не на чем стало.

Шурка натужился и решил вопрос глобально:

— Землю надо вам всем раздать.

— И хотели раздать. Не взяли. А ее как обрабатывать? Я разве могу. А трактор, а солярка, а техника разная. Где деньги на все взять. Да ну... А кому что продавать потом? Нет, в колхозе все же лучше было.

— Так что, восстановить колхоз?

— А его уже не восстановишь. Начальство все себе разобрало, построили дома, купили машины.

— Так что ж — ложись и помирай?

— Примерно выходит так. Вот Жени дождусь, может чего придумаем.

— Валить отсюда! — гортанно закричал Габисония.

— Куда? В Израиль? Нас нигде не ждут.

— Да, — сказал Шурка. — Пора вам идти в партизаны. Склады грабить.

— Да уж у этих партизан без нас все поделено.

Эту скучную аграрную материю прервало тяжелыми шагами командора явление следующее. Командором был капитан первого ранга Колчак, обрамленный и подпираемый двумя клешниками в кожанках и с маузерами, кобуры которых распространяли запах свежей фанеры.

— Под арест всех! — прогремел в дверях Колчак. — Встать, выходи строиться, руки за спину!

Лидия Петровна оробело примолкла. Члены скороспелой партии «Земля и воля» хмуρο поднялись. Одного хорошего каперанга, подкрепленного парой стволов, всегда хватит, чтобы подавить любую аграрную революцию в зародыше. Особенно если этому зародышу все равно не грозит превратиться в гидру, опустошающую окрестности и дали в размашистом наведении справедливости.

Но революция есть не цепь случайностей, как учил классик, а целая сеть и даже, можно сказать, кольчуга, в которую эти случайности, высыпаемые объективным историческим периодом, сцепляются. Так сцепляются стальные кольца, и так сцепляются репы на собачьем хвосте. В подтверждение какого тезиса из-за спины разъяренного старпома возник на диво радушный и дурашливый, явно нетрезвый голос:

— Петровна! Это чо тут у тебя? Женька вернулся? Здорóво! А это кто?

И в комнату пропихнулся замечательно деревенский тип, знакомый каждому по картофелеуборочной страде, вытягиванию трактором засевшей в проселке машины и по непреодолимой надоедливости при даче или рыбалке. Основными чертами типа являются грязные сапоги, ватник, щетина, запах алкоголя

и выраженная этим обликом готовность за бутылку сделать все вплоть до харакири.

— Так а это чо у вас здесь? — огляделся он и жестом блюдущего свою цену гегемона подал старпому ладонь, немытость которой принимается интеллигентными ценителями села как классовая принадлежность пейзаина.

— Я там, бля, значит, на тракторе, бля, а ребятишки, бля, прибежали, говорят — линкор пришел, бля, матросы ходят, что, думаю, бля на хуй, за ерунда, пойду посмотрю, бля.

Посмотрев, бля, на свою протянутую в пустоте руку, он деловито повернул ее к другому, подержал и небидчиво опустил.

— Кто такой?

— Я? Санька я. Живу здесь. А вы кто? Чего у вас тут?

Пользуясь заминкой, Шурка в двух словах пояснил старпому ситуацию, достаточно ясную и так. Тот сел к столу, повел носом и сдвинул граненые стопки.

— У вас непьющие в деревне есть?

— Это смотря кто сколько не пьет, — ответила Лидия Петровна. — В общем, откуда им взяться.

— Тогда флот временно бессилен, — сказал Колчак. — Ну хорошо, разнести из орудий ваш райцентр мы теоретически можем. И практически можем. Вопрос: поможет ли это вам?

— Пиздец... — восхищенно прошептал алкаш. — Лидия, это кайф. За это надо выпить.

— Выкиньте его вон.

Сельского соседа, переполненного сногшибательной информацией, выкинули вон. Колчак поднялся и положил на стол деньги:

— Лидия Петровна, извините за беспокойство. А тебя... — Он посмотрел на Бохана, как Майк Тайсон, примеривающийся откусить визави что-нибудь посущественнее уха. Преданным взглядом Бохан выразил готовность идти теперь хоть в евнухи. Колчак сопнул и хлопнул перчаткой по столу:

— Хрен с тобой. Оставайся.

После недолгой паузы, в течение которой Бохан в сырой робе задрожал и стал растекаться, как желе, терзаемый безумной надеждой и страхом, что неправильно понял, Кондрат осторожно спросил:

— В каком смысле, Николай Павлович?

— В прямом. Не помирать же тут матери с голоду. Ладно... Пошли!

Словно щелкнул выключатель: светясь благородством, стали бросать прощальные пожелания.

И тут облагодетельствованные повели себя странно. Мать слегка побледнела разгладившимся от волнения лицом и с ноткой оскорбленности проговорила:

— Нет, нам так не надо. Пусть как все. Что же. Мы не хуже других.

— Я сказал! — рявкнул Колчак. — Это приказ.

Бохан вздохнул удивительно долго и прерывисто — такой вздох может издать разохшийся баян, если растягивать его меха без звука. В этот вздох уместились многочисленные картины счастливого завтра после такой форс-мажорной демобилизации. Наконец, меха баяна стали сдвигаться, и выходящий воздух сложился в лишенную всякой мелодики фразу:

— Я лучше со всеми.

— Какого черта, ну!

— Я не дезертир, — произнес Бохан, и это не прозвучало фальшиво, а прозвучало как-то уперто и тупо и вызвало у всех неловкость, как бывает неловко за свое умственное превосходство перед человеком хорошим и незатейливым до примитивизма: кажется, будто его хорошесть — следствие тупого и некритического усвоения банальных до отвратности прописей морали. — У меня тоже товарищи, — добавил Бохан, задетый в своем достоинстве.

— Ай, да сиди тут.

— Я же электрик.

— Электрик из тебя, как из дерьма пуля. («Простите, вырвалось», — матери.) Найдем, кем заменить.

— Да и все равно не выйдет. На работу не устроиться, военный билет нужен уволенного в запас, иначе в военкомате на учет не поставят, а без этого в милиции не пропишут, и паспорт не получишь, под суд отдадут, это статья. Нельзя, товарищ капитан первого ранга.

— А нельзя... так шагом марш. Матрос Кошка...

13.

— Военный человек, — говорил Колчак Ольховскому, полулежа на диване и покачивая носком ботинка, — воображения иметь не должен. Это отрицательно сказывается на командирских качествах. Однажды на «Москве» я вдруг представил себе, что у меня не полторы тысячи моряков, а полторы тысячи продолжений, что ли, полутора тысяч любящих и несчастных стареющих матерей, трясущихся за них. Нервное переутомление: я командую полутора тысячами этих страдающих старух, а моряки — это только их видимость, фантомы. Его, стервеца, линьками пороть, в трюмах сгноить — так это же беззащитная старая женщина, ее любовь и смысл жизни, ведь рука не поднимается и язык не поворачивается. Ну?

— Да, — философски отвечал Ольховский, следя, как скользит в иллюминаторе вечерний берег, являя печаль и покой сумеречного часа. — Эта застававшая меня в школе достоевская слезинка замученного ребенка как-то больше... цитируется, что ли. Хотя и детей замучили толпы, и построение счастливого общества никому не грозит. А вот то, что любые общества всегда стояли на слезах матерей — это, видимо, настолько само собой разумеется, что и сказать уже нечего, разве что Божью мать упомянуть... хотя обычно поминают совсем другую.

— «Комитет солдатских матерей»!.. Ты можешь себе представить, чтобы римские легионеры были уво-

димы домой мамой за руку? Ну так давайте призывать на службу семьями.

— А ведь старушки тоже бывают суки.

— Еще какие! — с горячностью вскинулся Колчак. — Что делает возраст с суками?

— Усугубляет.

14.

За ужином сволочь Гриня поспорил с Сидоровичем на завтрашнюю чарку. Он вперся к благодушному после трапезы Иванову-Седьмому и склонил его к общению льстивыми расспросами о крутизне службы прежних времен, не в пример нынешним. Размягчив собеседника восхищенным вниманием, он застенчиво, как бы не по службе, а по дружбе, попросил разрешения закурить. Ну и, сама вежливость и доброжелательность, предложил ему угоститься самокруткой. «Матросская, товарищ капитан первого ранга, из кубрика. Если не побрезгуете... небогатая, конечно, сам кручу, денег-то не очень. Но табачок ничего, легкий очень, кстати».

Иванов-Седьмой курить давно бросил, но изредка сигаретку себе позволял. Побаловаться после ужина и ответить на уважение интеллигентному матросику считал уместным. Он затянулся действительно легким и сладковатым дымом раз, и другой.

Гриня следил с интересом.

Иванов-Седьмой повеселел и стал говорить быстрее. Он с удовольствием отметил ясность своей мысли и богатство проходных ассоциаций. Словарный запас сделался удивительно богат.

Гриня ушел докладывать о выигранном споре: Иванов-Седьмой высадил косяк. Сидор не поверил и прокрался проверить сам.

Не заметив приоткрывшейся двери, Иванов-Седьмой священнодействовал над любимым мемуаром. Мысли и образы теснились в голове, в груди и во-

обще везде вокруг. Сладкая струна вдохновения вибрировала в желудке. Momentами ему казалось, что во лбу у него раскрылся как бы третий глаз, и весь он сам был этим глазом, и проникнул суть сквозь удаленность времен и мест.

«Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека, — писал он. — Отцы наши зрели губителей сих, со слезами, быть может, сердечными, сожигающих узы и отягчающих оковы наиполезнейших в обществе сочленов. О возлюбленные наши сограждане! О истинные сыны отечества! Воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. Дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же Всещедрым уготованы, яко же и вы.

Мы в обществе живем, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запомнили мы начальное оно положение. Познаем мы, колико удалились мы от цели общественной, колико отстоим еще от вершины блаженства общественного далеко.

Земледелец! Кормилец наша тощеты, насытитель нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. В начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Просвещенным вашим разума истины сии не могут быть непонятны, но деяния ваши в исполнении сих истин препинаемы предрассуждением и корыстью. Можно ли назвать блаженным положение крестьянина в России? Насытитель кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии.

Что можно сказать о матери матроса Бохана? Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские властителей правила, яко же их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Просторный воинский стан. Загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь и отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину, но и ту им оспаривают. Конец страдания есть блаженство. И мы страну опустошенную назовем блаженною для того, что сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания. О, дабы опустети паки обильным сим!

Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: „премени имя, повесть о тебе вещает“.

Нисходя к ближайшим о состоянии земледельцев понятиям, колико вредным его находим для общества. Вредно оно в размножении произрастаний и народа, вредно примером своим и опасно в неспокойствии своем. Не достигающие своей цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть некому, там хотя бы и было чему есть, не будут.

Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любити свою пагубу.

Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликкой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят. Ждут случая и часа.

Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание вам будет посул за вашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении уз, тем стремительнее они будут во мщении своем.

Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах».

В танкер воткнулись непосредственно перед подъемом флага. Удивляться следовало скорее тому, что до этого все шло до подозрительности гладко.

Подлость состояла в том, что шли Белым озером, и фарватер здесь был вполне широк. Впереди еле пыхтел буксир с плотом метров на семьдесят, и его стали исправно обходить по левому борту. Плюхающий же навстречу «Волго-Дон», вместо того чтобы спокойно следовать своим курсом на расхождение, решил в последний момент принять для спокойствия вправо, хотя и так расходились спокойно, и выкатил корму взявшей влево «Авроре» под форштевень.

Мгновенно дали право руля и правой машине полный назад, чуть не рассыпали плоту хвост, но все-таки нефтеналивника приложили. В последнюю секунду он произвел те же действия, но убраться чуть-чуть не успел, и левая скула крейсера промяла борт «реки-морья» в районе средних шпангоутов и с мягким хрустом протерлась вдоль корпуса.

Из рубки «Волго-Дона» выскочил на крыло толстый парень в пестром свитере и истошно заорал наверх, обращая к проходящему мимо мостику «Авторы» сакраментальную формулу:

— Ты что блядь делаешь!!!

От некоторой понятной растерянности на крейсере сыграли водяную тревогу. Застопорили машину и предложили помощь:

— Ну, что там у вас? Досуетились, речники хреновы!

— Кто же обходит при расхождении!!! Что, железо толстое?!

Вылез наверх довольно спокойный капитан танкера, попадая руками в рукава кителя. Свои эмоции он ограничил тем, что покрутил пальцем у виска, и сокрушенно перегнулся через помятый фальшборт.

— Должно потечь, — сообщил он.

— Уже потекло, — уведомил сверху Егорыч, счешший своим долгом прибежать по этому случаю на мостик. — Во пятно. Чего везете — соляр?

— Три тысячи тонн.

— Ну, будет две с половиной. Не огорчайся. Рыбу вот только потравите.

— Брось сигарету! Да не в воду, козел!!! Ты что, еще сжечь меня решил!

— А куда идешь?

— Шел, — неопределенно помрачнел капитан. — В Швецию.

Еще бы не мрачнеть. Авария. Рейс, заработок, валюта, послужной список, комиссия, виза... Машину на улице помял — и то хлопоты, а тут — вот.

Но долго стоять на фарватере, загораживая его другим судам, не приходится. Решение принимать надо.

Через пять минут, осмотревшись в трюме и по борту, команда крейсера знала о «Волго-Доне 66» все: что соляр в Вестерфьелль, что фирма-получатель вздрючит по самые гланды, что экипажа девятнадцать человек, и премии всем полетели, заработок накрылся, а штраф и на них еще отзовется, что хозяева зарабатывают миллиарды, а морячкам отдуваться, что будь они все прокляты и пустить бы этих сук, приватизировавших нефть, на дно, и прочие пожелания кипящего гневом пролетариата, который опять пролетел мимо денег.

— Ну что, — вздохнул капитан, — тут верти не верти. Давать радиограмму, вызывать судно на подмену... а самому шлепать в ремонт. Актик составим с вами! Вот соляр течет, зараза... Еще местные власти прицепятся с загрязнением...

— А вон там чемоданы, видишь? — спросил Егорыч.

— Какие чемоданы?

— Поселок Чемоданы! Называется так.

— И что?

— Цистерны видишь на берегу?

— И что?

— Подойди да откачай.

— Как же я к ним подойду, голова?

— А у них пирс для наливников. У тебя что, не отмечено? У них районная база. Тем более сейчас наверняка пустая.

— Почему пустая?

— А сейчас все пустые. А подойти сможешь. У тебя осадки-то, ты ж «река-море». Они тебе еще и заплатят.

— С разгону.

— Ну, хоть немного дадут. Ты требуй и соглашайся на сколько дадут — все хлеб. Оформишь утечкой.

— Не учи.

— А они для себя оформят как покупку за всю цену. Там людям тоже жить надо. Так что смотри веселей! Всем выигрыш.

Подоспевший Мознаим болезненно застонал. Он уже приказал аврально перекачать остатки мазута из почти опустевшей левой носовой в соседнюю и заполниться халявной соляркой. Коммерческое предприятие срывалось на глазах. Теперь задаром капитана не уговоришь.

— Как тебя не касается, так ты такой расторопный... соображала, — неприязненно сказал он Егорычу.

За кормой раздался негодующий гудок осевшей под горой гравия самоходки, требующей прохода.

— Лоцман! — вышел из себя Ольховский. — Где тут ближайшие глубины, где можно встать, не затыкая фарватера?

— Да вон там... часа полтора нашего хода.

— Беспятых! На танкер! Подпишешь им акт за меня и догонишь, возьмешь какую-нибудь моторку. И пару матросов с собой прихвати, — предусмотрительно приказал он.

— Товарищ командир, а почему не старпома, по должности?

— Масштаб личности у Николая Павловича не тот, Юра, — туманно пояснил Ольховский. — Это

человек крупных поступков. (Колчак улыбнулся.)
А от тебя требуется только подпись на акте — и никакой инициативы, ты понял?

— Так точно. А зачем матросов?

— На всякий случай. Послать, узнать, сказать, и вообще.

Нехорошее предчувствие зашевелилось в Беспя-
тых еще тогда, когда он увидел Вырина и Груню в
кожанках, из-под которых плескались клеши. Ну
ладно — переоделись по случаю визита, хотя это
анархия. Но укрепилось предчувствие, когда, пома-
хав с кормы танкера удаляющейся серой громаде
родного корабля, они выволокли из-за пазухи мау-
зеры и навесили вверх.

— А это зачем?

— А вас охранять, товарищ лейтенант. Как по-
четный эскорт.

— Тьфу... пацанва. Кто приказал?!

— Старший помощник, — легко соврал Груня.

Напряженно следящий с мостика капитан, сверяя
глубины с атласом, сказал обождать до швартовки.
«Сначала еще подойти надо, откачаться, измерить
потерю, сам акт составить — тогда подпишете».

Берег, в разрядку обшитый по насыпи черной
шпалой с интервалами лысых покрышек, выглядел
необитаемым. Прибывшим пришлось самим пере-
прыгивать на пирс и принимать свои швартовы.

Мерзостный бурый след, лохматый, как путь ис-
пуганной каракатицы, тянулся из слюдяной глади
до самого борта. Капитан вздохнул и в сопровожде-
нии Беспятых, торопящегося сократить отлучку, от-
правился искать контору. Шурка с Груней прида-
вали композиции вид направляющегося для ареста
конвоя.

Пока они там объяснялись и налаживали пере-
говоры, из-за угла забора, заросшего колючей ди-
кой малиной, выползла четырехтонная автоцистер-
на. Она постанывала на первой передаче так, как
положено стонать машине, изнемогшей от российских

дорог; казалось, сейчас она, как цирковая лошадь из анекдота, скажет: «Боже, когда же я наконец издохну», и развалится.

Утомленный бездельем шофер сполз из кабины. Он харкнул, пукнул, пнул покрышку, потянулся и закурил. Исчерпав запас занятий, неопределенно и лениво уставился на пароход. Над помятым бортом еще продолжался совет и тыканье в расплывающееся пятно.

— Эй, землячки, — окликнул он, — у вас чего тут? Привезли наконец? Перекачивать когда будете?

Оставленный без внимания, он приблизился.

— Ударились, что ли? — Сонное лицо оживилось работой мысли. — Чего ему зря вытекать, давайте я у вас четыре тонны откачаю. Мазут?

— Соляр.

— Тем более.

Пожали плечами:

— Бери. Чем качать будешь?

Пока шофер канючил, чтоб землячки качнули своим шлангом со своим насосом, родственный стон издала, как пароль, вторая цистерна, облезлая до полной потери цвета. Надпись «Огнеопасно!» на этом борту выглядела наивным хвастовством туземца.

— Што, наливают? — деловито высунулся из кабины конопатый пацан.

— Наливают... отпускают... — пробормотал первый шофер, танцуя на цистерне и отдирая крышки.

Скандал разразился через час. Шоферский телеграф, так ненавидимый гаишниками и мешающий собирать дань, сработал и на этот раз с труднообъяснимой скоростью. Голодная колонна прибывала в три ряда, и кому-то уже дали по морде, чтоб не лез вперед: сигналили, напирали и гнали волну, что нечего так долго возиться.

— Еще шланг давай!

— Все! — надрывались на «Волго-Доне». — Портвейн из оувер! Кина не будет, весь танк откачали.

— Так давай следующий! — свистела и прыгала толпа. — Чего — опять зиму без соляра сидеть? Качай... труженики моря, мля!

Речь с берега была построена на оперном контрапункте в три односложных слова, перевитых в трос. С непревосходимой краткостью и на верхнем пороге слухового восприятия поведали, что для техники горючего нет, света нет, больница без электричества, и лампочку Ильича осталось только засунуть туда, где мы все и так давно сидим. «И там раздавить!»

В стороне стоял директор нефтебазы, заложив руки за спину. Товар тек мимо рук. Заплачены капитану были смешные гроши, но наличными. Теперь оставалось только выколачивать из получателей безнал: фиг много возьмешь с пустых счетов. Стихийный процесс можно было пресечь только ОМОНОм. ОМОНа у директора не было. Оставалось искать решение. Бухгалтерия забегала вдоль колонны, суя на подпись накладные с баснословными цифрами. Когда-то директор служил в артиллерии, и более всего помнил сейчас доклад: «Откат нормальный!».

И тогда сучий потрох Груня, этот революционный матрос, успевший на берегу дернуть дури, понял, что настал его звездный час внести вклад в дело мировой справедливости. Он без стука вошел в капитанскую каюту, где невозмутимый волгарь потел над листом бумаги, тщась составить для начальства и истории внятнее описание происшедшего, и хозяйственно обнажил маузер.

— Чего еще? — недовольно поднял голову капитан. Видно было, что стволем его так же трудно вывести из равновесия, как и столкновением с крейсером «Аврора» на судоходном фарватере Белого озера. К концу XX века в России перестали удивляться чему бы то ни было, события последних лет выбрали весь лимит удивления у электората.

— Приказ революционного военного совета крейсера «Аврора», — возвестил Груня театрально, стараясь попасть плывущим голосом в баритональный

регистр диктора центрального телевидения, читающего указ президента о роспуске и расстреле Думы с конфискацией имущества. — Топливо сдать народу.

— Гуляй, — сказал капитан.

Груня повертел перед глазами маузер, спустил предохранитель, передернул затвор и выстрелил в стол.

— Ебнулся? — спросил капитан.

— Вы не правы, — ответил Груня и выстрелил в переборку над его головой.

Капитан пожал плечами.

— Откачивайте, — сказал он.

— В то время, как народ... страждет! наймиты капитала способствуют... грабить недра.

— Не звони.

— Звони старпому — приказывай! (Порылся в памяти и не нашел ничего лучше фразы из детской книжки): Палец-то у меня так и пляшет на спусковом крючке!

— Пить меньше надо, вот и не будет плясать, — посоветовал капитан, косясь на маузер, и взял трубку.

Груня с удивительной отчетливостью, как если бы стал телекамерой, дающей вид вниз с мачты «Волго-Дона», и мачта эта плавно поднялась до высоты в километр, увидел картину, наполняющую его сердце благодатью: как оживают замершие трактора и начинают пахать пустынные нивы, как радостные огни зажигаются в крестьянских домах, переполненные зерном грузовики везут урожай туда... туда, где за него дают много денег и хороших вещей, а в теплой и светлой больнице улыбающиеся пациенты облегченно ложатся на столы ярко освещенных операционных и, исцеленные, в чистом и теплом туалете пошучивают и курят... курят, понимаешь...

— Рот закрой, — сказал капитан. — Чего ты лыбишься, анархист? Давай своего долбаного лейтенанта, пусть поможет... и подписывает.

Беспярых вник в ситуацию, охнул, крякнул, дал Груне по шее и принял его сторону. Прикинул последствия, махнул, заржал. Вмиг настрочил акт, по которому они раздолбали танкер в хлам, спасло лишь мужество и высокий профессионализм капитана; не жалко.

— Подумаешь, — веселился он. — Ну, будет у Черномырдина на полмиллиарда меньше. Ты что, свое отдаешь?

— А мне по фигу, — сказал капитан. — Что думаешь, жалко, что ли? Меньше бабок Газпром украдет. Только распишись, что ты заставил. И вот здесь...

16.

Детерминизм в природе все-таки существует, потому что спустить флаг по-человечески тоже не удалось. Уже прошли озерный перешеек, миновали по левому борту белеющий на холме и отблескивающий свежими куполами Кирилл-Белозерский монастырь и крыши Кириллова, уже недалеко сужался вход в речное русло, когда от берега, на фоне которого белели два прогулочных теплохода, отделился белый же катер, приподнялся на своих подводных крыльях и, разведя морщинистые усы по серенькой глади до горизонта, помчался к «Авроре».

— Вольно! — раздраженно бросил Ольховский двойной шеренге на полубаке и задрал голову: — Ну что еще? Сигнальщик!

— Катер по левому борту, скорость...

— Отставить! Сам вижу! Кто там, что за катер?

Вымпелок на посудине с трудом удалось идентифицировать как речную милицию. Когда катер подлетел к борту и осел, сбросив скорость, фигуры в камуфляже и черных масках были сочтены ОМОНОм: с автоматами, на виду у теплоходов, ну все-таки крутовато для бандитов будет. Однако со спуском флага решили повременить, чтоб не оказаться

неправильно понятыми: сыграли боевую тревогу, разместив за щитами орудий левого борта свою футбольную команду из одиннадцати маузеристов.

С носовой банки катера поднялся рядом с рулевым-мотористом плотный человек и стянул черную шерстяную маску (интересно, зачем им нужны были маски посреди озера? от ветра или для полноты формы?):

— Старший лейтенант ОМОНа Семькин! Могу я говорить с командиром?

— Капитан первого ранга Ольховский. Какое дело, старлей?

— Разрешите к вам подняться?

— Только вам одному. Боцман — штурмтрап!

Омонец взобрался и был препровожден на мостик, где вежливо отдал честь и даже извинился за беспокойство.

— У вас все в порядке, товарищ капитан первого ранга?

— В полном. А у вас что случилось?

— Куда следуете?

— Чем вызван вопрос?

— Ну, все-таки, знаете, не каждый день у нас тут «Аврора» ходит. Естественный интерес.

— Я подчиняюсь командованию Балтийского флота. Отчитываюсь перед соответствующими инстанциями ВМФ. Если это простое любопытство — могу сказать по-человечески: временно перебазируемся в Москву.

— На Ноябрьские, что ли?

— Правильно.

— Понятно, — улыбнулся старлей. — Мы вообще-то так и подумали. На 850-летие тоже в Москву ходили?

— Приказа не было, — сухо сказал Ольховский. — У вас все?

— Да нет. Тут вот какое дело. Вроде сигнал поступил. Что там ваши ребята Октябрьскую нефтебазу потрясли. Поручено разобраться. Не просветите?

— Просвещу. Не в чем разбираться. Слегка столкнулись с речным танкером по его вине, и застопорились, чтобы составить акт для речного арбитража. Танки дали течь, начали загрязнять нефтепродуктами акваторию. Это вам все капитан танкера мог сказать, «Волго-Дон 66». Он подошел к базе откачать топливо. Там с утра еще не прочухались, и слили вытекающий соляр прямо в автоцистерны потребителей. Эта подробность нас вообще не касается. Вопросы?

— Ясно. Просто там шум пошел: мол, стрельба была, оружием угрожали. Потом еще — топливо принадлежит акционерной фирме, а его как бы силой забрали, ну, типа грабежа.

— Ничего подобного не знаю. Это не к нам. Мы ни во что не вмешиваемся, совершаем переход, нам осложнения не нужны, — кинул Ольховский с высоты своей должности, звания и миссии. И с этой высоты снизошел гостеприимно: — Прошу ко мне.

Гостеприимство по пунктам включало: салон, кресло, коньяк и «Мальборо». К ним были приложены: музейные буклеты с автографом командира — два, улыбки — две, стодолларовая бумажка — одна.

Омоновец выпил, закурил, взял подарки, поблагодарил — исполнился благожелательности:

— Позвольте дать вам совет. Вообще вы правы, но будьте осторожней. Народ всякий, сами понимаете.

— Не понимаю. Народ наш.

— Хм. Наш, конечно. А чего у вас, я заметил, ребята на палубе с маузерами?

— Штатная комплектация военно-морского филиала Музея революции. Не с калашниковыми же матросам на «Авроре» служить. — Прозвучало вполне правдоподобно. — А чего вы в масках дуετε через озеро — от кого у себя дома прячетесь?

— Логично, — вздохнул омоновец. — В каждой работе своя специфика. — Он вытащил из-под комбинезона блестящий, как личный знак, нагрудный

крест на стальной цепочке и произвел им движение, став похож на средней упитанности священника: —
Благослови вас Господь, командир.

— Веруете?

— Пока, конечно, нетверд. Но к пенсии, так чувствую, уверую. А может, и ранее.

— И что тогда?

— Перейду в монастырь. Рекомендацию мне дадут. У нас бывший командир, капитан, полгода провоял в Чечне, вернулся — и в монахи. Сейчас уже зам настоятеля по боевой подготовке.

— С пониманием у вас люди, — сказал Ольховский.

— Не без того. Отец настоятель сам — бывший второй секретарь райкома. Так что работа с кадрами поставлена. А пока вот служу в миру. Тоже кому-то надо, верно?

— Ну, — налил Ольховский, — за ваш крест, в прямом и в аллегорическом смысле.

— Ваш также! Время грешить, и время каяться, верно? Сменяю с дежурства — помолюсь за вас.

Нет, ну чем не золото у нас парни в ОМОНе, подумал Ольховский.

— Слушай, старлей, а если бы ты меня сегодня шлепнул по службе — ну, вышло бы так, — тоже бы потом помолился?

— Само собой. Кесарю кесарево, а Богу Богово, верно?

Проводив будущего монаха, Ольховский в большой задумчивости наведаясь к старпому. Колчак сидел за столом и, насвистывая сквозь зубы «Гори, гори, моя звезда», чистил разложенный на белой ветошке наган. Пять патронов стояли в рядок, как исполнительный расчет — незаполненность двух гнезд барабана слегка нарушала боевой порядок.

— Что за дума затуманила? — поинтересовался он.

— Да что-то нервы пробило, — пожаловался Ольховский.

— На предмет?

— Когда нас хватятся-то? А если — не успеем?

— Это все? Мне бы ваши заботы, господин командир. Кому мы нужны? Отсутствуем — меньше головной боли. Делегаций в ближайшее время не ожидалось — проверили. Музей, отдел культуры, мэрия и управление охраны памятников получили извещения на официальных бланках, что мы в кратковременном ремонте. Табличку с этим текстом установили на набережной прочно — нет вопросов. У начальства ничего не просим, о ЧП не докладываем — ему только того и надо. А когда они друг другу начнут слать официальные запросы, ждать официальных ответов и препираться, кому докладывать в Москву — наступит Новый год. У всех ведь одна забота — отбояриться от хлопот и ответственности. Вот если б флагман с командующим пропал — они б еще почесались... и то не сразу. Так что — гляди веселей, Петруха!

— Чего это ты такой веселый?

— Осенний воздух бодрит! Люблю осень, понимаешь. Ты нет?

И Колчак защелкнул окно барабана.

17.

Течь таки обнаружилась — в районе носовых кладовых вооружения, как по изначальному расписанию именовали третий отсек. К счастью, при капремонте придонные отсечные переборки восстановили. Теперь там плескалось за колено водички. Помпы справлялись, но учитывая хилость послеремонтного подводного корпуса идти с течью не представлялось радостным.

В таких случаях можно завести пластырь, отсек осушить, обстроить течь деревянным ящиком и забить цементом. Но по строевому штату «Аврора» укомплектована не была, посему не было цемента,

хотя доски в столярке нашлись. Как вариант оставалось купить где-нибудь цемент.

Можно было наложить враспор внутренний пластырь и шлепать пока так (пока — это сколько?), но для этого нужны раздвижные упоры, а упоров тоже не было. То есть два для учений по борьбе за живучесть корабля имелись, но в одном тут же слетела резьба струбины, а оставшегося не хватало для трех трещин меж разошедшихся листов обшивки.

Прикинули, откуда вырезать несколько кусков переборки и наварить изнутри заплаты, но идею варить по мокрому, рихтуя накладку по кривизне шпангоута, пришлось отбросить: не с их квалификацией.

— Так чего мудрить — зайдем на Череповецкий судоремонтный, — предложил Егорыч. — Там ребята вмиг заделают.

— А чего ж ты молчал?!

Бросились смотреть атлас. Подойти было можно.

Более всего Череповец стал знаменит во всероссийском — еще всесоюзном — масштабе после фразы Жванецкого: «Пролетая над Череповцом, посылаю всех к ядреней матери!» Хотя город большой.

Вставая справа в утренней дымке, Череповец обозначил себя спиралями ядовитых цветных дымов из труб металлургического комбината и нежной плотной вонью завода химических удобрений: характерный запах аммиака более всего напоминает наслоения писсуаров вокзального туалета.

Спускать свою безмоторную шестерку не пришлось, потому что стайка лодок, болтавшихся с праздным видом в этой части Рыбинского водохранилища, тут же приблизилась полюбопытствовать на это чудо-юдо, а с буксира «Могучий» мгновенно заинтересовались, не нужно ли какое содействие.

Вскоре Ольховский сидел в достойном Британского Адмиралтейства кабинете генерального директора. Простор подвесного потолка местный Микеланджело расписал рождением верфи с последующим парусным сражением. В отличие от бушующей

деятельности над головой, внизу было тихо. Директор без всякой дипломатии обрадовался работе и посоветовал на простой и застой.

Ольховский кивал и хлебал дегтярной крепости кофе с лимоном, поданный шамаханской принцессой. Секретарша производила впечатление выпускницы с отличием школы гейш: она в полной мере обладала врожденной, видимо, способностью внушать чувство, что вся ее предыдущая жизнь была лишь ожиданием встречи с тобой и только с тобой, и только для тебя она и родилась на этот свет. Взор его подернулся, что доставило гендиректору явное удовольствие.

— Виконтесса, — показал он глазами вслед закрывшейся двери. — Двоюродная правнучка Верещагина — он ведь был уроженец нашего города.

Если считать Череповец провинцией, то в некоторых отдельно взятых местах этой провинции жить умели.

Больше всего директору понравилось предложение заплатить наличными долларами.

— Какие вопросы, — он мотнул сдобным лицом, примечательным подбритыми усиками и продольным пушистым клоком эспаньолки на круглом, как пятка, подбородке. — Уж для легендарного российского крейсера сделаем все в лучшем виде, оглянуться не успеете.

Распоряжения улетели в селектор. Явившийся зам строевым шагом убыл следить лично. Вплыла гейша и, ставя арманьяк на жестовском подносике, коснулась плеча Ольховского грудью.

— А вы пока отдохните, — обволакивал директор, ласково поедая его глазами. — За вас кто остался? Старший помощник? Ну вот. У бригадира телефончик в кармане будет, я распорядился о прямой связи, все и передадите. Я вас не должен так отпустить, раз уж случай выдался.

— Случай, — сказал Ольховский. — Выдался, это верно. А почему она виконтесса?

— Дворянское собрание пожаловало.
— Какое дворянское собрание?
— Простите, Петр Ильич, разрешите спросить прямо: вы монархист?

— Почему монархист? — удивился Ольховский.

— Как же. Офицер российского флота. Интеллигентный человек.

Ольховский промычал.

— Во всяком случае, вы не похожи на демократа. Согласиться с этим было легко.

— У вас лицо человека, верного традициям и долгу.

— Вы прямо физиономист.

— Не льстите, я просто умею различить благородство. Ваша должность, ваш поход, ваше присутствие здесь ясно указывают на...

Директор не сказал, на что они указывают, а вместо этого нажал кнопку, и над полом всплыла гейша, опустив глаза.

— Большой бювар! — торжественно приказал директор, и она на двух руках внесла кожаный с золотым тиснением и золочеными пряжками бювар форматом так примерно ин фолио. Ольховский еще удивился, что тащит она его без видимой натуги, лишь румянец на смуглых щечках выдавал вес груза.

Ловко сложив вес на стол перед директором, она вынула из держателя ручку в виде гусяного пера и подала с поклоном.

Директор откинул крышку, начеркал на верхнем листе несколько слов и размашисто подписался. Потом достал из стола спиртовку и палочку сургуча, зажег, подержал и приклепнул на лист сургучную печать. Ольховский следил за манипуляциями, уводя глаза от секретарши.

— В силу данных мне полномочий, — возвестил директор, воздев лист перед собой, — и как уездный предводитель дворянства, облеченный доверием собрания, я возвожу вас, капитана первого ранга Ольховского Петра сына Ильи, в баронское достоинство.

Он обошел стол, склонил голову перед вставшим навстречу ему Ольховским и вручил грамоту.

О черт, подумал Ольховский, поздравляю бароном, каперанг, вы делаете карьеру, эдак в Москве графом станешь, но интересно, как в таком случае положено отвечать? Служу России? Или — благодарю, ваш-сиятельство? Что ж он себя-то не протитуловал?

— Склоните колено перед графом, — шепнула гейша.

Интересно, за что именно он сделал ее виконтессой, подумал Ольховский. «Не дождется», — отчетливо процедил он.

— Шампанского! — приказал граф-директор.

Шампанское было, однако, из провинции Шампань. Хотя устриц и ананасов, которых ассоциативно ожидал Ольховский, не последовало.

— Ценю такт, с которым вы воздерживаетесь от вопросов, у вас конечно возникших. — Директор предложил ему тонкую голландскую сигару и закурил сам. — Видите ли, отсутствие национальной идеи губительно сказывается на народе и каждом из нас в отдельности. А объединяющая всех национальная идея возможна только на базе монархизма и восстановления вековых традиций. Пусть вас не смущает внешняя простота процедуры, э-э, барон, — позвольте теперь обращаться к вам так?

— Естественно, граф, — с томностью отвечал Ольховский, развлекая себя абсурдностью ситуации и находя в этой игре тонкое издевательское наслаждение.

— Мы лишены времени собрать общество и придать посвящению подобающую торжественность. Не в этом дело, не во внешних атрибутах. Во-первых, для нас честь иметь в списках собрания такого человека, как вы. Во-вторых, это наш духовный вклад в наше с вами общее дело восстановления державы. В-третьих, это не более чем символический акт восстановления справедливости — люди по своим

заслугам и качествам не равны перед историей. Так что поймите и примите свой титул... без такой мысли, будто у гендира крыша поехала.

— Помилуй Бог!

— Так жить лучше, Петр Ильич. Собой жертвовать легче, сознавая избранность и долг дворянской касты. Пусть глупцы смеются... Аристократия скрепляет собою государственную пирамиду. И первая собою жертвует в грозный час. Теперь вы понимаете, почему я горжусь вашим посещением? И должен был как-то подчеркнуть, выразить, что ли, свою и всех нас причастность к вашему делу?

— Да какое дело... служим, — вяло отнекивался Ольховский.

Вот дурной расклад, подумал он, Колян бы этот титул — как раз по кличке!

Но Колян в это время был занят совсем другим.

От крайнего причала отвели облезлый лихтер, «Аврора» прошла мимо разлапистых клювастых кранов, мимо череды трущихся боками и дремлющих «метеоров» и подала швартовы. Через час в трюме стучала пневматика.

Колчак вздвоил палубную вахту:

— Вы тут смотрите за ними... лазать будут везде, им интересно, так что...

Интересное случилось во время четырехчасового чая. К стулу Колчака пробрался Беспятых и приглушенным голосом сообщил:

— Николай Павлович, у меня к вам, гм, новость.

— Что, уже закончили?

— Да практически закончили, не в этом дело. У нас тут политические события.

— Это какие?

— По-моему, наши революционеры братаются на камбузе с коммунистами.

— Какими коммунистами?!

— Заводскими. Пролетарскими, если определять классовую сущность. — Он явно отмежевывался.

Колчак отставил стакан с отвращением.

— Ну что же. Нет ничего более естественного и известного истории, чем интерес коммунистов к Балтийскому флоту вообще и крейсеру «Аврора» в частности. За нами остается выбор: спустить их за борт или поднять красный флаг. Пока не спущен за борт я — красного флага не будет. Спасибо, один раз уже пробовали.

Но опрометчивым бывает любое обещание вплоть до военной присяги. Потому что красный флаг находился уже на «Авроре» — правда, пока не на мачте, а только на камбузе. Недаром санэпидврач начинает именно с камбуза инспекцию заразы на судне.

Шурка сидел в центре стола, имея одесную Мознайма в старом рабочем кителе и ошуйную — Груню в кожанке и маузере. Прочая команда прихлебывала чай со степенностью сенаторов.

За столом же напротив расположилась композиция, многократно отображенная в искусстве социалистического реализма. От традиционного полотна «Заседание подпольной ячейки РСДРП/б» данную группу КПРФ отличала только некоторая смещенность и перепутанность деталей. Усы, обязательная принадлежность одного из старых рабочих, были угольно-черными и украшали сочное крепкое лицо а'ля Иван Поддубный, оттеняя налитые губы. Имелся, противу канона, хотя в полном согласии с реальностью истории, лысый коммунист, которому острый носик придавал сходство с Вольтером работы скульптора Гудона, как если б он был уязвлен отсутствием мировой славы и уже устал от своей уязвленности. Между ними помещался пролетарий умственного труда, тип зауряднейшего советского инженера в дешевом костюме и галстукке, который в старые времена имел цену бутылки водки, хотя служил несравненно дольше. Присутствовали также седой пенсионер и пара пацанов — короче, самые что ни на есть обычные люди.

В геометрическом центре группы инженер придерживал стоящее знамя классического вида: золотая

бахрома вокруг алого плюша, две кисти на витых шнурах и венчающее древко латунное фигурное острие с серпом, молотом и звездой. Инженер говорил, иногда вытягивая перед собой свободную руку:

— ...большая честь вручить это знамя, символизирующее борьбу честных трудящихся людей против нищеты и бесправия, и несправедливости, команде вашего легендарного корабля, символизирующего бессмертный огонь идеалов человечества... — тут он немного запутался в согласовании причастных оборотов и перешел к новой конструкции: — Который навсегда светит как маяк победы в деле достижения справедливости... — Он немного волновался и подвигал рукой, как бы лоя равновесие.

— Друг Аркадий, не говори красиво, — сказал лысый, который был учителем литературы в вечерней школе завода. — Товарищи, я скажу проще. Сколько можно воровать!

— Всегда! — подтвердил Груня с уверенностью хозяина и человека бывалого.

— Именно! — подхватил лысый. — Как говорили карбонарии Гарибальди — баста! У кого они воруют? У тех, кто работает. У тех, кто служит в армии и на флоте. Разве ваше начальство не обкрадывает вас?

— Нас! — подтвердил Груня и подпрыгнул от Шуркиного щипка.

Тут Хазанов в белом колпаке выставил в амбразуру горячий пирог. Это на миг сбило пафос речи, одновременно придав ей праздничность.

— Разве наши и ваши семьи не... недоедают? — с наката продолжал лысый, сглотнув от запаха. — Ради чего? Деньги не исчезают в природе, как не исчезает ничто: если их много у одних, то именно потому, что нет у других. Капиталистическое перераспределение — это пир хищников. Ради того, чтоб их два процента покупали виллы... — То есть он тоже не говорил ничего нового, отчего старое, однако, не переставало быть правдой.

— Мы счастливы приветствовать вас, ребята... начал, в свою очередь, усатый борец и поднял покоминтерновски кулак.

— А вот и обещанное счастье, — сардонически усмехнулся Колчак, вставая в дверях. — С таким счастьем — и на свободе. Ну что, птицы счастья завтрашнего дня? Почему прекращены работы?

— Работы закончены, товарищ командир. — Инженер встал, и следом поднялись остальные. Революционный военный совет, блюдя достоинство, поднялся не то чтобы нехотя, но с затяжкой: хотим — встаем, а можем и вообще не вставать, навставались, хоре.

— Старший механик!

— Работу принял, Николай Павлович. Все в порядке. Товарищи поработали на совесть.

— Всех благодарю за службу и работу, — резюмировал Колчак. — А теперь, как говорится, на свободу с чистой совестью. На совесть заработанные деньги вы получите на своем заводе. Директору заплачено наличными.

— У графа получишь, — угрюмо проговорил один из пацанов.

— Для нас честь отремонтировать «Аврору» бесплатно, — объявил инженер, — товарищ командир.

— Я не товарищ, а господин. И не командир, а старший помощник, — непроницаемо отозвался Колчак. — Сейчас, господа, прошу всех наверх. Флаг пока возьмите с собой.

Не совсем понимая ситуацию и стараясь вникнуть в столь мгновенное ее изменение, коммунисты двинулись к дверям.

— Вообще-то мы не договорили, Николай Павлович, — сказал Шурка.

— Обращаться потрудитесь по уставу, старшина второй статьи. Потом договорите. Нет, вот к этому трапу, пожалуйста...

— Мы давно ждали, когда вы пойдете на Москву, товарищи! Мы знали, что это должно произойти!

— Вот и отлично.

На палубе Колчак отпустил внутренний ограничитель и загремел:

— Вахтенные!!! Проводить гостей с корабля! Боцман! Базар на палубе!!! Повторится — повешу!

Несколько ошарашенные и сбитые с толку такими проводами, делегаты партийной организации кучкой спустились на причал. Они не учли одного — застарелой ненависти офицеров к любым политработникам и партсобраниям.

— Пр-риготовиться к отходу! Старшине второй статьи Бубнову — сутки ареста! Снять ремень и в трюм мерзавца!

Оплеванные коммунисты развернули митинг на стенке.

Возвращавшийся Ольховский со свернутым в трубочку листом вежливо с ними поздоровался, подозрительно взглянул на знамя и поднялся на корабль.

— Товарищи! Мы выполнили свой рабочий долг — вы можете продолжать ваш исторический рейс!

— Вам надо бороться с несознательностью и угнетением некоторых офицеров, товарищи!

— Я тебе покажу угнетение офицеров! — не выдержал Колчак и приласкал наган в кармане плаща. — Я тебе покажу семнадцатый год! — И напказ переложил наган из правого кармана в левый. — Своей рукой шлепну... в самую патуку. (Ну и слова у меня, подумал он со злой смешинкой. Откуда что выскакивает.)

Вылезший вместе с матросами наверх Груня обнажил маузер и теперь растерянно поводил опущенным стволом, не зная, на кого его направить.

— Отберите у придурка ствол! Еще у него маузер увижу — руки оборву!

Груню мягко обезоружили и пихнули вниз:

— Вали от греха подальше.

— Отдать кормовой!

С причала раздалось:

— Вставай, проклятьем заклеянный!..

— Не дождетесь! Импотенты! Отдать носовой! Радист — музыку на отход: погромче!

— Весь мир насилья мы разрушим!..

— Если вы совсем устали — сели-встали!!! сели-встали!!! — оглушила трансляция: маркони научился понимать музыкальные потребности начальства.

— Мы наш, мы новый мир построим... — слабо доносилось с берега.

— Соблюдайте правила движе-ни-я!!! — трубно крыли рупора.

Музыкально-идеологическая дискуссия возбудила незатейливое ржание команды. Битву за умы можно было считать выигранной.

— Лоц-ман! Где твое место на отходе?! старый болтун... В рубку его!

И, убедившись, что Ольховский на мостике, Колчак прислушался к сердцу, споткнулся о комингс и направил шаги в медизолятор: пить бром и валерьянку.

Заполировав их стопкой спирта, отмякнув и успокоившись, он сказал доктору:

— Чем дальше, тем больше из всех деталей туалета на людях мне нравится пеньковый галстук. Нет? Коммунизм хорош как Раскольников с топором — капитализм пугать. Нет хуже царя, чем вчерашний раб. Коммунизм прекрасен, но только в угнетенном состоянии. Идеалу положено оставаться идеалом.

— Николай Павлович, — с предельной мягкостью возразил Оленев, — я боюсь, что вы неправы минимум четырежды.

— Это как?

— Во-первых, вы зря волнуетесь. Во-вторых, какая разница, что они говорят, главное — они нас отремонтировали как родные, быстро и качественно. В-третьих, ведь только благодаря им мы идем дальше. В-четвертых, и это главное, мы и они хотим, собственно, одного и того же.

— А Военно-медицинскую академию, как рассадник заразы и питомник бездельников, пора за-

крыть, — ответил Колчак. — «Хотят одного...» Все хотят одного — чтоб хорошо было. Молод ты еще, летеха, так вот запомни: если тебе кажется, что человек дурак, но хороший — то дураком он останется, а сволочью его сделает весь ход событий, вызванных его дуростью.

Он прислушался к собственной мудрости, остался доволен и подобрел. Выпил еще и добавил поучительно:

— Если бы эта шваль в семнадцатом году...

— Какая именно шваль, Николай Павлович?

— М-да. Все они шваль. Я имею сейчас в виду — если б эти козлы из Учредительного собрания не трясли трусливыми мудями, когда один наглый матрос с пятизарядкой сообщил им, что караул, видите ли, устал... устал — так и пошел на хуй!!! — вместо того, чтобы расходиться, взяли бы в руки винтовки и сказали матросне, что пошли б они подальше, потому что Учредительное собрание от них устало! — так и сейчас все было бы в порядке. А так мне знаешь что снится? Прорубь мне снится! А над ней кто-то поет — прямо бельканто: «Гори, гори, моя звезда». И к чему бы это, доктор? Ненавижу!

18.

Рыбинское водохранилище шли как на пикнике: солнце и голубизна. Рейсовый «метеор» пронесся вдаль, стоя на ленте летящей пены. Подобие бабьего лета наводило на мысли более о бабьем, нежели о лете.

Кренясь под треугольным парусом и шлепая днищем по волне, нахально и лихо обрезала нос «Авроре» типичная шаланда, полная серебристой рыбы. На голубом борту шаланды было выведено славянской вязью «Надя и Вера». В дополнение колорита на корме фасонный рыбачок в тельнике, заломив выцветшую капитанку, растягивал гармошку и пел, подра-

жая бернесовским интонациям: «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил».

— Я и не знал, что здесь столько рыбы, — сказал Ольховский.

— Можно порыбачить, — предложил Егорыч.

— Еще только не хватало.

Справа, на фоне сбегавших к воде дальних домишек Войетова, лавировали несколько «Летучих Голландцев». Одна из яхт, под полосатым черно-оранжевым, как георгиевская лента, дакроновым парусом, умело галсируя против ветра, вышла на курс крейсера и с тихим отчетливым шипением рассекаемой воды какое-то время пошла рядом. Три яхтсмена в красных бейсбольных кепках «Кока-кола» выпрямились в рост, держась за штаг, и заорали, тряся большими пальцами:

— Давай, ребята!

— Спортсмены с вами!

Они хохотали и подпрыгивали от избытка чувств.

— Любит народ «Аврору», — сделал вывод Егорыч.

— У тебя не ум, а стальной капкан, — ответил Ольховский. — Ты смотри лучше на мель не въежь.

И как в воду смотрел. Через несколько часов, огибая по правому борту песчаный остров, за которым открывался уже вход в верхневолжскую губу, корабль ровно и быстро сбавил ход, словно кто-то придержал его сзади, и остановился.

— Полный назад! — закричал Егорыч, выбежал на крыло мостика и, приставив ладонь ко лбу, уставился вниз.

— А чтоб ты издох! — немилосердно пожелал командир, хватая телефон. — Стармеху! дать все обороты! сколько можно! пока нас грунт подсасывать не начал!

— Да здесь ничего... здесь песок!.. — суетливо успокаивал лоцман. — Ах ты, твою мать, Господи!.. Это здесь косу намывает от острова, она меняется... вот и в атласе шесть метров указано, так он какого года? уже три года прошло... конечно!

— Да для того же тебя и взяли кроме атласа!

В машине Мознаим, замороженно глядя на манометры и страшась услышать свист пробившегося где-нибудь пара, осторожно поднимал давление в котлах. Предохранительные клапаны были рассчитаны совсем не на ту нагрузку, что самопальные паропроводы...

Винты честно взбурлили, подняв тучу песчаной мути.

— Давай-давай! Грунт из-под кормы вымоем — слезем.

Однако не слезалось.

— Ничего, — утешал лоцман, — сейчас кто-нибудь подойдет — попросим помочь чуток. Сдернут!

Когда надо — никого рядом нет, это правило редко предоставляет исключения. Через полтора часа из-за проклятого острова высунулся трехпалубный туристский теплоход. Именовался он золотом по носу и корме «Цесаревич Алексей», но два спасательных круга, вывешенных на обрешетке борта, утверждали, что это «Павлик Морозов». Очевидно, поспешное переименование было следствием недавнего захоронения останков царской фамилии. Ничего удивительного в таких накладках нет: многие отдохавшие в старосоветские времена в южных круизах убеждались собственными глазами, что флагман Черноморского пароходства дизель-электроход «Россия», если почитать бирки на обороте диванных спинок или задней стенке пианино в салоне, называлась ранее «Адольф Гитлер», а обслуживавший дальневосточную линию от Владивостока до Петропавловска-Камчатского огромный лайнер «Советский Союз» был наречен первым именем «Великая Германия», каковых мелких надписей внутри расплзлось неистребимое множество, как тараканов.

Ольховский молча указал на рацию. Егорыч взял переговоры на себя. Все-таки, даже принимая во внимание все обстоятельства, просить командиру крейсера о помощи прогулочную лайбу было зазорно.

Капитан «Цесаревича» откликнулся с великим энтузиазмом.

— Не каждый день доводится «Аврору» с мели сдергивать! — бестактно возбудился он.

Пока заводили буксирный конец, все население теплохода высыпало, естественно, наверх и наслаждалось незапланированным зрелищем, сгрудившись в три яруса, как в ложах, в корме напротив кормы «Авроры».

— Эх, снимки теперь разойдутся, — аж скрипнул зубами Ольховский.

— За несколько дней — не успеют, — успокоил пришедший сопереживать на мостик Колчак. — А там — ради Бога, нам только на руку.

— Все равно — информация расползается раньше времени!..

— Ну — по такому маршруту незамеченным не проскочил бы и германский рейдер лучших времен. По сравнению со взрывами, войной и президентскими скандалами — разве это информация... так, слабый встречный ветер.

Действительно, туристские фотоаппараты так и отблескивали линзами. За любительскими видеокамерами пучились скривленные прицеливанием морды.

— На «Цесаревиче»! Кого катаете, мастер?

— От турфирм работаем. В основном из Германии триндежники... Итальянцы есть, финны.

Ольховский выключил щелкнувшую рацию, потер сбоку носа:

— Вот и международный резонанс. Интересно, как это отразится на кредитах Валютного фонда. Нет, как нарочно — и мель эта, и теплоход, и туристы хреновы... ну, пилот, нет для тебя галеры.

Через пять минут работы обоих судов «Аврора» плавно поехала назад. На теплоходе зааплодировали так бурно, словно в ложах Большого театра после удачной премьеры.

— Bravo-o! — прогорланил какой-то идиот козлетоном любителя искусств, удачно прошедшего спек-

такль в буфете. Он тоже, видимо, уловил театральное сходство.

— Бис! — поддержал посильное развлечение другой. В толпе засмеялись и замахали.

На отходе теплоход пожелал тремя гудками счастливого пути. Поднявшийся на ют Иванов-Седьмой ответно взял под козырек.

После этого он поспешил зафиксировать возникшие у него в связи с происшествием мысли.

«Проработанная мною книга, взятая у лейтенанта Беспятых, значительно углубила мой взгляд на мир. Поистине книга — это вместилище мудрости.

Эзотерия (зачеркнуто) эзотерика (зачеркнуто) эзотерические эффекты (зачеркнуто) эзотерические знания — крайне интересная и даже философская вещь. Они позволяют понять в событиях то, чего в них нет (зачеркнуто) не видно (зачеркнуто) скрыто от поверхностного наблюдателя (пометка на полях: „отлично!“).

То, что „Цесаревич Алексей“ раньше назывался „Павлик Морозов“, содержит в себе скрытый смысл. Это символично, если вдуматься. „Авроре“ помогает сняться с мели „Цесаревич Алексей“, а на самом деле это герой-пионер „Павлик Морозов“. Два юных мученика объединились в одном лице и способствуют прогрессу.

С другой стороны, символично, что это вообще пассажирский теплоход. Простые посторонние люди. Благодаря им прогресс сходит с мели.

С третьей стороны, символично, что это не наши люди, а иностранные туристы. Своим присутствием они невольно выполнили интернациональный долг.

С четвертой стороны, символично, что граждане развитых государств берут на буксир сегодняшней флагман(а) российского прогресса крейсер „Аврора“.

Но это — лишь малая часть эзотерических знаний в связи с происшествием.

С одной стороны, символично, что „Аврора“ называется по имени древней богини утренней зари. Мы несем зарю новой жизни.

С другой стороны, символично, что мы сели на мель.

С третьей стороны, символично, что мы с нее снялись.

С четвертой стороны, если бы мы вообще не сели на мель, а продолжали идти без помех, это было бы тоже символично.

С пятой стороны, если бы мы вообще не слезли с мели, это было бы тоже символично.

С шестой стороны, когда „Аврора“ стояла на вечном приколе без способности к самостоятельному ходу, было тоже символично.

Но вернемся к конкретному событию.

Если бы на теплоходе были не иностранные, а российские туристы, это было бы тоже символично. Народ и армия (зачеркнуто) флот едины, причем народ — гегемон.

С другой стороны, если бы теплоход был вообще пустой — это было бы тоже символично. Аполитичность народа и роль героя в истории. Одиночество великих людей.

С третьей стороны, если бы это был вообще не теплоход, а грузовое судно — это было бы тоже символично. Трудяги-моряки делают повседневный труд, что уголь везти, что крейсер с мели снимать. Главная роль простого труда.

С четвертой стороны, если бы нас снял буксир, символичность была бы и в этом. Вот такая у некоторых работа. Не нужно даже объяснять, что значит для боевого корабля быть взятым буксиром на буксир. Тоже позорно.

С пятой стороны, если бы снялись с мели сами, скрытый смысл был бы в нашей собственной силе и в отсутствии помощи от окружающих — а ведь ради них мы идем в опасности.

Теперь возьмем вообще имя помогшего корабля. Если бы он назывался „Генерал Лебедь“ или „Мар-

шал Сергеев“, был бы скрытый смысл военного руководства прогрессом и нашим делом переоборудования России.

„Леня Голиков“ или „Володя Дубинин“. Традиции великой войны. Солдаты прошлого выручат нас. Маленькие устыжают и спасают взрослых.

Капитанская серия, „Капитан Воронин“, скажем. Мертвый моряк протягивает руку помощи живым даже с того света.

Имя работницы. Имя комсомолки. Во всем свой скрытый смысл.

А не сдергивает ли комсомолка или генерал с мели свою собственную погибель? Или наоборот — обретают вторую жизнь? Или это говорит о работе даже после смерти, ищачьем труде?

Если вдуматься, этих разных сторон оказывается очень много. Возможно даже, бесконечное множество.

Получается, что во всем что угодно можно увидеть какой угодно смысл! Масса разных и даже противоположных смыслов в любой детали! Да, материалистическая диалектика все же торжествует.

Но это немного дезориентирует. Ведь получается, что кто бы что ни делал, в этом можно усмотреть любой скрытый смысл, а можно и прямо противоположный. Где же путеводный компас?

Думаю, что таким путеводным компасом может быть долг. Только с точки зрения своего долга можно уловить главный, основной скрытый смысл чего-либо.

С такой точки зрения плевать (зачеркнуто) не имеет значения, кто сдернул нас с мели. Скрытый смысл в том, что мы идем дальше! Но этот смысл недолго будет оставаться скрытым!

Должен также упомянуть, поскольку моя книга рассчитана только на читателей старше шестнадцати лет, о смысле эрекции, над которым я задумался. В последнее время я заметил, что каждый раз во время работы над книгой у меня происходит эрекция.

Это нетипично для моего возраста. Надо будет проверить простату.

Поделился наблюдением с доктором. Он сказал, что аналогичное явление наблюдалось у известного критика-демократа Добролюбова. Смысл в том, что и книга, и женщина каждая по-своему прекрасны, и наше подсознание иногда не может разобрать, кто из них нас возбуждает. Недаром возбужденный женщиной поэт пишет стихи!

А скрытый смысл этого в том, что мы им всем вденем! (зачеркнуто) мы овладеем нашей целью, которая нас влечет!»

19.

Согласно последним научным исследованиям, сексуальные фантазии посещают мужчину от двух раз в сутки до трех раз в минуту, как сознательно, так и бессознательно. Поистине стоит писать диссертации, чтобы с научной достоверностью установить, что рядовой Иванов при взгляде на кирпич думает о бабе, потому что он думает об этом всегда, как и утверждает старый анекдот.

Если подойти к описываемым нами событиям в аспекте сексуального анализа, то продвижение крейсера представляет собой движение непрекращающихся, разнообразных, иногда совпадающих, перетекающих одна в другую, типичных и исключительно индивидуальных, в переделах так называемой нормы и решительно извращенных, сексуальных фантазий.

Небезынтересно и крайне поучительно было бы попытаться совместить внешний, реальный уровень событий и совпадающий с ними по месту и времени воображаемо-чувственный ряд эротических картин и приключений. Какое торжество классического психоанализа являл бы собою такой контрапункт! О, чем не тема для военного психолога: «Флот как сексуальная фантазия». Сорок мужских личностей —

это сорок бесконечных, зацикленных и вдруг развивающихся в неожиданных направлениях эротических сериалов. И вот эта фабрика грез Терезы Орловски, где каждый выступает одновременно султаном, Джоном Холмсом и соблазняемым школьником, где в краткий миг вмещаются египетские ночи, случайная знакомая превращается в Лолу Феррари, от стонов страсти застилает взор, а любой шаг есть переход от одного наслаждения к другому, — вся эта фата-моргана, укрытая от посторонних глаз в форму шеститысячетонного крейсера, медленно толкается винтами сквозь осеннее пространство, перемещая себя в завтрашний день и следующие километры речного русла. Чего стоят искушения Святого Антония по сравнению со скрытым бешенством двадцатилетнего матроса, кормленного и тренированного, брызжущего гормонами, с проверенным здоровьем и простым мировоззрением стихийного материалиста, которого годами истязают воздержанием, тщась употребить всю его энергию на пользу державе и флоту.

Поэтому секс для матроса есть дело чести, доблести и геройства. Если вдуматься, то в свете нынешнего упадка флота, нехватки личного состава ВМФ и общей демографической катастрофы в России стремление матроса к естественному размножению должно было бы всячески поощрять и поддерживать. Напрашивается просто строить при военкомате инкубатор. Однако на деле мы ничего подобного не наблюдаем. Из всех видов и форм сексуальных отношений матросу без ограничения предоставляется лишь возможность выслушивать посылы и посулы начальства вступить с ним, матросом, в половую связь, ранее почитавшуюся противоестественной и позорной, ныне же переводящей его из редящих рядов гетеросексуалов в жеманные и модные эшелоны сексуальных меньшинств и приверженцев безопасных форм сношений, и сулится это отнюдь не в качестве наслаждения, но как угроза и

наказание за любые прогрешения по службе. После этого нельзя удивляться, что матросов не хватает, и дни до дембеля они зачеркивают начиная со дня призыва.

И если матрос не всегда говорит о бабах, это еще не значит, что он не всегда о них думает. Главные мысли никуда не исчезают, просто они присутствуют молча, как воспитанные собеседники не перебивают говорливых гостей, у которых срочное дело. Они знают, что важное дело спешным не бывает, ибо нужда его постоянна.

Таким образом, судовой комитет, уведенный грубым обломом братания с коммунистами, которых, может, не очень и хотелось, но, с другой стороны, свобода поступка была ущемлена, — реввоенсовет пил чай и говорил о бабах. Возбужденная коммунистами психика требовала чего-то. А может, наоборот — возбужденная воздержанием психика потому и кинулась на коммунистов. На фига коммунизм тому, кому и так хорошо.

Самые осведомленные по части окружающей местности люди — это, естественно, штурмана, а после них — рулевые. Габисония побежал в рубку, сунулся в атлас и принес весть, что скоро будет город Углич.

Про Углич совместными усилиями удалось припомнить лишь то, что в нем зарезали некогда царевича Димитрия. Знали это, благодаря школьной программе, из Пушкина, а про Пушкина лучше всего знали, кроме дуэли и деда-негра, что менее всего гениальный поэт был аскетом в плане секса, — что единодушно расценили свидетельствующим как в пользу Пушкина, так и в пользу секса: уж если сам Пушкин не пренебрегал, так нам сам Бог велел — зря Пушкин про Углич писал, что ли.

На разговор заглянул свеженький, выспавшийся Егорыч и зажегся темой.

— Девок в Угличе — бери не хочу, — упоенно журчал он, мигая глазками. — Там же часовой завод,

на нем все девки работают. Ну и, конечно, туристы там да, пашут.

Составили резолюцию, чрезвычайно напоминающую по духу пресловутое «Караул устал!». Секретарь-председатель вложил протокол в красную папку, одолженную в музее, и проклял свой жребий. На пути к командирской каюте Шурка только тем и занимался, что подавлял во взыгравшем сознании и подсознании упомянутые выше эротические фантазии.

В командирской каюте сидел, естественно, командир и, перечитывая поданный на подпись расход продуктов, в данный момент подавлял, что также вполне естественно, аналогичные фантазии. Конечно, сорок три года — это не двадцать, однако отнюдь еще не старость. Даже самые ревностные и верные традициям брахманы в этом возрасте еще не уходят в отшельники, исправно исполняя свои мужские обязанности.

При виде вестника несчастья Ольховский застонал. Эротические фантазии испарились, уступив место иллюстрациям из «Истории смертной казни в России».

— Песец на мою лысую голову, — сказал он печально. — Опять?

Шурка с сомнением взглянул на темно-русый пробор.

— Петр Ильич, да ничего такого, — успокоил он.

— Да? Чудо. Ты прелесть. А не такого?

— Петр Ильич, как вы относитесь к женщинам?

Ответ был лаконичен, циничен и преувеличен. Беседовать по душам после него было трудно. Шурка раскрыл красную папку и положил документ. Ольховский прочитал и вкось угла наложил на резолюцию свою резолюцию. По легенде, это была любимая резолюция государыни Екатерины. По первым буквам адреса, указанного в резолюции, пункт ссылки в этот адрес подданных был в 1785-м году наименован Кемь.

— Петр Ильич... Ну всего-то: пустить ребят на несколько часов в увольнение. Ну, проведут время с девушками.

— Читать умеешь? Читай. Неси и читай всем вслух.

— Ну, и денег немного выдать. Сами понимаете...

— Матросы денег не берут! — Ольховский подумал, что пошлость ответа на уровне пошлости ситуации. — Крошка сын к отцу пришел: папа, дай денег на бордель.

Шурка принес революционерам несколько вариантов командирского решения проблемы, и если одни из них оскорбляли нравственность, то другие были сопряжены с непоправимым вредом для здоровья, третьи же были неисполнимы в силу своей трудновообразимой противоестественности.

Здесь уместно будет рассмотреть эвфемизм народной поговорки «нашла коса на камень». Если принять во внимание косу как активное начало, с учетом ее формы, размера и твердости, камень же — как олицетворение начала пассивного и неподатливого, сопротивляющегося агрессивному воздействию косы, то аналогия с известным природным актом будет вполне исчерпывающей. Поскольку активное начало воплощается как правило в командире, воздействию же он норовит подвергнуть подчиненного, сам факт приведения здесь этой поговорки указывает, что в продекларированной командиром программе прошли не все номера.

Реввоенсовет принял удар, утер плевков, поднял перчатку и постановил: на коммунистов плевать, но баб не уступим. Или к чертовой матери стопорим машины, съезжаем на берег и сдаемся в ближайшую комендатуру — или играем заход в Углич и получаем полста баксов на рыло и четыре часа увольнения всем желающим. А Ольховский может играть на своем рояле Бетховена вплоть до полной победы справедливости в масштабах всей страны, при этом свободной рукой предаваясь любому пороку.

— Вот и бунт, — въехал в перспективу Ольховский.

— А чего еще ждать от демократии при единоначалии?

Колчак отнесся к народным волнениям на удивление трезво.

— Зачем брызгать против ветра, если есть благоустроенные гальюны? — рассудил он. — Чтобы тебе подчинялись в главном, надо знать меру и идти навстречу в мелочах. Мы сейчас в положении пиратского корабля, где офицеры должны ладить с командой и оставаться единомышленниками.

— Ты представляешь, что такое отпустить их сейчас на берег к блядам? В лучшем случае они разнесут город.

— Да уж... есть такая морская традиция. В хороших портах это всегда знали.

— В хороших портах есть бордели и вышибалы.

— С борделями проблем нет, а вот вышибал наши мальчики сами вышибут теперь.

— Что ты предлагаешь?

— Принять девок на борт.

Лицо Ольховского уподобилось роялю с открытой крышкой, где музыка застряла меж бессмысленно белеющих клавиш.

— Швартуемся, покупаем местную газету с объявлениями, звоним, через полчаса привозят столько путан, сколько нам надо — и дело с концом. Что? Все приличные военачальники всегда учитывали сексуальные потребности войска. Все эти солдатские дома терпимости, повозки с маркитантками, раздача презервативов нижним чинам на позициях и так далее.

— Но это... разложение!

— Разложение — это анархия. Вот когда они станут трахать друг друга или прятать девок по трюмам, а нас посылать на фиг — это будет разложение. А пока — не гневи Бога: стравим пар.

Дернули доктора.

— Можешь им влить побольше бромю в компот, что ли, Оленев? Или что там у тебя есть — чтоб яйца на уши не давили?

— Убьют, — честно отвечал Оленев. — А потом — ну хорошо, придавим физиологию, но психология-то останется та же. А это стресс: еще хуже будет.

До Углича оставался час хода. Атмосфера на корабле приобрела все черты взрывоопасности. Срок ультиматума истекал. Офицеров пригласили в кают-компанию на совет.

— Проституция есть клапан социальной напряженности, — сказал Беспятых и углубился в экскурс о храмовых жрицах, отдававшихся путникам. Глаза же Мознайма сделались узкими и масляными.

В Угличе встали.

На взлобке солнце пыталось красить нежным светом стены древнего кремля. Стены оставались непорочно белыми. Ольховскому представилось, как из них в шеренгу по две спускаются жрицы и в ногу направляются сюда для культовых актов. Видение было кошунственным.

Колчак проверил бумажник и сошел на берег договориться о подключении телефона. Беспятых добежал до киоска и принес пачку местных газет за последние дни. Господа офицеры углубились в их изучение.

Гордая достижением договоренности команда посмеивалась и подрагивала. Судком стриг бумажки и надписывал на них фамилии: уточнял процедуру.

— Думал ли я, чем буду заниматься... — вздохнул Ольховский, обводя красным фломастером очередное объявление: «Девушки для сопровождения, массажные услуги, сауна, выезды на природу. Тел. 560-997».

— «Твоя мечта ждет тебя! Выбери девушку или мужчину! 545-578», — откликнулся доктор. — Тернист путь к святой цели, Петр Ильич.

— Так может закажем им мужика поздоровее?

Судя по количеству объявлений, Углич был центром секс-туризма и мог бы конкурировать с Бангком и Тенерифом. Учитывая отсутствие урбанистического размаха в скромном пейзаже, половина его женского населения должна была работать на холдинг «Мамона и Афродита».

Выбрали самые краткие и неброские объявления: у тех, кто экономит на рекламе, и цены могут быть ниже.

— Алло! — начал переговоры лейтенант: он чувствовал приятную раскованность от того, что звонит в столь интимный адрес по сугубо казенной надобности. До сих пор бедность и молодость сводили Беспятых только с бесплатной любовью. — Вы оказываете интимные услуги?

— Что вас интересует? — прошелестел приятный женский голос.

— Э-э... э-э... а что вы можете предоставить?

— Очаровательных девушек, чтобы провести время.

— Так. Хорошо. И... какие условия?

— Акт только с презервативом. Без анального секса. Без группового секса и без однополого. Одна девушка проводит время с одним мужчиной. — (Ласка, легкость, деловитость.)

— Это все?

— Оральный секс в это входит. А вы хотели что-нибудь еще?

— Так. Хорошо. И... сколько стоит... это?

— Два часа — пятьдесят долларов. Один час — тридцать пять. Если на всю ночь — это будет сто. Вы делаете заказ?

— Да.

— Ваш адрес?

— Так. Хорошо. Сколько у вас есть девушек?

— У вас компания?

— Да.

— И сколько девушек вам нужно?

— Сорок.

Ольховский наложил на трубку ладонь, слегка треснул ею Беспятых по лбу и велел:

— Тридцать пять.

Лоб потер, однако, Мознаим. Доктор двусмысленно улыбнулся. Колчак хмыкнул и кивнул командиру.

— Тридцать восемь, — сказал Ольховский и отдал трубку.

— Что вы сказали? — терпеливо повторил голос в ней.

— У нас корабль, — сказал Беспятых. — В порту стоим.

— Понятно. Нет, столько у нас нету. Мы можем прислать вам четверых. Где вы будете встречать? Какой корабль?

Во втором месте нашлось пятеро, в третьем телефон не отвечал, в четвертом извинились, что как раз сегодня свободных девушек нет.

— Русский вариант бардака, — саркастически сказал Колчак. — Даже бардак наладить не могут.

Беспятых перестал заикаться и утомился ролью диспетчера.

— Здравствуйте, — рубил он, — у вас свободные девушки есть?

— Что вы имеете в виду? — осведомились на том конце.

— С презервативом, без анального, без группового, пятьдесят долларов за два часа.

Там помолчали и ответили:

— Это учительская.

Беспятых побагровел и быстро нажал рычаг. «Вот зараза! В учительскую попал». Захохотали.

Перечитав, внимательно набрал номер и услышал тот же голос:

— Учительская.

С третьего захода он сказал:

— Извините, ради Бога, тут просто ошибка... ваш номер 476-178?

— Совершенно верно.

— Ну так ваш номер дан в объявлении газеты «Двое»... в интимном объявлении. Вы учтите.

— Мужчина, — раздраженно ответил голос, — надо читать внимательнее. Там же указано — после девятнадцати часов. А сейчас сколько?

— Я на корабле, — растерялся Беспятых, — мы скоро отойдем.

— Но вы понимаете, что сейчас у нас уроки? Что за люди, я просто не понимаю! Подождите, не кладите трубку.

Мембрана донесла дальний стук каблуков, хлопанье дверей, звонок, краткую перебранку: «Еще раз в рабочее время повторится — выгоню по статье! — Да? А кто вам работать будет? — Так надо же работать, а не... надо же как-то разделять! — Да? А кто нам платить будет?» — и тот же голос сказал в трубку:

— Мужчина! Вы еще слушаете? Ну что у вас?

— Я спросил про свободных девушек... — неуверенно произнес Беспятых.

— Я слышала. Сколько, куда, когда — не задерживайте меня.

— А... сколько у вас есть?

— Только совершеннолетние женщины.

— Да, конечно, разумеется.

— Что «разумеется»? Вы звоните днем в учительскую, ничего не разумеется, выражайтесь точнее — да или нет?

— Да.

— Так сколько?

— Ну... десять у вас есть?

— Есть. Но это если только вы согласны старше сорока пяти лет.

— Нет!

— Что — «нет»? Мужчина, вы вообще трезвый?

— Трезвый! Надо не старше, ну, тридцати пяти.

— «Ну» — или тридцати пяти?

— До тридцати пяти.

— Как хотите. Тогда вам будет только четыре девушки. Вы мне адрес скажете или нет? И условие:

сейчас рабочее время, вы дополнительно оплатите такси в оба конца.

В некотором раздрызге от результата переговоров Беспятых повертел трубку, облизнул верхнюю губу. Пот был горьким и пах одеколоном «Эгоист», купленным себе в подарок на день рождения.

«Ну что?» — «Четырех учительниц пришлют.» — «Откуда?» — «Из школы.» — «Зачем?» — «Затем же.» — «Вот как? И почему берут?» — «По столько же.» — «Ну-ну. Bravo, лейтенант!.. Давай, давай, время идет!»

После массажного кабинета и сауны он попал на проходную завода.

— Заря! — произнес мужской голос, как пароль.

— Аврора! — автоматически вылетело из Беспятых.

— Как дела, Аврора?

— Хорошо, Заря. — Находясь уже в остраниненном состоянии, Беспятых не испытывал никакого замешательства. — Как у вас, девушки свободные есть?

— Девчата? А куда ж они денутся. Есть, любые на выбор. Сами подъедете, или как?

— А прислать можете?

— А вот прислать — это тебе надо в транспортный цех звонить. Да они сами приедут, чего там усложнять. Сейчас я в цех позвоню. Тебе сколько?

— Вообще-то надо семнадцать.

— Не понял — это лет или штук?

— Штук.

— Понял, Аврора, — семнадцать штук. Я тогда прямо на сборочный позвоню, там народу полно. А то семнадцать если лет, так лучше все же восемнадцать было бы, ты меня понимаешь. Значит, Аврора, у тебя адрес какой?

— В порту стоим.

— Понял, а в порту где?

— У второго причала.

— Есть. А там что?

— Как что. А там я.

— Я понял, что ты, а приметы? Ну — автобус, павильон, машина, или ты на теплоходе?

— Крейсер «Аврора». Серый. Военный. Не спутать. На корме написано.

— Аврора, ты что, крейсер «Аврора»? Ну здорово! Ну, ты молодец, что нам позвонил.

— Заря, а ты кто?

— Как это кто? Часовой завод «Заря», ты что, не знаешь? А знаешь — так чего спрашиваешь? Ну ты даешь — сам звонишь, и сам спрашиваешь. Ладно, ты давай, встречай девчат. Смотри, чтоб не обижали, девчата у нас хорошие, рабочие.

Первой прибыли в бежевой «девятке» массажистки.

— О ё, — разочарованно протянул Кондрат, дежуривший на причале меж двух веселых кожаных маузеристов. — Страшнее пленных румын.

Высокий спортсмен вылез из-за руля и улыбнулся ему приятно и даже застенчиво.

— Что-то вас тут много, — с сомнением сказал он, оглядывая борт. — Помещение можно осмотреть?

— Тут, браток, помещений — до завтра не обойдешь. Не бойся, все по уговору. Матрос дитя не обидит.

— М-да? Ну вы смотрите только, чтобы все в порядке было. Давайте, я получу.

— Деньги, что ли?

— А что же еще.

— А им?

— С ними мы уже сами.

Его проводили к Беспятым, который расчертил ведомость для расчета.

По такси и отсутствию сопровождения Беспятым в иллюминатор определил учительниц. Они отличались от массажисток тем, что были дешевле и строже одеты; впрочем, понял он, сейчас ведь идут уро-

ки. Одна была с гладко стянутым конским хвостиком и в очках; лейтенант ощутил неожиданное возбуждение, порождаемое близостью запретного плода — примерно так выглядела его школьная учительница географии. Эту четверку направили в офицерский коридор: какая-то социальная субординация подспудно проявлялась сама собой, — хотя такое решение первоначально имело в виду скорее возрастное соответствие. Правда, если говорить о возрасте, «девушки для сопровождения» выглядели ничуть не моложе.

Веселее всех подкатил скрипучий и всхлипнувший дверью заводской «пазик», из него высыпалась пестрая смешливая экскурсия петеушного вида и с шуточками полезла по трапу. Длинная девица с соломенными волосами, торчащая поверх подруг, оступилась и чуть не свалилась в воду, что вызвало взрыв смеха.

Вытягивание свернутых бумажек с фамилиями из бескозырки в вахтенном тамбуре дало новый повод к веселью:

— Га-би-со-ни-я!.. Ой, а это что? Кто? Так у вас свои есть?

— Мы с девочками не играем! Ха-ха-ха!..

Покрасневший Габисония протолкался к своей толстушке.

— Ой, а ты ничего-о!..

— Одичали мальчики на службе... бе-едные!..

Но вот непродуманное отсутствие угощения и условий для прелюдии гостей разочаровало.

— А посидеть? Поговорить, выпить?

— А в ванне вместе помыться? Или у вас нету?

Двое из фабричных девочек, похожие, как близняшки, выделялись миниатюрной шупленькостью и азиатскими лицами. Это были застрявшие здесь когда-то китаянки. Одну звали Ли, а вторую Ци. Поскольку Кондрат, покраснев и надувшись, вдруг заявил, что он уважает свою семью и «этим» не интересуется, его высокоморальный приступ высвободил

одну лишнюю кандидатуру. Быстро решили (не пропадать добру, уплачено) китайками почтить Шурку, как секретарь-председателя: во-первых, они были страшенькие, а во-вторых «по весу и объему как раз на одну потянут», аргументировал Серега Вырин.

...Есть такой один из бесконечных американских телесериалов под названием «Корабль любви». Там все ходят по шикарному белому лайнеру в шикарных белых тропических костюмах, пьют цветные коктейли, падают в голубые бассейны и с трогательным юмором крутят романы с изящно эстетизированной эротикой. Ну так в железных и плохо освещенных закоулках крейсера все было не совсем так или даже вовсе не так.

Хотя, если бы шkodный бес, наскучив толканием в ребро и охромев от усилий, приподнял в этот час палубу крейсера, он мог бы обнаружить и сцены примечательные.

Учительница в очках и с «конским хвостиком», войдя с Беспятых в каюту, внимательно посмотрела на него и сделалась строгой и даже суровой.

— Ах ты гадкий мальчик! — воспитательным тоном сказала она. — Ты что это вздумал — вые.....ть взрослую тетю, свою учительницу?! А ну-ка снимай штанишки!

Лейтенант побагровел, брызнул счастливым потом и стал расстегиваться.

— Вот сейчас я тебя отшлепаю прямо по пипке! — грозила учительница. — А эт-то еще что у нас такое?.. Ах бесстыдник, и еще стоит! У меня нету такой пипки, откуда еще это у тебя взялось? — она задрала юбку. — Получай! Получай! — шлепнула его ладонью. — А что ты с ней умеешь делать, ну-ка показывай немедленно! А потом мы ее спрячем. Посмотрим, куда лучше спрятать, и туда всунем.

— Откуда ты знаешь... — прошептал умирающий в экстазе лейтенант своей реализованной фантазии.

— Учительница все знает! — погрозила пальчиком учительница и, повернувшись к нему голой попкой, достала из портфеля линейку.

В это же время в медизоляторе Ли и Ци преподносили задыхающемуся Шурке изыски китайской цивилизации. Возможно, в принципиальных моментах она не отличается от западной, но восточные тонкости присутствовали. Внешне девушки были небогаты, но богатство ощущений превосходило мыслимые неискушенным европейцем пределы. Когда они поменялись снизу и сверху, Шурка испугался, что у него остановится сердце: недосыгаемый и однако достигаемый пик блаженства показался соседствующим с дуновением смерти.

Мознаим же, забравший себе, к неудовольствию кубрика, белобрысую дылду, и надутый, как трехбунчужный паша, заставлял ее пищать детским голосом: «Ой, дяденька, не надо...» и размахивать при этом фундаментальным бюстом.

Самые сильные впечатления, возможно, остались у Иванова-Седьмого. Страдая по ночам бессонницей, он устроился добирать несколько часиков днем, и был разбужен стуком в дверь: его не забыли.

«Эта несчастная молодая женщина была некрасива, но по-своему очень мила. Я угостил ее чаем с печеньем и по-отечески поинтересовался, какая же жизненная трагедия привела ее на стезю порока. Оказалось, что она учится на заочном отделении юридического факультета Московского университета, и не имеет средств для существования и оплаты учебы. Она мечтает стать прокурором и беспощадно карать в первую очередь тех, кто эксплуатирует труд несчастных женщин. Поистине — через тернии к звездам.

(Продумать, следует ли упоминать о том, что она настояла на близости. Если я поддался на это, то прежде всего руководствовался солидарностью с командой и отзывчивостью. Обязательно отметить, что я не мог удержаться от скупых мужских слез.)

Ах ты Катя, моя Катя, толстоморденькая!..»

Из прочих последствий праздника любви можно перечислить лишь такие мелочи, как обращения к доктору по поводу вывиха колена, ушиба локтя, потертости на копчике и один случай разрыва уздечки. Проклятая проза.

20.

Пост коитус омниа анимал тристиа эст. Поскольку латынь не входит в программу обучения высших военно-морских училищ, не говоря об учебных отрядах, и лишь доктор, выходя за пределы профессионального «пер ос» и «летальный», способен осмысленно произнести: «Фортуна нон пенис, ин манус нон тенис», то логично будет дать русский перевод этой древней и не всем, хотя и многим, известной поговорки: «После совокупления всякое животное печально».

Матросы отнюдь не были печальны, что свидетельствует в пользу теории о божественном происхождении человека, а отнюдь не от обезьяны. Задумчив и печален был командир, который счел несовместимым со своим достоинством встать на одну доску с распущенной матросней и прибегнуть к скупым и кратким радостям платной любви. Возможно, от этого он и был печален, и истинную причину своей печали пытался замаскировать перед самим собой возвышенными и интеллигентными мыслями: так часто бывает. Но поскольку недельное воздержание сорокалетнего семейного мужчины не идет ни в малейшее сравнение с годовым воздержанием мужчины двадцатилетнего и холостого, у нас есть основания считать печаль Ольховского нелицемерной и не имеющей сексуального происхождения. Повод же к ней явился тяжел и скорбен, как крест на любимой могиле. Вернее даже, поводов было три.

Когда тщательно пересчитали сходящих по трапу девиц, отмечая номера в списке посещения, когда

рассчитались с «сопровождающими», когда прозвенели звонки, отдали швартовы и корабль отвалил от исторического берега, ширя полоску воды меж бортом и мимолетной любовью, вот тогда Ольховский, подытожив некоторые размышления, исподлобья посмотрел на Колчака и хмуро сказал:

— Лучше бы мы этого не делали, Никола.

— Вопрос был обсужден, решен, решение выполнено. Что за нравственные угрызения? У нас и альтернативы-то особенной не было.

— На шлюх плевать. Хотя и они люди. Не в этом дело. Я про деньги.

— Подумаешь. Кинули пару штук. Деньги есть. Пусть пацаны поживут, пока живы... раз приспичило. Ну — не Мулен-Руж. Зато теперь вертятся в охотку.

— Я не про то!

— А про что?

— Можно было вообще не платить.

Веселая искра зигзагом продернула морщины Колчака.

— Замечание, характерное для русского моряка. Отбираешь деньги — она в экстазе. Вот за это нас во многих портах так любят.

— Ты не понял. Принять всех этих сутенеров и охранников на борт, отоварить и скинуть вон. Они же на бедных девках паразитируют, отбирают восемьдесят процентов. А мы бы заплатили половину прямо им. Заметь: справедливость и выгода всегда вместе.

— Это и есть причина твоей печали? Расслабься. После нашего отхода они бы отобрали у баб все. А куда тем деться? Кто-то должен охранять от маеньков, отморозков, конкуренток. Свой рынок.

— Есть и другая причина. Если мы не можем навести справедливость в такой малости — куда ж мы вообще полезли? Что мы тогда можем? Мерещилось-то: идем, значит, — и везде устраиваем порядок по ходу. А на деле-то — все везде само собой утряслось, сложилось, организовалось, хрен перековырнешь. Вот в чем ужас!..

— Предложения? Идти назад?

— Еще бессмысленнее...

— Ясно, — сказал Колчак тем тоном, что когда-то долгими годами был у него наготове для ответа на приказ — вскрыть красный пакет из командирского сейфа и поднимать с палубы в воздух штурмовики с ядерными бомбами на борту. — А как бы ты экипажи на смерть посылал? — спросил он. — А как бы сам шел с кораблем на смерть? Что, гвозди делать не из этих людей? Вот из-за таких мелихлюндий и не было в России Френсиса Дрейка и Наполеона, а был семнадцатый год и девяносто первый.

Тяжелые носогубные складки и змеиный изгиб рта придавали в зыбких сумерках каюты его лицу выражение прямо-таки дьявольское.

Плеснул спирта, плеснул воды, стукнул стаканом:

— Наше дело правое — победа будет за нами! Больше наглости, каперанг!

— Чашу эту мимо пронеси... — произнес Ольховский и выпил, подперся кулаком.

— Устав надо читать, а не Евангелие, товарищ офицер.

— Почему?..

— Душу все равно не спасешь, а дело делать надо.

— Это Пастернак.

— Терпеть не могу Пастернака.

— Что ты имеешь против Пастернака?

— А он как-то всю жизнь очень ловко увиливал от всех несчастий эпохи, только под конец вделся. Что-то тут не так. Я вообще не люблю тех, кто умеет устраиваться.

— Не так уж он устраивался. Хотя один момент был. Это он подарил Цветаевой обвязать чемодан веревку, на которой она потом повесилась.

— Экая самурайская заботливость.

— Я не про то.

— Трудно с тобой, командир. Что тебе ни скажешь — все ты не про то. А про что?

— Вот в этом плаче Иисуса в ночь перед арестом что-то есть, конечно. Знаешь — а плачешь. Плачешь — а идешь.

— Поплакал — и вперед. У него была своя задача, а у тебя — своя. Почитай газеты — не захочешь Пастернака.

— А что захочешь?

— Наставление по совершению государственных переворотов. Кстати о газетах: ты не обратил внимания, чего это они здесь с ятями и твердыми знаками? Местная журналистская мода, или областные правила русского языка?

— Где? Покажи. Действительно... Хм, странно. Изгиляются писаки. Мат, компромат, яти их.

— А н-нет причин для тоски на свете, что ни баба, то помело, — с абсолютной немзыкальностью промурлыкал Колчак: так мог бы мурлыкать проволочный ежик, если чистить им балалайку. — А мы пойдем с тобою в буф-фетик и возьмем вина полкило!.. Ну, еще какая причина для тоски, Петька?

— А еще — уж лучше было бы, что приходят наши ребята в бордель, в кожаных, в маузерах, хлещут шампанское, бьют посуду и окна, палят в потолок, вышвыривают сутенеров, тащат наверх визжащих девок... хоть разгул! размах... хоть на что-то похоже!

— Ха. Пройдет время — они будут уверены, что так все и было!

21.

Моторки тарахтели и взрывали, пляша у борта. На подходах к Калязину северный ветер развел зыбь. Пронесся небольшой шквал, сбривая гребешки волн. Складки плащей скульптурно облипали ссутулившихся людей в лодках.

На одной удерживали вдоль ветра узкий красный транспарант:

«Слава морякам легендарного крейсера „Аврора“!»
— Ура! — крикнули снизу озябшими голосами. —
Товарищи, спасибо!

— На здоровье, — отвечал мостик. — А за что?
— А за все!

Внизу хотели встречи. Вызванный Ольховский поднялся и подошел к борту, придерживая капюшон и ворясь от брызг.

— Что за депутация?

— Именно депутация, товарищ капитан первого ранга. Просьба есть у населения.

— Что за просьба?

— Погостили бы у нас часок. Помочь бы немного. Это всего вам на час задержки.

— А мы отблагодарим. Свежие продукты, фрукты, пиво — снабдим по высшему классу!

Мокрый леер скользил под рукой. Вихрь хлестнул, вбил в ноздри удушливый бензиновый выхлоп подвесных моторов.

— Пока не нуждаемся, — решил Ольховский. — А насчет братания и просьб — на ходу пожалуйста. Это к нашему судовому комитету. Кто у вас старший?

Мстительно прищурился, приказал вахтенному на палубе:

— Бубнова в мой салон. Скажи — ходоки к нему.

Ходок-депутат, войдя в салон, отвернул голенища рыбацких ботфортов. Стиснул руку Шурке: на ладони твердели узелки маленьких шрамов.

— Понимаете, ребята, замучила крестьян азербайджанская мафия. Прорыху от них на рынке нет, а народ-то бедный, а цены повышать приходится, а что делать. И людям не купить, и нам в убыток, и вообще за человека тебя не считают. И нас тоже, рыбаков то есть, прихватили.

Наверху было холодно и мокро, и настроение у Шурки после недавних подвигов было миролюбивое и даже апатичное.

— Вас как зовут? Алексей? Алексей, мы этими вопросами не занимаемся. Вот погодите, станет везде лучше, и у вас изменится.

Проситель проскреб черную разбойничью щетину. Из красиво контрастирующих с ней голубых глазок исчезло заискивающее выражение, и на несколько секунд они сделались холодными и твердыми, как у шерифа из вестерна.

— Лозунг хороший, — проговорил он, — и знакомый. Но от вас — неожиданный. Мы не морские черепахи, по триста лет не живем. Что уж, мы хуже людей, что ли?

— Это в каком смысле?

— В таком, что другим помогаете, а нам запахло, что ли?

— Кому это мы помогаем?

Ольховский курил в дальнем кресле не вмешиваясь и наслаждался диалогом.

— Да ладно... В одном месте они банк взяли, все вкладчикам обманутым раздали. В другом новых русских раскулачили и пенсионерам пенсию за год заплатили. В третьем спекулянтов потрясли, бандитов на месте перестреляли. А в деревнях так вообще десанты высаживают, землю и технику делят для крестьян. А калязинцам, значит, шиш с маслом, рылом не вышли? Спасибо, товарищи моряки. А мы вас ждали.

Шурка растерялся.

— И что? — глупо спросил он, понимая нечаянный цинизм реплики.

— И то, что люди на вас надеются, можно сказать. А на кого еще сейчас надеяться? Все обещают, все врут, все свои карманы набивают. Надежда только на того, кто рядом и у кого сила. А вы — это ж силища!

Он показал двумя руками, какая это силища. Так рыбак показывает небольшого кита.

— Или скажете — это все слухи, врут люди?

Под этим вопросом Шурка покорчился внутри себя. Ольховский в восторге пристроил руку с сига-

ретою перед лицом, прикрываясь. «Так тебя, стервеца».

— Люди, конечно, не врут... — промычал Шурка. Его берет приобрел сходство с шапкой Мономаха — давил сверху. «Водители Ларионов и Кутько взяли на себя и с честью несут», — ехидно проговорил в мозгу Жванецкий.

Гость постарался вложить всю энергию убеждения в одну фразу.

— Сейчас мост будем проходить — выйдите посмотреть, — попросил он, прижав к свитеру красные руки в беловатых шрамиках от снастей.

Четырехкилометровый стальной мост соединял берега бесконечно тянущегося на юг, в сторону Москвы, водохранилища, разлив воды переходил в хмурое небо.

В паутином переплетении балок жалась среди хляби кучка людей. Они растягивали вздутую дугой кумачовую ленту с расплывчатыми меловыми буквами: «Да здравствуют революционные моряки!» На другом транспаранте, синем и коротком, значилось «СОС!». Далеко внизу прыгал и валился набок бакен фарватера, как гигантский поплавок их общей удочки, которой они пытались поймать добычу на эту приманку.

— Им только силу показать надо! — убеждал Алексей, и неясно было, кому надо показать силу — угнетенным рыночным торговцам или их угнетателям. — Вы поближе подойдите, человек десять-пятнадцать если высадить с оружием — мы на лодках отвезем, и через час доставим обратно. Вам даже вмешиваться не надо — мы сами разберемся, вы только рядом постоитте.

— А сколько их? — неохотно спросил Шурка.

— Да сколько их вообще может быть? Человек десять, ну двадцать. А вас тут сколько? Да не станут они с вами связываться, они вас боятся, наслышаны уже. Бандит — он всегда знает, что настоящая власть рано или поздно придет, вот этой настоящей он и боится.

— Я-то не против... но на такие вещи нужен приказ командира, — Шурка оглянулся в поисках поддержки на Ольховского, решительно желая сложить с себя всякую ответственность и вообще не ввязываться в это тухловатое дело.

Стоявший поодаль Ольховский демонстративно отвернулся, продолжая беседовать вполголоса о чем-то с Колчаком.

— Осложнения и остановки нам на хрен не нужны, — говорил он.

— Согласен.

— Но есть один момент.

— Какой?

— Во-первых, нам нужна слаженность десантной команды. Чтоб ребята пороха понюхали, друг к другу в деле притерлись, настоящую уверенность почувствовали. А то с этим абордажем был сплошной позорный мандраж... кроме тебя и Иванова.

— Спасибо.

— А во-вторых, полезно проверить себя. Назад нам пути нет, а впереди тем более делать нечего, если не сможем повернуть такую пустяковую операцию. Так что выходят целых два момента.

— О! — сказал Колчак. — Главное в боевой операции — это выпить и проспать. Сильно влияет на мозги, а? Командуй!

Моторки с матросами в ряд рванули к берегу, как настоящий десант, мечта баталиста и мариниста.

До рынка их довезли в трех «жигулях». Шурка велел остановить в сотне метров. Выстроил короткую черную колонну по два. Осмотрел придирчиво: «Не ржать никому, ясно?»

Но ржать никто и не думал. На лицах сосредоточилось вполне единообразное выражение, которого так старательно добиваются инструктора рукопашного боя: «Хана вам всем, сучьи дети».

— Шэ-гэ-эм... арш! левой!

Дали тяжелый шаг по грязному асфальту, залепленному последними палыми листьями. Куртки

поскрипывали, гранаты побалтывались в такт на ремнях, маузеры шлепали по бедрам. «Песню врубить, что ли? Ладно, это лишне».

Кривой переулочек вывел на пустошь, забитую рядами машин. За ними чернел забор, зияющий воротами, по бокам которых густо белели и мокли объявления.

Капоты и крыши были плотно заложены стопками джинсов, свитеров, курток и всякой мелочевки, покрытой полиэтиленовой пленкой, матовой от сырости. Головы продавцов, а следом за ними и прочих, поворачивались в сторону необычного патруля.

«В гущу толпы соваться нельзя, — подумал Шурка. — Зажмут, не уследишь и не развернешься». Необходимо было использовать фактор неожиданности.

Вопреки обещанию, кучка депутатов, обросшая знакомыми и любопытствующими, держалась на некотором отдалении и, судя по виду, не стремилась проявлять никакой инициативы. Похоже, в случае чего они были готовы заявить нейтралитет. «Надейся на гадов», — сплюнул Серега Вырин.

— А вон их машина стоит, — показал Алексей так, как спрошенный прохожий указывает дорогу, не ведая и не будучи причастен к цели вопроса.

В сторонке осел на сношенных рессорах раздолбаный «линкольн таун кар»: некогда шикарный лимузин сегодня походил на бомжа, с наивной спесью прикинувшегося под лорда. Дверца водителя была открыта, оттуда высовывалась нога в огромной навороченной кроссовке с подсвеченным окошечком в подошве, изнутри мощные колонки извергали музыкальный рев и грохот. Композиция являла собой большую хозяйскую уверенность.

Шурка подошел к дверце, достал маузер и молча прострелил переднее колесо. Музыка срезало, будто именно так она и выключалась. Машина чуть покренчилась. Нога снаружи сделала неопределенное дви-

жение: то ли освободить место для второй, то ли втянуться внутрь, как у черепахи при опасности.

— Следующая — тебе, — сказал Шурка, слыша за спиной щелканье маузеровских затворов. — Вылазь.

Широкий и рано налившийся зеленоватым восточным жирком парняга выбрался и встал, облокотившись на дверцу. Доброй щетиной он в точности напоминал давешнего депутата, только глаза под пушистыми бровями были черными.

— В чем дело, командир? — спросил он. — У нас все нормально. Какие вопросы?

— Кругом. Руки на машину, ноги шире плеч.

— Нэ панымаю, — с резко вылезшим акцентом выразил он свое недоумение, встретился глазами с Габисонией, вздохнул и подчинился.

Оружия на нем не было, но из бардачка достали небольшой и вполне дорогой «зигзауэр». С сиденья Шурка взял и протянул ему мобильник:

— Сколько ваших сейчас по рынку шляется? Звони — зови сюда.

— Никто нэ шляется, о чем ты говоришь?

Сильно получив рукояткой по почкам, он крикнул и натыкал номер.

— Позвонишь не туда — ты покойник. И не говори лишнего. Скажи — здесь серьезный разговор, надо подойти срочно. Только по-русски!

За эту пару минут пространство рядом с ними сделалось свободнее — образовалась явственная зона отчуждения между моряками при «линкольне» и ближними торговцами. Следили искоса, стараясь выразить видом незаинтересованность и совершенную непричастность к происходящему — мол, ничего необычного в ваших делах нет, нам-то что. Рыбаки-ходоки сгруппировались между ближними машинами. Ну, выстрел, — никакого ажиотажа или паники.

Пятерка качков быстро, но без излишней торопливости прошла сквозь сторонящуюся толпу и раз-

вернулась плечо к плечу, как строй на тренировке: ноги на ширине плеч, свободно опущенные руки чуть согнуты. На азербайджанца походил разве что один из них, смуглый и не такой спортивный, как остальные. Шурка с неудовольствием отметил, что черные кожанки на них, похоже, дороже, чем на авроровцах.

— Расул, люди поговорить хотят, — сказал ушибленный, потирая выше поясницы.

— Зачем стволы? — сказал смуглый Расул. — Для разговора слова есть, правда?

— Сейчас будут слова — для начала, — сказал Шурка. — Вы, значит, и есть азербайджанская мафия?

И форма вопроса, и вид задавших его были странны. Налиествовала неожиданная сила, и трудно было сообразить, каковы ее подлинные размеры и как себя перед этой силой вести.

— Все скажу, — помедлив, ответил Расул, — но не здесь, наверное? Здесь люди торгуют. А с кем я говорю?

— А ты не говоришь. Ты слушаешь и отвечаешь на вопросы. Что на лентах написано — видишь? Читай!

— Допустим, «Аврора» написано.

— Вот тебе ответ, и вот тебе объяснение. Азер?

— Я из Ленкорани, — со спокойным достоинством ответил Расул. — У нас рядом, кстати, станций Аврора есть.

— Да? Станция? Тебе ее мало было? А здесь что делаешь?

— У меня свой бизнес. Есть временная прописка. Семью кормлю. Имею право. Почему ты спрашиваешь?

Раздражало то, что он не боялся. Десяток маузеров заставлял пацанов быть осмотрительными, и только. В рукопашной крепенькие и тренированные бойцы наверняка взяли бы верх над численно превосходящим противником. Тем слаще и злее было чувствовать свою силу не в себе самом, а в причаст-

ности к той силе, которая за тобой — преимущество солдата над бандитом: «Ты круче меня, но вы шваль перед нами».

— Перешлепать вас, что ли, — вслух подумал Шурка и задрал ствол маузера от бедра. — Не двигаться!!! — из низа горла рыкнул он, когда рука одного медленно поползла под куртку. — Руки на голову!

Безнаказанно и с праведной целью убить нехорошего человека, не желающего морально сломиться, когда ты вооружен — большой соблазн.

— Целься, — скомандовал Шурка и вдруг почувствовал, что внутренний стопор уже отпущен и держится в зыбком неустойчивом равновесии, в позвонивающем холодке подложечки, и ничто сейчас не удерживает его от того, чтобы сказать «огонь!» и еле уловимо усилить давление указательного пальца на спуск и застрелить стоящего перед ним, сделать живого мертвым.

Если собака прекрасно чувствует выброс адреналина в испугавшемся ее, то и человек обычно вполне улавливает переход угрозы за грань, где она становится неотвратимой смертельной опасностью. Читая в лицах перед собой, бойцы побелели.

— Бежит! Уезжает! вон! — крикнули в толпе, и кто-то указал рукой.

Парень в зеленом спортивном костюме нырнул в той же масти зеленый «ниссан», не закрывая дверцы поспешно врубил, стартер скрежещуще зачирикал и мотор захлебнулся от резкой перегазовки.

— Не отвлекаться! — крикнул Шурка, ткнул маузер за ремень, чтоб не тратить время на засовывание в кобуру, дернул гранату, порвав проволочку, которой она была за ручку аккуратно примотана к ремню, выдрал чеку и, миг посоображав, бешеным броском послал железную бутылку по низкой траектории с таким расчетом, чтоб она прошла над самой крышей машины: пусть едет на разрыв, а своим корпусом прикроет рынок.

Локоть и плечо даже заняли от резкого рывка. Предохранительная планка со щелчком отлетела от рукояти и закувыркалась отдельно.

Дважды перевернувшись в воздухе, граната накрыла машину, когда та буквально выпрыгнула из-под нее, поймав гранату краем багажника. Удар пришелся ручкой, это был даже не удар, а касание, но его хватило: несколько выношенный временем запал сработал чуть раньше срока от толчка. Хлопнул взрыв.

Взрыв был малоэффективный: пыхнуло мгновенным неярким огоньком и прозрачным дымом. Все невольно пригнулись, хотя Шурка твердо помнил, что по инструкции РГД, лишенная оборонительной осколочной рубашки, на таком расстоянии должна считаться безопасной.

Заднее стекло исчезло. Бампер отлетел, повиснув на болтике. Крышка багажника раскрылась жестяным цветком. Машина вильнула и остановилась.

— Н-ну вы крутые! — почти с восхищением проговорил самый храбрый боец — тот, который пытался полезть за пистолетом: следы юношеских угрей снова переставали быть заметными на его лице, которому возвращался цвет.

Взрыв как-то разрядил обстановку — стрелять и убивать никого больше не хотелось: победа была доказана действием и признана.

— Вырин, погляди — чего там, жив-нет, — приказал Шурка, и Вырин пошел с маузером, как охотник к подранку.

Из «ниссана» выбрался беглец и согнулся, обхватив голову. Подогнанный к общей шеренге, он продолжал держаться за уши.

— Подголовник его закрыл, так что целый, — пренебрежительно пояснил Вырин. — Барабанные перепонки, я думаю, лопнули. Ничего, пацан, зарастут... если жив будешь.

И только тогда в первый ряд жидкой толпы, отпятившейся полукругом от театра военных действий,

продвинулись двое милиционеров. Как все базарные менты, они были невелики ростом и хорошо упитаны. Очевидно, не отреагировать на взрыв уже выходило за рамки их представлений о приличиях. Ефрейтор был с АКС-у, а сержант носил кобуру на немецкий манер, у пряжки ремня поверх круглого животика.

— Что это у вас тут происходит, матросики? — голосом сытого человека, который хочет дать ощутить в себе зверя, спросил сержант. — Почему оружие? Расул, может быть ты мне объяснишь?

— У вас сегодня большое горе, товарищи менты, — посочувствовал Шурка. — С сегодняшнего дня рыночная мафия перестает платить вам зарплату. Придется бороться за повышение своего жизненного уровня законными методами.

Сержант подумал, багроветь или нет, сдержался, поправил на груди рацию и довольно спокойно пообещал:

— Сейчас я передам о ЧП в управление, и вы будете иметь дело с ОМОНОм. — Он посмотрел на что-то позади Шурки и добавил: — Впрочем, можно и без ОМОНа.

Из переулка выкатили три джипа, набитые бойцами.

— Вообще-то вы окружены, — военным термином обрисовал обстановку Расул и сразу стал похож на чеченского полевого командира. Братки рысцой набегали сзади.

— Секунду! — сказал Шурка, выхватил из-за пазухи ракетницу и пустил в зенит красную ракету.

Несколько секунд все следили за ее полетом, ожидая, что последует за сигналом.

Выстрел шестидюймового орудия стоящего близ берега корабля ощущается солиднее, чем представляют себе те, кто этого никогда не слышал. Одновременно с потрясшим воздух тяжелым ударом вздрогнула земля под ногами — водная среда прекрасно передает колебания. Звук еще раскатывался в сыром

воздухе, когда от него отделился и стал нарастать жестко свистящий шелест, переходящий в не сравнимое ни с чем металлическое погромыхивание несущегося над головой товарного состава — это буравил низкие тучи, пронзая и резко скача в воздушных потоках, пятидесятикилограммовый снаряд, выпущенный на полном заряде. То, что в головку не был ввернут взрыватель и снаряд представлял из себя практически безвредную болванку, летящую по низкой настильной траектории далеко за город, никого не должно было касаться. Напротив — срезанная под воронку головная часть, лишенная конуса взрывателя, добавляла леденящего свиста. Головы слегка вжались в плечи.

— Разнесем город к едреней фене! — заорал Шурка в бушевании счастья. — Ну, кому мало?! Еще сигнал — и через двадцать минут здесь будет пятьсот человек! Вас здесь знают всех — и перестреляны будете все! Не считая милиции, которая будет перевешана! У кого еще вопросы к депутатам Балтики?!

И, улавливая правильность момента, трижды выстрелил в воздух.

Вопрос депутатам Балтики был задан только один.

— Так это что, революция, что ли? — спросил сержант. — Ребята, а телевизор, вроде, ничего не передавал, понимаешь...

— Передаст, не волнуйся!

Бык был взят за рога, хвост, копыта и ноздри. Пора было резко гнать волну.

— Значит, так. Вы — руки можно опустить. Расул и ты, как тебя, вместе с прочими товарищами азербайджанцами — шагом марш домой. В Азербайджан! Нам тут своих бандитов хватает, но уж чужие — это чересчур. Сутки вам на сборы — мы хорошие ребята. Товарищи славяне — рынок с этой минуты наш. Кто хочет поспорить — пуля найдется для каждого.

Расул! Привет Алиеву. Возвращаться не надо. Не провоцируйте людей на погромы.

Господа местные бандиты. Живите пока, но чтоб на рынке вами не пахло. Если нет — мы скоро вернемся, и тогда стреляйтесь сами, лучше будет.

Господа торговцы и крестьяне — приступите к работе! Адрес для жалоб вы знаете.

Вопросы есть? Вопросов нет! Вольно! Разойдись!

Братва стояла в хмурой задумчивости. Против лома нет приема. Пришли и забрали. Когда в беспредел вступает военная система — у нее на дороге не постоишь. Надо думать, но сначала — посторониться...

Владелец «линкольна» тихо попросил:

— Может быть, ствол отдадите, пожалуста?..

— Перебьешься!

Уже в моторке, припаливая третью сигарету и укрыв ее в горсть от ветра и брызг, Шурка сказал Сидоровичу:

— А ведь вот так взяли бы власть в этом городишке.

— Как не хрен делать, — подтвердил Сидор.

22.

За ужином тяпнули дареной водки, смачно закусив ее одурительно пахнувшими малосольными огурцами. На десерт тянули пиво. Пришли к выводу, что нет ничего прекрасней любви народа, преподнесенной в адекватных формах.

— Ради нее стоит рисковать жизнью, — философски сказал Сидорович.

— Ударно поработал — культурно отдохни, — поддержал его стахановским лозунгом Габисония, открывая новую бутылку.

Чувствовали себя элитными рейнджерами, наслаждающимися благами цивилизации после ударной операции.

Сергея Вырина спросил:

— Шурка, а вот теперь — честно: ты бы выстрелил?

— Без вариантов. А ты нет?

— Я тоже.

Поскольку десантная команда была освобождена от ближайшей вахты, дружеская посиделка спонтанно перетекла в заседание революционного комитета. Пригласили включенных в него офицеров, единогласно поставили себе за операцию оценку «отлично». Пришли к выводу, что и власть вот так сменить безусловно могли, но это дело требует навыка и предварительно проработанного плана. Главное — решительность и беспощадное подавление сопротивления.

— Все же надо было их шлепнуть всех. Надежней было бы.

После пары стопок уже казалось, что никаких препятствий к тому не было. Вообще противников смертной казни не следует искать среди военных, для которых убийство по приказу есть основной способ решения поставленных задач. Но так как революционность подразумевает свободу слова и совести, обнаружилась и гуманистическая оппозиция в лице Груни и Беспятых.

— Одно дело — бой двух сторон с оружием в руках, тут — или ты, или тебя. И совсем другое — когда преступник уже беспомощен и безвреден: что толку отбирать у него жизнь? — занял позицию Беспятых.

— Безвредный гад — мертвый гад, — заметил Куркин.

— Ни у кого нет права отбирать у человека его единственную жизнь, данную Богом, — возразил Груня.

Очень приятно быть гуманистом, в безопасности выпив водки и закусив ее малосолевым огурцом. Впрочем, в таких условиях комфортно и проповедовать террор.

— История свидетельствует, — продолжал Беспятых, — что жестокость наказаний еще никогда не способствовала пресечению преступлений. Карманники особенно усердно орудовали в толпе, собравшейся смотреть казнь воришки.

Ему было немного стыдно повторять банальные аргументы из газет и телевизионных дискуссий. Груня был простодушнее, и испытывал отнюдь не неловкость интеллигентного офицера в споре с матросами, а напротив, гордое удовлетворение своей образованностью.

— Смертная казнь ничего не дает. Это просто месть общества, где люди руководствуются атавистическим чувством справедливости, — повторил он слова известного московского адвоката, поразившие его ум посредством телевизора.

Габисония неожиданно для себя издал гортанный и какой-то кровожадный звук.

— Когда чувство справедливости становится атавистическим — хана всему! — выкрикнул он. — А несправедливость, значит, — не атавистическая, да?! Нет, дорогой. Если адвокат за деньги защищает убийцу — он хуже собаки, он... проститутка. Нет — проститутка честный человек, она за деньги удовольствие продает, никому плохо не делает, только себя позорит. А он закон позорит, всех людей позорит.

— А с чего это взяли, — удивился Шурка, — что жестокость наказаний не уменьшает преступлений? Что — сравнивали, ставили опыты? Да может, без смертной казни воровали бы наоборот в пять раз больше! Любой знает: как прекратить мародерство? — очень просто: расстрелять пару мародеров. Вот если бы провести эксперимент: на половине страны казнят воров, а на другой нет, и тогда сравнить, где воров будет больше, — тогда я поверю. Где это в Азии руку отрубали за воровство?

— В Иране, — сказал Мознаим. — Там воровства нет, это точно. Где шариятские законы действуют — воровать не принято.

— Вот так!

— Могу сказать, почему в Узбекистане машины не воруют.

— Неужели руки рубят?

— Нет. Президент Акаев ввел закон: любой угон машины — двадцать лет. И все — стоят открытые, никому неохота за тачку двадцать лет хватать.

— Молодец Акаев!

— Товарищ лейтенант! А как, собственно, принимается закон? Кто это вообще решает, как за что наказывать?

Беспярых в затруднении пожевал губами.

— Законодательная власть решает. У нас, скажем, народ избирает Думу, соответствующий комитет разрабатывает закон, и его в обеих палатах ставят на голосование.

Это откровение вызвало разочарованный стон.

— Ага! Неизвестно за кого голосуешь, а потом он двигает тот закон, за который богатые больше ему заплатили. На хрен такая демократия?!

— Лучшей не придумали.

— Тут нечего и придумывать! Важные законы надо ставить на всеобщее голосование, и дело с концом! Если народ избирает власть — почему власть устанавливает не те законы, которые хочет народ? Не-ет, пора такой власти вставить оглоблю.

— Дорогой Шура, — вздохнул Беспярых, — за какую бы власть ты ни голосовал, все равно к ней приходят те, кто ловчее вешают тебе лапшу на уши.

— Так поставим нужную власть силой!

— А какая тебе разница, будут тебя принуждать действовать в ее интересах силой или ложью?

— Э, нет, — зашумело собрание, — поставим нашу власть!

Хазанов вылез по пояс в раздачу, дотянулся до сигарет на столе и в такой позе поделился своим проектом:

— Проведем плебисцит насчет смертной казни. И каждому в личном деле, или там в паспорте, сде-

лаем отметку: за он или против. И тогда, если убили того, кто против — убийцу не казнить, раз он был против казни. Это логично. А если убили того, кто был за казнь — тогда казнить. А то ишь — легко миловать, если не у тебя жизнь отняли. Ты за свою отвечай. А за своих детей решают родители, естественно. Вот тогда я посмотрю, как он будет голосовать за то, чтоб за убийство его именно детей не казнили. А то всегда на суде получается, что жертва-то права голоса и не имеет. Вот ей заранее это право голоса и надо дать. Кому же решать, что делать с убийцей, если не убитому?

— Макс, ты гений, — сказал Шурка. — Эй — пива ученому коку!

— Вряд ли будет хорошо, если в первую очередь вырежут всех гуманистов, — усомнился Беспятых.

— Будет чудно! А-а, не нравится? А во вторую вырежут убийц!

— И будет революционный порядок! — поднял палец Груня; он сам не заметил, как сменилась его точка зрения.

23.

— Вот проходят они мимо города, или поселка, — останавливаются, десант в шлюпки — и на берег: пятьсот человек. Это ж крейсер, махина. А ты представляешь, что такое пятьсот вооруженных матросов? С маузерами, с гранатами...

— А почему с маузерами?

— А со складов потому что. Личное оружие. Матросам же автоматы не положены, так не с макаронными же высаживаться. Пулемет на каждую шлюпку. Бандитов расстреливают по ходу, прямо кто попадется. А сами берут все управления и банки. Владельцев — к ногтю, деньги все раздают вкладчикам и всем, кому зарплату задолжали.

— А милиция что?

— А что милиция, что они — сумасшедшие жизнями жертвовать, чтобы банкиров защищать. Не те силы. Это уже не уровень милиции, ее дело — сторона. Милиция потом составляет акты, что ничего не могла поделать.

— А власти что?

— А что власти. Когда тебе маузер покажут — он и власть: сразу сделаешь что надо.

— А армия?

— А что армия — гражданскую войну устраивать будет? Армия подчиняется президенту. Армии самой жрать нечего, она на самом деле им сочувствует.

— А президент что?

— А что президент. Президент болеет. Ему не до того. Подпишет указ, а как там его — выполняют, не выполняют, — кто это проверять будет. Президент свою власть удерживает, там у семьи свое добро, своих заморочек хватает, ему не до этого всего.

— Так им что — никто и не сопротивляется?

— А кто им будет сопротивляться?! Если они делают то, чего все сами хотят? Ну кому на хрен надо свой лоб подставлять под пулю, если они ему же зарплату принесли? Вот они идут — нефтепровод. Давай откачивай топливо город освещать и обогревать! Охрана видит — расклад не тот: ну чего, молча отходит в сторону. А на электростанции топливо идет. Перебьются владельцы компаний, и так наворовались. А охрана, она тоже не столько получает, чтобы подвиги совершать, они такие же, как все, им тоже всё по фигу.

— Хм... Интересно получается: это они идут через всю страну и делают что хотят, а им — никто ничего?

— А кто им что сделает? Можно подумать, сейчас у кого сила, не делают чего хотят. Тут сотня бандитов весь город в страхе держит, творит что хочет, и

им ничего, — а тут семьсот матросов на крейсере: разница есть? Тем более они не грабят, а наоборот делают то, чего все и хотят. И вот еще что все понимают...

— Что?

— А то, что сами по себе крейсера по рекам не ходят, тем более «Аврора». Это пьяному ежу понятно. На ней знаешь кто командир? Контр-адмирал Иванов, он еще в войну крейсером «Громобой» командовал. Такого просто так не поставят. Значит, кто-то дал на это приказ. А раз наверху молчат — значит, на самом верху этот приказ и дали.

— А им-то на хрена?

— А потому что иначе уже ничего сделать невозможно, везде сидят воры, повязанные бандитами, хрен сдвинешь. Чуть дернешься, хоть ты на самом верху, — еще одно заказное убийство депутата или замминистра, и гуляй Вася. А тут семь сотен морской пехоты на крейсере, орудия и пулеметы, замучишься подбираться. Вот в Калязине дали залп из шестидюймовок по мэрии — разнесли в пыль, понял! И за час навели порядок в городе. Мафию перестреляли, богатеньких потрясли. У тебя вообще телик есть? Ты газеты хоть читаешь?

— Да там только политика и скандалы, и все вранье... А что, писали?

— Или! На первой странице фотография была! А в Угличе у одного из команды невеста была, так они причалили и устроили свадьбу, вообще был праздник братания с населением, полгорода гуляло. А в деревнях землю и всю технику народу раздают, поровну и без всяких выкупов.

— И еще коттеджи новых русских вообще жгут!

— Вот тут, кстати, они неправы. Это тоже народу раздавать надо. Мебель, аппаратуру, драгоценности, — всё, а сами коттеджи — особо нуждающимся в жилье. Многосемейным и под детские сады.

— А правда, у нас говорили, что они в Череповце директора завода повесили?

— Прямо на кране! Он завод приватизировал, а работяги без гроша сидят, а у самого вила на Кипре и два джипа. Заставили его подписать передачу акционерки трудовому коллективу — а самого вздернули.

— А народ что?

— А народ что. Народ сказал: «Вот так-то, блядь!»

24.

Воздушную тревогу сыграли а) спозаранок; б) сдурю; в) на всякий случай. Выразилось это в том, что все вскочили и разбежались по заведованиям. В любом случае для атаки с воздуха крейсер был беззащитен, как черепаха. Но прочно приспособленный к «собачьей вахте» Беспятых счел за благо соблюсти дух Устава и инструкции: к рассвету недоспавший человек бывает особенно мнителен.

Зашедший с востока на небольшой высоте бомбардировщик казался неправдоподобно огромным. Странно тонкий и длинный в пропорциях стреловидный силуэт, черный на фоне розовеющего неба, был красив и жутковат. Он плыл в тающей полумгле, распростертый над землей и водой, раскатисто и низко грохоча четырьмя турбинами, скошенными по две к фюзеляжу. Картина пахла атомным апокалипсисом, до поры оформленным с каким-то любовным inferнальным изяществом.

— Градусов под тридцать на пересечку курса идет, — проговорил Ольховский, задрав голову. — Самый тот угол для бомбометания.

— М-3, — сказал Колчак. — У-бомбер, стратегическая авиация... старье. Под водородную бомбу делался.

— Не станут же они нас на фарватере топить. Проход загородят.

— Успокойся, для нас штурмовик подняли бы... или «крокодил».

Плотная волна гула перекадилась через мостик и стала удаляться. С каплевидных обтекателей на концах крыльев срывались полупрозрачные ленты инверсии. Блеснуло остекление хвостовой кабины стрелка с двумя черточками спаренной пушки.

— Что он здесь делает? — Ольховский медлил давать отбой тревоги.

— А мы что здесь делаем?.. В Кубинку, вероятно, на посадку пошел, или еще куда рядом. Они изда- лека в посадочную глиссаду входят.

До подъема уже не заснули, сказалось возбужде- ние. Психология человека на военной службе такова, что любое непонятное явление прежде всего воспри- нимается как возможность угрозы, нападения, вой- ны: к чему должен быть готов, того постоянно и опасаясь... А за этим следует отходняк: оживле- ние и смешливость.

И когда во время завтрака тревога взревела сно- ва, отреагировали с веселым раздражением:

— Ну что там, опять бомбят?

— Да пускай из маузера собьет!

Вертолет — блестящее яйцо со стрекозиным хвос- тиком, явно вырванная каким-то ушлым милицей- ским чином гуманитарная помощь нью-йоркской по- лиции, — заложил круг над крейсером и завис рядом с мостиком, опустив нос. Из правого окна торчал объектив телекамеры.

— Командир! — завопила связь с марсовой пло- щадки, — нас телевидение с вертолета снимает!

Ольховский метнулся к иллюминатору и, высунув голову, оценил размеры вертолета. Дальнейшие его действия по давно предусмотренной вводной были также мгновенными:

— Аврал! Боцман — в секунду ведро белил и кисть, рисуй круг на юте! Диаметр метра три, посредине поставь точку в полметра! Сидорович! Заднюю растяжку грот-мачты руби к черту! Закрепи

за что-нибудь вперед, чтоб сзади не болталась! Командир БЧ-2 — отвернуть кормовое орудие на девяносто градусов! Сигнальщик! С флажками на кормовой мостик! Сажай его! Старпом! Подвахту в форме три построить перед кормовым мостиком!

Надел фуражку, сунул в карман дареный зигзауэр, пробормотал: «Вариант второй. Добро пожаловать».

Приглашение было понято и принято. В заключение приготовлений командир вышел на крыло мостика и, вытянув руку, показал большим пальцем вниз так, как римляне в цирке добивающему противника гладиатору или истребители в кино принуждаемому сесть самолету. На вертолете истолковали жест во втором значении, что говорило в пользу умственных способностей пилота, но, как показало дальнейшее, не журналистов.

Вертолет переместился к корме и стал медленно и осторожно заползать вбок, уравниваясь над небольшой, прямо скажем, но приемлемой посадочной площадкой. Благо скорость импровизированного вертолетоносца была невелика, а волнение на воде отсутствовало вовсе, так что класс подготовки, требуемой от палубной авиации, здесь был излишен. Скорее это напоминало парковку в малый промежуток у тротуара. Колчак, перехватив флажки у сигнальщика, обозначал заход, и на лице его показалась сожалеющая улыбка мальчика, которому дарят слишком простенькую и недорогую игрушку.

Ударил ветер с водяной пылью, матросы придерживали бескозырки и прижмурились. Вертолетик ткнулся полозьями в палубу и выровнялся на них, за их стойки тут же завели, пригибаясь, трос и закрепили, и винт на холостом ходу стал замедлять вращение и обвис.

Дверца распахнулась, и вылез бодрый и абсолютно лысый оператор с камерой на плече, следом изящная блондинка в джинсах и красной куртке и рас-

хлябанный шплинт, в лице которого неординарно сочетались жирноватость с востроносостью.

— Здравствуйте! — закричала блондинка с тем счастьем, которое подразумевалось от встречи с ней. — Или как у вас полагается — здоровья желаю? Телевидение НТВ!

В руке она держала микрофон с означенными буквами, проводок от которого всунула в гнездо камеры и приняла позу, глядя в объектив.

— Спасибо за приглашение! — воскликнула она. — Мы ведем наш репортаж прямо с палубы легендарного крейсера «Аврора»! Но сначала — несколько слов капитану корабля. Скажите, вы давно капитан? — обратилась она к Колчаку, делая на уровне бедер жест приблизиться и слегка поворачиваясь так, чтобы камере было удобно взять их обоих.

Под этим жизнерадостным напором Колчак дернул вверх и вниз кадыком.

— Боцман, объясни, — бросил он.

— Капитаны на торговых судах, — объяснил Кондрат. — Военным кораблем командует командир. А капитан — это фамильярное обращение к капитан-лейтенанту. Капитан первого ранга Колчин — старший помощник, — показал глазами. — Это на три звания старше капитан-лейтенанта.

— Я уверена, вам это тоже будет интересно узнать! — послала журналистка улыбку камере. — Давайте познакомимся, — она протянула Колчаку руку на уровне груди ладонью вниз, так что при желании это можно было истолковать протягиванием для поцелуя. — Княжна Сорбье. Можно просто Маша.

— Барон Колчин, — отрубил Колчак и встряхнул ее кисть двумя пальцами.

— Вот и первая неожиданность! — напирала княжна. — Потомок баронов на революционном корабле! Скажите, что значит для вас этот титул, доставшийся от предков? Наверное, это заставляет еще зорче... строже... Отарик, вырежешь! Наверное, это

заставляет еще щепетильнее хранить офицерскую честь?

— Мои предки из деревни, — сказал Колчак. — Титул я выиграл в коробок у командира корабля.

— Э-э... — не нашлась княжна, несколько раз открыла и закрыла подмазанный ротик, сморщилась и по-девчоночьи прыснула. — Это как?.. — спросила она.

— В коробок? Ну, знаете, подбрасывать пальцем с края стола, чтобы перевернуть или поставить на ребро: там система очков, надо набрать двадцать одно...

— Как играют в коробок я знаю, но как можно выиграть титул барона?!

— Ну, директор одного завода, граф и предводитель дворянства, пожаловал ему баронскую грамоту. Из любви. Правда, мы им и за ремонт баксами хорошо заплатили. А мы с командиром как-то вечером разговаривали о делах и решили немного отвлечься. Вот я и выиграл. Фамилию в грамоте свели... у нас есть один специалист в корабельной канцелярии, чтоб вам понятнее было, и поставили мою. Грамота законная, насколько я понимаю.

— Потрясающе! Наверное, вы первый барон в истории, который выиграл свой титул в коробок!

— Очевидно, — скромно кивнул Колчак.

— Вы передадите титул своим детям? У вас есть дети?

— А у вас?

— У меня еще нет.

— Будут, — уверил он.

Двойная шеренга из дюжины матросов поощрительно зааплодировала. Оператор зафиксировал аплодисменты. Журналистка подобралась лицом и официальным тоном спросила:

— Скажите нашим телезрителям: с какими чувствами вы отправлялись в свой знаменательный поход?

— С двумя чувствами.

— С какими же именно?

— С чувством выполняемого долга и, разумеется, с чувством глубокого удовлетворения. Вы еще помните такое?

Она медленно округлила глаза и выдержала каменную паузу. Воспоминания об этом чувстве у них, в силу возраста, были явно различны.

— Ну, хорошо, — сухо продолжила она. — Прежде чем мы перейдем к интервью с командиром корабля, последний вопрос встречающему нас господину старшему помощнику барону... Э-э...

— Колчину, — подсказал жирновато-носатый шплинт.

— ...господину старшему помощнику барону Колчину. Ваш поход, наверное, полон трудностей — ведь нелегко плыть в мирное время на таком корабле, как «Аврора»?

— Полон, — подтвердил Колчак. — Но мы их успешно решаем. Вот например, — он обратился к оператору: — вы не позволите мне подержать секунду вашу камеру, вот так же, как вы, на плече? — Он шагнул вперед и протянул руку достаточно вежливо и даже просительно.

Возникла краткая заминка.

— Ни разу в жизни не смотрел в объектив телекамеры, — пояснил Колчак. — Хочется увидеть, как это все выглядит в... у вас...

— В кадре?

— Именно. В кадре. Все-таки свой корабль, понимаете.

Оператор отклонился и повернул камеру, позволяя Колчаку припасть глазом к видеоискателю.

— Ага... Так... Нет, а позволите взять самому, я осторожно?

Названный Отариком шплинт распорядился:

— Петя, дай ему... господину старшему подержать камеру. Только осторожно.

— Я понимаю, — заверил Колчак, бережно перемещая довольно тяжелую камеру на правый погон. — И денег, наверное, стоит уйму?

— Это «Панасоник» — тридцать тысяч долларов, — усмехнулся оператор. — Не тяжело?

— Сейчас будет легче, — пообещал Колчак, выдернул штекер микрофона, сделал три ровных шага к ограждению и толчком плеча отправил камеру за борт.

Произошел бултых, выбивший тонкий фонтанчик. Телевизионщики оглушенно раскрыли рты.

— Какой я неловкий, — сокрушенно вздохнул Колчак. — Вылавливать будете на ходу, или пока здесь постоите?

— Т-ты чего?.. — пробормотал одутловатенько-носатый. Лысина оператора посерела, и на ней рельефно проступил теменной шов. Из горла его раздался тонкий мышинный писк.

— Я чего? Я показал, как мы преодолеваем трудности, — светским тоном прокомментировал Колчак свое действие, столь же дикое, сколь разорительное. — И готов продолжить демонстрацию. Для справки: если ты, шплинт, еще раз вздумаешь обратиться ко мне на ты, тут же нырнешь следом. Еще вопросы?

— Вы же нас сами пригласили! — на звонкой и срывающейся струне дала голос блондинка, от щек и переносицы вверх лицо ее залилось светло-розовым, а ноздри и подбородок заметно побелели, отчего она стала походить на красивую двухслойную пастилу.

— Вы бы предпочли, чтоб мы вас из зенитки сбили?

— Но ведь можно было сказать! Зачем вы?!

— Говорю. Затем. Все кассеты сюда быстро.

— Кассета была в камере, — мертвым шепотом сказал оператор.

— Почему «была»? Она там и осталась. Я имею в виду остальные.

— Остальные чистые...

— Тем более нечего жалеть. Взять пилота!!!

Быстрее ориентирующийся в критических ситуациях летчик под шумок отцепил страховочный трос

и втек в кабину, уже включив зажигание. Его выволокли, двигатель заглушили.

— Куда без команды? Я скажу, когда лететь.

Пастильно-пастельная княжна-журналистка подрожала ресницами.

— Скажите, пожалуйста, товарищ командир первого ранга...

— Я не командир, а командиров первого ранга не бывает. Я капитан пер...

— Да какая разница! — отчаянно закричала она. — С нами даже чеченцы так не обращались!

— Что же вы от них улетели?

— Вы понимаете, что мы тоже выполняем задание?!

— Не выполнили. И черт с ним. Боцман! Всех проводить на камбуз и накормить. Пусть не клеветают потом на флотское гостеприимство.

— Мы не хотим есть!

— Пожуйте и сплюньте. Знаете, как в наставлении японским секретаршам: «Если вам предлагают выпить, не отказывайтесь, как ослица, а пригубите и поставьте рядом». А вообще вас не спрашивают. Здесь приказываю я. И командир корабля. Выполнять!! — гаркнул он голосом, от которого пригибались когда-то штыревые антенны на авианосце.

Несчастных отконвоировали — пихать кусок в горло.

Спуск по трапам и проход по коридорам невольно развлек их человеческое и профессиональное любопытство. «Это вам повезло, что самих за борт не приказали», — вполголоса утешил Кондрат.

На камбузе они с горя безусловно врезали разведенного спирта, а уж закусить получилось само собой. Процедура эта, как всем известно, очень способствует успокоению нервов и оптимистическому взгляду на жизнь.

— Ладно, — сказал оператор и налил еще. — В конце концов, нам за эту камеру не платить...

— В вертушке бы что-нибудь не сделали, — прищурился пилот, однако жевать не перестал. — Хлоп-

немся — и соболезнования родственникам. Вы застрахованы?..

Чтобы изгнать эту мысль, пришлось добавить. Шплинт закусил спирт брызнувшим персиком, воткнул косточку в мохнатую киви (из пейзажных подношений) и задумчиво обозрел получившийся автопортрет.

— Да, — признался он Хазанову, подавшему разваленный бутон арбуз. — Теперь понятно, как вы преодолеваете трудности. Я думаю, вы и дальше справитесь.

— Нет проблем! — гордо ответил Макс, выкладывая алую серединку на тарелку красавице.

Через час, расслабленных, их препроводили обратно к вертолету, где уже ждал Ольховский.

— Разъясняю, — сказал он, представившись. — Преждевременная реклама нам ни к чему. Теперь за камеру вас взгреют и, возможно, продолжение визитов последует не сразу. Учтите — следующий вертолет будет сбит без предупреждения. Или катер утопит, в чем вы там пожелаете... И вообще, честно говоря, я вас не люблю.

— За что? — дуэтом спросили Отарик и блондинка, а по лысине оператора пробежала морщина, словно маленькая волна, вызванная землетрясением под черепным покровом.

— За то, что десять лет делали национальных героев из спекулянтов и воров — раз. За то, что исполняете музыку, которую вам заказывают хозяева, — два. За некомпетентность и халатность при исполнении своих служебных обязанностей — три. Ребята, вам же наплевать, что из вашей работы получится реально, — лишь бы сенсацию залудить и бабки срубить. Не надо сенсаций. Всему свое время.

— Мы никак не хотели вам мешать, — сказала девушка.

— Вы взрослые люди. Имею христианскую просьбу — погодите соваться. Удостоверения, документы какие-нибудь есть? Кондрат, перепиши данные.

На случай осложнений, — будем надеяться, что обойдемся без них.

Ольховский пошлепал ладонью по стволу свернутого на борт кормового орудия (жест вышел со значением) и с улыбкой доброго следователя предложил:

— Выбирайте сами: или вы остаетесь под арестом на корабле — скажем так, на некоторое время, — или никаких официальных сообщений. (Задержать их — коллеги искать начнут, вертолет пропавший, опять же, — не отлипнешь...)

— Так ведь спросят!

— А ничего интересного. Везем в Москву временную экспозицию Музея революции. Мелочь культурной жизни. И упоминания-то не заслуживает.

— А камеру зачем утопили!!!

— Сказка про белого бычка. Чтоб много шума не было. За камеру могу принести извинения. Взамен обещаю, что если будет повод действительно — вам позвоню первым. Девушка — как вас, Маша? — телефончик свой дайте.

— А как же свобода слова? — язвительно спросил востроносик.

— А как быть, если свобода слова мешает свободе совести? Если по совести, скажем, надо что-то сделать, а по свободе слова можно все изгадить? Свобода слова подразумевает и свободу молчания. Не приходило в голову? Должна ли свобода слова противоречить свободе дела?

— Это смотря какое дело. Хорошее дело слова не боится.

— А это смотря какое слово. Масса хороших дел лопнула из-за свободы болтунов. Ладно — аудиенция окончена. Заводи вертушку.

Грустно кивнул и приложил руку к козырьку.

Через полчаса вошли в сузившееся волжское русло и без происшествий миновали оставшийся по левому борту Белый Городок. Идти оставалось каких-то две с половиной сотни километров.

При проходе Дубны, где справа в Ивановском водохранилище накатывалась шершавая мелкая зыбь от горизонта, на фоне близкого левого берега отделилось и устремилось наперерез курса судно удивительное во всех отношениях. Это был некрашенный плоскодонный челнок с неуклюжим парусом, сделанным из бурого больничного одеяла. К борту был на метровых рейках пристроен металлический поплавок, скорее всего похожий на пустой бензобак, — очевидно, он служил балансиром для остойчивости. Вялый парус придавал этому катamarану мало скорости, и гребец на корме отчаянно голландил коротким веслом, отчего лодчонка рыскала из стороны в сторону. Греб он, однако, сильно, как будто имел практику спортивной гребли на каноэ.

В бинокль сигнальщику было видно, что выглядит гребец не то чтобы странно, но одет неуместно: узкие отглаженные черные брюки, ворот белой рубашки с узелком галстука в широком развале грубого морского свитера. Короткая борода была подбрита в шнурок, а роговые очки придерживались веревочкой (или резинкой) вокруг головы.

Бросив грести в сотне метров перед носом «Авроры», он встал и с усилием начал выдергивать короткую мачту вместе с парусом из гнезда. Чуть не вывалившись за борт, он отшвырнул свой нехитрый рангоут, отчаянным гребком выдернул лодку из-под форштевня и заорал, маша и дергаясь, как страдающий пляской Святого Витта, которому в качестве лечебной меры по ошибке загнали клизму скипидара:

— Товарищи! Стойте! На минуту! Примите меня! Дело государственной важности! Судьба мира в ваших руках!

Борт пошел уже мимо него.

— Я от Игоря Васильевича-а!

— Ты слышишь? — иронично сказал Беспятых лоцману. — Он от Игоря Васильевича. Дайте ему два билета в первый ряд и полкило икры.

— Вы меня благодарить будете! Дело жизни и смерти!! — надрывался бородатый очкарик, он же очкастый бородач. Надо сказать, что даже в мешковатом свитере вид он имел подтянутый и спортивный.

— На юте — скиньте ему штормтрап. Пусть попробует...

Поровнявшись с кормой продолжающего тихо скользить по воде крейсера, бородач не стал хвататься за трап, а быстрым движением схлестнул ступень цепью, закрепленной за нос лодки, и успел сунуть концевой крюк в ее звено. После чего присел и схватился за банку.

Лодку дернуло, рывком прижало к борту и потащило на буксире. Только после этого он, удержав равновесие, дотянулся и полез вверх. Это был определенно расторопный парень.

— Я из института атомной энергии, — сказал он так, как поведывают большой секрет. — Прошу проводить к командиру корабля.

— Хорошо, что не к капитану... — пробурчал Кондрат. В каюте Ольховского бородач, продолжая распространять вокруг себя возбуждение, сунул ему жесткую ладонь и представился:

— Альберт. Альберт Гельфанд. Доктор физико-математических наук.

— Что за спех, доктор? И от какого вы, интересно, Игоря Васильевича?

— От Курчатова. Академика Курчатова. Я из его лаборатории. Вы слышали такую фамилию? Хотя, вероятно, еще нет...

Ольховский испытал странноватое ощущение легкого отъезда крыши: слух, зрение и сознание никак не могли совместить полученную информацию, при всей ее внешней простоте и кажущейся малозначимости. В зияющей пустоте зоны, где обычно помещаются мысли и слова, ему удалось отыскать только четыре

слова — тех, что еще звучали в ушах, и он поспешил употребить их, как-то прикрывая растерянность:

— Я слышал такую фамилию. — Подумал, обнаружил еще слово и немедленно произнес его также: — Садитесь.

Физик сел, закинул ногу на ногу и, обозначив таким образом свободу и достоинство, как бы компенсирующие внутреннее напряжение, продолжал:

— Откуда, интересно? Впрочем, неважно. Что вы слышали про атомную бомбу?

— А что именно я должен про нее слышать?

— Да. Конечно. Учтите — я посвящаю вас в информацию, в неразглашении которой давал подписку. И расстрелян могу быть не только я, но и тот, с кем я ею делился. Вас это не пугает?

— Хм. Это? Меня? Нет.

— Спасибо. Спасибо, командир. Значит, так. Про Хиросиму и Нагасаки вы знаете.

— Конечно.

— Так вот. Лаборатория Курчатова работает над созданием советской атомной бомбы.

— Чем же ей еще заниматься, — здраво подумал вслух Ольховский и, чувствуя необходимость как-то закрепить хрупкое нащупанное здравомыслие, предложил:

— Хотите выпить?

Физик казался удивлен таким спокойным согласием.

— Спасибо, я не пью.

— Курите.

— Я не курю.

— Занимаетесь спортом.

— Есть немного.

— Каким?

— Байдарка и альпинизм. Подождите со светскими разговорами! Мы знаем, что вы идете на Москву.

— С чего вы взяли?

— А что же вы, на Мадагаскар идете Московским каналом? У нас все знают. Корабль, слухи, ваши подвиги и акции, отношение масс.

— Каких масс?!

— Не критических, конечно. Народных. Хотя и народные могут быть критическими. Извините, глупый каламбур. Ладно, не перебивайте... Петр Ильич? Петр Ильич, дайте сказать.

— Да я вас только и слушаю! (Не прерывая беседы, Ольховский выпил сам и звякнул Оленеву: «Зайди-ка».)

— Вот слушайте. Работы находятся в стадии завершения.

Ольховский понимающе покивал:

— Получили материалы от супругов Розенберг.

— От каких супругов?! — вытаращился физик и протер платочком очки, не снимая их.

— наших разведчиков в США.

— М-да?.. Гм. А вы откуда можете располагать такой информацией?..

— Неважно.

— М-да... Гм. Вы полагаете, что направление работ последнего месяца... Интересная мысль! Что ж, в принципе возможно... не знаю. Но это не имеет значения!

— А что имеет значение?

— Нам обрезали финансирование!

— Да, многим сейчас обрезали. Причем много что, — не удержался съязвить Ольховский.

— Не острите. Вы не понимаете. Мы практически подошли к завершению работ. Вы знаете, что это значит? Это значит, что через семь-восемь месяцев опытный образец может быть реально изготовлен и испытан. Вы понимаете, что это значит?

Очки его вспыхивали, как проблесковые лампы. Ольховскому стало неудобно.

— Я понимаю, — уверил он.

— Надеюсь. Это означает конец американской монополии на атомное оружие. Это изменение баланса сил в мире! Это начало пути к ядерному паритету. Вы понимаете, что сейчас означает американская монополия на бомбу?

— Конечно.

— Вы не можете этого понимать! Газетам и политинформациям верить нельзя. Без бомбы мы беспомощны перед американцами. Их средства доставки, их Б-29 мы с надежностью сбивать не можем. А одна бомба — это конец любого города, конец Москвы, конец любого промышленного и оборонного района. Америка диктует миру свою волю, а мы делаем хорошую мину при плохой игре. У них производство ядерных боеприпасов поставлено на конвейер. Это угрожает вообще нашей политической системе, социализму во всем мире.

Вошел доктор и был посвящен Ольховским в беседу.

— Это наш научный специалист, — представил он вошедшего гостю, — от него секретов нет. («Псих. Побудь», — шепнул на ухо.)

Доктор сделал доброе лицо и спросил:

— А вы болеете за социализм?

Бородач презрительно покривился:

— Не надо меня проверять, у нас все такие проверенные, что дальше некуда. Уж если я к вам обращаюсь — значит, позарез! — Он провел рукой по горлу. — Первое, что вы должны сделать в Москве, — это выделить деньги — любые, откуда угодно! — на продолжение работ нашему институту. Речь идет о самом существовании государства, понимаете? Я жизнью сейчас рискую, говоря вам это, но люди за это жизни отдают!

— Каким образом отдают? — очень заботливо спросил доктор.

— Это не преувеличение! Все мы рано или поздно от лучевой загнемся. Времени нет на все проверки и предосторожности, понимаете, все делается впервые. Тут от доз очень трудно уберечься. Не до того. Мы на фронте.

Доктор вздыхал. Ольховский кивал. С сумасшедшими нельзя спорить. Хотелось закруглить разговор как можно быстрее.

— Даю вам слово, что в первую очередь будут выделены деньги на вашу работу, — пообещал Ольховский, встал и крепко пожал физику руку.

— Спасибо! — горячо сказал тот. — Спасибо вам, дорогой мой человек. Да... Дело, которому мы служим. Вот так иногда скажешь себе: я отвечаю за все. И становится легче.

— Пойдемте, я провожу вас сам, Альберт... э?

— Просто Альберт, или можно — Алик, у нас без отчества. А вообще — Матвеевич.

— Сколько вам лет, Альберт Матвеевич?

— Двадцать девять.

— Молоды.

— У нас все молодые.

Они следили, как физик, удаляясь и растворяясь позади, ловко продевает свой челнок сквозь сизые сумерки.

— Классический МДП в реактивной стадии, — покрутил головой доктор и поежился то ли от холода, то ли от мыслей, то ли от игры в сочувствие перед собой и собеседником, а то ли от сочувствия совершенно искреннего; вероятнее, от всего вместе.

— Вот бедалага, — с жалостью сказал Ольховский. — Ну, сделали бомбу. А что толку? Все равно америкашки нас захомутали. Действительно — сумасшедшие счастливее здоровых: у них есть вера и идеал.

Обходя после отбоя корабль, он вспомнил свою сентенцию и усомнился в ней: на камбузе, согнувшись за чисткой картошки над бачком, Хазанов и Груня тихонько пели:

Забота у нас такая,
забота наша простая:
жила бы страна родная —
и нету других забо-от...

Мне бы ваши заботы, с черным английским юмором сказал он себе. М-да... но ведь тоже не лишено.

«Над седой равниной моря ветер тучи собирает. И текли, куда надо, каналы, и в конце куда надо впадали. Блаженны нищие, ибо их будет царствие. В первую голову архиважно захватить почту, телефон, телеграф (проверить, есть ли еще телеграфы, или телеграммы передаются по компьютеру) и вокзал.

По званию, должности и возрасту я не мог быть включен в десантную команду. Мое место было на корабле. Ввиду особых обстоятельств я счел возможным пойти на нарушение инструкции и усилить вооружение десанта находящимися в экспозиции музея трехлинейной винтовкой системы Мосина-Нагана (инв. № 47-12) и станковым пулеметом системы Максима (инв. № 47-76), каковые были выданы под ответственность и под расписку боцмана экипажа мичмана Кондратьева (к сожалению, без патронов)».

В Дмитрове, выцеливая на траверзе центр города, встали на канале. Невыразительные панельные пятиэтажки торчали слева прерывистой стеной. Шлепнули ял и шестерку в черно-зеленую, воняющую канализационными стоками воду и, с силой вытягивая на себя вальки и откидываясь на банках, в двенадцать весел рванули к берегу — где, среди промышленного мусора, проросшего жухлым бурым бурьяном, уже останавливались и собирались случайные прохожие, указывая и оглядываясь.

— Мужики — «Аврора»!

Ткнулись носами рядом с полуразвалившейся лодочной пристанью, оставили двух часовых и победкой поднялись к битой и бугристой асфальтовой дороге. Водители замедляли ход и влипали в стекла. Стопорнули первый же порожний грузовик, запрыгнули в кузов, подняли пулемет и установили на кабину. Шурка сел к шоферу, выложил на колени маузер:

— Где тут у вас городское начальство?

— Это что, мэрия, что ли?

— Гони в мэрию!

На застывшем, натянувшем стравленные якорь-цепи в какой-то сотне метров крейсере — вот он, рядом! — загрохотали звонки, забегали по палубе черные фигуры, разворачивая бортовые орудия, разнося снаряды. Серые шестидюймовые хоботы задралась и уставились на город с тяжелой угрозой.

— Орудия то-овсь! — запел вибрирующий тенор весело и зло. Цепочка зевак вдоль берега превращалась в толпу, над ней прошелестели ахи и ропот.

— Гони! — повторил Шурка шоферу, со скрежежом ворочающему рычаг в коробке передач.

— Красный же.

— Гони на красный! — Он надавил клаксон, грузовик прыгнул.

Похерив правила и залетая правыми колесами на тротуар, грузовик пер к центру по кратчайшей, подывая и терроризируя движение. Машины шарахались. Прохожие цепенели. Уставленный вперед пулемет погрохатывал железными колесами по крыше кабины и ерзал на виражах. Братишки в перепоясанной черной коже, закусив ленточки бескозырок и придерживая коробки маузеров, подпрыгивали в кузове стоя, удерживая равновесие так, как удерживают его моряки при сильной и резко бьющей волне:

— Полундра!

Ветер бил в лица, в каменные скулы, высекая слезу из сжатых в прищур глаз. И было это все похоже на советский фильм о революции, который, после обрыва ленты и долгой, бессмысленной и яркой пустоты на экране под свист и топот зала, вновь запустили и озвучили, и зрители превратились в участников ожидаемого и требуемого действия.

На площади перед стеклянно-бетонным кинотеатром воткнулись в какой-то митинг, развлекающий зрительные нервы пестротой флагов, как рубашка латиноамериканца. Гудя и взревывая, грузовик

полез напрямик, вызывая вялое негодование и интерес собравшихся.

Очередной оратор подавал торс вперед и втыкал в воздух палец, стоя на постаменте, оставшемся, судя по архитектурному оформлению местности, от памятника вождю мирового пролетариата; возможно, впрочем, еще ранее на том же постаменте помещался памятник государю — сейчас уже трудно сказать, какому именно. К постаменту была прислонена деревянная лесенка. Места наверху хватало только на одного, поэтому остальные активисты и агитаторы сгрудились у подножия.

Оратор гнал текст в микрофон, и четыре матюгальника по углам площади, под влиянием порывов ветра и разноудаленности от любого из слушателей, создавали эффект вокзала, когда поступенчатое эхо разбирает речевые построения на отдельные слоги и швыряет их горстями:

— ровой пери азит ять шить сск... рот миче ад!

Судя по реакции толпы, она давно овладела, среди прочих боевых и вспомогательных искусств современного выживания, искусством дешифровки адресуемой информации. Смешанное выражение безнадежности и злобы на лицах вполне отвечало тезису:

— Мировой империализм грозит опять задушить русский народ экономической блокадой!

Возможно, это означало, что один или несколько раз он уже был задушен — продолжения Шурка не услышал, потому что стоящий в кузове Бохан дважды выпалил вверх из маузера и с замечательной пещиной отчетливостью заорал:

— Дорогу!

Шурка открыл дверцу, встал на подножку и привлек за шиворот ближайшего — бедно одетого и неаккуратно выбритого мужчину лет сорока, морщины которого были сложены жизнью в рисунок большой честности:

— Давно здесь живешь?

— Всю жизнь, — отвечал мужик с непринуждённым достоинством, несмотря на хватку за шиворот, словно к такой манере разговора он и привык.

— Местный, значит. Город хорошо знаешь?

— Знаю, конечно.

— Знаешь, что сделать надо, чтобы все нормально стало у вас?

— А чего не знать. Это все давно знают. Знаю, конечно.

— Поехали!

Из кузова спустились руки и задернули мужика наверх. Оратор оттянул пальцем ворот, будто это именно он был причиной паузы в его речи, мешая проходить словам, теснящимся в груди.

Толпа раздалась, образовав проход, и грузовик продолжил движение под полощущими воздух волнами слипшихся фонов:

— ащи росы ами ело хрр... атра!

«Товарищей матросов с нами» разобрали сообща, оставив конец приветствия на совести оратора. Крепясь и приседая в кузове в такт качанию рессор и придерживая аборигена объятиями за плечи, по ходу были извещены им о полном отсутствии значимой информации: то есть зарплаты не было с весны, детские сады закрываются за отсутствием снабжения, мебельная фабрика стоит без заказов, в школах получают деньги только наркоторговцы, а кредиты городу мэр крутит через банк братков, где, как в каждом нормальном банке, во главе сидит еврей с кандидатской диссертацией, а за его спиной стоит чечен с кинжалом; а озвученный митинг на площади — это забастовка врачей, учителей, транспортников и — что самое действенное, как они надеются — сантехников. Сам же мужик, Матвей Ершов, — потомственный рабочий с завода среднего машиностроения «Красная стрела», где все находятся в неоплачиваемом отпуске, потому что выпускаемые нынче вместо зенитных ранцевых ракет пароварки никто не покупает, а пишут рекламации с критикой силы

струи, бьющей из вращающейся свободно головки пароварки и сбивающей в кухнях все, что под нее попадает.

Грузовик шикарно тормознул, так что провело юзом, под зданием мэрии типично горкомовского образца: серая тюремная штукатурка внашлеп, скошенные наружу вертикали оконных проемов по урбанистической моде Чикаго прошлого века и тройные крепостные ворота темно-желтого дуба в панели из полированного черного гранита. Матросы выпалились на клумбы с кустами отцветших георгинов и, разбрасывая по ветру клеши и лапая из коробок маузеры, ринулись по ступеням.

Щиток нацеленного пулемета скрывал отсутствие ленты. Болтавшаяся за дверьми охрана предупредительно скосила глаза к дежурной комнате, куда и была заперта, лишенная оружия и связи, с готовностью с ее стороны.

В кабинете мэра проходило совещание. Сам мэр, мужчина ухоженный и налитой, но каким-то нездоровым серо-зеленым соком, как будто он питался от одной корневой системы с долларовым станком, сидел во главе длинного стола под российским триколором и слушал одного из присутствующих, омерзительного вида старого пня, которому даже взломщик не доверил бы подержать свой бутерброд, пока сам он достает отмычки.

— ...таким образом, повысив ставку до двадцати семи процентов... — говорил пенек, когда грохот шагов достиг кабинета и створки дверей метнулись на петлях, выбивая штукатурку из стен.

Наслаждаясь и во исполнение детской мечты Шурка выстрелил в люстру. Ударил хрустальный перезвон, крутящаяся пропеллером отстреленная подвеска цокнула об стол и порскнула в сторону.

— Заседание окончено! — картинно объявил Шурка, дунул в дымящийся ствол и пошлепал маузером по ладони. — Встали — поклонились — всё! Молчим и отходим к стенке.

Если вид вломившейся матросской банды и звук выстрела ошеломили городскую элиту, то при слове «стенка» лица побледнели, а зрачки расширились. Возникла короткая и заторможенная суэта, когда вставшие из-за стола не могли выбрать, встать каждому к ближайшей стенке или собраться всем вдоль одной, пока дирижерский взмах Шуркиного маузера не указал нужную позицию.

— Вот ваш новый мэр. Как тебя?.. Матвей Ершов. Прощу любить и, как говорится, жаловать. Его приказ — закон.

Матвея посадили за стол мэра. За его спиной встал Груня, пристукнув об пол прикладом трехлинейки с примкнутым штыком.

— Печать! — протянул руку Шурка.

Разжалованный мэр осторожно отошел от стенки, открыл маленький сейф в углу и, повинуясь жесту, положил печать на стол перед Матвеем.

— А это подпись, — сказал Кондрат и положил рядом с печатью отобранный у охраны пистолет.

— Хоть представьтесь, вы кто? — предложил мэр, срываясь с начальственного баса на просительную фистулу, и пуля просверлила ореховую панель над его головой. Шурка мягко улыбнулся и опустил ствол в уровень его живота.

— Кондрат, мы кто-о? — томно протянул он.

— В пальто, — хмуро сказал Бохан. — Молчать всем на хрен.

— Отвечаю на главный и невысказанный вопрос, — сказал Шурка. — Какова наша программа. Проста, как правда. Все предприятия города принадлежат трудовым коллективам. Руководят ими выборные советы, которые выбираются на общем собрании. Собрания пройдут везде завтра же утром. А сегодня мы вынимаем из банков деньги, и они раздаются по всем предприятиям, учреждениям и так далее, которым задолжали зарплату. А также с личных счетов господ директоров и прочих прези-

дентов акционерных обществ. Попрошу всех документы на стол! Матвей — вызывайте по телефону друзей, которым доверяете, и начинайте разбираться. Так. Председатель совета директоров банков или кто тут у вас главный по бабкам — здесь? Два шага вперед!!! Ты, пенек? Поедешь с нами. Матвей — этот товарищ пока остается при вас. (Груня погладил цевье винтовки и обвел строй кровожадным взглядом.) И надеюсь, никто не вздумает рыпнуться!

Хмурый Бохан в этот момент выпалил, и бутылка пепси на тумбочке под окном взорвалась, брызнув коричневой пылью. Все проследили, как гильза катится по паркету.

— Следующая будет в лоб, — пробормотал он. С шумом выходя, в приемной кто-то лапнул за круглый зад секретаршу, она вежливо пискнула.

— Вари кофе новому мэру, детка, — попрощались с ней. — И не вздумай шалить без нас — скоро вернемся, жди!

Двое сели с банкиром в «мерс» и поехали вперед, чтоб раньше времени не пугать охрану грузовиком с пулеметом. Получив указания от подъезжающего босса по сотовому телефону, сбитые с толку татуированные ребята в камуфляже дали сменить себя на дверях, разоружить и запереть без лишних эксцессов. Подкованные каблуки застучали по искусственному мрамору вестибюля.

— Где тут у тебя кладовые, они же защечные мешки и закрома родины? — спросил Шурка, пихая пенька стволом в ребра. — Веди, родимый. Вынимай, все вынимай. Знаешь, какое самое болезненное ранение из неопасных для жизни? Колено прострелить. Одна заминка — и ты хромой. Вторая — и хромота тебе уже не помешает.

Пенек, лысый и седой при черных разбойничьих бровях, был еще крепкий старый дуб и пыхтел на лестницах явно не от немоги, а от злости и умственных усилий найти выход. Тем временем бабы из

отдела расчетных операций начали спускать с принтеров списки предприятий и обзванивать бухгалтерии — под зорким присмотром облизывающихся морячков.

— Да! Присылайте срочно людей с машиной для получения зарплаты!

Перед дверью с номерным замком пенек остановился. Сопровождающий его начальник отдела хранения брякнул ключами и глянул искоса. Конвой ощерился.

— Чтобы отключить сигнализацию здесь, надо вызвать представителя вневедомственной охраны, — сказал пенек. — Ну что?

В штанине его синего в редкую полоску костюма появилась круглая дырочка с бурями краями.

— Ишфините, — прошептал он и поправил вставную челюсть. Прислушался к ощущениям, и облегчение сорвалось с его лица, как птица.

Блиндированная дверь отошла. В ярко освещенном хранилище стояли в два ряда стеллажи, наполовину заполненные мешками и упаковками. Противоположную стенку занимали ячейки сейфов. Пахло неживым запахом бомбоубежища и живым — неповторимым ароматом бумажных денег, прошедших через множество рук.

— Ребя, — с восхищением сказал Габисония, — бабок-то сколько!

— А баксы где лежат?

— Ячейки чьи? Открывай — без фокусов! У народа банковских сейфов нет.

«Наладив процесс», директор банка грустно погладил дырочку на штанине и вежливо испросил разрешения отдохнуть немного в кабинете. Сев в кресло напротив Шурки, он распорядился секретарше подать нитроглицерин, седуксен, кофе, коньяк и сигареты. Запив первые вторыми, закурил, закашлялся и спросил хрипловато:

— Молодой человек, на что вы рассчитываете?

— На все хорошее, — готовно отозвался Шурка.

— Ну, то, что на все выплаты денег все равно не хватит — это ладно. Хотя жаль, что вы не знакомы с азами. Деньги частично в обороте, частично обращены в ценные бумаги, и так далее. То, что банк теперь уничтожен — тоже, допустим, ладно. Хотя за этим последует масса неприятностей для рядовых вкладчиков, рабочих, предприятий и прочее. Лично я могу понять ваш молодой порыв. Но взглянем в корень вопроса. Они проедят розданные деньги и пропьют возвращенные им предприятия. И через год все будет точно в таком же положении, как сейчас. Только уже нечего будет экспроприровать у экспроприаторов, как, помнится, выразился один известный руководитель балтийских матросов.

— Отчего же? Будут работать, производить добро, продавать его, вот и деньги. Просто — у всех, а не у тех, кто ловчее и бессовестнее.

— Понимаете ли, молодой человек, жизнь устроена так, что кто умнее и энергичнее — тот ловчее и бессовестнее. Ну, будут через год другие руководители и другие воры, только развала еще больше. Экономика совсем не так проста, как вам кажется... и в последние годы все имели возможность в этом убедиться.

— Ой, — сморщился Шурка, — вот только не надо про экономику. За десять лет уже уши болят. Разворовывают все внаглую, а валят на экономику. Все ваши экономические сложности — это жалобы мошенников дуракам, чтобы обирать их дальше. За экономику они болеют... За свой мерс ты болеешь и костюмчик испорченный, поди, от Жанфранко Ферре. Богатым нужна та экономика, при которой они хапают больше — а хапаете вы, как нигде, вот под свой хапок экономику и сделали. Да для вас эта экономика — золотое дно, что ж вы рыдаете, крокодилы! Коньячок-то французский? Почем брал, экономист? Или взятка — пардон, презент?

— А что — нравится?

— Перебьюсь! И хватит курить, старый пень — иди крутить хвоста своим бабам, чтоб деньги быстрее раздавали. — Он взглянул на часы. — Надо еще захватить потрепать кой-кого из ваших хозяев города. И не вздумай куда звонить: узнаю — расстреляю лично. Вник?

Стекла вздрогнули от мощного хлопка, прокатившегося над городом, и следом возник знакомый, громыхающий с железным шелестом звук несущегося в облаках товарного состава. Директор посмотрел в окно, не обещающее, что ему приснится покой.

— Шесть дюймов, — пояснил Шурка. — Вмазали куда надо, понял?

Выстрел означал: шлюпки на борт.

...Уже выбрав якоря и тронувшись, протерев поднятые шлюпки соляром и сменив парадки на робы, наблюдали непонятную сценку, в возбуждении после дела ввергшую всех в неудержимый нервический хохот. Груня, явно опять подкуренный, с натугой вытащил на палубу чугунный бюст Пушкина, украшавший угол большой кают-компания, и плюхнул его в воду.

— Ты что делаешь, коз-зел! — закричал вахтенный, спеша к нему с занесенной для подзатыльника рукой.

— Сбрасываю Пушкина с парохода современности, — важно сказал Груня.

— Зач-чем?!

— А мы против любого культа личности. Очень сильно достал. Еще в школе. И теперь с ним плавай!..

Но плюху он получил от Иванова-Седьмого. Выскочив наверх со своими мемуарами, Иванов с треском огрел его пухлым томом по башке.

На переплете шкодливой рукой к названию «Сквозь ХХ век» было прибавлено «Фокс» — и пририсован гри-вастый кот в медальоне.

Мох был нежно-изумрудный, и мельчайшая роса игольчато вспыхивала в нем. Он бархатно выстилал торцы черных досок, которыми был обшит шлюз. Зеркальный сапог, продавивший его на обреше берега, выглядел празднично и сюрреалистически, как на картине Дали.

Выставив ногу вперед и заложив большой палец за широкий желтый ремень, старший наряда приказал:

— Командира корабля — ко мне.

Голос у него был негромкий, но очень хорошо слышный — впечатление было такое, что не голос покрывал прочие звуки, а окружающее звучание снижалось, когда он раздавался.

Видимый в открытую дверь рубки, Ольховский закурил со всем возможным изяществом и так же не повышая голоса произнес, по-гвардейски растягивая гласные:

— Ва-ахтенный, сходной трап. Прине-эть наряд.

Сходня с леерным обвесом шлепнулась на край шлюза. Вахтенный ограничил приветствие задиранием подбородка.

— Вохра какая-то, — пробормотал он за спиной троих, поднявшихся на борт после выжидательного молчания.

Старший сделал еще два шага и, не оборачиваясь и обозначая свою власть все той же ровной негромкостью голоса, бросил:

— Проводи к командиру.

Были они все трое в шевровых офицерских сапогах, широких синих галифе, сиреневых гимнастерках до колен, высоко схваченных светлыми ремнями, и фуражках с очень узкими полями. Над правой ягодицей у старшего пристроилась большая косая кобура, судя по вспученности — с наганом. У двух других на плечах висели в меру потертые карабины, двоюродные братья музейной трехлинейки. И имели

они тот непререкаемый вид, который отличает безвредно-бесполезных охранников никем не угрожаемых объектов типа обувной фабрики или трансформаторной будки.

— Почему не выполнили приказ? — тихо спросил старший Ольховского, поднявшись на мостик.

— Приказ? — равнодушно переспросил Ольховский, глядя ему мимо глаз. — Чей?

— Мой.

Входные и выходные ворота шлюза, серые, многотонные, сомкнутые створками в паз, были закрыты на отсечку. Швартовы заведены в причальные кольца. При малочисленности и слабой вооруженности десантной команды крейсер в шлюзе — это кошка в мышеловке. Высадиться и заставить поднять воду и открыть выход? Впереди еще четыре шлюза...

Ольховский лениво стряхнул пепел с сигареты. За фуражкой охранника, синеоколышной, как у гебиста при параде, над голыми кронами деревьев, в которых светились последние присохшие листья, торчала концлагерного вида вышка с прожектором и часовым. А черт их знает, инструкции какого года им до сих пор не отменили: нет ревностней служак, чем бездельник при инструкции.

— По Уставу при входе и выходе из порта, и так далее, в том числе при прохождении шлюзов, командир корабля не имеет права покидать мостик, — холодно сообщил он, слегка подтасовывая статью. — Извольте представиться.

— Старший лейтенант Изворыкин.

Ольховский с сомнением посмотрел на эмалевые прямоугольники в петлицах отложного воротника его гимнастерки. Ну-ну.

— Предъявите документы, на основании которых вы проходите зону канала.

— Это еще что значит?

— Что здесь спецзона.

— Какая спецзона?

— Такая, какая надо. В которой проводятся спецработы. И вооруженный корабль не может следовать к Москве без соответствующего пропуска.

— Логично, — сказал Ольховский и кивнул с пониманием. — Логично.

— Я жду.

Лоцман Егорыч сполз со своего кресла и теперь стоял рядом с помостиком, глядя на троицу в галифе преданно и виновато. Рулевой зачем-то стал протирать нактоузное стекло.

Ольховский снял трубку и позвонил Беспятым:

— Лейтенант. У нас требуют пропуск на прохождение канала и следование в Москву. Ступайте в канцелярию и извлеките из компьютера пропуск, выданный штабом Балтийского флота «Авроре». Он — там!.. — должен быть на бланке штаба флота, с печатью и за подписью командующего. Причем с визой особого отдела. Быстро! Доставить ко мне на мостик. Что?! Ты меня понял... или нет, дурак?! Исполнять!

Швырнул трубку в зажимы.

— Сейчас принесут. — Он высчитывал время: пока Беспятых сканирует с какого-нибудь бланка шапку штаба флота и печать (счастье еще, что в прошлом году американцы с фрегата подарили «Хьюлет-Паккард» со всеми наворотами), пока наберет подходящий текст, пока распечатает, проверит ошибки... точно полчаса провозится. Запереть этих идиотов в трюме — а что дальше? Гнать десант захватывать пульты управления шлюзов и контролировать проход? Хрен их знает, что у них тут за спецзона.

— Мы осмотрим корабль, — известил Изворыкин. — Прикажете старшему после себя по должности сопровождать.

Это было ошибкой. Сухопутный человек слабо представляет себе, какое множество помещений и закоулков заключено в корпусе крейсера — кроме моряков, это знают лишь таможенники и судостро-

ители. Колчак провел их вниз в машинное отделение, и в течение сорока минут рысью таскал по лабиринту бесчисленных коридоров и трапов, наслаждаясь каждым охом и сдавленным шипением за спиной, обозначающими очередное соприкосновение головы и прочих нежных частей тела с выступающим со всех сторон металлом. Лязг, грохот и мат охранника, ссыпавшегося в обнимку со своим карабином с трапа в выгородку водоотливного насоса, заставил его удовлетворенно улыбнуться.

— Боеприпасы есть?

— Не имеем. Нам не положено.

— А личное оружие офицеров?

— Пистолеты командира, старпома и вахтенного начальника.

Через час посланный на поиски Сидорович обнаружил их в шпилевой. Под глазом одного из карабинов наливался синяк, отчетливо различимый даже в тусклом трюмном освещении. Все было в порядке.

Ольховский на мостике дал понять им свое легкое удивление столь затянувшимся отсутствием и ознакомил с образцом компьютерной графики лейтенанта. Бланк с печатью выглядел лучше настоящего. Текст гласил, что «Аврора» следует в Москву по приказу Главного Управления ВМФ, отданному во исполнение директивы Главпура номер такой-то от такого-то числа, дабы принять участие в торжественном отмечании юбилея 7 Ноября. И всем органам и службам, которые ей только могут встретиться, вплоть до санитарно-эпидемиологической и газво-аварийной, категорически предписывается оказывать ей всемерное содействие. Подписал этот шедевр он лично, развернув завитушку на четверть листа.

Наискось была наложена резолюция доктора: «Пролом всюду!!! Под личную ответственность начальствующих лиц всех вошедших в контакт органов внешних и внутренних служб. Нач. 5 Упр. КБФ к.-адм. Шкандыбенко (подпись)».

— Так, — сказал Изворыкин, вертя лист на свет и слюня пальцем печать. — Допустим. А где комиссар корабля?

— Бубнова — на мостик!

Шурка прибежал в кожанке и при кобуре, бросил руку к фуражке, данной Мознаимом для представительства.

— Почему не упомянули про маузер у комиссара?

— Так это же само собой.

— Все ли в порядке на борту, комиссар?

— Товарищ комиссар! — нагло надавил Шурка. — Так точно, все в порядке. А что, есть сомнения?

Его вопрос был проигнорирован. Изворыкин смотрел перед собой с тем неохотным разрешительным выражением, каким вахтеры всех рангов показывают пропускаемым посетителям, что на этот раз их бумажки по какой-то мало достоверной случайности, ладно уж, сойдут, а на самом деле — есть, есть за что их прихватить и даже посадить. Так для прокурора любой человек — потенциальный обвиняемый, ходящий на свободе лишь до поры, пока его вина официально не доказана.

И тут маркони продемонстрировал, что за время похода он в высокой мере овладел умением настоящего культуртрегера угадывать, какое искусство востребуется данным моментом. Потому что трансляция грянула:

Выходит Котька в кожаном реглане,
в защитном лепне, в черных прохорях,
в руках он держит какие-то бумаги,
а на груди горит значок труда!

Лицо Изворыкина разгладилось.

— Лебедев-Кумач? — утвердительно спросил он, и даже пристукнул каблуком в такт. Но долго расслаблять себя музыке не позволил.

— Можете следовать, — процедил он, повернулся и впереди своей пары карабинеров стал спускаться

на палубу. Налитое подглазье ушибленного испускало восходящее радужное сияние.

Крейсер втягивался в открывшиеся ворота шлюза, когда с берега поплыл заунывный рельсовый звон. И к проволочной изгороди, которая тянулась меж четырех открывшихся с этого места вышек, поползла цепочка людей со старинными тачками землекопов.

— Как всегда — техника на грани фантастики, — тяжело вздохнул Ольховский.

На закате из-за линии ЛЭП над лесопосадками вынырнул спортивный самолетик. Он был стилизован под старинный аэроплан, этажерку-кукурузник, и тархтел раскатисто и звонко. Самолетик заложил вираж над самыми мачтами, из открытой кабины свесилась голова летчика в кожаном шлеме и очках, он поднял руку в раструбистой краге и помахал. На глянцево-багровом от вечернего огня борту самолетика было написано «Осоавиахим».

— А они там в Москве, похоже, и в самом деле решили праздновать 7 Ноября всерьез, — помахал ему в ответ Беспятых, на подъеме от прочувственной командирской благодарности и премиальных двухсот граммов.

Уже стемнело, когда прошли под химкинским железнодорожным виадуком и впритирку миновали мост окружной кольцевой дороги.

— Ну, Егорыч, твою мать, — сказал Колчак, — теперь смотри в оба. Не будем утром у Кремля — пушу рыб кормить.

28.

Сталинский шпиль Северного Речного вокзала, подсвеченный снизу в каре гипсовых счастливых с книгами и колосьями, медленно уходил назад по правому борту. Прижатые в ряд прогулочные теплоходы белели под ним. На корме одного пели под гитару на ужасающем русском английском: так мог бы петь

на английском умирающий от полового истощения мартовский кот. Там гуляли.

Лоцман стоял на крыле мостика рядом с Ольховским, вытянув шею, и щурился в темноту.

— Теперь нам надо карман направо не прозевать, — озабоченно повторял он. — Там два рукава отходят — сразу в левый! В канал вдоль Большой Набережной втиснуться... Хорошо бы все-таки шлюпку спустить, командир, а?

— Что — не уверен?

— Тут уверен не уверен — а глубины смотреть надо, а?

Но шлюпку спускать не пришлось, потому что по надстройкам мазнул луч, и подлетел катерок под флажком.

— Вот да ни фига себе! — степенно и жизнерадостно раздалось оттуда, когда треск мотора упал до железного мурчания. — «Аврора»!

— Какими судьбами?

Направили вниз прожектор: в катере заслонились ладонями от света двое в сизых пятнистых бушлатах и шерстяных шапочках, а флажок принадлежал речной милиции.

— Товарищи, дорогие, ребята, господа менты! — вскричал Егорыч с радушием деревенского дедушки, чающего обнять родимых внучат. — Подсобите до места дойти, уж отблагодарим!

— Отблагодарим — это как? — настроился на деловую волну мордатый сержант с полубачками и подобранным треугольником усов.

— Это пятьдесят баксов за проводку до Кремля, — сказал сверху Ольховский.

— До Кремля — столярник будет, — хмуровато прикинул сержант.

— Годится.

— Тогда держитесь за нами.

— погоди! Пару ребят с мерным шестом к тебе спустим.

— А сколько у вас осадки, товарищи балтийцы?

— Почти шесть.

В катере свистнули:

— Неслабо! Смотрите, мужики, гарантий не даем, на ваш страх и риск.

— Да ладно, — примирительно сказал второй, — а баржи с гравием на сколько сидят.

— А почти шесть — это как?

«Практически без топлива, котлы сняты — осталось два, низ после ремонта легче, минус от проектной»:

— Это пять с половиной... но запас иметь надо.

— Хочешь? — имеешь.

Колчак снял шинель и повесил на крючок в штурманской. Делалось тепло и даже жарко.

— Ничего, — сказал он. — Течение здесь слабое... не Нева. Доползем на малых... согласно атласу!

Катерок тихо двинулся впереди, ведомый слепяще-синим лезвием прожектора, косо воткнутом в воду. Перегнувшийся через борт Беспятых, старательно страхуемый Шуркой, совал в дно полосатый шест с марками, и сержант гудел в мегафон:

— Семь ровно! — И через полминуты — полста с небольшим метров: — Шесть восемьдесят! Шесть шестьдесят! Шесть восемьдесят!

От сосредоточенного до болезненной чуткости внимания шорох крови в ушах начинал казаться шуршанием песка, вымываемого под малыми оборотами винтов. Девятиэтажки с редко горящими окнами замедленно откатывались назад вдоль берегов канала.

— После Волоколамского железнодорожный мост — и к повороту налево на Москва-реку, — приговаривал Егорыч. — Хорошо... хорошо...

Габисония на руле сглатывал шершавым горлом, усилием всех чувств сливая себя со штурвалом.

— Шесть с половиной!

— Влево давай, чтоб вписались в фарватер!

— Лево сорок, средняя малый назад, правая добавить оборотов!

Баковый огонь покотился влево мимо пустыря, озера за его узким перешейком, и выровнялся на середине автомобильного моста.

— Ох мачты снесем, — беззвучно простонал Ольховский.

— Пр-ройдем...

Наверху заскрипело, заскрежетало, что-то с лязгом упало на крышу бывшего матросского камбуза, ныне музейно-показательной радиостанции. С матом выскочил маркони.

— Стеньгу сломали! — страшным голосом закричал сигнальщик. — И грот-стенгу сейчас ломаем! господин командир!!!

— Не вопи, — ответил Колчак. — Сломаем — починим.

Как сучком по ксилофону, пробороздили грот-стенгой по опорным ребрам настила и продолжали движение к Серебряному Бору.

— Шесть ровно! Эй, на «Авроре» — шесть ровно!

— Слышу. Продолжать.

Колчак выматерил все реки мира и тех, кто строил на них города. Заключил спокойно:

— Без паники. Мы уже в городе. Собственно, главным калибром мы накрываем центр и отсюда.

Улавливая даже не слухом, а шестым чувством бесперебойную работу машины и ровный плеск воды под форштевнем и за кормой, сверяя с атласом ночные ориентиры и вновь сбиваясь в них, Ольховский с сердцем сказал:

— Кой черт!.. есть земснаряды, буксиры... предварительные промеры — почему не сделали все заранее?

— Семь ровно!

— Нормально, — пожал плечами Колчак. — Флот. Икспизиция называется. Могли вообще дома сидеть. Пролезем!

Огибали темные кубики и заросли Терехово, когда по набережной, обгоняя их, бойко прокатился грузовичок с открытой кабиной. Под зеленовато-жел-

тым, издающим гнойное свечение фонарем стало видно, что кузов набит стоящими людьми. Они что-то заорали, не то бодро, не то угрожающе — стукнул выстрел.

— Москва-а... — неопределенно протянул Егорыч.

И уже миновали выходящий на яркую набережную Филевский бульвар, когда в сквере на другом берегу вспыхнул костер. Искры винтом взметнулись в темноту, шатер колеблющегося света открыл две палатки. Вокруг расположилась компания, передавая друг другу бутылки. С этим костром, бутылками и торчащими с колен ружейными стволами они были похожи на охотников из экзотического далека, прибывших на сафари сюда, где находилось аналогичное экзотическое далёко для их разумения.

— Пять восемьдесят!

Ночная электричка пролетела световой очередью через мост, отозвавшийся дробному вою колес тяжелой чугунной вибрацией. Громада гостиницы «Украина» уже выдвигала свой шпиль над мостами, а напротив менял под ветром конфигурацию лоскут на крыше Белого дома — в правительственной подсветке действительно очень белого.

— Пять шестьдесят!

Нервы есть даже у капитанов первых рангов, и истрепаны они жизнью и службой весьма сильно. Ольховский почмокал погасшей в сырости сигаретой... не выдержал:

— Коля, — взмолил он, — хорош! Встаем здесь.

— Чего это? — энергично отозвался Колчак.

— Хватит судьбу испытывать. Мы в центре. На хрена Кремль, если стволы достают на двенадцать километров?

— Ты боксом занимался? Концовочку! Концовочка сладка. Через полтора часа нормально дойдем. Лево тридцать!

В четыре часа справа на Воробьевых горах прорезался на звездном фоне Университет — в повороте желтый месяц рисовал над ним дугу.

— А это что за хреновина?..

На игле Университета реяло чудовищных размеров знамя — эдак в четверть футбольного поля. Вероятно, оно соответствовало размерам студенческого патриотизма.

Интереснее было другое: через реку, в Лужниках, шел этой глубокой ночью, которую вернее было назвать ранним утром, какой-то рок-концерт. Там хлопали петарды и взлетали ракеты, а если прислушаться, то сквозь мощные басовые содрогания сверхнизких, издаваемые мегаваттными усилителями стадионной аппаратуры, можно было разобрать призывный голос Наташи Королевой:

— У тебя есть палочка! палочка-выручалочка!

— Насчет палочки — это точно, — сказал Колчак. — Талант всегда прав, за что и люблю искусство. Расчет бакового орудия — к орудию! Снаряды подать! Будет вам и палочка... будет и выручалочка... во все места. Ну что, командир, — засадим шершавого?!

— Ладно, потерпи... дойдем до места.

— То-то же.

Вода, ночь, огни, ветер.

Из катера:

— Пять с половиной!!

С мостика:

— Малый на обе!

С бака:

— Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад...

— Молчать, хор Пятницкого! Я вам покажу «последний парад»! Радиорубка!

Громкая трансляция — в четверть звука: «Мать вашу всех так и этак... меломаны!..» И — оглушительно:

— Кор-рабли постоят — и ложатся на курс!!!

Придвинулся чашобный массив Парка Горького, протканый редкими светлячками. И оттуда — одновременно — два голоса: слабый — «Помогите!», и

нестройный хор: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, рванут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!»

— Вахтенный! Дай полрощка над парком — помочь просят.

Очередь из трофейного АКСа простучала тихо и невыразительно по сравнению с недавним фейерверком в Лужниках, но оба крика — и одиночный, и хоровой, — прервались, и в ответ, как отзыв на автоматный пароль, хлопнули два пистолетных выстрела.

— Свои, — хмыкнул Ольховский.

— Пять сорок!!!

Командиры переглянулись.

— Самый полный! Виталик, выжимай все, что можно, лопнет — плевать! — гаркнул Колчак в связь.

Ольховский вцепился в поручни, шаркнул ногой по ребристому железу настила, тяжело задышал:

— Теперь — плевать. Сядем — а уже на месте. Дойдем сколько можно. Радиорубка — отставить.

В тишине палуба еле уловимо дрогнула, движение замедлилось и обрело натужность гасимой инерции.

— Стармех, в жопу целовать буду, давай обороты, родной!!!

Под днищем царапало и шелестело. Забурлило под кормой.

— Паропроводы летят! — предсмертно зарыдал в динамиках тенор Мознайма.

— Дав-вай!!!

Полсотни метров проползли на брюхе, и шорох стал смещаться к корме, полоса его под днищем узи-лась — и вот все тело ощущает, как корабль подается вперед, не сдерживаемый более ничем.

— Сбавить до малого! Прошли...

— Пять с половиной! Пять восемьдесят!

И только тогда ощутили конденсат бензиновой вони над холодной водой, и подмерзающую прель

палой листвы с берега, и пряную нитку мясного с жареным лучком аромата из ночного ресторана, и шелест редких машин, проносящихся по набережной. И горячую слабеющую дрожь в позвоночнике, вдоль которого стекает ручеек пота.

В двадцать минут шестого различили обращенную к ним для встречи гигантскую фигуру — и обрадовались, как земляку и родному, церетелевскому истукану Петра: он воспринимался как свидетельство, что прибыли в свой город.

Справа развертывались в черном небе огненные буквы над кондитерской фабрикой: «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ». Слева отблескивал свежим тяжелым золотом крупный купол Храма Христа Спасителя. Алые и желтые змейки дробились в речной ряби.

— Красиво как в столице, — с восхищением сказал Егорыч и перекрестился на обе стороны. — Слава те Господи.

Габисония утерся мокрым рукавом.

В шесть тридцать три утра, не доходя Боровицкой площади, дали дробь машине и отдали оба носовых. Цепи загремели в ключах.

Подсвеченный Кремль вздымался за мостом — вот он.

— Ну — по стакану. Прибыли.

ТАЙНА ДВУХ КАПИТАНОВ

«Греза» Массне в собственном переложении Ольховского для рояля на этот раз его не успокоила, а напротив, наводила на мысль, что написана она в дни Парижской Коммуны.

Он вышел охладиться на мостик, где были ночь, ветер и рассыпчатые перспективы городских огней. В растяжках свистело.

В командирском салоне сидел у настольной лампы Колчак и, щурясь от дыма, зачеркивал и вносил пометки в пятистраничный план. Ольховский вошел, кинул плащ, выколупнул из пачки сигарету желтым от никотина ногтем. Сосредоточенно, иногда сам себе кивая и делая паузы, стал говорить:

— Делается это примерно так.

Первое. Все всегда чем-нибудь недовольны. Главное в начальный период смены власти — объединить всех в попутчики. Сыграть на учете интересов всех. Чистый и полный популизм. Всем обещается все — вплоть до пресловутого и анекдотического «Каждой женщине — по мужчине, каждому мужчине — по бутылке водки». Народ должен получить все, но ни у кого ничего не будет отбираться — все дело лишь в том, чтобы правильно и справедливо все организовать.

Повысить зарплаты и пенсии до мирового уровня, увеличить вложения в медицину и образование, полностью освободить от налогов малоимущие три четверти населения, создать новые рабочие места.

Но ни в коем случае не ущемлять интересы и уж тем более не экспроприировать олигархов, магнатов и прочих нуворишей — потому что это наиболее предприимчивая и энергичная часть населения, организаторы экономики. Мы не будем забирать у них ни копейки, не будем даже пытаться давить на них, чтобы они вернули свои деньги из западных банков в Россию. Мы создадим такие экономические условия, чтобы вкладывать деньги в наши предприятия и банки было выгоднее. Чтобы весь ум, предприимчивость и энергия бизнесменов и финансистов были направлены на то, чтобы деньги крутились здесь. И тогда лучше будет всем.

Мы не будем национализировать запасы сырья и энергоресурсы, потому что конкретный хозяин всегда лучше организует дело, чем наемный госчиновник. Пусть качают, пусть вывозят и продают. Мы лишь наладим честный и четкий учет и контроль, чтобы законные налоги не воровались в свой карман мимо государственного, то есть народного. Мы вообще ничего не будем национализировать и отбирать у новых хозяев: однажды уже попробовали, ничего хорошего не вышло.

Снижение налогов в результате увеличит сумму их сбора в бюджет. Этого достаточно. Так и делается в нормальных странах, оттого они и богаты.

Мы резко увеличим зарплату госслужащим: тогда они перестанут брать взятки, без которых сегодня обречены нищенствовать. Уже это повысит эффективность экономики и отдачу средств в госбюджет. Заплати сам справедливую долю — иначе у тебя украдут больше. Скупой плачет дважды, трижды и четырежды.

Мы не будем вводить террор и расстреливать бандитов, потому что в основном бандиты — это энер-

гичные и храбрые молодые люди, которые просто не могут нормальным путем заработать себе на человеческую жизнь. И, накопив сколько-то серьезные деньги, они всячески стараются сохранить и легализовать их, то есть вложить в дело — фактически в экономику страны, в развитие хозяйства. Мы лишь изменим структуру экономики так, чтобы зарабатывать деньги полезными и честными путями было выгоднее, чем совершать преступления. Как справедливо замечено, «преступление не оправдывается». То, что сейчас является «бандитской элитой», должно войти со своими деньгами в нормальную экономику — они сами этого хотят, и государственной мудростью будет всячески реализовать это их желание. Что же касается отморозков и рядовых боевиков — за пару тысяч долларов в месяц на брата из них формируются (и только на принципах полной добровольности) элитные воинские части, своего рода Иностраный легион, способный решать любые боевые задачи. Они умеют и любят подраться? — что ж, у нас, к сожалению, пока есть с кем драться, на границах много где дымится, и кто знает, где будет еще.

Армия получает все! Содержать армию в такой нищете и унижении — преступление перед страной и народом. Армии платятся все долги в первую очередь. Зарплаты повышаются до мирового уровня. Армия — гарантия жизни страны. Офицер после трех лет службы имеет право уволиться в любой момент, и ему начисляется пенсия — пусть сравнительно небольшая за краткий срок выслуги. И только контрактная система профессионалов-добровольцев. Повышение боеспособности при снижении численности. В результате дешевле обойдется — содержать надо меньше солдат, а не желающие служить будут работать на экономику и тем самым вносить средства на содержание тех, кто служит. Но все генеральские должности и льготы сохраняются — опыт и квалификацию высшей офицерской

элиты надо использовать и беречь, это разумно — и не так уж дорого.

Зарплата и все льготы милиции повышаются также, нищета оскорбляет и развращает несчастных ментов, ежедневно рискующих жизнью и разгребающих всю грязь общества.

Мы очень, мы сказочно богаты, мы просто бездарно и бессмысленно сами у себя разворовываем все, что имеем. И мы ничего не добьемся репрессиями — это проверено историей: даже животных дрессируют выработыванием положительных рефлексов — поощрением, а не кнутом.

И свободная пресса — гарантия нашей честности и отчетности перед народом. Свобода слова и печати — священна! Давление на прессу — подсудно!

Деньги на науку — обязательно! Престиж российской школы — восстановить!

И мы обнародуем четырехлетний план (пятилетка скомпрометирована в исторической памяти) подъема экономики — с конкретными цифрами и сроками, с подъемом производства и доходов населения, с графиком погашения государственного долга труженикам и расписанием поэтапного пуска новых производств.

И все — за нас! И пусть хоть одна сволочь вякнет, что что-то плохо или не так. Конечно, всегда найдется кучка врожденных скептиков и оппозиционеров, которые в любом коньяке вынюхивают клопов. И какие-нибудь умники начнут считать цифры и пищать про изъяны. Но от этих бездельников-говорунов все давно устали до ненависти. Людям нужна надежда, подкрепленная конкретными планами. А наши планы отвечают чаяниям всех слоев населения!

И тогда на первые месяцы у нас есть хороший «кредит доверия», и можно заниматься делами. А дела такие.

Второе. Без всякой помпы и рекламы мы резко повышаем зарплаты госбезопасности, спецслужбам.

И без всякой публичной огласки говорим им: хватит, ребята, вешать на вас всех собак. Все, что было плохого — делалось по приказу сверху, за репрессии и перегибы отвечают те, кто отдавал приказы, а не те, кто честно и в собачьих условиях их выполнял. Вас прижали, ошельмовали, урезали права под самый корень — вот теперь все могут полюбоваться, какой беспредел получился. Оклады, штаты, помещения, техника — даются как родным. Госбезопасность — главная и единственная опора власти, без вас ничего невозможно сделать. Эти ребята должны быть всецело на стороне власти.

Третье. Военные обеспечиваются жильем — поголовно и качественно. Офицер получает приличную квартиру в день прибытия на место службы. Обязать строить муниципалитеты, Управление исправительно-трудовых учреждений, перекинуть средства из статей на перевооружение, откуда угодно: это задача головная. Новое, повышенное денежное довольствие — выплачивать без единого часа задержки, материальное положение личного состава обеспечивается всем военным бюджетом! На остальные военные нужды — то, что останется, плевать. Кормить солдат — от пуза, а не помоями! Десятидневный отпуск за службу — каждому! Увольнений не лишать! Наряды за счет сна — не допускать! Чтобы — в огонь и в воду.

Четвертое. Точно так же обеспечивается всем и привлекается на нашу сторону милиция. Чтоб как сыр в масле катались. Выявленным предателям и особо злостным взяточникам — делать жесткие внушения, но не репрессировать никак. Страх в людях быть не должно — должны быть благодарность, понимание, чувство обязанности по отношению к новой власти, сознание справедливости происходящего. Преданность!

И пятое. В это же время проходят показательные кампании по улучшению положения беднейших слоев. Квартиры и премии учителям и врачам —

с освещением в прессе. Открытие бесплатных аптек для пенсионеров, завоз современной аппаратуры в больницы, новый летний детский лагерь на Черном море, новые расценки на каких-то отдельных шахтах. То есть — полное впечатление начинающегося подъема.

Народ — наш, наш, наш!

На все это можно отпустить от силы полгода. Потому что реальное экономическое положение будет ухудшаться. Казна в глубоком минусе. Но полгода это можно прикрывать дутыми цифрами и ссылками на планы, которые якобы воплощаются в жизнь.

При нехватке денег — строить любые пирамиды, вырывать где угодно любые кредиты на любых условиях, соглашаться на все и закладывать хоть кости своих бабушек: но чтобы на полгода хватило.

А вот когда подкормленные силовые ведомства стоят за тебя, а спецслужбы бдят и докладывают, а народ полагает, что положение выправляется, а чиновники и спекулянты воруют сладко в успокоении, что все по-прежнему, — вот тогда можно приниматься за дело. Отвлекающая кампания мимикрии и дезинформации окончена, господа, она свое дело уже сделала.

Мы переходим к реальному исправлению положения!

В одночасье вводим закон о новом режиме выезда за границу. Об его подготовке до момента вступления в силу не знает ни один лишний человек — лишь несколько посвященных, которые готовили. Они под строжайшей подпиской сидят в местной командировке на Лубянке. За любую утечку информации коллективно отвечают головой. О, закон может иметь форму инструкции, подзаконного акта, временной чрезвычайной меры в связи с особыми обстоятельствами — так, ерунда, мелочь, служебный параграф на несколько дней. Либо это связано с крупным хищением драгкамней из Гохрана, либо еще что. За-

гранпаспорта сменим на новый образец — и все, граждане. А на выезде — пограницы, а с них взятки гладки, у них приказ: граница на замке. Пока дума и магнаты прочухаются и начнут принимать меры к преодолению запрета — время их будет упущено. Конечно, сегодня перекрыть российские границы крайне сложно, но за полгода многое можно сделать. Временно, очень временно ездят только дипломаты и шофера-дальнобойщики, оставляя дома семьи в заложники. Убытки мы переживем.

Второе. И тут же мы начинаем показательные процессы и вытрясаем из богатых все, вплоть до фарфоровых зубов. Любыми средствами. Подвал, конвейер, арест семьи — средства известны. И фамилии известны, и грехи известны — да госбезопасности нужна одна ночь, чтобы взять сотни главворов страны. И все, что они перегнали в хлебные и теплые страны, они возвращают сами как миленькие. А это — не менее ста или даже двухсот миллиардов долларов. Эти деньги решают проблемы страны! И девяносто пять процентов населения, озверелые от многолетнего обворовывания и унижения, поддерживают нас от всей души.

Третье. И вот тогда мы национализируем средства массовой информации — одновременно повышая зарплату журналистам, гарантируя им их места и громогласно клянясь, что цензуры не будет. И представляем охрану к самым заметным, гарантируя безопасность при «разгребании грязи» — и они с восторгом копают на своих бывших хозяев, чего не могли позволить себе раньше. Наступает час журналистов, они счастливы! Можно все, кроме открытой порнографии. Правда, покусившиеся на действия главы государства и правительства вылетают в черный список или с ними происходят несчастные случаи. А цензура — будет позднее.

Четвертое. И вот тогда мы вводим чрезвычайный закон о борьбе с бандитизмом, каковой ликвидируется быстро и беспощадно. Подвал, признание,

расстрел. И народ на нашей стороне. Утомился потому что от братков. А любой бизнесмен, чуть что, тоже может проходить по закону о бандитизме, поскольку криминализация бизнеса всеобщая.

Пятое. Сажаем фашистов всех мастей и запрещаем их партии. Население, опять же, нас приветствует.

Шестое. Все это время (недолго, кстати) дума, конечно, отчаянно шумит, потрясая правами и конституцией. Через прессу вываливается весь компромат из сейфов — на все политические партии. Обнародуются их связи с криминалитетом и олигархией, на деньги которых они жрут. Показывается по телевидению, как они жрут — все эти коттеджи, санатории, джакузи с массажистками, конюшни, машины, недвижимость за рубежом — у кого она есть. И все это — на деньги, украденные у народа! Вводится временный указ о временном же приостановлении деятельности всех политических партий — до поры, пока не будут закончены уголовные процессы по их злоупотреблениям, а такие злоупотребления есть сейчас у всех. И думско-партийные проститутки расходятся по домам, как миленькие, — что бывало в истории всегда, когда их разгонял тот, за кем и сила, и правда одновременно.

Седьмое. И вводится та самая диктатура как переходная форма правления. И почти все — за, кроме части интеллигенции, обуреваемой гуманистическими идеалами, которые интеллигенция всегда хочет воплотить в жизнь немедленно, — но ее так легко пугнуть и купить, кроме малой прослойки людей умных, которые справедливо боятся, что при рубке леса всегда летят щепки, так вот как бы не угодить в эти щепки; и кроме тех, чье рыло кругом в пуху, и хорошего им ждать не приходится. Но это — весьма небольшой процент населения.

Восьмое. И вот тогда твердой рукой наводится порядок — примерно так, как его наводили Сулла, или Кромвель, или Наполеон, или Франко, или Пиночет.

И нам опять приходится делать добро из зла, потому что больше его не из чего делать...

И вот тогда конфискуется имущество заворовавшихся чиновников, на кого б оно ни было записано, хоть внука семиюродной сестры или духа святого, и они дружно сажаются.

И жесточайшим способом подавляется сепаратизм, потому что у государства нет другого пути к сохранению себя, а результат развала будет еще горше.

За воровство и головоотяпство в армии, когда голодных и необученных пацанов швыряют в огонь, ответственные начальники расстреливаются.

Армия учится только тому, что нужно для боя. За шагистику и равнение подушек в казарме по ниточкам командир роты идет в тюрьму как за растрату государственных средств, отпускаемых на обороноспособность, а не на идеальное застилание коек и балет на плацу. Убрать из армии бессмыслицу, дать дышать — уйдет и дедовщина. Это отдельная тема...

Судебная реформа проводится в неделю. Перестать паять срока за украденную курицу или бутылку водки, перестать лепить пять лет за взломанный ларек или разбитую морду, перестать сажать в следственный изолятор тех, кто не совершил ничего опасного и все равно не скроется. Но за преднамеренное убийство — расстрел: это в интересах всех потенциальных жертв. Снятие любых ограничений на самооборону: если ты убил напавшего хулигана, насильника, влезшего к тебе грабителя — ты прав.

Это все вопросы отнюдь не второстепенные, но именно первоочередные — речь идет о духовном здоровье нации, о вере в справедливость государства, без чего невозможны никакие преобразования. Если народ не чувствует справедливость своего государства — государству не приходится ждать ничего хорошего от своего народа: шкурность и безверие.

И — да — мы возвращаемся к административно-командной экономике. К тоталитарному государству.

Но рассматривается это как переходный — на двадцать лет, меньше хрен выйдет в России — период к нормальному, разумному, цивилизованному государству.

Армия сокращается втрое — до уровня поддержания именно обороноспособности, а не захватоспособности. Генералам — сдать построенные солдатами из казенных материалов дачи и искать работу. Военно-промышленному комплексу — учиться ловить мышей. СССР под их грузом уже рухнул — еще Ассирия под этим рушилась.

За пьянство на работе — штраф из зарплаты.

Родной дом вора — тюрьма.

Задержка зарплаты равна преступлению, потому что ты изъял у человека его деньги и пустил их работать на себя.

Безусловные протекционистские законы во внешней торговле, стимулирующие развитие собственного производства.

Недра и сырье принадлежат только государству.

Взятка государственным чиновником равна измене государству.

И — постепенно, постепенно отпускать гайки, поощряя любые экономические инициативы, ведущие к повышению товарного производства. Параллельно с тем, как предприимчивое меньшинство будет богатеть законными путями, вводятся профсоюзные законы, заставляющие отстегивать непредприимчивому большинству работяг справедливую долю доходов.

Злоупотреблений и перегибов будет — масса! Но куда меньше, чем при любом ином варианте... и никакого сравнения с тем, что сейчас.

Как тебе это нравится?..

— Резюмирую, — сказал Колчак. — Пункт первый: грамотный и полный популизм. Пункт второй: привлечение на свою сторону и укрепление силовых структур. Пункт третий: тотальность и жесткость центральной власти. Пункт четвертый: переустройство государства по уму и морали силовым способом.

Но всегда необходимо учитывать еще одно. Историческую перспективу. Геополитическую тенденцию. Надо же смотреть, куда катится твоя повозка, и заранее принимать меры против ухабов и поворотов. Короче — думать о завтрашнем дне.

А день таков, что под Сибирью, где у нас разбросан десяток миллионов человек, сидит миллиард с четвертью китайцев. А вечных границ не существует. Они уже инфильтруются, и противостоять этому крайне трудно: высокая рождаемость, дешевая рабочая сила, дешевые товары, огромный рынок потребления сырья. И растущая технологическая база. В будущем — или выдавят, или растворят в себе.

Нужна особая экономическая зона Восточной Сибири и Приморья. Нечего цепляться за Курильские острова — и не нужны они нам, и все равно в итоге не удержим. Эпоха не та. Уж если англичане ушли из всех колоний — это о чем-то говорит. А отдав японцам острова, можно за это поцедить из них самурайской кровушки. Это — деньги, и это — перспективы. Концессии. Союз с Японией как средство от китайского давления. Япония — объективный соперник Китая, а справиться с ней легче, если что. Вот и дружить с ними против Китая. Пустить их к себе на материк. А не ждать сто лет, а может и меньше, пока китайцы не слопают нас и их по отдельности. Думать же надо, кто тебе полезен, а кто вреден. Пусть японцы поднимают край. Будут рабочие места — люди поедут. Даже с той же Украиной, там еще нескоро расхлебают свою независимость.

Пора же учесть простую вещь: Россия находится в стадии сокращения. Развала, если угодно. Цепляться за каждый клочок — бессмысленный расход сил: против ветра много не наплюешь. Надо отдавать то, что все равно уйдет, и крепко держать то, что можно удержать. Это как оборона: отступи сам с невыгодных рубежей до удобного места, а вот его оборудуй заранее и вцепись намертво.

Средняя Азия потеряна. А вот с Казахстаном надо объединяться. Это люди и территории.

Мы с тобой люди военные. И мы понимаем, что вечного мира не бывает. И что с Европой мы как-нибудь договоримся, а вот Азия-с — это Азия-с. Исламский фактор — это тебе не индекс Доу-Джонса. Его на бирже не уговоришь. Белый мир из периода экспансии вступил в период обороны. И демография, и психология — все не на нашей стороне.

За оккупацию Чечни мы платим влиянием чеченской мафии. Дети, кому это выгодно? Только тем, кто сотрудничает с чеченской мафией.

Границу по Тереку. Стрельба без предупреждения. Пусть живут.

Карабах признать за Арменией. Абхазию включить в федерацию. Азербайджан нас все равно не будет любить, а Грузии в исламском окружении все равно некуда деваться. Некоторые быстро забыли, как их ятаганами резали, но так же быстро и вспомнят.

С национальным делением страны необходимо покончить. Это не семена будущего неизбежного развала, а целые парники. Дело не в том, чтобы уговорить быть вместе и прельстить своим бла-ародством и справедливостью. Дело в том, чтобы переломить тенденцию к развалу. А при национальном делении эта тенденция однозначна. С этим религиозным ренессансом мы еще нахлебаемся. Только территориальное деление, только наместники из центра и губернаторы!

Сепаратизм надо давить не тогда, когда он поднимает восстание, а тогда, когда он поднимает голову.

Лечить надо не тот орган, который пора ампутировать, а тот, где есть симптомы болезни.

И не надо бояться, что отделение Чечни обозначит тенденцию к развалу государства. Паршивая овца все стадо портит. Если у тебя в экипаже неисправимый хулиган, который мешает выполнению общей задачи — или расстреляй, или вышвырни.

Нет, это надо додуматься: Крым, Донбасс, Одессу, Прибалтику отделили без звука — а в Чечню и Курилы вцепились зубами! Поистине боги лишают разума тех, кого хотят покарать.

И не надо каждый шаг согласовывать с Европой. Европа в этом веке обречена. Когда через несколько десятилетий европейцы окажутся в Европе меньшинством, они запоют совсем другие песни. Или последует взрыв национализма и крайних правых акций, или европейцы будут заменены азиатами и африканцами. А политические последствия этого трудно-предсказуемы. И будет ребятам не до чужих бед — своих хватит.

Что же касается Крыма и Донбасса — Украине следует помнить, что естественных союзников у нее нет. В случае чего она будет расчленена Польшей, Румынией и Россией. И вот тогда Россия будет единственным гарантом ее целостности. Украину надо посадить в долги, подогреть сепаратизм львовских католиков, но пока Крым и Донбасс остаются украинскими — мы должны иметь в виду вернуть их при первой возможности.

Резюмирую. Курилы отдать. Японцев в Сибирь пустить. Китайцам противостоять. С Казахстаном объединиться. Со Средней Азией — прочную границу. Чечню отделить по Тереку. Абхазию включить в себя. По Кавказу — прочную границу. Армению и Грузию иметь за союзников. Политику с Украиной вести к возврату Крыма и Донбасса. С Белоруссией объединиться. Национальное деление федерации мягко, аккуратно, неотклонимо заменить на территориальное.

Возражения? Вопросы? Дополнения?

— Нет у меня возражений, — сказал Ольховский, — и нет у меня вопросов. Но есть у меня, Николай Павлович, мысли по поводу.

— Мысли — это хорошо. Если только они направлены на выполнение задачи, а не на сомнения в ней.

— Диктатор, конечно, найдется.

— На бесптичье и коза шансонетка.

— Но там, где во Франции Наполеон или в Англии Кромвель, в России оказывается Керенский или в лучшем и одновременно худшем случае Сталин. Не попробовать ли самим? Не боги горшки обжигают. Или лучше иметь несколько кандидатур на замену? Кого ты будешь ставить в диктаторы? Князя Трубецкого, который вообще струсил прийти на Сенатскую площадь? Или к скандинавам обратимся за приличным варягом?

— Было бы место — а люди всегда есть, — сказал Колчак. — Завтра покажет.

— Черт, — сказал Ольховский. — Завтра — другое название для сегодня... а в этой стране за что ни схватишься — всегда все нужно было вчера.

— А вот и утро, — зло улыбнулся Колчак. — Которое вечера мудреней.

Часть пятая

ВЫСТРЕЛ

1.

Когда-то к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, когда творческие работники всех искусств вносили всемерный вклад в мировую сокровищницу Ленинианы, за что и получали премии имени Ленина, ходила масса анекдотов, отражавших безмерную любовь населения к вождю мирового пролетариата и заставлявших сердца миллионов биться в радостный унисон, ибо прочих радостей было не так много. Там фигурировали духи «Запах Ильича», мыло «По Ленинским местам», трехспальная кровать «Ленин с нами», петергофский фонтан «Струя Ильича», презервативы «Ленинский маяк», скороходовские ботинки «Ленинский путь», платяные щетки для чистки себя под Лениным, пинцет для выдергивания волос «Ленинский пробор» и масса прочего. Кстати уж, примерно тогда же лидер ленинградской кухни ресторан «Метрополь» выдал клиентуре фирменное блюдо — котлеты «Залп „Авроры“»: официально они значились в меню как котлеты по-киевски, на самом же деле название объяснялось тем, что при втыкании в горячую котлету вилки оттуда стреляли в рубашку едока четыре тугих струйки расплавленного масла, что могло служить сигналом к разборке с официантом.

Теперь представьте себе негодование сигнальщика, слышавшего эти и подобные им шутки в детстве от родителей, когда на рассвете он обнаружил в секторе наблюдения возмущающую зрение и разум картину: за мостом, непосредственно под набережной Кремля, болталась утлая лодчонка, время от времени посылаемая вперед неловкими тычками весла. Сунув лодку вперед, рыжий и лысый человек в пиджачной паре и галстуке в горошек хватал шест и пихал его в воду суетливо и деловито. При рассмотрении в просветленную сиреневую оптику двенадцатикратного морского бинокля по движению губ лысого, обведенных рыжеватой порослью, читалось так ясно, что даже казалось ясно же слышимым: «Здесь „Ав’го’га“ п’гойдет... Так... Здесь „Ав’го’га“ пройдет...»

Незнамо почему, но сигнальщик почувствовал себя обиженным до слез и даже оскорбленным до глубины души.

— Товарищ лейтенант! — взревел он на грани плача. — Полюбуйтесь!

Беспярых поднялся с топчанчика в штурманской, накинул на плечи шинель и, поживаясь от озноба, вызванного более недосыпом, чем утренней прохладой, выбрался на мостик. Сначала он посмотрел просто так, потом убедился в бинокль, крикнул, вздохнул, высморкался, выпустил газы и закурил.

— А вот это, — сказал он наверх, исчерпав малый ритуал утренних дел, — является иллюстрацией к старому и известному тезису о том, что история повторяется дважды, причем если в первый раз в виде трагедии, то второй — в виде фарса. Лысая сволочь... Пугни-ка его!

Сигнальщик приладил во рту четыре пальца, надулся и засвистал с полосующим слух переливом, вонзая тончайшую ледяную иглу в мозг. Когда он отсвистал, мир обнаружился наполненным бесшумным звоном. Тогда он выхватил маузер и бешено и размашисто погрозил им.

Присевший и прикрывшийся руками человек поспешно упал на банку, отчаянно дернул шнур подвесного мотора и с тарахтением, оставляя пенный след, помчался прочь за поворот. Ныряя под мост и прежде чем исчезнуть за гостиницей «Балчуг», он привстал и погрозил кулачком.

— Стрелять надо было, — зевнул Беспятых, размышляя, лечь ли досыпать или сказать вестовому принести кофе с камбуза.

2.

Девятичасовые новости ОРТ сообщили между прочим, после пожара в Новосибирске и перед чемпионатом по теннису в Австралии:

— Сегодня ночью крейсер «Аврора» завершил переход из Санкт-Петербурга в Москву. «Аврора» встала на временную стоянку у Пречистенской набережной Москва-реки, перед Большим Каменным мостом.

Диктор Выхухолев строго посмотрел сквозь очки, и сейчас же его изображение сменилось кадром, снятым, очевидно, со стороны Боровицкой: неброско-серая «Аврора» на нем почти терялась, всосанная огромным фоном Дома на набережной, и тихо мокла под ноябрьским дождиком. Трансфокатор дал наезд на обвисший кормовой флаг, прошел по надстройкам и зафиксировался на сигнальном мостике, где сутулился сигнальщик в плаще с поднятым капюшоном. Едва заметно колебался бурый воздух над третьей трубой, выбрасывая выхлоп вспомогательной машины жизнеобеспечения корабля. На оттяжке коротковатой фок-стенги стервец-оператор не преминул дать нахохлившуюся городскую ворону, вполне пародирующую унылого сигнальщика.

«И что они все так любят ворон?..»

— Евгений Кафельников продолжает счет своих побед в турнире Большого Шлема. Вчера в третьем сете...

Ольховский разочарованно выключил телевизор. Уязвлял и унижал не только небрежно-проходной тон сообщения, но и то, что на баковое орудие и вообще на орудия камера внимания вовсе не обратила.

«Как обычно, с-суки, — сказал он про себя. — Того, что торчит у них под носом и сейчас выстрелит, они вообще в упор видеть не желают. Приходи кто хочешь и бери голыми руками — это массовое отупение они называют революционной ситуацией».

Провел ладонью по щеке, проверяя глянец бритья. Брызнул на ворот шинели парадным парфюмом «Эгоист Платинум». Сунул в карман зигзауэр. Послал в иллюминатор долгий недобрый взгляд под колпак Храма:

— Если бы у меня на мостике пела Пугачева, а матросики совершали гомосексуальный акт на трубе — о, это бы их расшевелило. А тут хрен ли нам, значит, шестидюймовки, эта мелочь и внимания не заслуживает!..

Храм отозвался до странности знакомым голосом:

— В том и счастье гарпунера, что левиафан в нужный момент спит.

Ольховский дико оглянулся. В дверях, небрежно подпирая косяк плечом, стоял Колчак и улыбался легко и опасно:

— Палубную вахту я вооружил и вздвоил. Ну, давай, Петр Ильич, езжай. Передай, что к ним пиздец с Балтики.

3.

Выстрел «Авроры» в историческую ночь 25 октября 1917 года относится к тем мифическим явлениям, физическая сущность которых уточнению не поддается. Был ли выпущен снаряд из бакового орудия, который в таком случае должен был бы неслабо грохнуть в Зимнем, следов чего, однако, не осталось, или же выстрел был произведен холостой, или же холо-

стой выстрел дала кормовая зенитка, что в положении «стоянка на рейде» должно было иметь значение сигнала «шлюпкам вернуться на борт», или же вовсе не было никакого выстрела, а родился он из метафоры воспаленных летописцев, — о том написано немало трудов, в которых есть все, кроме достоверности искомого факта. В сущности, никакого значения это не имеет, потому что история по сути своей неотклонимо стремится к легитимизации мифа и представляет собою более или менее условную карту прошлого, постоянно уточняемую и варьируемую в соответствии с законами максимального правдоподобия и всеобщей детерминированности с одной стороны, а с другой — в соответствии с господствующими в обществе настроениями. Был ли выстрел, не было выстрела, — это ничего не меняет. Мог быть. Эффективный вариант, наглядное действие. Те самые объективные и мощные силы, которые через массовые процессы привели к социалистическому перевороту в России, могли явить себя среди прочего и в ничтожной частности одного орудийного выстрела. А могли и не явить. Один черт.

Айсберг, этот донельзя заношенный в литературе двадцатого века объект, может опрокинуться от хлопка в ладоши, когда подтаян снизу теплыми течениями до кондиции, а может опрокинуться и без всякого хлопка, и тогда на случившемся неподалеку корабле потом припомнят и поклянутся, что в этот самый миг рулевой кашлянул, вот оно и сыграло оверкиль.

Со времени изобретения огнестрельного оружия из него перестреляли неисчислимое множество народу от безымянных прохожих до русских царей и американских президентов, но только пара пуль из средней паршивости револьвера в лоб средней вшивости эрцгерцога вызвала глобальное обрушивание лавины мировой войны.

Когда невидимая рука пишет на стене «мене, такел, фарес», то буквы эти тоже невидимы, и все это тот же миф, происходящий из метафоризации об-

щественного сознания, которое улавливает сосчитанность, взвешенность и отмеренность срока существования государства, которому пришел конец: бесчисленное множество мелких и самих по себе незначимых примет окутывает и скрывает малое число крупных и значимых причин, не видимых современникам вне исторической ретроспективы, и возникает не аналитическое знание, но ощущение конца, и это ощущение может иметь силу абсолютной достоверности. Уже потом вспомнят слова на стене, которые проецируются памятью ощущений на память о стене, и напишут мемуары Кассандры, ибо торжество историка состоит в крепости заднего ума.

В крушении сгнившего и выжранного изнутри государства всегда есть краткий момент неустойчивого и хрупкого равновесия, отделяющий период «хапай что можешь» от следующего за ним периода «спасайся кто может». Это звездный час авантюристов. Безоглядная наглость и интуитивная уверенность в безнаказанности дают колосистые всходы в самых кротких и благонамеренных мужах. Гражданское общество молниеносно преобразуется в скопище мелких жуликов, где правят бал банды головорезов.

Эти рассуждения имеют здесь смысл лишь как объяснение и подтверждение тому, что в критические периоды люди перестают руководствоваться рациональным и дальнобойным расчетом, потому что множество неопределенных и не зависящих от них факторов не дают возможности рассчитывать свои действия даже на год вперед, а начинают руководствоваться «верхним чутьем», то есть темпераментом, интуицией и желанием. Русский «авось» лезет вверх, как стрелка барометра, пока не упрется в «великий бунт». Или «великий хаос». И тогда каждая серьезная молекула превращается в сама себе тактическую единицу.

Ольховский ощущал себя, в качестве командира крейсера, единицей оперативной. С этим ощущением он спустился в катер,

где флаг речной милиции был заменен на андреевский, а готовно пошедшие на спецзарплату милиционеры, благодусные после флотского завтрака с водкой, небрежно и значительно изобразили отдавание чести, косолапя ладонь на американский манер.

На набережной поймал частника, разъезженный «фольксваген-гольф», цвет которого постепенно переходил от серой грязи внизу к красной крыше, и за полтинник поехал в Останкино. Водитель, худенький желтоволосый парнишка в разночинских очочках, прикуривал одну сигарету от другой и рвал на желтый, обгоняя всех независимо от ряда.

— Ну, и почем у вас бензин? — спросил он, определив приезжего и узнав, что тот из Петербурга. — А зарплаты такие же? Говорят, ваш мэр под Лужковым лежит. — И хладнокровно подрезал «БМВ», проскочив перекресток.

Острие Останкинской башни терялось в летящем тумане. Ольховский дважды сбегал взад-вперед через широкую и буквально простреливаемую полетом машин улицу Академика Королева, выясняя нужный ему корпус. Блочные здания телецентра стояли, однако, в нейтральном отдалении от вышки.

В вестибюле пришлось унизительно препираться с охраной и вести долгие нудные переговоры через стеклянную стойку бюро пропусков. Секретарша главного редактора отрезала по телефону, что шеф в командировке. У заведующего редакцией новостей шло совещание.

В конце концов (он успел стереть грязные брызги с брюк над каблуками) спустилась какая-то девочка — то есть сорокалетняя дама с вечной взмысленностью в чертах увядающего личика. Девичьими манерами и интонациями она пыталась привести свой явный возраст в необидное соответствие с малой социальной значимостью и, видимо, столь же незначительной зарплатой. Эта загнанная судьбой в пятый

десяток девочка приняла пакет и заверила, что передаст сразу после конца совещания. Дать расписку в получении пакета она отказалась, а на вопрос о телефоне продиктовала номер справочной, наклеенный тут же на стекло бюро пропусков.

— Это обязательно должно прозвучать сегодня в двадцать один ноль-ноль — в девять вечера! В новостях! — с предельной вескостью внушал Ольховский, продолжая держаться двумя пальцами за большой желтый пакет, засургученный в центре и по углам.

— Это решаю не я, но мы всё обязательно рассмотрим прямо очень вскоре, — нетерпеливо уверяла дама.

— Вы оцените — это сенсация. Это бомба! — гипнотизировал Ольховский, меняя обольстительную улыбку на каменную официальность и обратно. — Желательно дать в начале.

— С эфирным временем всегда бывают сложности, но если у вас горячая информация, то все будет о'кей, — она пританцовывала и поглядывала на часы. Ольховскому пришло в голову, что она пытается выглядеть собственной дочерью и, наверное, дома присматривается к ее манерам и перенимает тинейджерский слэнг и приколы, возможно даже репетируя их в ванной перед зеркалом.

Вся поездка, с поисками, ожиданием и томительным пропихиванием через уличные пробки, заняла часа четыре. А по возвращении открылась очередная новость:

На набережной, в кузове шаланды, стоял огромный барабан с намотанным черным толстым шлангом, и один конец этого шланга уходил в открытый колодец городских магистралей. Вверху работяги на вышке автоподъемника ковырялись в проводах, внизу с самосвала съезжала жестяная трансформаторная будка, а у самой воды растопырил опорные плиты шестиосный японский автокран «Като», нарядный и яркий, как апельсин. Коробчатая стрела была развернута к «Авроре», и стрела эта выдвигалась медленно и бесконечно, секция за секцией все вылезала и вылезала, подобно щупу какого-то марсианского

аппарата, пока не остановилась, упруго покачиваясь, в метре от борта.

— Эт-то еще что такое?! — командирским голо-
сом рубанул Ольховский по непонятной самодея-
тельности.

Оглянулся только один — высокий и сутулый, в желтой монтажной каске и ватнике, отличавшемся от брезентовых курток остальных: он единственный казался ничем не занят, а из нагрудного кармана ватника, нового, оливкового, с пелеринкой, торчали блокнот и ручка:

— Вы командир «Авроры»? Вернулись, что ли?

— Что здесь происходит и кто вы такой?

— Как что. Все в порядке. Подключаем вас на стоянке к городским магистралям.

— Каким магистралям?

— Каким принято. Вода холодная и горячая, электричество, телефон. К стенке вам тут не подойти — вот, протягиваем. А насчет канализации указаний не было.

— Указаний? Не было? А остальные? Были? Кто приказал?!

Бригадир пожал плечами:

— Вы грамотный? Читайте.

И повернулся спиной. На ватнике, как и на спе-
цурах работяг, был отбит трафарет: «Москоммунхоз».

— Мне начальство дает распоряжения. Мне что. Я выполняю работу. Не нравится — согласовывайте не со мной.

— Да нет, — примирительно отыграл Ольховский, оценивая, сколько удобств сулит эта неожиданная забота: прямо как в хорошем порту подключают. Одновременно он с опаской пытался сообразить, какими нежелательными побочными следствиями такая забота может быть чревата. — Но от кого распоряжение-то исходит?

Трансформаторная будка закончила медленный съезд из кузова по металлическим трубам и, подпрыгнув краем, встала на газоне.

— Это дело в Москве поставлено, — сказал бригадир с неброским патриотизмом. — Вы давно ждали?

— Вообще не ждали!

— Ну, тогда, наверно, Лужков распорядился. Хозяин... Актик подпишите... вот здесь. И квитанцию. Вы платить как будете — по безналу, или наликом сразу? Наличными скидка десять процентов.

— За что же столько?... — пробормотал Ольховский, разбирая в беглых каракулях цифру, портящую настроение.

— Сколько. По тарифам. Стоянка, работа, подключение, абонентная плата. Вы уж это... за срочность бы ребятам... Ты куда без прокладок штуцер ставишь! — неприятным тенором закричал он, шагнув к колодцу, и из-под земли послышался слабый оправдывающийся бубнеж.

— Так когда закончите-то?

— К темноте и закончим. Нам долго возиться тоже неинтересно, нас с объекта сняли.

Приняв доклады и проконтролировав ход подключения, Ольховский изложил Колчаку результаты поездки. Возмущенно показал квитанцию: «Если б не наше подвешенное положение, я б им нарисовал такую цифру!» — «Ат-лично. Им хоть авианосец под Кремль загоняй, только за стоянку плати», — улыбнулся Колчак.

Когда в каюте, раздевшись, помыв руки и усевшись за стол, на котором вестовой накрыл оставленный ему и разогретый обед, Ольховский воткнул вилку в перченый и перемешанный с уксусом и сметаной салат, движение вилки к раскрытому навстречу рту было прервано новым сюрпризом:

— О ценности корабля говорит уже одно то, что лишь его бронзовые винты стоили на современные деньги более тридцати тысяч долларов. Крейсер был спущен на воду в 1903 году и вскоре, как один из самых современных боевых кораблей своего времени, был включен во II Тихоокеанскую эскадру, следующую вокруг света к Цусимскому проливу, —

с механической невнятностью долбил в пространство голос, источник которого невозможно было определить, соединяя неживую бессмысленность с кокетливой женственностью интонаций, что есть неотъемлемый и характерный признак всех экскурсий мира.

Ольховский закрыл рот, что было рефлекторной компенсацией на вытаращивание глаз и даже, казалось, на растопыривание ушей. Голос подбавил патетики и продолжал:

— В Цусимской битве революционному крейсеру удалось огнем своих шестидюймовых орудий вывести из строя и утопить флагманский японский корабль броненосец «Миказа», что позволило российскому флоту одержать одну из самых блестящих своих побед, в результате которой... она привела... и это вскоре закончилось полным поражением императорской и самурайской Японии.

Ломтик помидора, разбрызгивая сметану, упал с вилки на брюки. Ольховский выругался и выскочил на палубу.

Плоский, как остекленная сковорода, экскурсионный теплоходик полз вдоль борта со скоростью улитки, читающей «Московский комсомолец» и переползающей в ошеломлении с одной новости на другую. Крышка сковороды имела в центре вместо ручки беленый раструб, который для пушшего разнесения скверны еще и слегка вращался.

— Когда в 1905 году на Черном море восстали броненосец «Потемкин» и крейсер «Очаков», — шипел и щебетал раструб примерно так, как могла бы щебетать баба-Яга после бесплатной операции на голосовых связках, — революционный военный совет «Авроры» принял решение идти на помощь восставшим. Поскольку Волго-Балтийский канал при царизме был еще не построен, путь его пролегал вокруг Европы и был прерван в Ютландском сражении попаданиями с германского крейсера «Шарнхорст». Что привело к интернированию в порту Бреста и послужило причиной к вынужденному заключению Брестского мира...

Вся команда столпилась вдоль борта — естественно в кожаных, мужественно закусив ленточки бескозырок, выставив повиднее коробки маузеров и прицепленные к ремням бутылкообразные гранаты. Не хватало только пулеметных лент и красных бантов. «Так ведь и это достанут, подлецы», — подумал Ольховский.

Колчак надзирал за всем этим непотребством с мостика, застыв безразличным лицом.

— Терпите, Петр Ильич, — посоветовал он. — Что делать. Это называется популярность. Погодите — у нас еще будут просить автографы на сигареты «Аврора».

5.

Телевизор в кают-компании теперь не выключался, его лишь гоняли с канала на канал, выставляя очередные новости. Новости не замедлили последовать: в пятичасовых «Вестях» главбольшевик Зюганов, набычив череп и гудя над частоколом микрофонов, обратился с экрана непосредственно к команде, застывшей в разных позах:

— Сегодня мы получили еще одно подтверждение, Это знаменательное подтверждение, Что уже не только весь народ, Но и армия, и флот, Всецело поддерживают и разделяют позицию коммунистов. Сегодня, как все уже, наверное, слышали, крейсер «Аврора», Который всегда был революционным флагманом, Революционным символом российского флота, Завершил переход из Петербурга, колыбели социалистической революции, И бросил якорь на Москве-реке, непосредственно напротив Кремля, Где продолжает цепляться за власть, которой у него уже фактически нет... Антинародное и насквозь прогнившее правительство! Давно ненавистное народу, Который давно уже только и ждет его падения. И если это правительство упорно отказывается прислушаться К голосу народа И добровольно уйти от власти — То, может

быть, оно прислушается к голосу шестидюймовых орудий крейсера «Аврора». Мы, коммунисты, как всегда, Предлагаем решить вопрос мирным путем, Мы считаем, что ситуация для этого созрела.

Он делал ударения и паузы между периодами таким образом, что было не совсем понятно, имелась ли в виду запятая в речи, точка, или любой из прочих знаков препинания.

Нахально-интеллигентный девичий голос быстро воткнул в паузу вопрос:

— А почему вы считаете, что экипаж «Авроры» разделяет политическую платформу коммунистов?

— А как вы сами считаете, если на мачте крейсера развевается красный флаг? Это наш флаг, Флаг СССР, Флаг великой революции, Флаг чаяний рабочих людей всех стран! Я обращаюсь к команде героического легендарного крейсера: Товарищи! Коммунисты России, все народы, все честные люди России Обращаются к вам, Балтийским морякам, Верным славным традициям и заветам наших дедов и прадедов — Поддержать народ во всех начинаниях...

Сюжет с Зюгановым сменился председателем Центробанка, который стал излагать конструкцию очередного парашюта для мягкой посадки снижающегося рубля на очередной уровень стабилизации, уверяя, что это уже твердый грунт, и апеллируя к поддакиваниям сидящего, как оказалось, рядом генерала авиации из Центра управления космическими полетами.

Но сказанного вождем коммунистов было вполне достаточно: все испытующе посмотрели друг другу в глаза и повалили на палубу смотреть, где у них на мачте красный флаг.

На палубе уже совершал быстрые танцевальные па Ольховский, маша пистолетом так, как если бы это была ручка теннисной ракетки, а мяч был посылаем в гафель грот-мечты, где выше досягаемости руки действительно болтался красный флаг, хотя и очень небольшой.

— Что! это! такое! я! спрашиваю! — выкрикивал он при каждом замахе, другой рукой ловя спрыгивающую фуражку. — Кто! посмел! кто! приказал! убью! суку!

Из него полетела пена.

— Доктор!! — грянул Колчак. — Вестовой! Спирта командиру! И валерьянки! Укол! В изолятор — купировать нервный срыв! — Он подхватил Ольховского подмышки, сдал набежавшему Оленеву, мягко отнял пистолет: — Петр Ильич, пойдете... сейчас сниму и подлеца уничтожу.

— Уничтожить!

Ольховского увели.

— Старшину сигнальщиков ко мне, — приказал в тишине Колчак и с удивительно звучным, плотным металлическим щелканьем передернул затвор пистолета.

Хотя сигнальщики и считаются на военных кораблях людьми безмозглыми, которые из всех полезных органов пользуются только глазами, старшина явил достаточно соображения, чтобы не быть обнаруженным нигде в пределах крейсера. Что тоже объяснимо, потому что прятаться человека, как даже самое низкоорганизованное живое существо, гонит не разум, а инстинкт, инстинкт же старшине подсказывал, что мало ему не обломится. Одновременно почел за благо раствориться вахтенный, потому что, по совести, отвечать-то следовало ему.

— Снять, — ткнул Колчак пистолетом в боцмана.

Коротенький Кондрат дисциплинированно подпрыгнул, не достал, огляделся, по принципу длины выбрал Сидоровича и дал ему в ухо. Сидорович сделал прыжок, но не вбок, как можно было ожидать в согласии с законами механики, а вертикально вверх, как взлетающая кошка, ухватил флаг за свисающий угол и сдернул, свободной рукой успев поймать летящие отдельно очки.

— Откуда красный флаг на гафеле?

— Это, вроде, не флаг, — ответил Сидорович.

- То есть?..
- Это, вроде, трусы.
- Что?..
- Точно трусы. Спортивные.
- Чьи?

Трусы подняли, растянули. В начинающихся сумерках прочли вытравленное ляписным карандашом изнутри под резинкой:

— Прин-сип... Это Грунины трусы, товарищ капитан первого ранга.

— Баталер!!! Откуда у матроса красные трусы!!! Может, еще кружевное белье у кого-то есть?! Сюда этого мудака!

Груню извлекли из слесарки, где он отрабатывал наряд, подтачивая соединительные кольца для подключения забортных водяных шлангов.

— У нас возникла мысль в воскресенье сыграть с местным населением в футбол, — пояснил он. — Я и постирал.

— А почему вывесил на гафеле?.. идиот! идиот!

— В машине товарищ капитан-лейтенант запретил. А тут ветерок. А боцман сказал, чтоб я не вздумал нигде на леерах и надстройках сушить. А про гафель ничего не сказал.

Кондрат взвыл.

— Господи, — воззвал Колчак. — Не за то прости, что не верую, а за то, что не утопил давно эту суку. Рви!!!

Груня посмотрел на него с мучительным недоумением. Затем возникло впечатление, что в голове у него что-то переключилось, взгляд и весь облик сделался затравленным и готовным, даже казалось, что он опустил на четвереньки, чтобы придать себе еще более виноватое собачье выражение. Он вцепился в злосчастные трусы, дернул, наступил ногой и рванул — раздалось слабое подобие выстрела, ткань треснула и разошлась.

— Топи!

Два влажных комочка улетели за борт.

— Боцман!

— Есть.

— Двадцать линьков! По ягодицам! Об-на-женным! Только не на палубе. Сейчас!

— Есть.

— Полудюймовым шкертом. С узлом!..

Разрешив таким образом конфликт ко всеобщему облегчению, он вынул обойму и выбросил патрон из патронника: покотившийся по палубе патрон мгновенно поймали, подали, стали улыбаться.

— Прошу запомнить всех, и в первую очередь — уважаемого председателя революционного военного комитета, какового сейчас не шлепнул только по своей офицерской выдержке.

— Так точно, — сказал Шурка, взвешивая, не пора ли распустить эту вредную для здоровья своего председателя организацию. Все равно — уже дошли...

— Отправлять командира в сумасшедший дом никому из вас, сволочей, я не позволю. А он был сейчас к тому близок. Если же еще раз повторится нечто подобное — реввоенсовет ликвидирую. Можете понимать это как хотите. А узнаю, что у кого есть красные трусы — лично отконвоирую вообще без трусов в гей-клуб, такой в Москве есть, и прослежу, чтоб использовали без вазелина. Вопросы?! Разойдись!!

6.

В двадцать один час все собрались перед телевизором. Ждали своего сообщения. Прошли события в Чечне и на Балканах, прения по бюджету в Думе, сообщение пресс-секретаря о здоровье президента, полноценно работающего с документами в Барвихе, наводнение в Китае — после чего пошли реклама и футбол.

Напряжение сменилось недоумением. Злой Ольховский начал дозваниваться на телевидение, и сумел даже прорваться в редакцию новостей, где никто ничего не знал. Позвали кого-то компетентного.

— Представьтесь, пожалуйста, — предложил вежливый казенный голос.

— «Аврора»! Слышали?

После недолгого молчания голос с почтительным придыханием осведомился:

— Простите, пожалуйста, вы — Яков Беме?

— Что еще за бе-ме!? Какой Яков! — взорвался Ольховский. — Тыкову дали тыблоко!

— Что? Кому дали? Вы можете повторить?

— Вам был передан пакет с сургучными печатями с крейсера «Аврора». Вы его получили?

— Сюжет о прибытии крейсера прошел в утренних новостях. А какой у вас вопрос?

— Такой, что «Аврора» готовится произвести выстрел по городу!

— Успокойтесь, пожалуйста. По какому городу?

Ольховский зашипел и плюнул кипятком, как чайник.

— Я — командир крейсера «Аврора» капитан первого ранга Ольховский!

— Так бы сразу и говорили, — разочарованно сказал голос. — Вероятно, вам нужна передача «Армейский магазин»?

«В брюхо тебе магазин», — бросил в сторону Ольховский.

— Я передал в вашу редакцию сведения о выстреле «Авроры», — как можно вразумительнее объяснил он.

— Так. И что вы теперь хотите? Узнать их судьбу? А какие сведения?

— О выстреле!

В трубке заиграла музыка, и женский голос крикнул на нерве: «Саша, еще раз будет такая подлянка со строкой — вылетишь на хуй с работы!»

— Если вы не смените тон — я брошу трубку, — отреагировал голос. — Во-первых: откуда у вас такие сведения?

— Ну и хрен с вами!! — Ольховский шарахнул телефон и высунул голову в иллюминатор — охла-

даться. — Только пусть потом интервью не просят... во репортеры, понимаешь!..

Он неприятно задумался о переоценке роли своей личности в истории и прибег к знакомству — набрал записанные телефоны княжны Сорбье, энтэвэшницы. Все-таки этот канал считается наиболее оперативным и интеллигентным.

Рабочий телефон, понятно, не отвечал, а домашний интимно прокурлыкал: «Здравствуйте! Я сейчас в гостях, или в ванной, или гуляю с собакой. Оставьте сообщение после сигнала, целую».

— Поцелуй себя в жопу, — грубо сказал Ольховский.

Ну суки. В этом городе не захочешь — да выстрелишь.

7.

Ближе к полуночи на набережных стало наблюдаться какое-то не совсем обычное для города движение. Прохожие и легковые автомобили исчезли совершенно, проносились редкие дребезжащие грузовики, набитые плохо различимыми в свете фонарей людьми, иногда где-то что-то хлопало. Явно в городе что-то готовилось и назревало. Со стороны Полянки донесся звук, похожий на дробный строевой шаг. Кажется, «Аврора» явилась как нельзя кстати. Впрочем, уже много лет Москва жила с непрекращающимся ощущением того, что завтра что-то будет.

8.

Без четверти двенадцать Ольховский дал команду:

— Баковое орудие к бою!

Пронесся расчет, протащили бегом тяжелые снарядные ящики.

И тут оказалось, что не все в Москве равнодушны к имеющему произойти событию. Потому что по правому борту приблизился исправно несущий ходовые огни катер, и из него окликнули с самоуверенным акцентом, в который как составляющая вплеталась некая доза снисходительной приветливости:

— Господа моряки! Прошу немного вашего внимания. Это телевидение Си-Эн-Эн.

— О?! — рывкнул темный мостик. — Н-ну?!

— Не могли бы вы произвести ваш исторический выстрел утром?

— Это еще почему?

— Сейчас темно. Утром будет светло.

— И что?!

— Будет хорошо видно. Будет общественный резонанс. Наши новости видит весь мир. Сейчас плохо видно.

— Спустить им гранату для их же пользы, что ли?.. — раздумчиво сказал мостик другим голосом. — Вот бляди. Резонанс...

— Мы готовы заплатить за эксклюзивное право трансляции, — предложили с катера. — Валютой.

— Кормовой зенитке — утопить этого коммерсанта!!!

— Мы журналисты! — поспешно объявил катер. — Мы имеем аккредитацию. Есть международная конвенция.

— Заряжай! — отозвался мостик, и катер сорвался с места, не будучи осведомлен, что все это чистой воды детский розыгрыш — малых калибров вообще и зениток в частности на «Авроре» не было с сорок седьмого года.

Непосредственно вслед за чем здесь же пристопорил и стал тихо подрабатывать, держась на месте, нарядно освещенный прогулочный теплоход, полный мужчин в вечерних костюмах и дам в мехах. Стюарды разносили коктейли. В окна салонов были видны зеленые карточные столы и стойки баров. Все лица были обращены к «Авроре». То здесь, то там

вспыхивали спонтанные овации. Теплоход назывался «Метелица».

— «Метелице» — мети вон отсюда немедленно!

— Вы чего, братишки! — дружелюбно закричали оттуда. — Штука грин за билет, мы же только посмотреть! Здесь не приватизировано. Имеем право. В натуре, мы мешать не будем!..

Над Кремлем вдруг взмыла с рассыпчатым шипением красная ракета, заломив дугу над бело-золотой колокольней Ивана Великого. Словно по этому сигналу, из-за деревьев Александровского сада вылез негромко рокочущий вертолет и положил сверху косой прожекторный луч прямо на бак, где расчет вытянулся перед орудием. Сигнальный мостик ответно полоснул своим прожектором вертолет, на брюхе которого обнаружили буквы, разумеется, «TV CNN»; оператор свесил ноги из дверцы и наводил камеру.

— Тьфу, — сказал Ольховский и отвернул обшлаг шинели, взглянув на флюоресцирующие точки и полоски «Командирских». Выждал оборот секундной стрелки:

— Стрелять баковому орудию! Ориентир первый! Прицел ноль! Уровень тридцать-ноль! Угломер больше десять! Взрыватель осколочный! Заряд полный! Один снаряд!..

Пришли в движение фигуры на баке, лязгнул открываемый затвор. Прицельные установки при отсутствии прицела были излишни и даны от лукавого — для полноты эффекта, чтоб подчеркнуть детальным соблюдением уставной процедуры значимость происходящего, или же включали в себя игру на публику, или во власти возбуждения Ольховский в самом деле забылся и пошел на рефлексах. Шурка наклонился и, заглядывая в ствол, положил по верху пейзажного кружка, вырезанного дулом, зеленый купол Дома Союзов. Повел штурвалом горизонтальной наводки направо, выгадывая, с учетом дистанции и снижения снаряда, примерный центр кремлевской территории. Подумал и повернул чуть книзу, коснув-

шись нижним обрезом крепостного зубца: пройдет над стеной, а там сам найдет.

С мягким металлическим чмоком зашел в замок досланный снаряд, вдвигаясь медным пояском в нарезы. Звякнула о край замка гильза. Щелкнула под рукоятью запорная пружина.

Тягучая пауза подвесила мир на волоске.

Сыпанули башенные куранты четыре четверти, и с первым ударом (Все? Все!) мостик негромко и четко закончил команду:

— Огонь!

Оранжевая простынь дунула из задранного к Кремлю ствола. В мгновенной вспышке высветился весь нос крейсера, угольные тени прыгнули от щита и фигур. Туго отскочил назад в откатнике ствол, вздрогнула палуба под ногами. Тяжко и звонко грохнуло по ушам, ударило воздухом. И гремящий шелест улетел к красно-бурым башням с рубиновыми звездами и золотыми двуглавыми орлами.

— Выстрел! — отозвался наводчик, топнул ногой и дико швырнул бескозырку вверх.

9.

— Ура-а! — нестройно и с несерьезным энтузиазмом, как в новогодний салют, закричали на теплоходе. Там неслышно захлопало шампанское, и пенные струи заляпали фужеры и палубы.

— Полундра!! — грянул крейсер.

Разрозненные выстрелы застукали в городе, и кое-где пятнами стало гаснуть электричество, словно отдельными кусками начал исчезать городской пейзаж.

Непосредственных событий за этим последовало два.

— Раз, два, три, четыре, пять... шесть... — отсчитал секунды Ольховский. — Сигнальщик!

— Разрыв не наблюдаю, — доложил сверху Сергея Вырин.

То, что не был отмечен разрыв, особенно удивлять, в общем, не могло. Только в кино разрыв снаряда изображается сполохом бочки бензина. Вспышка шестидюймового снаряда в освещенном городе малозаметна, а из-за высоких кремлевских стен, ночью, когда не засечь фонтан пыли и мелких обломков, увидеть ее скорее всего и невозможно. Иногда и артнаблюдатель теряет свой разрыв. Но звук разрыва на таком расстоянии должен был отдалиться достаточно отчетливо. Хотя — городские шумы и постройки дробят и поглощают звук, как глушитель... Выждали еще несколько секунд. Черт. Неужели не разорвался?

Впрочем, это было не так принципиально. Не в прямом разрушении дело. На него никто и не рассчитывал. Один, без точного прицела посланный снаряд среди массивных каменных построек ничего особенного сделать и не мог бы.

Если это отсутствие видимых последствий считать первым последствием, то второе, при всей внешней несравнимости своего исторического масштаба с первым, было гораздо нагляднее. И даже давало удовлетворение, компенсирующее некоторую досаду от первого.

Вертолетик, как бы являя иллюзию экстерриториальной непричастности к происходящему и тем самым неуязвимости, что вообще свойственно действиям журналистов в горячих точках, особенно чужих, вертолетик висел недостаточно далеко от траектории бешено ввинчивающегося в воздух тупорылого гаубичного снаряда, гнавшего перед собой, в согласии со всеми законами баллистики и аэродинамики, купол ударной волны, таранящей и метущей воздушный тоннель. Задетый и сбитый с места этим тараном, вертолет подскочил в воздухе, мотнул хвостом, накренился, захлебываясь взвыл и, отчаянно взбив перекосенными лопастями, шлепнулся в темную воду.

Из него мгновенно выбрались пилот и оператор с помощником и, судорожно задыхаясь от холодной

воды, забили руками, гребя к близкой набережной. Вертолет, обратившись кверху выпуклым остеклением носового блистера, быстро погружался. Из кабины вырвались с болотным бульканьем несколько огромных пузырей, косо задранная лопасть качнулась и плюхнула по воде, и он спокойно затонул. Камера с отснятой пленкой, очевидно, утонула вместе с ним.

10.

Ночью на крейсере долго не могли заснуть. Чистили оружие, ждали новостей.

Проклятый плавающий кабак отвалил, на прощание какая-то пьяная сволочь запустила с него в борт бутылкой.

Ольховский, сложив руки за спиной, расхаживал по каюте в длину ковра: пять шагов вперед, пять обратно. Колчак каждый час поднимался на палубу, обходя вахтенных.

В городе все стихло. Странная ли это тишина стояла над Москвой, или это только чудилось возбужденным нервам, — трудно сказать.

В четверть шестого утра грянул телефон, подключенный к городским сетям.

Ольховский резко, как волк, повернулся на месте, сделал три строевых шага к аппарату, с прямой спиной снял трубку:

— Да!

— Я вас, наверное, разбудил? Простите, — вежливо и с непонятной раздражающей насмешливостью (показалось ему) извинился молодой голос. — Общественное российское телевидение беспокоит. Могу ли я говорить с командиром крейсера «Аврора» господином капитаном первого ранга Ольховским?

— Слушаю.

— Петр Ильич, это из передачи «Доброе утро». Телефон нам сказали в редакции новостей. Там был страшный скандал по поводу того, что они в вечер-

нем выпуске не дали ваше послание, или ультиматум, как правильно сказать?

— Неважно.

— Мы очень хотим пригласить вас в сегодняшний выпуск. Вы бы могли приехать в студию? Машину за вами мы вышлем.

— Хорошо.

— Через полчаса машина будет на набережной, внизу вас встретят. Подождите, не кладите трубку, — еще: вы бы могли взять с собой еще пару человек, лучше матросов — ну, чтобы хорошо смотрелись в кадре, для колорита, так сказать?

Ольховский успел принять душ, побриться, сменил сорочку. Шурка и Бохан спешно наводили на себя марафет.

Катер с дремлющим ментом болтался под бортом. Сержант закусывал на камбузе. Со своим отделением они договорились вчера по рации удивительно быстро и легко, и сменяться отказались: аренда и зарплата отваливалась посменная.

«Рафик» подкатил, издали мигнув фарами. Темное утро пахнуло автомобильным теплом и кожей сидений. Придерживая маузеры, охранно-колоритная пара полезла за Ольховским внутрь.

Водитель молча газовал, но молодой человек, сидевший впереди рядом с ним, вертелся и жужжал, как говорящая юла.

— Бабахнула шестидюймовка авророва! — с какой-то развратной фамильярностью цитировал он, словно все классики были банальными плагиаторами и его личными должниками. — Спокойно трубку докурил до конца, спокойно улыбку стер с лица. Вы случайно трубку не курите? Жаль, это бы хорошо смотрелось. Мы уже музыку подобрали к сюжету, и перебивки хорошие. А волны и стонут и плачут, и бьются о борт корабля. Вашу охрану тоже посадим, чуть-чуть позади, только не раздеваясь, вот так очень хорошо, жарко, конечно, будет под светом, но ничего. Ребята, вы какой год служите? С нами Бог и андреевский флаг.

Он слал вопросы, как выбрасывающая теннисные мячи машина, а собеседник служил лишь стенкой, чтоб мячу было обо что стукаться и отскакивать, и чтобы тут же отправить его снова — вопросы содержали в себе и ответы, и самодостаточную информацию о собеседнике в нужной интонации спортивного комментатора, а большего как бы и не подразумевалось.

«Рафик» с влажным шелестом неся по темным и пустым улицам, редко прочеркнутым приглашенными вывесками, проскакивая на желтый и кренясь на поворотах. Заложил вираж вокруг памятника Маяковскому, рванул по Тверской и через минуту, свернув в проулок и ринувшись в огромную арку, осадил у дубовых дверей, которые могли бы служить башенными воротами.

— Приехали! — весело объявил сопровождающий, и моряки вылезли. — Как Петрович ездит, а? Ас! — он похлопал шофера по плечу. — Айн минут! — Посмотрел на лица и счел нужным пояснить: — Ближняя студия! Для оперативных сюжетов. Ну, сами увидите.

Свет желтых фонарей перед фасадом, стилизованных под старину, почему-то напомнил Ольховскому рыбий жир, хотя он никогда в жизни не думал о рыбьем жире и даже в детстве его не пил. Сам же фасад, мрачноватый и казенно-величественный, вызывал смутные ассоциации с Главным управлением кадров ВМФ, где он был однажды много лет назад. Вообще Ольховский за всю жизнь посещал Москву лишь два раза, так сложилось.

— Поэзия вся — езда в незнаемое! — со своей жизнерадостной благоглупостью воскликнул телемальчик и с усилием оттянул тяжелую дверь, пропуская его вперед.

Вестибюль также не имел ничего общего со вчерашним бесприютным Останкино. Это был высоченный холл с лепным потолком и росписью на стенах, изображающей батальные сцены из русской истории. На одной из фресок, меж ложных колонн русского неоклассицизма, в водяных фонтанах разрывов резал

хмурые волны броненосец, соединяющий в профиле черты «Осляби» и «Бисмарка». Орудия его изрыгали огонь в горизонт, где маячил силуэт другого броненосца, в который талант мариниста каким-то образом сумел вложить выражение плосколицести и узкоглазия: сразу делалось ясно, что это японец, а битва изображает Цусиму. Ольховский невольно задержал на ней взгляд: изображение обладало странной наивной убедительностью, и от него мгновенно передавалась обреченная тоска.

Простеленный ковровой малиновой дорожкой мраморный пол перегораживала дубовая стойка. В ее проходе стоял солдат с повязкой на рукаве и штык-ножом на поясе.

— Удостоверения, — сказал он.

Внимательно рассмотрев удостоверение личности Ольховского и военные билеты матросов и сличив фотографии, он наклонился к столу за барьером и по дырочкам оторвал из книги три заполненных пропуска. Половинки их вручил вместе с документами, а корешки нанизал на штык-нож и сунул его обратно, так что встопорщившиеся края бумажек торчали зажатými меж гардой и краем желто-коричневых пластмассовых ножен.

— Вам второй этаж, кабинет двести один.

Оставшийся за барьером телемальчик помахал им и сказал:

— Счастливо! — так, что услышался подтекст.

Все это вместе вселяло легкое беспричинное беспокойство — свойственное, впрочем, преддверию любого нового или серьезного дела. Поднимаясь по лестнице, Ольховский успел подумать, что вообще-то ведь можно ждать чего угодно: что это ловушка ФСБ, или контрразведки ГРУ, или президентской охраны, или мало чего в Москве есть еще, неизвестного непосвященным морякам.

На лестничной площадке раскинулся на стуле камуфляжник с пристроенным на колене «кедром». Он не только не встал, но даже не повернул головы,

продолжая смотреть перед собой и процеживая идущих сквозь неподвижную линию своего взгляда, параллельную с автоматным стволом.

В коридоре была та же малиновая ковровая дорожка с зелеными полями, гасящая шаги. Мягкий свет плафонов поглощался темными панелями в уровень роста. Коричневые дерматиновые двери в длинный ряд отблескивали по периметру и крест-накрест латунными пуговками обойных гвоздей.

Найдя нужный номер, Ольховский постучал в деревянный косяк. После повторного стука из-за двери донесся неразборчивый утвердительный звук.

Шагнув, Ольховский понял, с какой именно точки оформилось его беспокойство: часовой внизу, назвав номер, сказал не «студия» или «комната», а «кабинет».

Это был именно кабинет, очень просторный и притемненный. Окна были завешены сборчатыми шелковыми шторами. Во всю стену висела огромная карта Москвы, утыканная по восточной окраине флажками. Половину площади занимал неохватных размеров стол, выхваченный светом двух ламп под зелеными отражателями.

На столе была собрана железная дорога — из самых дорогих, миллионерских игрушек: с вокзалом, пакгаузами, перронами, мостами, тоннелями, семафорами, со множеством ветвящихся рельсовых путей и стрелок, и даже с поворотным кругом для локомотивов и красненькой водокачкой. По ней бегали, ловко расходясь друг с другом, черные паровозики, таща и толкая зеленые пассажирские вагоны, коричневые товарные и желтые цистерны.

Над дорогой склонился невысокий массивный человек, обтянутый кителем с маршалскими звездами на погонах. Держа в левой руке пульт, а в правой бильярдный кий, он выводил с дальнего края бронепоезд, состоящий из трех серых коробочек с трубой на средней и пушками по концам. Стрелку под табличкой «запасной путь» заело, и он старался придержать ее кием, отдергивая его под самым бронепоез-

дом, который не успевал заползти на рельсы, ведущие в общий лабиринт. Вдоль паровоза чернела мелкая, но очень четкая надпись: «Анатолий Железняк».

Колесико первого вагона соскочило со стрелки, и бронепоезд, жужжа, уткнулся в полосатый шлагбаум тупика.

Человек в маршальских звездах выматерился, перехватил кий за тонкий конец и с размаху сломал его о спину стоящего рядом портновского манекена в генеральском мундире.

Его лицо показалось Ольховскому давно и отлично знакомым, но он не успел додумать и понять, кто же это: заметив его, маршал вцепился тяжелым давящим взглядом и спросил грубым низким голосом, отшибающим саму возможность думать:

— Кто — ты — такой?!

Вопрос был задан с такой непререкаемой и угрожающей властью за пределом хамства, что из Ольховского автоматически вылетело:

— Командир крейсера «Аврора» капитан первого ранга Ольховский!

Помимо всякого сознательного усилия ноги его сдвинулись, плечи расправились, подбородок задрался. За спиной стукнули каблуки матросов.

Маршал посопел, раздувая ноздри.

— Я — тебя — не — спрашиваю — кто — ты — такой!! Я — тебя — спрашиваю — откуда — ты — взялся!!

— Из Петербурга!

— Где — ты — был — до сих пор?!

Воздуха в легких для ответа не было, и его пришлось поспешно набирать.

— В походе. Переход. В сложных навигационных условиях. Узкости... товарищ маршал. — Ощущая неудовлетворительность своего доклада и не зная, что еще добавить или сделать, Ольховский взял под козырек.

— Я — тебя — не спрашиваю, где — ты — шлялся! Я — спрашиваю, кто — приказал — оставить — Петербург?!

Вот и вделся, бессмысленно залихорадило Ольховского. Вот и вделся. Вот и вделся. Вот и вделся. Как просто. А на что я надеялся. А на что я надеялся.

— Н-ну?!

Единственно правильным ответом, хотя и не соответствующим действительности, было: «Командующий Балтийским флотом». И Ольховский сказал это, не в силах противиться приказу, чтобы сказать хоть что-то, но вместо этого услышал свой голос:

— Согласно общего плана, товарищ маршал!

Глыба молчания обвалилась на него и сокрушила остаток мозгов вместе с включившимся было автопилотом.

— План — здесь — один. Мой.

— Так точно, товарищ маршал!

— Расстрелять.

И, потеряв к нему всякий интерес, маршал отвернулся, взял новый кий из прислоненного к стойке ряда и потянулся над железной дорогой, где как ни в чем не бывало открывались и закрывались светофоры и постукивали на миниатюрных стрелках колесики.

Однозначно уведомленный о своей участи, Ольховский перевел дух с отстраненным равнодушием и даже облегчением, рожденным из принципа «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас».

Поковырявшись с застрявшим бронепоездом и сломав кий о спину генерал-манекена, маршал обернулся и, как бы увидев его впервые, повесил в воздухе раздельный рык:

— Ты — чего — стоишь?!

Его лопатообразный подбородок полез вперед, тень легла в ямку, граненую, как от острия большого гвоздя. Редкие, коротко подстриженные седоватые волосы были приглажены по каменному черепу.

— Жду конвоя, товарищ маршал.

— Обойдешься без конвоя. Приказ — получил?!

— Никак нет, товарищ маршал.

— П-о-ч-е-м-у?!

— Виноват! товарищ маршал!..

Маршал только сейчас, похоже, обратил внимание на двух матросов у двери и задержал взгляд, словно взвешивая, не приказать ли им пристрелить виновного офицера прямо здесь на ковре.

— Приказ получишь внизу. Цели указаны там. Наметишь ориентиры. Сосчитаешь прицелы. Срок тебе сообщат. Снаряды получил?

— Так точно, товарищ маршал!

— Сколько?

— Семьдесят два в наличии, товарищ маршал!

— Мудак.

— Есть!

— Получишь еще.

— Есть!

Маршал перестал его видеть и склонился над столом. Ольховский отчеканил оборот налево кругом и рубанул строевым. Матросы без команды в ногу взяли «на месте шагом марш» и вышли в затылок. Так и спустились.

Автоматчик пропустил их через холодную ухмылку.

Сдавая часовому пропуска, Ольховский вопросительно произнес:

— Приказ.

Солдат нажал кнопку на стойке. В стене вестибюля сбоку стойки открылось маленькое квадратное окошко с прилавком, как у старомодной кассы. Моряки подошли. Руки в зеленых обшлагах с узкими красными кантами выложили на прилавок открытую конторскую книгу. Карандаш поставил галочку на странице. Ольховский расписался поданной в окошко перьевой ручкой.

— Точное время проставьте, — тихо приказал невидимый обладатель рук.

Книга исчезла, и на ее место лег красный пакет с черным грифом в правом верхнем углу: «Секретно». На обороте он был опечатан красной сургучной

печатью с пятиконечной звездой и перекрещенными винтовкой и шашкой.

Перед тем, как выйти наружу, Ольховский, поколебавшись, подошел к часовому, или дневальному, кто он там был, и спросил вполголоса — как бы сам отлично зная ответ и не сомневаясь в нем, но уж для полного и бесспорного подтверждения:

— Солдат, кто, значит, сейчас в двести первом хозяин?

Солдат пожал плечом и, глядя мимо, ответил так же негромко и с сочувствием, как сочувствуют слабоумным:

— Хозяин.

И, снисходя к позе Ольховского, продолжающей выражать вопросительность, еще приглушеннее уточнил:

— Жуков. Кто же.

Быстро дошли до угла Тверской, где уже начиналось утреннее движение, и только там, остановившись, дружно и жадно закурили.

— Еб твою мать, — сказал Ольховский.

Шурка снял бескозырку и стал обмахивать лицо.

У Бохана вдруг ручьем полило из носу, и он со шморгом вытер его рукавом.

— Слушай, где тут винный круглосуточный? — спросили у раннего торопливого прохожего.

— Винный? Это две остановки в ту сторону. А вон за тем углом, там бар есть круглосуточный.

— Так. За мной. Пошли врежем.

11.

В «Добром утре» Ольховский не появился, до телевидения дозвониться не удалось, и на крейсере имело место некоторое беспокойство. Утреннюю приборку провели с тщанием, завтракали без аппетита; построились к подъему флага.

Командовал старпом. Горн пропел с печальной угрозой и выжиданием.

Город выглядел до разочарования и скуки обыденно. Разве что глаз москвича отметил бы некоторую разреженность городского движения. Возможно благодаря этой разреженности, привлекали внимание дорогие репликеры — как в идеальном состоянии, так и «помойки на колесах». Если отделанный лаковым деревом «руссо-балт», выставившийся через мост, как борзая, был явной причудой магната, то громоздкий «паккард» — судя по тяжелой плавности хода и осадке рессор, бронированный, — мог принадлежать только главе серьезной группировки; обладатель же хлопающей полуоторванными крыльями «эмки» наверняка был недавним членом автоклуба.

Ситуация выходила глупая. Получалось, что удар ушел, как вода в песок. Неясность ближайших перспектив нарушала душевное равновесие. Отсутствие реакции несколько поражало. А где нет сопротивления — там куда гнуть и чего ждать?

Смотрели телевизор — чего еще пока делать.

И немедленно же, в репортаже с утреннего заседания Госдумы, обнаружилось, что реакция есть. Включили не с начала, и зачин напористых фраз Жириновского, к сожалению, пропал.

— ... и правильно, что открыли огонь по этому осинному гнезду! — кричал любимый актер электората своим шершавым баритоном, агрессивным, как гвоздодер. — Давно пора было! Раньше надо было «Аврору» вызвать, чтоб навести наконец в Москве порядок!

Торчащие из своих деревянных озвученных гнезд в амфитеатре депутаты издавали неразличимый ропот в тональности бунта. Бревноподобные складки на затылке лысого бровастого коммуниста наливались кумачом знамени.

Спикер безуспешно пытался придать своему голосу стук молотка:

— Владимир Вольфович! Я требую вашего воздержания от подобных заявлений!

— Воздержания вы требуйте от своей жены, когда летаете полгода по всему миру за казенный счет!

Да, я говорю: правильно! разнести этот город в хлам! Чего здесь хорошего? Дети погибнут? — нация оздоровится! Дебилы нам не нужны! А столицу перенести в Петербург!

— Отключите микрофон! Вы слышите? — отключите микрофон!

— Всей команде — Героев России! И собирайте чемоданы — когда здесь начнут рваться снаряды — ваше воровство кончится!

— Я объявляю перерыв заседания! Уберите журналистов из зала! Я сказал — уберите телевидение!

После чего на экране возникла дикторша и с явным сожалением сообщила:

— На этом репортаж был прерван. Продолжение этих событий вы увидите в нашем следующем выпуске.

Кают-компания загалдела, засмеялась облегченно, заплодировала. Сладко потягивались: процесс пошел.

Через полчаса врубились новости НТВ:

— Находящийся на плановом профилактическом обследовании в центральной клинической больнице президент Борис Ельцин подписал сегодня утром новый указ.

Возник очередной пресс-секретарь президента, состоящий из лысины, щетины и ушей. Он принадлежал к числу тех людей, которые производят впечатление абсолютной лживости еще до того, как откроют рот.

— Борис Николаевич Ельцин два часа назад подписал указ, в котором говорится, что распространяющиеся в последнее время слухи о политическом кризисе в стране есть злонамеренная клевета. Здоровье президента позволяет ему полностью выполнять все его функции. Основное содержание указа касается перемещения в Москву из Санкт-Петербурга, как в столицу, крейсера «Аврора». Этот шаг имеет чисто политическое значение, как дальнейший этап в развитии преемственности лучших традиций российской

истории и — и яркая демонстрация крепнущего единства возрождающейся армии, флота и всего российского народа. Этим указом вносится полная ясность в вопрос, что все происшедшее выполнено в полном и четком соответствии с волей и решением президента Российской Федерации.

На канале РТР сам президент, в пуловере и рубашке с мягким воротом, громоздко поместился в узком ампирном креслице между мозаичным столиком и карликовым японским лимонным деревцем; менее всего этот интерьер вязался с представлением о больнице и, если говорить о лечении, напоминал суперэлитный дом хроников.

— Сограждане! — произносил президент. — Вчера я подписал указ. Он касается перемещения в Москву — как в столицу России — из Санкт-Петербурга крейсера «Аврора». — Президент говорил по обыкновению с затяжными паузами между отдельными словами — как если бы он из плывущих на аэропортовском конвейере чемоданов вытаскивал по мере приближения отдельные свои, увиденные среди длинного ряда незнакомых и ненужных. — Этот шаг. Имеет. Чисто политическое, — он поднял палец, — значение. Как дальнейший, — сощурился, — Шаг. В развитии. Преемственности. Лу-учших традиций! Нашего прошлого. И дальнейшая... демонстрация! крепнущего единства! Армии и. Флота. С наро-одом! Так что все сделано... в по-олном согласии! С волей президента. Президе-ент — контроли-ирует — ситуа-ацию. — Он снова поднял палец и подержал его так с видом ребе, истолковавшего бедняку мудрость Господней программы относительно его горестных дел.

Озвучив таким образом текст своего пресс-секретаря с соседнего канала, он исчез.

— Так, — сказал Мознаим. — То, что мы здесь стоим в соответствии с волей президента — это хорошо. Но... как будет с жильем?

«Хорошо» означало, что у него оставалось еще пятнадцать тонн топливного мазута, который по слу-

чаю новой вечной стоянки можно благополучно загнать. «С жильем?» следовало понимать так, что борьба за квадратные метры вступила в новую фазу: хороший московский метр равняется небольшой петербургской комнате. Каковой комнаты ему как раз хватало для перманентной личной катастрофы.

12.

Преимущества выпивки с утра давно исследованы. Утро и так вечера мудреней, а расширяющий сосуды и взбадривающий нервы алкоголь накладывает на перспективу еще цельного дня оптимизм приятных возможностей. Все только на работу, а нам уже хорошо.

Утренняя Тверская уже шумела вовсю, когда моряки вышли из бара в расположении духа, близком к геройскому. У края тротуара Шурка поднял руку. Первая машина проехала мимо, вторая вильнула и обдала грязным веером из-под колеса, а номером третьим цокала подковами по мостовой лошадь, впряженная в прогулочно-экскурсионную пролетку. Бородатый кучер в декоративном синем армяке натянул вожжи.

— Тпру-у, — сказал он. — Вам куда?

— Да нам машину, — с сомнением сказал Шурка.

— А какая разница? Сейчас везде пробки, машина быстрее не будет. А здесь город посмотрите, воздухом подышите, покурите спокойно. Закапает — фартук поднимем. Возьму как все.

Воздух состоял в основном из двуокисей углерода и серы и недогоревшего от плохой регулировки низкосортного бензина. Дышать им хотелось лишь в меру необходимости.

Но никто из троих никогда не ездил в конном экипаже — лишь иногда наблюдая эти музейные извозчицы пролетки на улицах: в них было что-то от детского праздника и одновременно от шика небедных гуляк.

— Вообще-то нам на Пречистенскую набережную. Ближе к Храму, — колеблясь, сказал Ольховский.

— Сорок рублей устроит? Садитесь.

Не успели тронуться — заморосило. Под надвинутым кожаным тентом сделалось необыкновенно уютно. Это напоминало детское ощущение от переживания дождя в самодельном балагане. Только этот балаганчик покачивался и плыл над вонючими автомобилями.

— По бульвару поедем или через Манежную? — спросил извозчик.

— А как быстрее?

— А так на так выйдет. Вы не против, если я бороду сниму? Чешется после ночи.

Он стащил бороду вместе с усами, закрепленную на резинке под шляпой, и оказался интеллигентным человеком с усталым изжелта-серым лицом. Поскребся и удовлетворенно покряхтел.

Лишенное маскировки, теперь на его лице открылось выражение горького и неуверенного достоинства, которое в девяносто втором году навсегда приобрели бывшие работники умственного труда, каковой труд был не столько умственным, сколько необременительным и сносно оплачиваемым оплеванной соввластью. В соответствии с этим выражением, он недолго искал поводов к разговору.

— Порядок прибыли наводить, авроровцы? — спросил он с маневренной усмешкой, которую одинаково удобно и правильно обернуть как иронией над собеседником, так и солидарно взывающей к собеседнику иронией над предметом разговора.

— Почему вы решили, что мы с «Авроры»? — польщенно изумился Ольховский, стряхивая пепел с сигареты неловко так, что его задуло ему в рукав. — Что, уже знаете?

— А что тут знать, — извозчик кивнул на матросов. — На лентах у вас что написано — или это внутривидовая мимикрия?

Я устал, подумал Ольховский. Черт, что такое мимикрия — приспособляемость? Чертов город с академиками на козлах.

— Вы раньше кем работали? — спросил он, и через пять минут проклял свою вежливость: у извозчика произошло недержание речи. Всю ночь он искал седоков и выслушивал их похвальбу, критику, деловой жаргон и поучения, а разговаривать с лошадьёю он считал литературным плагиатом ниже своего достоинства.

Он был биологом, он был доцентом, он принадлежал к боковой ветви рода Вавиловых, а теперь он работал в зоопарке, брал в почасовую аренду лошадь с повозкой, армяк и бороду купил на распродаже бутафории обанкротившегося театра, и если бы не спонсорство Грегпреасе'а, подход бы с голоду вместе с семьей и лошадьёю, потому что овес нынче дорог, а от хлеба у лошади болит живот.

— Вот четыре дня назад катал ночью одних, в туалет мне понадобилось, у Белорусского вокзала остановил, я не могу как-то на тротуаре, знаете, мочиться, возвращаюсь, так они ведро у уборщицы взяли, водки туда налили, пивом развели и напоили. Она как рванет с места, ржет, еле остановил, а она встала тогда, головой мотает и плачет, вот такие слезы из глаз катятся. А они хохочут, вот, говорят, русская душа, или вскачь, или в слезы. Это что, люди, я вас спрашиваю? Ну что, можно с такими людьми жить?

— А что ж вы ночью работаете?

— А днем она занята.

— Чем?..

— А днем ее другой арендует, ветеринар. Он раньше меня устроился, так что мне только ночь осталась.

— Так она ж подохнет!

— Типун вам на язык, — сказал доцент-извозчик и перекрестился.

— А о чем зоопарк-то думает?

— А он с аренды, что я ему плачу, корм для животных покупает. Лошадей много, а львы дороги... им мясо нужно.

Ольховский вытянул из кармана шинели сложенный пополам красный пакет и посмотрел на него. Он собирался вскрыть его в каюте. Вскрывать секретный пакет с боевым приказом в баре не подобало. Как, впрочем, и на извозчике. Но выпив, отдышавшись и придя в себя, он отметил совершенное нежелание гвоздить по целям Генштаба (или кого бы там ни было) в Москве — пусть сумасшедшем городе, но в сущности заслуживающем жалости. Кроме того, было ясно, что в этом случае он становится крайним, и его головой пожертвуют в первую очередь.

Он зубами оторвал угол необыкновенно плотной неподатливой бумаги и разодрал пакет по краю.

В нем оказалась сложенная в восемь раз карта Москвы, отпечатанная в одну краску четким угольным штрихом. Она пестрела красными значками. По верху крупным твердым почерком значилось:

«Схема минирования ключевых объектов г. Москва». Вкось левого угла — резолюция: *«Утверждаю».* В правом: *«Ответственный».* Подписи неразборчивы. Внизу стояла дата: *«17 октября».*

На приложенных одиннадцати листах шел перечень зданий, электростанций, водонапорных станций, радиостанций, железнодорожных станций, продовольственных складов и мостов. Против каждого пункта указывался расход взрывчатки.

Пожевав губами, Ольховский пробормотал:

— Ну, это уже слишком. — И откинулся на сиденье. Шурка присвистнул.

— Ох да ни хуя себе... — протянул перегнувшийся Бохан, капая из носу на красный треугольничек у Большого театра.

Посовещались. Действительность превзошла их скромную мечту. Как часто бывает в военных верхах, им дали не тот приказ. Наказание должно было последовать как за невыполнение своего, так и за осведомленность о чужом. Выход?

«Слышал я об этом... да не верил», — похлопал Ольховский по карте.

— Есть закон, — сказал Шурка. — Опасную информацию — сбрось. Тогда ты будешь уже никому не нужен.

— На телевидение надо, чтоб передали, — предложил Бохан.

Шурка захохотал. Ольховский поморщился.

— Извозчик! Гони в Думу!

— Точно! Там ор поднимут!

— Ксерокс надо снять на всякий случай!

— У них прямо там ксероксы должны быть.

— Вообще охренели — весь город взрывать...

У главного подъезда Думы в Охотном уже собралась обычная мелкая демонстрация — с парой невнятных лозунгов и неразборчивыми призывами. В дверях то и дело показывались два-три молодца в малиновых пиджаках: они выносили на руках очередного сопротивляющегося мужика. На «раз-два-три» его, качнув, по дуге пускали на тротуар. Дрыгнув лаптями, мужик шлепался, поднимался, ощупывая поясницу, и отходил отряхиваться в сторону, освобождая посадочную площадку для следующего. Иногда мужик случался дороден, в расчищенных сапогах и с ухоженной бородой; такого обычно спускали тычком взашей и пинком, и он шлепался на брюхо, а ближайший из демонстрантов подавал ему откатившийся картуз.

— И это вы называете демократическими выборами! — не слишком громко, с опаской, выкрикивал худой мужик в рваном зипуне, с медным крестом поверх.

Рядом стояла шаланда, набитая узлами и фанерными чемоданами; на груде пожитков сиял пузатый самовар и мокла канарейка в клетке.

— Парламентские фракции делят комитеты государственной безопасности, — тоном экскурсовода прокомментировал извозчик. — Ничего, мы с бокового входа заедем.

Малиновый амбал вынес, безглаголиво кривясь, огромную фарфоровую вазу, расписанную китайскими драконами. Он подтащил ее к мусоровозу, приткнувшись за шаландой, и с натугой метнул. Ваза рас-

кололась над разинутым ковшом, сполз бурый потек, запахло отвратительно и характерно.

— Ишь насрали депутаты, — добродушно усмехнулся извозчик.

Он чмокнул, дернул вожжой и свернул на Большую Дмитровку. С этой стороны здание чрезвычайно напоминало Зимний Дворец. Не то чтобы вовсе Зимний, но сходство было. Даже крыльцо с атлантами высилось дальше по фасаду.

— И жить еще в надежде до той поры, пока атланты небо держат на каменных руках, — сказал извозчик, превращаясь в доцента-шестидесятника. — Только они и не воруют — руки заняты. Как насчет шестидесяти рублей, командир? Все же крюк сделали.

Просторный дворцовый холл отблескивал зеркалами и мрамором. Секьюрити пасла вход и киоск с сэндвичами и глянцевыми журналами.

— Могу ли я видеть кого-нибудь из депутатов Думы? — обратился Ольховский к ближайшему охраннику.

— Можете, разумеется, ваше превосходительство, — отвечал тот, соединяя в стойке «смирно» почтительность с небрежностью бывалого служаки, — но не здесь.

— То есть?

— Здесь вас ожидает министр двора его сиятельство граф Фредерикс. Позвольте проводить.

В голове у Ольховского зазвонила корабельная рында, и он осел на подхватившие его руки.

13.

Сигнальный мостик, давно соединенный для оперативности с громкой трансляцией, объявил:

— Какая-то жуткая дура летит на нас! Товарищ старпом!!!

По закону подлости Колчак сидел в гальюне. Поскольку доклад требовал немедленного принятия ре-

шения, он скакнул к телефону, поддерживая одной рукой брюки, и заорал в трубку все, что мог пока сообразить к исполнению:

— Воспрепятствовать!!!

И, судорожно приводя себя в порядок, выскочил наверх. Наверху он увидел, что сигнальщик несколько погорячился, хотя зрелище было действительно эффектным. Из-за Боровицкой площади в прояснившемся голубом небе полз в их направлении громадный неуклюжий самолет. Шесть прозрачных пропеллерных дисков на округлых крыльях размахом с (казалось) футбольное поле отсвечивали солнечной пылью. Еще два пропеллера вращались над фюзеляжем с обоих концов приподнятой мотогондолы. Это восьмимоторное чудовище выглядело страшно и миролюбиво одновременно, как мог бы выглядеть раздобревший змей-горыныч в очках и галстуках, и слало с высоты мягкий приятный рокот синхронизированных двигателей, работающих на очищенном стооктановом бензине. Кроме размеров и архаичной конструкции, необычным в аэроплане был цвет — светло-алый, как отглаженный шелковый пионерский галстук из детства старпома. Снизу во всю ширь крыльев было выведено ностальгическим шрифтом архивных газет: «МАКС ГОРЬКИЙ».

Вокруг агитмонстра кружились, закладывая виражи и крутя мертвые петли, два крошечных, как осы, истребителя, надсаживаясь тонким и жестким металлическим звоном.

Колчак распялил рот, чтобы отменить приказ стандартным отзывом на событие, не имеющее отношения к кораблю: «Не препятствовать!», но уже взведший маузер сигнальщик с детским счастьем прицелился и почти очередь в десять патронов опустошил магазин по курсу воздушной кавалькады.

Маузеровская пуля покидает длинный ствол одноименного пистолета со скоростью около пятисот метров в секунду, и пробивает дюймовую доску на расстоянии километра. Другое дело, что дальность эта

выходит за пределы прицельной, но если попадет — то пробивает.

Таким образом, можно усмотреть прямую связь между стрельбой и тем, что один из истребителей через секунду после того, как пуля покинула ствол и помчалась в его направлении, вошел вверх брюхом в верхнюю точку своей петли метрах в восьмидесяти над гигантом и вдруг резко клюнул носом, с полуоборота ринулся в пике, накренился на крыло и врубился в правую плоскость «ГОРЬКОГО» у самого основания.

Колчак непроизвольно охнул.

— А-а-а-а!!! — с диким восторгом заорал сигнальный мостик. Плоскость отвалилась и планируя закувыркалась вниз, как лист фанеры. Винты еще продолжали вращаться, и это было особенно жутко, как движения отрубленной конечности. «МАКС ГОРЬКИЙ» свалился в правый штопор и закувыркался вниз, как щепка, увлекаемая в водоворот. Мелкие останки истребителя, отблескивая на солнце, порхали и сыпались рядом с ним.

Все это рухнуло и взорвалось. Клубящийся шар белого огня взлетел вверх и на высоте сотни метров стал расплываться и окутался черным облаком, струистый след его подъема превратился в дымную ножку гриба, и все это напоминало ядерный взрыв в миниатюре. Военные знают, что на учениях атомный взрыв имитируется подрывом именно бочки бензина. Здесь была скорее цистерна...

Раздался вздвоенный грохот потрясенной и вновь вернувшейся в нормальное состояние атмосферы.

Колчак закрыл глаза, и в этой мгновенной темноте услышал поставленный звучный голос снизу за бортом, произносящий слова очень отчетливо — в этой отчетливости было со вкусом выражаемое неодобрение:

— Господин старший помощник! Извольте подать адмиральский трап!

Под бортом стоял плот. Плот представлял собой дощатый помост, закрепленный на связанных железных бочках. Он изрядно просел в воду под грузом.

Груз был немал. Посреди помоста стоял конный памятник чугунного литья. Всадник в остроколенном шлеме протер тяжкую десницу владетельным утверждающим жестом.

Такое может привести в остоленение кого угодно. При этом памятник был как две капли воды похож на Юрия Долгорукого и даже обсижен голубями. Оглушенный явлением Колчак не сразу сообразил, что перед памятником он видит живого человека, держащего его под чугунные уздцы. Человек был плотен, лыс, бородат и осанист той барственной государственной осанкой, которая дается только привычкой к реальной и большой власти и беспрекословию. Одним словом, сановник.

— Вы еще долго изволите заставлять меня ждать? — с убийственной вежливостью осведомился он.

14.

— Так это все-таки Зимний? — тупо переспросил Ольховский. — Но почему в Москве?

— Пришлось переехать, голубчик, — сухо ответил Фредерикс, подливая в кофе сливки из серебряного сливочника с вензелем. Отпил, промокнул губы: — Закусывайте, прошу вас. Может быть, хотите водки? Не стесняйтесь.

Лакей приблизился со спины и налил из хрустального графинчика с пробкой в виде птичьей головки. Ольховский выпил, взял с блюда ломтик лосося и замер в затруднении: резать рыбу ножом нельзя, но совать ломоть в рот целиком тоже нельзя. Будь все проклято, в его время в Морском корпусе, в смысле в Первом высшем имени Фрунзе (какое отношение Фрунзе имел к морю?! — подумал он злобно), этому уже не учили. Помогая вилке кусочком хлеба, свернул ломтик вчетверо и отправил в рот, безнадежно упустив момент, когда, выждав четыре-пять секунд после глотка и давая про-

явиться послевкусием, надо сделать легкий полувыдох и послать в рот закуску.

— После вашего... отбытия, — светски продолжал Фредерикс, — дальнейшее пребывание в Петербурге стало решительно невозможным. Каждую ночь они, видите ли, штурмовали Зимний дворец. Вся эта, простите, беглая солдатня, нижние чины флота также, вынужден заметить, неизвестно кем вооруженные пролетарии палили по окнам, орали, ломали ворота. Вы бы видели, как они загадили Иорданскую лестницу! И если бы они сами хотели в нем жить — это еще можно понять, так нет: разобьют прикладом статую, полоснут штыком по картине, о некоторых деталях за столом умолчу. И ищут министров-капиталистов и винный погреб! Абсурд, но жить в этом абсурде невозможно. Я понимаю: страсти, бунт, порыв масс, как выражаются социалисты, но не каждую же ночь, мон дью! Вполне понятно, что пришлось переехать.

Лакей налил еще раз, и на этот раз Ольховский закусил предусмотрительно ломтиком поджаренного ржаного хлеба, раздавив по нему шарик масла. Фредерикс жевал белый тостик с апельсиновым мармеладом.

— Я не касаюсь вашего отношения к присяге, приказу и тому подобного, — сказал он. — Меня, допустим, это совершенно не касается. Но я убедительно прошу вас, слышите — убедительно: не надо хоть здесь, в Москве, стрелять по Ходынскому полю!

Ольховский поперхнулся.

— Но мы не стреляли по Ходынскому полю!

— Увольте меня от расследования. Но откуда взялись на Ходынском поле эти воронки? эти ямы?! Вы понимаете, какие следствия, какие губительные следствия это может иметь для всего царствования нашего монарха? Прибывший на раздачу подарков народ начал в толпе сталкивать друг друга в эти ямы, с чего и произошла катастрофа! Согласен: это была необдуманная затея — бесплатная раздача пряников, не говоря о кружках и платках. Но кому могли прийти в голову ямы?

Он вздохнул, взял прислоненную к ножке стола гитару и печально запел надтреснутым, но не лишённым приятности старческим тенорком: «И пряников, кстати, всегда не хватает на всех». Ольховский вежливо слушал, изображая удовольствие и подобающую задумчивую грусть. Он не любил Окуджаву, хотя предпочитал не сознаваться в этом в компаниях.

— И еще одна просьба, — обратился Фредерикс, подумал, легким отмахивающим движением пальцев изобразил сомнение, преодоленное бесшабашной решимостью, и также выпил водки. — У вас есть один матрос на корабле, Гавриил Принцип...

— К сожалению, матрос не лучший, — позволил себе подпустить доверительное сожаление Ольховский. — Но удивлен, что вы осведомлены о такой частности.

— С одной стороны, прямо это меня, опять же, не касается, — кивнул извинительно Фредерикс. — С другой стороны, это как нельзя более прямо касается нас всех, мон шер. Видите ли, его мать — сербка по происхождению, и он отчасти считает себя сербом.

— От какой же части? — фривольно пошутил каперанг.

— Шутку вашу нахожу неуместной. Но могу ответить в вашем настроении: в той части, которая держит оружие!

Ольховский наморщил лоб, вспоминая учебник истории, который в последний раз держал в руках перед выпускным школьным экзаменом.

— Шлепнет твой мудака Груня натовского эрцгерцога Фердинанда — и пизда рулю! — вскричал Фредерикс, отбрасывая скомканную салфетку и с этим жестом словно отбрасывая всю сдержанность и этикет. — А они его берегут, потому что кроме «Порше» он делает тяжелый танк Т-VI «Тигр» и штурмовое орудие «Фердинанд»! А это лучшая для своего времени бронетехника в мире! А на Балканах пахнет очередной мировой войной! Это тебе не Швейка читать!

И не будешь ты знать, командир, как жрать рыбу за приличным столом!

Он взял поданную лакеем свежую салфетку и расправил.

— Прошу великодушно простить. Сорвалось.

Пожевали в молчании.

— Так уж запомните мои просьбы, господин капитан первого ранга. А упомянутого матроса вам лучше всего следует сдать в дисциплинарные роты. Там... вопрос с ним решится сам собой. Уверяю вас, это будет высшее человеколюбие.

15.

И только Иванов-Седьмой оставался в полном неведении относительно всего, что творилось кругом. Государственные думы обустройства России гнели его. Он уже видел себя советником нового главы государства и вручал ему свой путеводный труд.

«Я решил, — старательно писал он, — без посредников — коротко и ясно — рассказать, что думаю про нашу сегодняшнюю жизнь и что надо сделать, чтобы она стала лучше.

О наших проблемах. (Сомнения по поводу истории с куртками все еще жгли его и просились к обобщению.)

Для гражданина России важны моральные устои, которые он впервые обретает в семье и которые составляют самый стержень патриотизма. И задача лидера — настроить на общие цели, расставить всех по своим местам, помочь поверить в собственные силы.

Наша первая и самая главная проблема — ослабление воли. Потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел. Люди не верят обещаниям власти, а власть все больше теряет лицо. Люди не могут рассчитывать ни на силу закона, ни на справедливость органов власти. Только — на себя. Тогда зачем им такая власть?»

Иванов-Седьмой вспомнил о схватке с бандитами и стал писать:

«Яркий пример такого застарелого зла — преступность. Но стоило нам вступить в прямую схватку с бандитами, разгромить их — и сделан реальный шаг к верховенству права, к диктатуре равного для всех закона.

Но ведь этого нельзя было сделать, сидя в Москве и сочиняя очередные „программы по борьбе с преступностью“. Надо было принять вызов на поле противника и именно там его разгромить.

Еще одна большая проблема. Нам сегодня, как воздух, нужна большая инвентаризация страны. Мы очень плохо представляем себе, каким ресурсом сегодня владеем». (Последний тезис восходил к впечатлениям от раздачи танкера с соляжкой.)

Он задумался. Избыток проблем настраивал на удручающий лад. Чтобы избежать этого, он по размышлению решил заменить их на слово «приоритеты». В самом этом слове содержалось что-то волевое, показывающее, что проблемы уже решаются.

И с новой строки вывел покрупнее:

«О наших приоритетах.

Наш приоритет — побороть собственную бедность. Надо самим себе однажды сказать: мы — богатая страна бедных людей».

Воспоминание о пенсионерах в Вытегре породило абзац:

«Возвратить им положенный долг — уже не просто социальная, но в полном смысле политическая и нравственная задача».

Бой на рынке лег в основание строк:

«Наш приоритет — защита рынка от незаконного вторжения, как чиновного, так и криминального.

Наш приоритет — это возрождение личного достоинства граждан во имя высокого национального достоинства страны.

Наш приоритет — строить внешнюю политику исходя из национальных интересов собственной страны.

Надо признать верховенство внутренних целей над внешними.

У нового поколения появился великий исторический шанс построить Россию, которую не стыдно передать своим детям».

И завершил свою мысль так:

«Объединив усилия, мы все насущные задачи решим — одну за другой».

Объединение усилий следовало как-то подчеркнуть, обосновать общностью цели, и после мучительных поисков и сомнений она была обозначена так:

«О нашей общей цели.

Если искать лозунг для моей позиции, то он очень простой.

Это достойная жизнь. Как вижу нашу жизнь и я сам, будучи русским человеком».

Желудок сегодня давал себя знать, поэтому Иванов-Седьмой отхлебнул принесенного с завтрака киселя и запил его разведенным порошковым молоком. Он углубился в видения достойной жизни, как видел ее сам, принявшие под влиянием этих напитков какие-то фольклорные образы, когда мысль его была отвлечена тяжелыми шагами по карапасной палубе.

Шаги близились, и звучали так, как могли бы звучать размеренные удары металлического или каменного груза по металлу. Так мог бы шагать Каменный Гость.

Дверь каюты отворилась, и в нее боком, пригнувшись, втиснулся огромный человек, сплошь закованный в железные латы. При рассмотрении это оказались не латы, а сплошное чугунное литье. Местами чугун позеленел от атмосферных окислов и всякой дряни и даже был кое-где засижен буро-белесыми отметками голубей.

— Здрав будь, боярин, — сказал этот человек-статуя, распрямляясь и упершись наверху чугунного шлема в потолок каюты. Голос его не гудел чугуном, как можно было бы ожидать, а прозвучал неожиданно тонко и с заметной простудной гундосостью.

— Здравия желаю, — машинально ответил Иванов-Седьмой, привставая и пятясь, и с недоверием покосился на кисель.

— Слово и дело к тебе государевы, — без предисловий приступил статуеобразный гость и потрогал рукой стул. Стул развалился. — Не господская у тебя мебель. Ладно. Постоим.

— Вы... кто? — пробормотал Иванов.

— Я? — немного удивился гость. — Юрий. Князь. Долгая Рука погоняло имею. А ты, стало быть, тот дьяк, что новому князю программу пишет?

Иванов-Седьмой впервые в жизни перекрестился. Князь Юрий посмотрел по углам и также перекрестился на портрет каперанга Егорьева, висевший над книжной полочкой. Шлема он при этом, однако, не снял, и Иванов отметил, что перекрестился он двоеперстием.

— А... откуда вы знаете... про меня? — отдышался он.

— Вои морские на лодье твоей сказывали. Однако дело слушай. Мне вот памятник поставили. На восемьсот лет Московы. Как я город заложил. Там, было дело, чудь жила. Но это не в счет.

— Так точно!

— Это не твоего ума дело — точно либо не точно. Князь молвит — стало быть, точно. Еще вперед сказывать станешь — удавлю.

Иванов-Седьмой взглянул на чугунную рукавицу и изъявил согласие и покорность движением век.

— Конь подо мной был. Он и ныне подо мной. Сейчас наверху ждет. С конем неладное вышло.

Князю подобает на кобыле ездить. Резвость у нее не меньше. А скакать может дольше. И нрав ровнее. В дозоре на жеребца не заржет, ворогу не выдаст. И в сече на жеребца не отвлечется. А конь может. Потому — кобыла.

А сладили коня. Меня не спросили. Смерды!.. Ладно. Конь так конь. Что делать. Конь могутный. Хотя стать тяжкая, а в бабках тонок. И в шаге неходок. Неразумен, не понимает ничего. Но ладно.

Поставили памятник. Народишко сбежался. Сняли покрывало. А народишко за животы похвтался и надсмешки строит. Хер, говорят, у жеребца большой. И ятра большие. Снизу им хорошо видать.

Лучшие люди иск учинили. Пошто князеву коню такой хер и ятра? Что сие значит? Какой тут злой умысел? Кому князь хер и ятра показывает? Властным людям и граду их стольному? Мастера в застенки сволокли. Там и помер. А ночью коню хер и ятра отрезали напрочь. Поныне и нету. А того не ведают, что ежели жеребца обхолостит — кобылы из него все одно не будет. Им все едино, а мне какво? Не можно князю на мерине ездить! За что позор?!

— Негодяи! — как бы не сдержавшись, вознегодовал Иванов-Седьмой, показывая, что никак не может такого стерпеть.

— Хер тот чугунный с ятрами человек один тайно купил, что диковины собирает. На особом столе в дому его лежит, — князь развел руки, показывая размеры экспоната. — К тебе и дело: вернуть его надобно. Сделать все обратно, как должно быть. Потому не будет столу и державе ни в чем порядка, ни прибýtка, ни почету, куда конь под князем холощен, а сам князь в позоре. Меня понял?

— Так точно! — выпалил Иванов-Седьмой. — Понял! понял! — поправил он себя, вытянулся смиренно, подумал и слегка, не унижительно поклонился.

— То-то, что понял. Человека того найдешь и все, что надобно, сделаешь. А то мне тоже отрады нет зрить, что кругом деется, въезжаешь, братан? Ну, ступай, проводи меня к коню.

16.

Увидев свой корабль на месте, Ольховский испытал непередаваемое облегчение.

Приняв рапорт вахтенного, он обратил внимание на Груню, сосредоточенного на странном занятии. Мат-

рос подтаскивал к борту какие-то ядра неправильной формы и сбрасывал их в воду. С брезгливой гримасой он старался держать их подальше от себя, и после каждого долго отряхивал брезентовые рукавицы. Посреди палубы лежали две пирамиды этих шершавых и как бы полуразваленных чугунных кругляков.

Таких предметов на крейсере Ольховский не помнил.
— Это что? — поинтересовался он.

Груня выпрямился и вытер лоб.

— Товарищ командир! — губы его запрыгали. — Разрешите обратиться!

— Не обратиться, а доложить на вопрос.

— Я все же не Геракл, чтоб Авгиевы конюшни чистить. Почему же всегда я?.. меня?.. Есть же флотские наказания! Еще я только за чужим конем говно не убирал. Он валит, значит, свой навоз чугунный на палубу, а я, значит, оттаскивай.

— Что?! Опять обдолбался?!

От несправедливого оскорбления Груню понесло:

— Мне своих галыонов мало чистить? — фальцетом запустил он. — Кому с князем разговаривать, а кому навоз грести? А зачем тогда революция?! Меня на флот призывали, а не в... не знаю!.. какие-то арестантские роты!

Последние слова заставили Ольховского расплыться в улыбке. Под этой улыбкой Груня посуровел и серьезно сказал:

— Разрешите доложить. Сегодня подаю рапорт об отправке в Сербию. Добровольцем. В сводную команду флота. Воевать. Миротворцем. На помощь славянским братьям. Обязаны передать по команде. Пусть наверху решат.

Он с испугом уставился на Ольховского и поспешно добавил, уже гораздо менее решительно:

— А что такого? У вас, говорят, у самого сын в Сербии, тоже сражается. Так что можете меня понять... товарищ капитан первого ранга. Что с вами? Петр Ильич? Да что я такого сказал-то!.. Вахтенный!! Доктора к командиру!!

Полежав в каюте и развеселившись рассказом Иванова-Седьмого, все ему объяснившим, это напоминало визит заботливого родственника к постели больного, Ольховский призвал Колчака. И посвятил его в происшедшие с ним сегодня события, стараясь не упускать деталей.

— Ну? — сказал он. — И что ты обо всем этом думаешь?

— Теперь понятно, с чего ты так разволновался, — покивал Колчак. — Не переживай, ни в какую Сербию, пока я жив, он не поедет. Из трюмов живой не вылезет, гнида. Нервный ты стал. Не успел даже узнать, что у нас тут без тебя было — а уже с колес. Значит, слушай. Ко мне Столыпин приезжал. Вернее, к нам, но тебя не было.

— Кто-кто?

— Ну кто. Тезка твой, Петр Аркадьевич. Великий реформатор.

— Еще один реформатор, — простонал Ольховский. — Чего надо?

— Во-первых, он хочет проводить аграрную реформу.

— Слава Богу. Дозрели, наконец. Не препятствовать.

— Во-вторых, у него, говорит, точные сведения, что его заказали браткам. И скоро шлепнут.

— Ну, значит, не проведет, — философски отозвался Ольховский. — Ты смотри, серьезные ребята эти аграрии. Им поперек не становись. Не хотят, а.

— Вот он нас и просил поторопиться. — Колчак взял со стола стакан с принесенным доктором жасминовым чаем и передал Ольховскому на диван.

Ольховский отхлебнул, покривился и указал на тумбу письменного стола, где жила коньячная бутылка. Щеки его порозовели, глазам вернулся блеск.

— И как же мы еще, интересно, поторопимся? — усмехнулся он. — Разнесем из всех стволов Кремль по камням?

— Я ему и говорю: «Ваше превосходительство, вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия». И что он мне отвечает? «Позвольте, — говорит, — я эту фразу сегодня употреблю на заседании кабинета министров?»

— Политик, — пожал плечами Ольховский. — И на чем расстались?

— В общем, на том и расстались. Но он все напирал на то, что нельзя останавливаться, пока цель не достигнута, иначе все усилия насмарку.

— Государственный ум. Прямо откровение.

— Ты погоди острить. Он имел в виду не вообще, а конкретно.

— То есть?

— Вот именно, — сказал Колчак.

Они чокнулись, выпили еще и помолчали. Над головой пробухали шаги, там уронили что-то тяжелое. И тотчас донесся перезвон храмовых колоколов. В иллюминаторе проплыли навигационные огни баржи, спускавшейся по течению.

— В сущности, что такое один снаряд в масштабах России, — вслух подумал Ольховский.

— Тем более, что разрыв был не отмечен. В лучшем случае, я думаю, там был камуфлет.

— М-да? А я с ужасом думаю, что же будет, если разрыв будет отмечен. Если мы и без разрыва имеем то, что на сегодняшний день имеем. А?

— А что будет. Хуже не будет. Что надо, то и будет. Как говорится, нельзя дураку полдела показывать. Это вроде гомеопатии наоборот: доза — это лекарство, а полдозы — яд. Вот такая политическая гомеопатия.

— Ладно, — Ольховский взглянул на часы и встал. — Подумаем еще немного. Решение примем после ужина.

В полночь баковое орудие произвело выстрел по Кремлю. Взрыватель Ольховский ввернул и установил лично. Разрыв был не отмечен.

Доктор поднялся в установленное время по будильнику, осмотрел себя в позах перед зеркалом и принялся выполнять сто утренних наклонов и сто поворотов для укрепления мышц живота. Каюта мерно заскользила вверх-вниз и влево-вправо. В этом размашистом и затяжном возвратно-поступательном движении поначалу, как всегда, воспринимался привкус эротики, но по мере утомления мышц утреннее влечение исчезло. Тупые дневные мысли занимали свое место в голове.

Сегодня среди этих мыслей затесалось что-то необычное и как бы чужеродное. Не прекращая упражнений, доктор попытался сфокусировать внимание на этом чужеродном, и выяснилось, что оно относится к кружочку пейзажа, прыгающему в иллюминаторе.

Все элементы этого пейзажа, сколько захватывала круглая латунная рамка, были вполне знакомы. Но что-то сбивало с их привычного восприятия. Некоторое время доктор развлекал себя тем, что продолжая зарядку пытался уловить, в чем там дело. И перейдя к махам в стороны прогнувшись, утвердился в понимании, что дело в том, как эти составные элементы между собой соотнесены, в композиции, так сказать.

Окончив серию махов, он сделал вдох-выдох и высунулся в иллюминатор.

Прежде всего внимание привлекал левый край. Над ним сияла лазурь с легкими белоснежными облаками. Низменный речной берег был лишен каменной набережной. К нему приставали желтые ладьи, по обводам и размерам средние между казацкими стругами и норманскими драккарами. При этом они не спускали полосатых квадратных парусов. Из ладей выбирались слабо различимые за далью фигурки. Можно было разобрать только круглые щиты, и игольчато просверкивали в движении острия копий.

Часть воинов уже собралась на лугу вокруг конной группы при шатре, над которым краснел зубчатый флажок. С ним соседствовал деревянный частокол, резной терем и золоченая колокольня.

С правого края лазурь была пожиже, а тучи пониже. К этим тучам вздымались дымы гигантской ТЭЦ, похожей на дворец, а между ними взлетала в зенит ракета каких-то миролюбивых пропорций. Она неистово мчалась на огненном помеле, но при этом каким-то образом умудрялась оставаться в одной и той же точке пространства. Это явно перекликалось с апорией Зенона о летящей стреле, стоящей на месте, и таким образом закольцовывало хронологию современного правого края с древним левым. На ракете было внятно написано: «Восток».

Это обозначение вносило в картину успокоительную черту здравого смысла. На всех картах восток изображается справа, а запад слева.

Между древним левым западом и прогрессивным правым востоком располагалось все остальное. Все остальное преимущественно состояло из бедствий и катастроф, над которыми высились отдельные памятники духа и символы мысли. Татары пировали на спинах русских пленников, опричники Грозного кого-то резали и что-то жгли, преображенские каре выкашивались пушечным огнем, и груды мерзлых зеков лежали под колючей проволокой. Былинная блондинка, оголенная не то к русской бане, не то к татарскому изнасилованию, скорбела. Со стороны горнего мира им противостояли мозаичные луковки Василия Блаженного и шпиль Московского университета.

Весь передний же план был густо забит толпой, в которой лица передних рядов можно было разобрать как знакомые. В центре находились Толстой с бородой, Достоевский со скорбью и Жуков с орденами. За ними маячил вчерашний Столыпин, судя по угрюмости уже застреленный, а Юрий Долгорукий о-конь поместился ближе к левым викингам.

И надо всем этим концентратом реял в полнеба привязной аэростат воздушного заграждения, почему-то с дирижабельной гондолой, на котором было написано буквами, сочетавшими элементы славянской вязи с заголовком газеты «Правда»: «100 ВЕКОВ».

— Клиника, — сказал доктор.

— Нельзя мешать спирт с пивом, — строго сказал внутренний голос.

Доктор потер лоб. Оказалось, что голова трещит.

— Дострелялись, блядь, — с насмешкой сказал внутренний голос.

Насмешливая интонация была очень знакомой. Доктор всунул голову из иллюминатора обратно в кабину с чувством черепахи, спасающейся внутри родного панциря от кошмаров внешнего мира.

— Нравится? — спросил голос и материализовался в лейтенанта Беспятых. Уже ознакомившись со зрелищем, он зашел насладиться как реакцией на него, так и своим превосходством в глазах человека, способного это превосходство оценить.

— Юра, что случилось? — пугливо спросил доктор.

— А что? — невинно поинтересовался Беспятых. — Родную историю не узнаешь?

— Узнавать-то узнаю... — пробормотал доктор и стал надевать брюки, запутался ногой в штанине, отложил их и стал надевать майку. — Но уж больно круто...

— Объявления читать надо, — наставительно сказал Беспятых и кинул на незастеленную койку свежую газету, привезенную катером. — Культурной жизнью не живешь, только о половой и думаешь.

— А что?

— Сегодня открылась персональная выставка художника Ильи Глазунова. В центре экспозиции — эпохальное полотно рекордного размера «100 веков». Прощу! Занесено в книгу рекордов Гиннеса.

— Ни хрена себе полотно! Тряпочка... Это — полотно?!

— А что скажешь — дерюга?

— Но почему... вот так?

— Потому что гиперреализм. Слышал о таком течении? Чище голографии. Критики рыла воротят, а народу нравится. Доходчиво! И нарядно. Прямо как в жизни, только красивше.

— Это... надолго?

— «Московский комсомолец» написал, что завтра уберут. Это даже для русского бардака чересчур. Не ты один ошарашился. Телик передавал, префект московской милиции вышел утром на балкон — и просто умер от инфаркта.

В иллюминатор донесся раздраженный начальственный баритон, отразившийся от воды сырым эхом:

— «Аврора»! «Аврора», вашу мать!! Почему выключили прожектор?! Включить немедленно! И стрелять! Стрелять, я сказал!!!

Над толпой высунулся по пояс человек — видимо, он влез на скамейку или мусорный ящик. Удлиненные подвитые волосы художественно обрамляли его барственно обрюзгшее лицо. Он махал кисточкой на манер дирижерской палки, а в другой руке держал мегафон.

— Пошел ты на ...! — отвечал сигнальный мостик. — Светло уже! Вечером приходи. Снарядов на вас на всех не напасешься.

— У меня разрешение от мэрии! — надрывался человек.

— А вот и сам Глазунов, можешь полюбоваться, — пригласил Беспятых. — Ну как живой. Матерый человечисце, да? На что это он там взобрался?.. Это он решил и нас в свою картину вставить, ты понял?

Доктор что-то считал, загибая пальцы.

— Погоди, — сказал он. — А почему «сто веков»? Ведь десять.

— Ну, — великодушно махнул рукой Беспятых, — у Пушкина тоже была двойка по арифметике.

Доктор закончил одевание и потер живот.

— Это все хорошо, но пора завтракать, — объявил он и потянулся задраить иллюминатор. Но что-то заставило его помедлить, а потом даже высунуться.

— Ба-а! — воскликнул он. — Не может быть!.. Влад Владыч! Юрка — погляди!

В толпе происходило локальное шевеление, которое бывает, когда кто-то вежливо проталкивается через плотно стоящих — а стояли более чем плотно, казалось даже, что слиплись. Выплыла поверху широкополая флотская фуражка. И, потеснив Столыпина и Достоевского, вперед выбрался слегка вспотевший в давке замполит «Авроры».

— Никак всю картошку в Оредеже собрали, — удивился Беспятых. Замполит влез зачем-то на гранитный парапет набережной, хотя его и так было отлично видно, сложил руки рупором и закричал:

— Эй! На «Авроре»! На катере!

В такой композиции возвышаясь впереди толпы знаменитостей, весь в элегантно-черном, он походил на дирижера-бенефицианта перед строем вышедшей на поклон огромной труппы.

Через пять минут замполит докладывал Ольховскому о выполнении задачи, окончании срока работ в связи с завершением самих работ и о своем прибытии на родной корабль в связи с вышедоложенным. Сдал отмеченную командировку и занял свое место за столом в кают-компании.

Жрал он в три горла со счастливым видом. Кормили на картошке плохо.

18.

«10 ноября. 00 час. 00 мин. Произведен выстрел из бакового орудия, боевым снарядом, взрыватель фугасный, заряд полный, прямой наводкой, по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«11 ноября. 00.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«12 ноября. 00.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«13 ноября. 00.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«14 ноября. 00.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«15 ноября. 00.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Результат прежний. Без результата».

«16 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«17 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«18 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«19 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«20 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«21 ноября. 23 час. 50 мин. В целях проверки боепригодности снарядов произведен выстрел из кормового орудия главного калибра прямой наводкой по основанию памятника-монумента Петра I раб. скульпт. А. Церетели. Разрыв отмечен. Методом визуального наблюдения определено достаточное соответствие разрыва тротиловому эквиваленту снаряда. Цели нанесены незначительные повреждения. Осколком снаряда легко ранен матрос Г. Принсип. Раненому оказана необходимая медицинская помощь.

24.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«22 ноября. Произведен выстрел из первого орудия левого борта по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«23 ноября. Произведен выстрел из первого орудия правого борта по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«24 ноября. 22.36. Приступили к эволюциям по развороту корабля на 180° при помощи зафрахтованного реч. порт. буксира „Виктор Талалихин“. 23.18.

Отданы кормовые якоря. Якоря взяли грунт. Поворот на прежнем месте завершен.

24.00. Произведен выстрел из кормового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«25 ноября. Произведен выстрел из кормового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«26 ноября. 22.19. Приступили к эволюциям по развороту корабля на 180° при помощи зафрахтованного реч. порт. буксира „Добролюбов“. 23.58. Отданы носовые якоря. Якоря взяли грунт. Поворот на прежнем месте завершен.

24.00. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю. Разрыв не отмечен».

«27 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«28 ноября. Произведен выстрел из бакового орудия по Кремлю».

«29 ноября. Произведен залп из бакового орудия и первых орудий левого и правого борта по Кремлю».

19.

«Начальнику Высших артиллерийских курсов
„Выстрел“ при МО РФ
генерал-полковнику Д. А. Драгунскому.

Убедительно прошу Вас рассмотреть вопрос о выделении 1 б/к (семьдесят пять выстрелов) или хотя бы 1/2 б/к (30-40 выстрелов) 152 мм калибра типа гаубицы М-18, М-22, или же типа гаубицы-пушки МЛ-20С, или сходного с ними типа, для нужд крейсера КБФ „Аврора“, временно находящегося в настоящее время в г. Москва. Готовы на оплату по хозяйственной стоимости за наличный расчет.

Командир крейсера „Аврора“
капитан первого ранга П. Ольховский.

(подпись)».

«Начальнику Высших артиллерийских курсов
„Выстрел“ при МО РФ
генерал-полковнику Д. А. Драгунскому.

Убедительно прошу вас рассмотреть вопрос о выделении одного места на вверенных Вам курсах вне плана подготовки для прохождения ускоренного курса боевых стрельб для 1 (одного) наводчика из числа военнослужащих срочной службы БЧ-2 (артиллерийская служба) крейсера КБФ „Аврора“, временно находящегося в настоящее время на территории Московского Военного округа, в связи со срочной служебной необходимостью. Готовы на оплату всех расходов по прохождению ускоренного курса боевых стрельб нашим военнослужащим по хозстоимости за наличный расчет.

Командир крейсера „Аврора“
капитан первого ранга П. Ольховский.

(подпись)».

«В связи с наступлением зимнего сезона и согласно приказа коменданта Московского военного гарнизона о переходе на зимнюю форму одежды приказываю:

1. Экипажу вверенного мне корабля с завтрашнего числа перейти на зимнюю форму одежды.

2. Командиру БЧ-5 обеспечить отопление жилых и рабочих помещений корабля по зимнему режиму.

Командир крейсера „Аврора“
капитан первого ранга П. Ольховский.

(подпись)».

«За стрельбу из личного оружия без приказа при нахождении на боевом посту, повлекшую убийство птеродактиля, объявляю сигнальщику матросу Вырину два наряда вне очереди с отработкой в трюмах.

За приготовление жаркого из птеродактиля для экипажа, повлекшее снижение боеготовности ряда

членов экипажа ввиду желудочного расстройства и необоснованных слухов, объявляю коку старшему матросу Лаврентьеву пять нарядов вне очереди с обработкой по месту обязанностей.

За принятие оперативных лечебно-оздоровительных мер по возвращению в строй пострадавших членов экипажа объявляю корабельному врачу ст. лейтенанту мед. службы Оленеву благодарность.

Баталеру мичману Куркину за отказ обеспечить ст. лейтенанту Оленеву комплект повседневного обмундирования взамен пострадавшего при работах объявляю выговор.

Матросу Бохану за нарушение субординации, выразившееся в форме замечания ст. лейтенанту Оленеву по поводу якобы идущего от него запаха после лечения пострадавших, объявляю три наряда вне очереди на мытье амбулатории, изолятора и галюнов: офицерского, мичманского и для команды.

Капитану первого ранга в отставке Иванову-Седьмому за изготовление чучела птеродактиля для корабельного музея объявляю благодарность.

Командир крейсера „Аврора“
капитан первого ранга П. Ольховский.

(подпись)».

«В целях улучшения условий для визуального отмечания разрыва и в соответствии с военно-морской и столичной традицией производства выстрела орудием на кронверке Петропавловской крепости с сегодняшнего числа приказываю: выстрел, производимый в полночь 0 часов баковым орудием по Кремлю, дублировать в полдень 12.00 часов выстрелом, производимым из того же орудия по той же цели.

Командир крейсера „Аврора“ капитан
первого ранга П. Ольховский.

(подпись)».

Сначала на экране появилась хвойная гирлянда с блестками и шаром, а затем лицо Ельцина. В бес-тактно-резком свете софитов на нем выбивало сквозь макияж сероватую бледность, какая бывает от хронической бессонницы. На нее указывали и набрякшие красные веки.

Он подвигал лежащий перед ним листок, и обнаружилось, что на левой руке у него оторваны два пальца. Президент глянул в камеру и поспешно опустил поврежденную руку под стол, покривившись.

— Ого... — сказали в кают-компании. — Значит, так?..

Стало очень тихо.

— Сограждане, — с усилием начал президент. — Россияне.

Он сделал долгую паузу, во время которой пытался перестроить измученное выражение в торжественное.

— Сегодня, в канун Нового года, — продолжил он наконец, — нового, Двухтысячного года... в последний день уходящего тысячелетия... Я. Принял. Решение. И теперь — объявляю — его — всем.

Я-а ухожу-у в отставку.

Кают-компания беззвучно ухнула. Ольховский помотал головой. Беспятых вобрал полную грудь воздуха и протяжно выдохнул. Шурка затряс большим пальцем. Мознаим звонко шлепнул по ляжке. Кондрат врезал локтем Сидоровичу в бок.

— Решение далось мне нелегко, — делился президент. — Последнее время было осо-обенно трудным... для вашего президента. И днем... даже по ночам... не давали спать!.. нерешенные проблемы. Вот так лежишь — и вдруг!.. — Ельцин вздохнул: — приходит в голову мысль — все ли сделал?..

И вот теперь я говорю: с меня-а — хватит. Всего, как говорится, в меру... Уйти надо достойно. Вовре-

мя. Пусть теперь другие (в его лице промелькнуло злорадство) — несут — эту — ношу!

За кадром что-то стукнуло. Ельцин вздрогнул и вжал голову в плечи. Но тут же выпрямился с механическим достоинством... Старика сделалось жаль.

— Легко еще отделался, — беззлобно сказал Габисония; на него шикнули.

— Мы мно-ого вместе прошли, — извлекал из себя слова по одному, как кирпичи, президент. — О-очень многое сделано. О-очень многое и не сделали. Ина-аче в жизни не бывает.

Главное. Что главное?..

«Главное в профессии пулеметчика — вовремя смяться», — ответил Груня, уклоняясь от затрепцины.

— Главное — уже никто не сможет. Повернуть. Россию. Назад. — возразил Ельцин. — Были у нас ошибки. Были недостатки. Недочеты. Все у нас было, россияне... — с душераздирающей ностальгией про rvalось у него. — Без этого не обходится. Никогда... Но главное — мы сделали. Огромный! Шаг. В... нужном направлении. К демократии. К построению! Новой, свободной — демократической — нашей с вами России.

И на этом пути — вместе с вами — ваш президент! Отдавал! Все силы... этому.

Нам мно-огие пытались мешать... — Ельцин с печальной укоризной посмотрел на кают-компанию.

— Что значит — «пытались»? — возмутился доктор.

Колчак хмыкнул.

— Но мы делали. А тепе-ерь пора уступить место молодым. Более молодым... с более све-ежими силами. Пусть поработают они, — Ельцин явственно ухмыльнулся. — Я-а не цепляюсь за власть.

Россияне. Президент добровольно оставляет власть... По рядам пробежал смешок.

— Я-а, конечно, буду продолжать... за всем следить. В тихом месте. Спокойно... Как частное лицо на покое.

«Достали все-таки», — сказал Ольховский. — «Пробили!» — сказал Шурка. «Засадыли», — сказал Габисония. «В очко», — сказал Сидорович. «Все же шесть дюймов — это тебе не пол-литра», — сказал Серега Вырин. «Дорого нам встали его проводы на пенсию», — вздохнул Мознаим.

— Скоро наше с вами православное Рождество. Я поеду в Иерусалим. По святым местам. В Вифлеем. К гробу Господню. — Слово «гроб» президенту, похоже, не понравилось, он вдумался в его затихшее звучание и поправился: — К колыбели. Там вашего президента, россияне, наградят орденом... Андрея Первозванного... и другими... за заслуги пе-ервой степени — перед Отечеством.

Он скромно и солидно улыбнулся — так защитивший диссертацию отец семейства одаряет своей радостью домочадцев.

— Некоторые говорят, что там стреляют. Не страшно. К стрельбе мы с вами... как говорится, не привыкать.

Юрий Михайлович! Господин мэр. Даю вам одни сутки. Од-ни сут-ки. Чтобы в Москве было тихо. Вы меня поняли?

Вот такой у меня подарок вам к Новому году и к Рождеству, дорогие россияне. Сограждане.

С праздником вас!

Изображение задернулось заставкой.

Ольховский встал и выключил телевизор.

— Кок! — звонко крикнул он. — Шампанского! Четыре ящика! Бутылку каждому! Бла-го-да-рю за службу!

— За нашу победу, — усмехнулся Колчак.

— Вот и все, дурашка, а ты боялась, — пропел Серега Вырин.

Шурка подпрыгнул, пнул стул, взмахнул руками и петушиным голосом возвестил:

— Здравствуй, жопа, Новый Год!!!

«Получено в форме пожертвования от партии „Яблоко“ на расходы по обеспечению экипажа и поддержанию жизнеобеспечения корабля, в т. ч. на закупку партии снарядов, 10 000 (десять тысяч) долларов США».

«Получено в форме целевой гуманитарной помощи от Фонда Сороса на закупку продовольствия, жидкого топлива, художественной литературы для корабельной библиотеки и 1 (одного) боекомплекта снарядов для корабельных орудий главного калибра 10 000 (десять тысяч) долларов США».

«Получено от Либерально-демократической партии, с условием продолжения ведения огня, на закупку снарядов 10 000 (десять тысяч) долларов США».

«Получено от движения „Единство“ в форме расходов на предвыборную кампанию упомянутого движения 200 000 (двести тысяч) долларов США на любые расходы по усмотрению командования крейсера — при условии продолжения ведения огня, но с отсутствием разрывов. Общее собрание экипажа путем голосования постановило: деньги принять, но при наличии разрыва снаряда по цели — вернуть ту их часть, которая придется на один выстрел с разрывом по сравнению с остальными выстрелами без разрывов».

«Получено как безвозмездная помощь от КПРФ 2 857 000 (два миллиона восемьсот пятьдесят семь тысяч) рублей, что соответствует по курсу Центробанка на сегодняшний день 100 000 (сто тысяч) у. е. (долларов США) на продолжение пребывания в Москве и ведение огня — при условии подъема на крейсере красного флага. Общее собрание экипажа путем голосования постановило: деньги принять, красный флаг поднимать на гафеле грот-мачты только установленных формы и размера из флажного сигнального комплекта и только на момент произведения выстрела (одна-две секунды), вслед за чем немед-

ленно спускать; что по военно-морскому флажному своду соответствует оповещающему сигналу „Веду огонь“ и, таким образом, лишь случайно и для непосвященных может совпадать с демонстрацией политической ориентации».

«Получено от РАО ЕЭС 70 000 долларов США на закупку топлива и снарядов».

«Получено от аграрной партии 100 000 рублей на закупку продовольствия и снарядов».

«Отказано в принятии пожертвований фирмам „Газпром“ и „Филип Моррис“ ввиду категорической невозможности разместить на борту рекламу газа и сигарет».

«Тендер на эксклюзивное право телевизионной трансляции выстрелов выиграла компания CNN за сумму в 140 000 долларов США, плюс по контракту 10 000 за каждый произведенный с момента вступления договора в силу выстрел, и плюс 20 000 за каждый выстрел с разрывом по цели».

«Получен от Министерства обороны РФ 1 боекомплект (семьдесят пять выстрелов) калибра 152 мм совместимого с главным калибром крейсера типа».

«Получен от Фонда ветеранов Афганистана 1 б/к снарядов».

«Получено от Министерства высшего и среднего образования РФ 2 б/к снарядов».

«Отказано чеченскому землячеству г. Москва в приеме и погрузке 6 б/к снарядов».

«Отказано продюсеру группы „На-на“ Бари Алибасову в приеме 12 000 долл. за право группы „На-на“ проводить концерт на полубаке крейсера в момент выстрела».

«Принято от Комитета солдатских матерей 4 700 рублей на покупку снарядов ввиду настоятельной просьбы».

«Принято от посольства Украины 100 000 гривен на закупку снарядов».

«Отказано посольствам Эстонии, Латвии и Литвы в приеме долгосрочных ссуд на покупку снарядов».

«Получено от правительства г. Москва 20 000 долл. на поддержание огня».

«Получено от управделами администрации президента РФ 10 000 долл. на поддержание огня».

«Получено в безвозмездный подарок без условий от фирмы „Логоваз“ 2 джипа „гранд чероки“ и 4 автомашины „тойота корола“ для нужд и разъездов членов экипажа, плюс оплата их вооруженной охраны на автостоянке непосредственно на набережной».

22.

Березовский приехал на два часа позже времени, которое сам назначил. Быстро и чуть сутулясь он прошел по протоптанной на льду тропинке от берега. Двое сопровождающих выглядели интеллигентно, как референты, и шкафообразно, как телохранители. Они двигались строем «уступ», он же «пеленг»: первый спереди-справа, прометая взглядом пространство, как локатор, второй сзади-слева, прикрывая шефа зонтиком от снега.

Один пристроился в тамбуре, другой пасса в офицерском коридоре.

— Ну конечно, — сказал томимый любопытством доктор Юре Беспятых, — без Березы у нас нигде не обойдется. А корабельной охраны ему мало?

— И родина ще-едро — что делала? — пропел Беспятых. — Поила меня-а — чем? Березовым соком, березовым сок-ком. И кормила березовой кашей. Этому дала, этому дала, а мне ничего не дала. Дров, видите ли, мало рубил. Это я-то дров не рубил?! Воды не носил... Как бы мне, дубочку, к березе перебраться — вот в чем вопрос: так пить или не пить?

От скуки лейтенант был пьян.

В командирской каюте Березовский снял пальто и потер руки. Его скромный исчерна-синий миллиардерский костюмчик был измят так, будто он только

что провел двое суток в кресле самолета. Лысый, невысокий, худощавый, быстрый, испускающий нервную энергию, он был похож в этом костюме и темном крапчатом галстуке на реинкарнацию Ленина в еврейско-брюнетистом варианте.

— Здравствуйте, очень рад, так, хорошо, садитесь, — с разгона начал он, посмотрел на Ольховского внимательнее, спохватился, улыбнулся углами губ: — извините, я имел в виду, конечно — позвольте сесть?

— Прощу. Слушаю. — Ольховский с интересом соотносил этот тет-а-тет с подаренными машинами, репутацией гостя, общей ситуацией и своей невнятной будущностью. — Чай, кофе, коньяк?

В кожаной папке, брошенной на диван, закурылкал телефон. Березовский схватил трубку:

— Да. Привет. Сейчас не могу. перезвони через два часа. Нет, лучше через три. Не подписывать ни в коем случае. Что? Потерпят. Все, пока. Обнимаю. — Бросил телефон. — О чем я? Да. Чаю и, если можно, пару бутербродов, не успел пообедать. Петр Ильич... Петр Ильич? Петр Ильич. Петр Ильич, давайте оценивать обстановку реально: мы живем в сумасшедшем доме. Но в этом есть своя логика. Своя логика есть. Эту логику надо понимать. И ее учитывать, использовать, действовать в согласии с ней, другой логики для нас у эпохи нет, у страны нет, никто нам ее не даст, вот в такое время мы живем. Согласны? Хорошо, идем дальше. Проанализируем ситуацию. Вы анализировали ситуацию? Смотрите. Почему вы затеяли ваше предприятие? Потому что вам все это осточертело. Понятно. Почему вам до сих пор это удавалось? Потому что всем это осточертело. Какой бизнес может быть успешным? Тот, который учитывает интересы всех сторон. До сих пор...

Папка зазвонила уже другим звуком: теперь зуммер наигрывал «Джингл беллиз».

— Алло! Я. А сколько можно повторять? А сколько еще времени тебе надо? Нет у нас на это недели!

Что? Пусть лопаются, это их проблемы. Все, обнимаю. Так о чем я? Да! До сих пор интересы большинства сторон совпадали с вашими. Это не может быть долго. Этот этап пройден. Надо смотреть вперед. Что будет дальше? Дальше борьба за власть выходит из подковерной стадии на ковер. Этот ковер не в гамбургском трактире, здесь гамбургского счета не ведется, здесь все согласовывается, это свои политические игры. Или ты будешь на щите, или под ковром, это в лучшем случае, а вообще будешь под асфальтом. Это понятно? Смотрите. В один прекрасный день вы обнаружите, что в стране кончились снаряды. Хорошо, договоримся с ВПК, снаряды будут. В один прекрасный день вы обнаружите, что вам некуда стрелять. Хорошо, договоримся с турками, реставрируют Кремль. В один прекрасный день вы обнаружите, что команда дезертировала. Сейчас вы прекрасно зарабатываете, но надо смотреть вперед, быстрое обогащение не может быть долгим, это я вам говорю, надо искать новые формы. Хорошо, поставим заградотряд. Его тоже надо кормить, чтоб не разбежался. Вы вылетите в трубу. Надо думать. Надо уметь прогнозировать ситуацию.

Следующий телефон спел из папки «Кукарачу». Березовский впился в принесенный бутерброд и отхлебнул чаю, одновременно выбросив ложечкой лимонный кружок в корзинку для бумаг.

— Алло! Я. Нет, неправильно. Рома, вопрос с алюминием решен. Нет. Толины интересы мы вынуждены учитывать. Завтра в час. Нет, лучше в шесть. В семь! Все, обнимаю. О чем я? Да. Завтра сюда пригонят крейсер «Петр Великий», и вы не выдержите конкуренции, он вас задавит и съест. На нашей стороне выигрыш во времени, его надо использовать. На нашей стороне общественное мнение, оно переменчиво, надо пользоваться моментом. Если вы хотите, если мы хотим реально изменить обстановку так, чтобы добиться успеха и получить выгоду, надо срочно менять методы...

Через полтора часа, когда давно опустела вторая тарелка с бутербродами, Ольховский находился в некотором гипнотическом трансе под сетью слов и напором этого человека. Он воспользовался отлучкой гостя в галльон, чтобы как-то привести в порядок мысли, следующие за обвораживающими выкладками, как воспитуемые детишки за гаммельнским дудочником-крысоловом.

— Вы не против, если я теперь приглашу старшего помощника? — спросил он. — Мы, в общем, все вопросы решаем с ним коллегиально.

Вошедший Колчак увидел разложенную на столе их политическую программу, составленную памятной ночью прихода. Сверху лежал лист, испещренный квадратами и кружочками, соединенными стрелками.

— Николай Павлович? Очень рад. Здравствуйте. Садитесь. Смотрите — вот сюда, видите? Итак. Вы полагали, что достаточно как следует пострелять — и все как-то само собой устроится. Плохие испугаются, разбегутся, затаятся, сдадут власть, ликвидируются. Станут хорошими. Заменятся хорошими. Хорошие придут на их место, и жизнь наладится. Революционная романтика. Прекрасно. Забыли только про инкубатор, где будут выведены эти хорошие. Это уже евгеника. Допустим. Вкачаем деньги в евгенику. Хорошие займут свои места в структурах — и тут же станут плохими. Доминирование фенотипа над генотипом. Смотрите — вот сюда. Надо брать в руки ключевое звено. Это элементарно. Ключевое звено — власть. Вы это наметили. Но не обеспечили. При неустойчивом равновесии системы власть — это точка равновесия. Намечаем основные силы. Поле электората — вот. Основные партии. ВПК. Энергоресурсы. Финансовые группы. Красные стрелки — противоречия. Зеленые — общие интересы. А вот в этот треугольничек помещаем вас — вы следите? Суммируем векторы. Что мы имеем? Улавливаете?

— Борис Абрамович предлагает мне баллотироваться в президенты, — пояснил Ольховский.

— Поддержка, раскрутка, реклама, пи-ар, масс-медиа — это уже не ваша забота. Есть структуры, есть люди, это все обеспечивается. Вы выигрываете выборы, я гарантирую, это просчитано.

Колчак щелкнул зажигалкой, заложил ногу на ногу, откинулся на спинку кресла и выпустил из ноздрей две струи дыма, как небольшой задумчивый дракон, озадаченный перипетиями флотской службы.

— А кого вы ждали? Чего вы ждали? Золотых ключей от Кремля на бархатной подушке? Политика — это не театр, политический театр оплачивается бизнесом. А в бизнесе ключи не дарят, их продают или предоставляют в обмен на услуги. Все лидеры сегодня скомпрометированы, все партии скомпрометированы, нужен свежий кандидат, за которым достойная биография, за которым пойдет избиратель. Фигура, как бы объединяющая интересы масс. За вами пойдут. Вам поверят. Больше ничего не надо. Остальное мы сделаем. Скромность, деловитость, сдержанность. И продемонстрированная способность к решительным поступкам. Ельцин сдаст вам полномочия до выборов, две фразы вклеим в видеоряд задним числом и прокрутим кассету по ТВ еще раз. Это придаст оттенок легитимности. Чтобы избежать как бы оттенка военного переворота. Алло! Я! сейчас не могу, завтра, завтра, завтра жду в час, нет, в два... все, обнимаю.

Ольховский нервно рассмеялся.

— У меня сын лечился от наркозависимости, — ясным голосом произнес он. — И состоит на учете.

— Черт. Черт. Что ж вы сразу не сказали. Это ерунда! Ерунда. Но может всплыть. Сейчас это не вовремя. Ничего. Замнем.

— И уже две недели не показывается дома. Хотел завербоваться воевать в Сербию.

— Это зря. Хуже. Сколько ему лет? Это может осложнить. Идиоты на Западе могут поднять вой.

Черт. Деструктивная деталь... Сын президента воюет против НАТО. А вам надо будет сделать заявление о возможности России вступить в НАТО. Куда же вы смотрели!!! А вдруг он погибнет? Это был бы другой поворот... Нет-нет, не дай Бог! Вы неправильно меня поняли, Петр Ильич!

Березовский вскочил, пробежался по каюте, остановился напротив Колчака. Посмотрел испытующе.

— В прошлом — командир ударного авианосца, — сказал Колчак. — И имею родственников за границей. Семья живет на Украине. — Подумал. — Может, и сам туда перееду.

— Так. Это решается. Например: авианосец утопим, семью перевезем. Согласны? — он увлекся вариантом и развил: — Авианосец спишем на происки самостийных национал-радикалов из Руха, семью проведем как беженцев: армия наша, патриоты наши, русскоязычные наши, беженцы наши... все проголосуют за нас! За авианосец долг привесим на Украину — энергетики тоже будут наши. Так. Ну?

— Моя фамилия Колчак, — сказал Николай Павлович Колчин.

— Черт! Нет, вот черт. Хорошо что не Троцкий. Так: делаем телефильм, выпускаем книгу, ставим памятник, — патриоты наши, монархисты наши... нет, коммунистический электорат нас не поймет... пенсионеры тоже... военные отставники, КГБ... Ну что ж вы, Николай Павлович, честное слово, а, — огорчился Березовский. — А фамилию сменить не хотите?

— Только на водку, — старой шуткой грубовато ответил Колчак.

— Алло! Я. Что? Пошел на хуй, больше не звони, все, обнимаю. О чем я? Извините. Да. Я вас понимаю. Морские офицеры, белая кость, завидую. Пострелять — пожалуйста, планов — громадьё, мужества и решимости, как говорится, не занимать, а в говно пусть лезут другие. Например, я. Революцию, значит, задумывают романтики, делают фанатики, а используют плоды подлецы. Так. Но надо срочно

нейтрализовать тошноту от этих плодов. Вы поймите: схема-то построена правильная! Список экипажа не позволите взглянуть?

— Что вас интересует? — вежливо поморщился Ольховский. — Я так вам скажу.

— Меня еще одна вещь интересует, — невпопад вставился Колчак. — С вашей точки зрения, Борис Абрамович, по вашей логике — как вы можете объяснить отсутствие наших разрывов в Кремле? Боеприпасы проверены — пригодные.

— Ха! Смотрите на них — у них пригодные боеприпасы! — пустил вдруг одесским говорком Березовский. — Тут и объяснять нечего. Вы «Сталкера» читали — в смысле «Пикник на обочине»? Кремль — это зона, вы понимаете: зо-на? Миллиарды долларов исчезают без следа. Полки исчезают, танкеры с нефтью. Тоже мне, загадка Бермудского треугольника. А вы с какими-то паршивыми снарядами. Потому что политически мыслить надо, экономически... а не баллистически.

23.

Замполит наслаждался жизнью — или, что то же самое, бездельничал. Разнообразя формы безделья, иногда он принимался ковырять в носу, с удовольствием глядя в иллюминатор. На берегу толстые, хорошо одетые люди выковыривали кирками не то траншею под теплоцентраль, не то окоп. За ними надзирал худой и плохо одетый человек с красной лентой на шапке и винтовкой на плече. Воздав должное кипению столичной жизни, замполит возвращался взором и мыслью к дежурной теме. Тема была озаглавлена в разворот конторской книги: «Моральное состояние экипажа и работа по его повышению». Он раскрашивал виньетки букв фломастерами из семицветного набора. После особенно живописной загогулины он втягивал глоток очень сладкого черного

кофе, сдобренного спиртом, и прижмурился. Как человек, понимающий смак службы, вызов к командиру он воспринял благодушно.

Командир и старпом со знаменитым олигархом по центру сидели за столом как экзаменационная комиссия или трибунальская тройка.

— Алло! Я. Могу. Перезвони через час, нет, через два. Все, обнимаю, — сказал председательствующий. — Здравствуйте, подполковник, садитесь ближе. Что? Да, извините, капитан второго ранга. Так. Значит, работник, в смысле офицер, вы исправный, нареканий по службе нет.

— Позвольте мне, — рубанул воздух ладонью Ольховский. — Слушай внимательно и пока молчи. Принято решение аттестовать тебя в президенты. Кандидатура обсуждена и согласована. Дела сдашь потом, не к спеху.

— В президенты чего? — удивился замполит.

— России! — сурово сказал Колчак. — А ты думал?

Замполит хлопнул глазами и переждал головокружение. Под ложечкой у него задрожало. Сквозь виски, с обратной стороны глаз, трассером пролетела телеграмма: «Не может быть тчк». И вдогонку: «я сплю тчк», «крыша поехала вскл», «у них крыши поехали вскл», «убьют мнгтч», «пиздец мнгтч», «а хули впрс», «вот это да тчк» и замыкающей, большими буквами: «вот это карьера три вскл». Через паузу прошла последняя депеша: «мама тчк». Он встал на занемевших ногах (в венах побежали нарзанные иголки), кашлянул и одернул тужурку.

— Когда? — нетвердо каркнул он.

Опомнился, опал, скис:

— Уф-ф-ф-ф... Что вы. Куда. Не могу. Вы даете. Ё-моё.

— Почему?

— Не справлюсь.

— С чем?

— Вообще не справлюсь.

— Почему?

— По уровню. Не дорос. Не дошел еще по лестнице.

— Этот аргумент поберегите для виселицы, — посоветовал Березовский.

— Тебя, тля, не спрашивают, — ласково сказал Колчак. — Тебя ставят на место, где ты нужен.

— Кому?

— Кому надо, тому и нужен. — Колчак покосился на Березовского. — Считаю, что всем. Поход на картошке проволынил? Концертом на День флота решил отделаться? Пора впрягаться по-настоящему. Лямку тащить. Чтоб служба медом не казалась. Хватит отчеты раскрашивать.

— А... политуправление флота? — спросил замполит.

— Согласовано, — быстро ответил Березовский.

— Н-ну?! — рявкнул Колчак.

— Коля, не волнуйтесь, дайте мне, — сказал Ольховский. — Володя, стране нужен молодой энергичный президент. Если это будет старший офицер с «Авроры», — ты представляешь, сколько симпатий, сколько доверия это вызовет? Нас, слава Богу, все знают, и заслуги наши все знают. Причем — не карьерист, не новый Пиночет, не командир корабля, который затеял военный переворот, а нормальный, скромный капитан второго ранга. Службист, исполнительный, образованный, интеллигентный (последнее слово он произнес так, будто гладил замполита по голове). Это будет твой лучший вклад в наше общее дело.

— А иначе зачем мы все это затеяли? — сказал Колчак. — Конец — делу венец. Свой человек в Гаване. В смысле в Кремле. Есть власть — есть все. Сделаем как надо.

— Происхождение? — спросил Березовский.

— Из крестьян, — отрапортовал замполит. — Сын сельского юриста.

— Это как?.. — удивился Березовский.

— Ну, отец много лет был в колхозе, но еще — заседателем народного суда.

— Отлично! Отлично. То, что надо. Из крестьян — аграрии и деревня наши. Сын юриста — ЛДПР тоже должна поддержать. Молодец!

— Вообще-то когда я родился, они уже в Ленинград переехали, — виновато сообщил замполит. — Так что я вообще-то городской, вроде.

— Вообще замечательно! — оживился Березовский. — Ленинградцев в стране любят... в отличие от москвичей. Хранилище культуры, воспитанность, колыбель трех революций, люлька, как говорится... будет и четвертая, ха-ха. Подключим Боярского, Розенбаума, Лихачева... что — умер? Да, правильно, черт. Ничего. Чубайс — ленинградец, попробуем нащупать общие точки на этом... Степашин ленинградец, связи в МВД... черт, все не привыкну говорить петербуржец.

— Квартира, машина, дача, оклад, охрана, загранпоездки, — перечислил Ольховский. — Чин — главнокомандующий. После окончания срока — персональная суперпенсия и куча предложений на роскошные синекуры.

Перед замполитом поплыл, исчезая, кадр из «Мира животных», где кто-то тонконогий и тонкорогий слабо дрыгался в зубах у ловкого и ухватистого.

— Совесть, — догадался Березовский. — Перестаньте. Вы никуда не рвались. Вас пригласили, попросили, назначили, заставили, оценили, уговорили, убедили. Работа есть работа. Так. Смотрите дальше. Образование — что заканчивали? М-да... Что-о — и юрфак ЛГУ заочно? Гениально. Сколько курсов? А-а... Ничего. Ерунда. Формальность. Сделаем. Ленинградец должен быть интеллигентом, ваш командир правильно отметил. Проведем церемонию, мантия, шапочка, ректор, сделаем вас почетным профессором Петербургского университета... м-м, профессура поморщится, но на массы это произведет впечатление... так, надо чуть подумать. Так что все в порядке... как вас? да, Володенька... Нет, это не годится. Надо привыкать к солидности, к дистанции, никако-

го амикошонства. По отчеству. Как? Вот так лучше. Владимир Владимирович. Неплохо. Владимир Мономах, Красное Солнышко, Ульянов... м-м... Нет, неплохо. И инициалы, как Брижжит Бардо. Или Внутренние Войска. Владимир Владимирович, пройдитесь, пожалуйста, по комнате. А? Да, по каюте.

Замполит дважды прошел из угла в угол. Он был в понятном обалдении. Но постепенно в голове начинало как-то устаканиваться.

— Что за походка, черт, почему вы так странно как-то ходите? Будто на каждом шаге эспандер в кулаке жмете.

Годами выработывавший моряцкую развалочку замполит обиделся.

— Ладно. Поработаем. Черт. Некогда. Ничего. Сунем в телевизор какую-нибудь... м-м... заслуженную балерину, пусть скажет комплимент про особенности... м-м... мужественную особенность вашей походки. Все запомнят. Индивидуальная черта.

— Рост вот у меня... — замполит виновато развел руками.

— А вот это как раз хорошо, — Березовский вылез из-за стола, подошел, сравнил уровень плеч — они были примерно одного роста с замом. — После здорового Ельцина нужен контраст. Небольшие, худощавые, даже щуплые — лишние симпатии людей. Суворов, Наполеон, Фридрих Великий, Франко, Махно, Пушкин, Пикассо — отлично. И при этом — дух, воля, характер, такие люди особенно нравятся. Спортом занимаетесь?

Офицеры заржали. Замполит потупился.

— Будете заниматься. Так. Владимир Владимирович, первое вам небольшое задание. Проверка, можно сказать. Представьте себе, что, скажем, террористы взорвали дом в Москве. Жилой. Много погибших. Народ жаждет мести, правосудия. Вы — кандидат в президенты. И. О. начальника страны, так сказать. Надо выступить перед народом, пообещать, что найдете гадов и покараете. Ваши слова —

быстро! не раздумывая! первые попавшиеся! от души! ну!!

— Будем гадов мочить везде, где отловим, хоть в гальюне! — выпалил замполит, играя желваками.

Березовский хлопнул в ладоши:

— Bravo. Адекватно! Скрытая страсть, экспрессия выражений при спокойном голосе! Только фильтруй базар... а? Да: поработайте над лексиконом — не гальюн, а клозет. Или сортир. Иначе не все поймут. В профиль повернитесь, пожалуйста. Своеобразие есть. Кукла получится узнаваемая.

— Какая кукла?.. — опасливо отодвинулся замполит. «Благодарность Иванову-Седьмому за чучело птеродактиля», — безумно мелькнуло у него.

— Ну, для передачи, где Шендерович. Так. В командировках бывали?

— Да вот осенью. В Оредеже, на картошке.

— Какая картошка?! За границей работали? Кандидат в президенты должен знать мир, Запад. Надо что-то придумать. Замполитство даст нам лояльность КПРФ, часть ее электората. Кстати: а вот серьезная структура ФСБ с ее длинными руками и компроматом. А если оформить вас там задним числом — тем же званием? Вы в детстве разведчиком не мечтали стать? Подполковник ПГУ, резидентура в одной из европейских стран. Это может обеспечить и поддержку ФСБ, и симпатии романтических пацанов. Подвиг разведчика, и один в поле воин, щит и меч. И объяснение, почему никто не знал этого раньше: секретность конторы. Есть!

Березовский выдернул из-под телефонных трубок папку, а из папки — чистый лист, и стал чертить на нем квадратики, выстраивая их в пирамиду. В верхнем написал большое «П».

— И фамилия гениальная. Попадание, сто процентов попадание! Пу-тин. Путь. Путный. Путевый. П-П — Путин президент! Вальтер ПП, автомат ППШ. Светлый путь. Верным путем идете. Путь из тупика. Дорога к храму. Свет в конце тоннеля. Путь

наверх и жизнь наверху. Путь Абая. Распутица. Путь к причалу. Дорогу осилит идущий. Эх, дороги... пыль да туман! Путь далек у нас с тобою — веселей, солдат, гляди! — он хлопнул замполита по спине. — Какие прекрасные ассоциации! Коллективное бессознательное уже на нашей стороне. Все, обнимаю!

24.

Желтый, зеленый, розовый закат над зимней Москвой блистал лаком. Ватные дымы из далеких труб клеились в него. Черные угольнички вороньих стай крапили свет. Своя, знакомая ворона хохлилась на оттяжке фок-стенги.

— Прописалась она здесь, что ли, — проворчал Вырин, топчась в тулупе на сигнальном мостике.

Замполит позировал фотографу, принимая морские позы. На нем была меховая куртка катерников, одолженная у Мознайма, и суконная походная пилотка Беспятых. Когда уши делались от мороза малиновыми, замполит грел их ладонями.

Фотографу теребили две немолодые журналистки, торопя освободить очередь. Всю ночь им предстояло записывать под диктовку биографию замполита. Синописис биографии был спущен им сверху через издательство «Вагриус». Баснословный аванс за книгу «Вагриус» замполиту уже выкатил.

Им пришлось прождать начала гомеровских поэм лишний час. Ольховский с Колчаком проэкзаменовали замполита на знание своей политической программы и заставили расписаться в получении экземпляра, как приказа вышестоящего командования, подлежащего к немедленному и беспрекословному исполнению.

— Уж ты не подгадь, родимый, — сказал Ольховский, разливая коньяк. — Свой, как-никак.

— Прорвемся! — обнадежил замполит, со стуком ставя стакан.

На втором стакане в каюту стеснительно влез Иванов-Седьмой. В руках у него была картонная папочка с наклейкой «Письмо к народу». Путеводный труд не пропал даром — он разборчиво и красиво переписал из него десять страниц до того места, на котором был прерван Долгоруким.

— Владимир Владимирович, возьмите... пригодится. Здесь мысли, тезисы... постарайтесь опубликовать. Лучше в газетах.

Бедняга скрывал гордость и боль. Для пользы дела он жертвовал самым дорогим — своим авторством.

В полночь замполиту дали дернуть за шнур бакового орудия. Телекамера снимала. Тройки с фонариками на оглоблях неслись по заснеженной реке. С них свистели и гикали.

— Мы видим, как наносится удар по беспределу и коррупции, захлестнувшим страну, — вещал в микрофон комментатор, выдыхая пар. — Народ верит, что этот выстрел попадет в цель!

— Другой рукой укажи, — попросил оператор.

— Так там же... что? Кондитерская фабрика.

— Неважно. Так лучше в кадре смотрится. Потом смонтируем. Ребята, гильзу можно поднять и уронить еще раз, чтоб покатилась? Ага... спасибо.

За завтраком замполит пил пиво. Он таращил глаза и не ворочал языком. Моргая, он забывал поднять веки, и тогда по лицу брела двусмысленная довольная улыбка.

— Литературный труд очень тяжел с непривычки, — посочувствовал Иванов-Седьмой. — А журналистки твои ничего — бодро уехали.

— Практика, — сказал замполит, роняя голову.

Ему дали поспать и в полдень отвели на повторный выстрел.

После выстрела в большой кают-компании пошел последний инструктаж.

— Давайте заказы и наветы, — сказал замполит.

— Что?

— Наказы и заветы.

— Ленина похоронить, — нервно вспомнил Вырин. — И легализовать проституцию.

— Частная собственность на землю, — негромко попросил Бохан.

— Свободная продажа оружия, — вскинул руку Шурка. И по какому-то клочку бумажки прочитал: — Вот. «Поскольку народ несет священную обязанность в любой момент и по своему усмотрению устанавливать тот общественный строй и свободно избирать то правительство, которые необходимы для блага отечества, право народа на хранение и ношение оружия не подлежит никаким ограничениям».

— Опубликуйте мое письмо, — напомнил Иванов-Седьмой. — И хорошо бы увеличить государственные субсидии на издание книг. Чтобы у каждого автора была честная возможность.

— Будет справедливо выделить квартиры ветеранам движения, — надавил Мознаим. — И предоставить им налоговые льготы в торговле.

— Исполнение закона в каждом случае и любой ценой, — сказал Беспятых.

— А бандитов расстреливать на месте без суда и следствия, — добавил Габисония.

— Здравоохранение и образование, — дважды ввинтил палец вверх доктор. — В первых строках бюджета — по полной программе. Пока все не сдохли в невежестве.

— Запретить законом употребление наркотиков, — изумил всех Груня.

— Протекционистские законы для пищевой промышленности и сельского хозяйства, — солидно потребовал Макс. — Пока «МакДональдс» с «Кока-Колой» нас не схавали совсем.

— Ребята, — попросил зам, — давайте в письменном виде, я не успеваю записывать.

Колчак ощупал его изучающим неприятным взглядом.

— Обожди немного, — сказал он. — Я вызвал мастера из салона татуировок, сейчас должен подъехать.

— Зачем?..

— Понимаешь, есть такая биологическая особенность у президентов. Они не только куда-то теряют наказы избирателей, но потом кидают и собственную команду. Не по злomu умыслу, а так выходит. Вот мы тебе это все и выколем по фасаду. В зеркальном изображении. Утром шасть в ванную — оп-па: и все перед глазами!

— Не забуду, как мать родную! — поклялся замполит, меняясь в лице.

— Шучу, — вздохнул Колчак. — А жаль.

— Слушай, — сказал Ольховский. — Делай ты все, что угодно, но чтобы этот бардак кончился, наконец. Жукову поставь конный памятник на Красной площади. Зимний в Петербурге отреставрируй. Ходынку закатай асфальтом, построй дома. И дважды в день, дважды в день, перед завтраком и перед сном, перечитывай нашу программу. Потеряешь — позвони: мы тебе еще экземпляр пришлем.

— У кого есть Конституция? — спросил замполит. — Моя куда-то девалась.

— У меня есть Конституция, — сказал Иванов-Седьмой.

Вестовой сбегал и принес.

Замполит встал, возложил правую руку на синий переплет и поклялся матерью, погонами и всем святым:

— ...а если надо — и саму жизнь!..

В заключение выпили и обнялись. Кортёж черных лимузинов уже сигналил на набережной.

— Давай, Владимир Владимирович!

— Мужики, — взмолил замполит, — последняя просьба приговоренного. Стреляйте вы, ради Бога, холостыми! Ну хоть днем... ночью уж ладно, буду иметь в виду, хотя рабочий день не нормированный. А ну как грохнет в конце концов. Обидно все-таки от своих погибать. И вообще.

— Красивая, поехали кататься! — выплясывала «На-На». — От пристани отходит теплоход!

Поклонницы визжали и размахивали кофточками. На кадр наслаивалось изображение «Авроры» у набережной. Отходить она никуда не собиралась.

В отличие от размеренной жизни на борту — вахта, жратва, телевизор, — события на берегу помчались с замечательной скоростью, будто проснувшийся кинемеханик спохватился и запустил перемотку.

Организовали досрочные выборы. Начали войну в Чечне. Объявили о повышении зарплат бюджетникам. Объединили Россию с Белоруссией, хотя и невнятно. Зарыли Лужкова и почти было сменили его с мэров Москвы. Торжественно похоронили Собчака и отдали под суд снятого кремлевского управделами Бородина.

После взрывов домов в Москве Ольховский почернел и достал из сейфа план минирования.

— Все-таки взрывают, сволочи, — проскрежетал он, водя пальцем. — Но почему не с того начали?..

— Лиха беда начало, — сплевывал Колчак. — Объединяет народ против общего врага. М-да, а чем еще.

Мгновенно сварганили удивительное движение «Единство». Во главе поставили троицу, приятную во всех отношениях: борца-чемпиона, милиционера-генерала и спасателя-министра — без политического прошлого. Движение тут же задвинули в Думу и в одночасье объединили с коммунистами, получив послушно-подавляющее большинство.

— Учись, Петька, — крикнул Колчак.

— Нэт, маладцы, — удивился Габисония.

— Этого из Думы не выкинешь, — признал Ольховский, глядя на борца, похожего на умного лысеющего медведя. — Этот сам всех заламает.

— А милиционер его оправдает. А спасатель будет спасать заломленных. Слушай, а Вован-то в порядке. Рубит.

Добросовестный замполит, попав в новые условия, развил непостижимую деятельность. Он метался по городам, недолго слушал, недолго говорил сам, скупно улыбался и щедро раздавал ордена. Когда времени совсем не хватало, он летал на заднем сиденье «Су-27». Журналисты с восторгом присочинили, что он еще и «немножко пилотирует».

Замполитом его продолжали называть, естественно, только на корабле. Владимир Владимирович Путин не вылезал из телевизора и был у всех на языке. Поначалу он стеснялся перед телекамерой, но это проходило. Он немножко слишком прямо держался; немножко неумело носил штатский костюм, болтающийся на нем, несмотря на усилия модельеров; немного попугивал аудиторию военной прямоотой выражений. Но ведь и Линкольн был неуклюж, и Бисмарк груб. И даже странная, явно не сухопутная походка была быстро зачтена ему в своеобразие.

26.

День чиновника был подготовлен в масс-медиа мягко и массирувано, так, что казалось, будто идея вызрела сама собой, в порядке эволюции. Плод имел богатые исторические корни.

— В Библии мы читаем, что Господь не только миловал, но и карал злостных грешников, — степенно излагал патриарх Алексей. — Дух же Святой снисходит на Землю через сообщество людей, в которых и воплощается Божья Церковь. И если сообщество людей, не забывая о милосердии, карает кого-то — в их действиях проявляется Высшая воля, ибо не забудем, что все законы земные — от Бога.

Сначала казалось, что проповедь никак не увязана с очередной передачей «Америка с Таратутой», где ведущий таратутил (простите матросский каламбур) про особенности национальной охоты — суд Джона Линча.

— По одной из версий он берет начало в Калифорнии, во времена золотой лихорадки, — звонко сыпал он на фоне моста через Золотой Рог. — Поскольку власти не справлялись с засильем любителей легкой наживы, захлестнувший край через край, старатели старались сами поддерживать порядок, наказывая тех виновных, чья вина виделась бесспорной.

Внешне никакого отношения не имела к ним лекция почтенного профессора истории Афанасьева о законодательстве древних Афин.

— Что такое, по сути, остракизм, — со вкусом рассуждал он в мягком кресле. — Это прямое, общее, равное голосование всех граждан, можно сказать — плебисцит. На обсуждение ставился жизненно важный вопрос: от кого исходит наибольшая угроза государству. И к нему принимались меры. Таким образом афинская демократия веками оберегала себя от опасности тирании.

В «Сельском часе» Юрий Черниченко горячо живописал право крестьянского схода наказывать конокрадов: «Да, кольями. Но ведь без лошаденки крестьянской семье смерть. По миру пойти!»

И даже в «Играй, гармонь любимая!» атаман Донского казачьего войска, перетянутый ремнями и увешанный крестами, помахивая любимой нагайкой в такт любимой гармонии, ратовал в объектив:

— Кто наказывал виновного? Продажный судейский чиновник? Их на казачьих землях не было. А порядок был, и честность была! Казачий круг выслушивал вину — и судил по казачьим понятиям. По справедливости и традиции.

И уже не выбивалось из общего ряда интервью со старым колымским зеком. Старик был дряхл, но по замаскам крут. В интерьере не то дома престарелых, не то обычной зоны, он предавался воспоминаниям:

— Конечно, было трудно. Но — дура лэкс, сэд лэкс. Закон дурак, но без закона никак. На общие работы никому не хотелось. А надо. И тогда придумали. Кто на разводе последний выходит — того

расстреливали. На расстрел никому не хотелось еще сильнее, чем на общие. Все бегут, толчая в воротах. И это помогало. Давали кубики. А как же.

Таким образом, когда были отпечатаны бюллетени с обычным девизом «Голосуй, а то проиграешь!», они были восприняты электоратом не только с горячей симпатией, но и полным пониманием.

Бюллетень содержал один пункт: «Кого из известных Вам российских чиновников Вы считаете приносящим наибольший вред стране». Далее следовали графы с первой по пятую, куда следовало внести пять фамилий в порядке убывания вредности.

Референдум прошел на ура. Выборные комиссии блокировали участки для голосования, пока не получали на руки, согласно закону, копии списков.

Центризбирком выдал на-гора цифру проголосовавших в 97,19%, чего не бывало с советских времен. Когда предоставляется шанс кого-нибудь конкретно вздрючить, политическая активность масс взлетает до небес. Пи-арщики сработали гениально. Нетрудно быть гениальным, если делать то, чего всем хочется.

Разумеется, большая часть кандидатур отпала еще на районном и областном уровнях. Все эти начальницы паспортных столов, директора заводов и начальники ГИБДД лидировали с приличным отрывом, но только в своих вотчинах. В финал выходили зубры общероссийского значения.

День был объявлен нерабочим, что усугубляло и без того праздничную атмосферу.

— Наши телекамеры установлены на Красной площади! — гремел телевизор. — Много лет здесь не видели такого подлинно всенародного ликования! Солнце, как на заказ, заливает своим светом древние стены. Вот движется колонна завода «Манометр», за ней показывается голова «Трехгорной мануфактуры». Милиция с трудом справляется с этим бесконечным притоком зрителей. Все хотят увидеть незабываемое зрелище! Вы видите машины «скорой помощи» у Исторического музея. Будем надеяться, что

они никому не понадобятся, но... все может быть! Такое волнение, такое волнение, дорогие телезрители, чье-то сердце может не выдержать!.. Я сам чувствую, как мое сердце бьется сильнее. Кто же, кто — будет тем единственным, ради кого мы собрались!

Близится полдень, стрелкам курантов на Спасской башне осталось пройти совсем немного! Еще немного, еще чуть-чуть! Вот на трибуну поднимаются руководители правительства, силовых ведомств, лидеры думских фракций. На их лицах тоже можно различить волнение. Еще бы! Такое событие!

Вот сейчас камера должна показать пять позолоченных фигурок на столике, они тоже ждут своей минуты. Они ярко блестят в этом солнечном свете, мне даже приходится щуриться. Это своего рода наши российские «Оскары». Но цена их, конечно, выше, неизмеримо выше! Достаточно сказать, что тот, кто со временем соберет пять таких фигурок, станет в свою очередь главным виновником церемонии. А для одного из финалистов она наверняка окажется единственной!

А столик стоит на Лобном месте... оно немного загорожено толпой, но сейчас камера даст вид сверху, и все будет хорошо видно. Он стоит рядом с виселицей. Вы видите веревку с готовой петлей. Для любознательных могу сообщить, что это не синтетика, а натуральная пенька. Традиционная добротная пенька, сделанная из стеблей конопли. Да-да, той самой конопли, которая стяжала себе столь недобрую славу в последние годы. И конопля может принести большую пользу, если правильно к ней подойти! Все дело в людях, в нас с вами!

Виселица собрана ночью работниками тарного цеха фабрики «Ява». Невозможно удержаться от шутки: Министерство здравоохранения Российской Федерации предупреждало вас, что курение опасно для вашего здоровья! Согласитесь: это невольно должно заставить любителей табака задуматься, не бросить ли, пока не поздно!

Овация! Свист! Рев! Боже мой, какой рев, от него лопаются барабанные перепонки! Это под конвоем проходит на свое место, на это древнее круглое возвышение, наша пятерка претендентов на высший, так сказать, приз. Они бледны. Конечно, это естественно в их положении.

Первый идет Чубайс! Какой праздник для его врагов! Не считая бледности, он выглядит вполне спокойным. Да, как ни относиться, но этому человеку не откажешь в твердости. За ним следует его бывший коллега Гайдар! Он похудел, сильно похудел. Неужели и ему, как его прославленному когда-то деду, предстоит отдать жизнь за свои идеалы? Да-а, демократам надо признать, что сегодня не их день. Сегодня — День чиновника! Но если вдуматься — это день народа. Вот такое диалектическое противоречие и единство. Что ж, надо иногда и жизнь отдать за того, кому служишь.

Следующим по ступеням поднимается... Березовский!! Вот это сюрприз!.. Да, депутат Думы, бывший секретарь Совбеза... тоже чиновник. Но его появление здесь явно опровергает слухи, что именно Березовский выдвинул кандидатуру Путина и поддерживает его. Такой мэтр, такой умелец никогда не допустил бы такой промах, будь Путин его кандидатурой. Впрочем, еще не вечер, подождем развития событий.

За ним следует бывший министр финансов Павлов. Да, крепко запомнил его народ. Если что и спасет сегодня Павлова, так это лишь наличие достойных соперников. Он уронил очки... конвоир подает их ему... кажется, очки не разбились.

И замыкает эту короткую, но такую весомую цепочку директор Центробанка Геращенко. Вот этот спокоен абсолютно. Да-а, вот что значит старая закалка. А ведь он сегодня — наиболее вероятный кандидат на новый галстук!

Остается пять минут! Начинается раздача статуэток. Как принято на конкурсах, они вручаются, на-

чая от последнего места. Победитель остается на сладкое.

Площадь замерла. Все чувства обострены. Кто же, кто!!!

Павлов! Пятое место — Павлов! Он поднимает статуэтку над головой, потрясает ею! Что это? Кажется, ему плохо. Через толпу пробивается реанимобиль. Вот зачем они стояли у музея! Да-а, от такого потрясения можно и умереть. Кажется, зрители не огорчились бы. Но — хорошего понемногу.

Пока врачи хлопочут над Павловым, мы воспользуемся паузой и скажем несколько слов о ведущих, объявляющих решения большого жюри и вручающих награды. Вы видите — это наши телезвезды, Арина Шарапова и Сергей Доренко. Говорят, Доренко на ОРТ выполнял заказы Березовского и получал от него зарплату пятьдесят тысяч долларов в месяц. И вот теперь — такая встреча... Но смотрите — они дружески переговариваются о чем-то! Да: в больших делах нет личной дружбы или личной вражды. Им помогает Юлий Гусман, вездесущий Гусман! Да-а, вот такой путь прошел один из родоначальников нашего КВНа. Вот он подает Арине следующий конверт. Ну?! Кто же?!

Березовский!!! Березовский!!! Толпа свистит и хохочет. Кажется, зрители предпочли бы увидеть повешенными всех пятерых. Но — закон есть закон. Я думаю, вы вместе со мной не сомневались, что могущественный олигарх и на этот раз выкрутится! Прямо, что называется, из петли! Он смотрит на нее и улыбается. Доренко пожимает ему руку... Рожденный быть утонутым не повешен... в смысле рожденный быть повешенным не утонут, в том смысле, что у нас наоборот.

Кто же третье место? Гайдар! Он отдувается. Принимает статуэтку, вертит ее как будто растерянно в руках, сгибает в подкову и прячет в карман. Говорят, он много лет занимается армреслингом. Да: вот Доренко кривится от его рукопожатия.

Остаются двое: Геращенко и Чубайс. Это уже серьезно. Кажется, у Шараповой закружилась голова. Появляется врач, дает ей понюхать нашатырь. Мы редко задумываемся, какое напряжение сил требуется от ведущих. Привыкли только обсуждать их туалеты и гонорары. А ведь ей сейчас, может быть, не легче, чем участникам.

Так... Внимание!... А-а-а-а!!! Чубайс!!! Чубайс выходит на второе место!!! Вот это матч, дорогие телезрители, вот это игра, какой момент!!! Вы видите, простите, я даже забылся от волнения и перешел на футбольную терминологию. Но этот русский футбол — не какой-то английский соккер, и даже не американский, и даже не регби. Это сравнимо... да что там, это, конечно же, не сравнимо ни с чем!

Овация! Непрекращающаяся овация на Красной площади! Этот грохот, это непрерывное ритмичное землетрясение, все звуки заглушены! Но можно видеть, и мы видим!

У всех у нас есть претензии к Центробанку, и вот наконец мы их можем выразить! Геращенко обступают... его не видно... ставят на табуретку... Гремят барабаны кремлевского оркестра, по движению палочек понятно, что они выбивают дробь, но и ее не слышно! Все! Вот! Что-о? Неужели не выдержит веревка? Бедная Россия, и повесить-то в ней толком не умеют! Похоже, уступают еще наши товары западным. Нет, слава Богу, кажется, все обошлось. Да! Свершилось! Свер-ши-и-и-л-о-о-о-с-ь!!!

Тишина. Мертвая тишина. Кажется, все даже перестали дышать. Встают на цыпочки, вытягивают шеи. Вы видите, некоторые девушки сидят на плечах своих кавалеров. Все смотрят на... того... который... сейчас... последний... День чиновника. Вот такой у нас теперь ежегодный всенародный праздник.

И вот в этой тишине кремлевские куранты отбивают свои двенадцать ударов. Многие сверяют часы.

Что?! Подождите... Кажется, это что-то непредвиденное... Неужели террористы осмелились в этот

светлый день на новое преступление? Да! Это взрыв! Взрыв в Кремле! Кирпичная пыль! Вы видите, как взметнулись в небо вороны! Звон стекол, отдельные обломки летят через стену в толпу! Люди приседают, прикрываются руками! Наш оператор прикрывает собой камеру, открыт только объектив! Это гнусное злодеяни...

Подождите. Что-то происходит. Надо разобраться. Люди аплодируют. Чему? Как это надо понимать?

Вот в чем дело! Вслушайтесь в это скандирование! «Ав-ро-ра!»! «Ав-ро-ра»!! «Ав-ро-ра»!!! Все встает на свои места! И даже больше! Гораздо больше! Это снаряд «Авроры» разорвался в Кремле! Полуденный выстрел «Авроры» поразил! Нашу цель! Мы ждали! Предки с нами! Справедливость побеждает! Ур-ра!

С праздником вас, дорогие россияне!!!

На площади все приходит в движение. Демонстранты начинают опять группироваться в колонны. В такой давке это нелегко! И вот они начинают прохождение мимо мавзолея и Лобного места. ОМОН с трудом удерживает порядок, но пока все в порядке.

На этом мы завершаем свой репортаж и прощаемся с вами. Передачу вели Николай Фоменко и Павел Лобков.

27.

— Ты чем заряжал?! — орал Ольховский, меча хлопья пены.

— Холостым... чессслово... ведь день, я зинн... — бормотал и трясся Шурка.

— Да вот снаряд... в ящике... товарищ капитан первого ранга, — тыкал Габисония, пятясь.

— И звука, что летит, не было, — подал голос сверху Серега Вырин.

— Ну ни хрена тогда не понимаю... А разрыв откуда? Командир БЧ-2!!! Поч-чему раз-рыв по цели????!!!

— А какая, в сущности, разница? — рассудительно парировал Беспятых. — Главное — мы получили результат.

— Мы получили! Еще неизвестно, кто и что получил!

— Действительно — зона, — пожал плечами Колчак.

— Зо-она! Это... пиздец, а не зона!

— А м-м-м-может, это од-д-дин из п-п-п-прежних рванул? — вытряс из себя Шурка и попробовал придержать скачущий подбородок рукой.

— Да? А почему сейчас?

— Сами, суки, грохнули, а на нас теперь навесят, — спустил сверху Вырин.

— Орудие пробанить и зачехлить, — приказал Беспятых и повернулся к щиту спиной. — Петр Ильич, вы сегодня по телику рейтинг Путина последний не видели?

— А что? — Ольховский почувствовал, что сесть сейчас совершенно необходимо и поэтому правильно, и опустил на ступеньку трапа, ведущего на мостик.

— А рейтинг хороший. Пятьдесят три процента.

— И что?

— Вот и ответ. Знаете, в артиллерии говорят: «Без „еб твою мать“ и снаряд не туда летит».

— Лей-те-нант! Зарываешься?! Смир-рна! Ладно, продолжай...

— Ну, а с хорошей матерью и холостой рванет. Если кому сильно надо. Значит, сильно.

— Сука, сука, кто придумал брать философов в артиллерию!

— Минобороны.

— Вообще-то, — примирительно сказал Колчак, щурясь на оседающее над Кремлем бурое облачко, — в старое время комендору давали за хороший выстрел чарку и серебряный рубелек.

— Си-чаззз. Сам выпью. Ладно, пошли... вспрыснем.

«Я вижу город Петроград в двухтысячном году: бежит матрос, бежит солдат, стреляют на ходу, банкир готовит пулемет — сейчас он вступит в бой. Висит плакат: „Долой господ!“, „Анархию долой!“»

Иванов-Седьмой дважды перечитал написанное, и пришел к выводу, что написал стихи. Автор был приятно поражен. До этого единственное стихотворение в жизни удалось ему в семнадцать лет. Оно было о трагической любви и самопожертвовании. Под влиянием своего произведения он подал документы в военно-морское училище. Понадобилось прожить жизнь и завершить карьеру, чтобы обнаружить себя на поэтической вершине.

«Стихи рождаются в душе, но происходят из жизни», — сказал он себе и задумчиво посмотрел на жизнь. Жизнь на «Авроре» наблюдалась в иллюминатор. Там действительно бежал солдат, и довольно быстро. Но торговцы настигали. В руке солдат зажал блок сигарет. Дистанция сокращалась, и бой, похоже, предстоял вскоре. Мысленно солдат наверняка стрелял, но ему мешало отсутствие автомата.

«Словно прирос к руке солдата автомат», — застрочил Иванов-Седьмой. — «Всюду врагов своих заклятых бил солдат!»

Торговцы догнали солдата и принялись бить. Поэт отвернулся.

Не было бы счастья, да несчастье помогло, горько вздохнул он. К поэзии летописец обращается от беспомощности. Когда по какой-либо причине не может (или не хочет) изложить события честной прозой.

А события последнего времени поставили Иванова-Седьмого в тупик. В поисках выхода из тупика искусство попробовало опять принадлежать народу. Отчаявшийся автор обратился к аудитории: господа, чего вы хотите? Как правильно? Что вам видится?

Кубрику виделось примерно так:

Сводный отряд добровольцев Балтфлота (семьсот человек, полный экипаж) прибывает на «Аврору». В баталерке всем раздаются черные кожаные куртки, а в оружейке — маузеры. Грузовики экспроприруются прямо на улицах. Правительство арестовывается, шпионы, вредители и олигархи расстреливаются. Летучие отряды матросского гнева захватывают телевидение, радио, редакции газет, вокзалы, аэропорты, банки. Объявляется о смене власти. Спешно проводятся честные всеобщие выборы. Но диктатора на первые лет пять назначим сами. И — дембель всей команде. Денежное вознаграждение — и по домам!

Кают-компания, в силу возраста и образования, была вдумчивее и обстоятельнее:

Людьми, конечно, пополниться. И озаботиться современным оружием. Решительным штурмом захватить Лубянку (нужны огнеметы). И одновременно — здание Министерства обороны. Директора ФСБ и министра обороны брать ночью, в постелях, живьем. Под пистолетом они отдают приказы дзержинской дивизии, или как ее сейчас, Таманской и Кантемировской: не вмешиваться. Президент, правительство, Дума, Останкино — хватит по одному штурмовому взводу.

После этого все разводили руками, матерились, смеялись и добавляли:

— Но это — в нормальной стране! Прошло бы — на голубом глазу. А в этом сумасшедшем доме — сам видишь, разве можно что-нибудь планировать?!

Иванов-Седьмой впал в ступор, затворился у себя и стал писать стихи: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, какой пассаж, едрена мать, во что же нам осталось верить? Родина-мать проглотила аршин, тужится мальчик на судне один. Политическая воля, нет уж дней тех сладких боле, где под каждым нам кустом был готов и стол, и дурдом: воля волей, коли сил непроворот, а если наоборот, шпрот вам в рот? Плохая им досталась доля, не многие вернулись с поля, когда б на то не

Божья воля — мы б не вошли в Москву ни во сне, ни наяву, сами еле на плаву, драть кремлевскую братву. Сегодня мы не на параде, все вы бляди!»

— Да вы никак нахрюкались! — удивился вестовой, расталкивая его к обеду.

— Что-о?!

— Виноват. Я хотел сказать: наклюкались.

— Такова па-а-эзоу!эть-тическая жизнь... — заплетающимся языком выговорил Иванов-Седьмой, борясь со спазмами.

Обед был прерван транслированным воплем сигнальщика:

— Мужики-и! Вы телевизор смотрите?!!

Резко бросили жрать и включились в политику.

На балконе Белого дома махал кулаком и мегафоном генерал Макашов. Со своим породистым носом на усатой шайбе он походил на карточного короля в камуфляже, ловко вынутого из рукава. Высовываясь над пластиковым щитом, которым прикрывал его автоматчик, он выбрасывал в толпу внизу:

— Не будет вам больше! Ни мэров! Ни сэров! Ни пэров! Ни херов!

Толпа одобрительно ржала и горела рвением.

— А что будет? — вдумчиво спросил Шурка.

— Херы-то чем ему мешают? — удивился Вырин. — И как понимать, что их больше не будет?

Мегафон перехватил вкусно-мужиковатый усач Руцкой.

— Тоже мне, воевода, — презрительно сказал Колчак. — Комполка — он и есть комполка. Подполковник. Авиатор. Его дело что? — взлет-посадка, убитых списать. Полез...

— Мужчины, служившие в армии, сейчас получают оружие! — командовал Руцкой. — Машины стоят у здания мэрии. Товарищи — колонной двигаться к Останкино и захватить этот очаг заразы!

— Что у нас за национальная страсть захватывать очаги заразы, — сказал Колчак. — И так мало, что ли. Жадность фраера погубит.

— Погодите, — сообразил Ольховский. — Что за хренотень... Я ведь это уже помню!

— Все помнят, Петр Ильич, — ответили ему. — Ничто не ново под луной. Не обязательно забывать старое, чтобы оно стало новым.

С крыш защелкали снайперы.

Движение у Белого дома приобрело характер ошпаренного муравейника. Какой-то мужик потащил в кусты огромный старинный телевизор.

По другому каналу Горбачев в светлой курточке вместо пиджака долго думал и сообщил:

— Процесс пошел.

— Ешкин кот, без вариантов пошел, — подтвердила кают-компания. — Но почему такая походка?

Армейский грузовик высадил двери Останкино. Грохнул гранатомет. Автоматные очереди с визгом рикошетили от стен. Зрители переживали с балконов.

— Бондарчук, — проговорил Беспятых. — Спорю — Бондарчук.

— Что — Бондарчук?

— Ставил массовки. У него за них «Оскар» был.

— Для Бондарчука слишком мало народу, — авторитетно заявил доктор.

— А ты убитых посчитай... киновед.

Ольховский вернулся в кают-компанию как раз к моменту, когда Черномырдин повторял свой гениальный лозунг девяностых:

— Хотели как лучше, а вышло как всегда.

— Учитесь, братцы, — назидательно обратился Колчак, — как не надо делать переворот.

— Как не надо — у нас знатоков до фига. А вот как надо?

— Как надо?! Пойди и посмотри в зеркало. Можешь посмотреть на меня.

— И что я увижу?

— Погоди чуток... увидишь!

Ольховский упал на свой стул в первом ряду перед телевизором и простонал:

— Всех обзвонил... Ну нигде под нашу систему нет — ни прицелов, ни таблиц стрельбы. Ах, твою мать... Орудия есть, снаряды есть... Река замерзла, самим не подойти... кто мог знать! Буксиры на приколе, в порту никто трубки не берет. Засадили бы по Белому дому, так ведь не видно его отсюда... как стрелять?

— Да бросьте, Петр Ильич, — успокоил Мознаим. — Чего зря средства расходовать? Давайте я через военный коммутатор танкистам в Кантемировскую позвоню, они-то могут подойти.

— А! Беги звони, быстро!

Колчак оказался прав — чуток погодили и увидели, как надо.

— Тельняшки!.. — все приподнялись со стульев, вперились.

— Десантура.

— Ни фига! У них светло-голубые. А у этих темно-синие!

— Морпехи!

— Робя — наши!!!

Когда от Белого дома пошел черный дым, а сноровистые парни в тельниках под распахнутыми комбезами приступили к зачистке Москвы, авроровцы перевели дух. Поскольку в чрезвычайных обстоятельствах годятся только чрезвычайные средств, большой переворот был ознаменован большой пьянкой.

— Что такое ж-ж-жесткая з-з-зачистка? — приставал ко всем Кондрат. — Это когда столица бл-л-лестит, как у kota яй-яй-яй... Яй-яй-яй, как мы все-таки все сделали!

— Ребята, кому еще пирожков? — кричал распаренный Макс в амбразуру камбуза, выстукивая от возбуждения чечетку. Когда он выскакивал, рискуя простудиться, охолонуть на палубу, по городу была слышна стрельба. Он прикидывал, насколько близок уже собственный ресторан: явно освобождались вакансии.

Шурку почтили приглашением за офицерский стол.

Колчак встал с тостом. От выпитого он только бледнел.

— Все, — сказал он. — Теперь у Путина развязаны руки. Процесс принял необратимый характер. Наведение порядка — это лавина. Кто видел лавину? Неважно. Я тоже нет. Теперь увидим.

Он посмотрел по сторонам, как бы ожидая увидеть лавину, сурово кивнул и стал ловить ускользнувшую мысль. Мысль не давалась, и он поймал другую.

— Шурка! Трансляцию включи! Что? Так протяни! Быстро! Понял? Товарищи матросы и старшины! Товарищи мичманы и офицеры! Генералам и адмиралам — молчать, когда я говорю! Пацаны. Мы сделали. Я горжусь вами. С такой командой... в огонь и в воду! я готов хоть сегодня объявить войну Америке. Но этого мы делать не будем. Потому что на хера. Мы пришли. Вопреки всему. И спустили камень с горы. Не посрамили. За флот! За народ! За справедливость и за нас! Ура!

Он выпил и хлопнул фужер об пол. Остальные последовали. Шурка подумал, что хорошо бы сделать так и на камбузе, но там пили из эмалированных кружек.

— Товащ командир, — обратился он, стараясь не покачнуться. — А стр-релять сегодня, значит... бум?

— Бум-бум, — подтвердил Ольховский, младенчески улыбаясь и беззаботно проливая пиво на ковер.

— З-зачем?..

— А как же! Раз мы здесь.

— На всякий случай, — сказал Колчак. — Мало ли что. Не повредит. Лейтенант! Спит, сволочь... слабак. Смотрите, господа офицеры. Флот — это вам не философия.

Беспярых перекатил голову на другое плечо и зачмокал губами. Мознаим подтащил его к открытому иллюминатору, но голову на свежий воздух высунул сам.

— И троек этих поганых сегодня не ездит, а! — сделал он наблюдение, расширяя собравшиеся в щелочки глаза.

— Брось его, — велел Колчак. — Сам скоман-
дую. — Оценил Шурку и дал ему легкого шлепка по
шее. Шурка упал.

— И наведу сам, — сказал Колчак.

Нетвердо вошел вестовой, опираясь на швабру, и
стал брезгливо смотреть на усыпанную осколками
палубу. Одновременно с его появлением, словно
это было как-то связано, трансляция вдруг странным
образом врубилась на камбуз. Там гремели в такт
кружками по цинковым столам и нестройно орали:
«И кор-ртики достав! забыв мор-рской устав! они
др-рались, как тысяча чер-ртей!!!»

— Й-я тоже, — сказал Ольховский, пытаюсь под-
няться.

— Что ты тоже?

— Й-я тоже наведу. Сам.

— Ты куда?

— Пой-йду выпью с командой. Зас-служили...

— Погоди, — сказал Колчак, — я тебе помогу.

29.

Ехали в шикарном, вылизанном, с мягкими сиде-
ньями мерседесовском автобусе, под охраной с ми-
галками. Молчали: волновались.

В Боровицкие ворота вкатили не тормозя. Завер-
тели головами. Никаких разрушений в Кремле на
первый взгляд заметно не было. Но за одним углом
мелькнул штабель кирпичей, за другим возились у
бетономешалки работяги в свежих синих спецов-
ках. Лейтенант сдержанно показал Шурке большой
палец.

Из гардероба дружно отправились в туалет, хотя
нужды не было. Поправляли гюйсы и ремни перед
зеркалом во всю стену.

Пришлось ждать на диванах в закрытом хол-
ле. Аккуратные елки, словно стриженные садовни-
ком под ранжир, синели за высокими окнами. Офи-

цианты с внешностью дипломатов предложили напитки. Хотелось пива, но ограничились соками и кока-колой; да пива вроде и не было.

— Прошу следовать за мной.

Георгиевский зал оказался не так велик, как представлялось по телевизору. По стенам посверкивало, по полу отблескивало, сверху переливалось — по сравнению с Зимним здесь отдавало наивной варварской роскошью. «Не Корбюзье», — тихо заметил Беспятых, отмечая, однако, неровность дыхания.

— На этой дорожке постройтесь, пожалуйста. Нет, офицеры с этого края... Так, а матросы — в две шеренги. Полшага назад.

Плечи расправились, животы втянулись. Телевизионщики настраивали камеры.

Подумалось, что на этом паркете, дав шаг, легко поскользнуться в ботинках на флотской кожаной подошве. И хотя жарко не было, тут же начали потеть.

— Приготовились. Телевидение — отойдите немного.

Путин вошел во главе свиты своей неисправимой походкой. Перевалочка немного сгладилась, зато проявились подчеркивающие ее строевые элементы. Он встал рядом с гнутым столиком, на котором свитские в известном им порядке разложили коробочки.

Родной замполит не изменился, но одновременно это был чужой и даже незнакомый человек. Так меняет подкожную маску член семьи в незнакомой семье служебной роли и обстановке. Ольховский подумал, что закон избавляться от соратников, бывших близкими внизу и на ты, совершенно естественен.

Суть краткой речи свелась к советской формуле, что подвиг «Авроры» будет жить в веках. Долг, честь, Россия. Горд, рад. Вернуть стране достоинство. Аплодисменты.

Приступили к награждению.

— Золотая Звезда Героя России вручается командиру крейсера «Аврора» капитану первого ранга Ольховскому.

Нужно послужить не один год, чтобы оценить правильную дозу небрежности и самоуважения в строевом шаге. Команда оценила.

— Спасибо, Петр Ильич. Это подвиг. Если честно — это подвиг. Позволь, я тебя обниму. Еще поговорим сегодня.

— Служу Отечеству!

Ольховский не заметил, кто сунул ему в левую руку букет. Объективы камер мешали быть самим собой, заставляли позировать. Путин улыбался старой доброй улыбкой. Ольховский с изумлением почувствовал, что готов расплакаться.

— Золотая Звезда Героя России вручается старшему помощнику крейсера «Аврора» капитану первого ранга Колчину.

Обнимая одной рукой Колчака за плечи, Путин другой рукой незаметно и чувствительно ущипнул его за ляжку. «Это тебе за День Флота», — шепнул он.

Третью Звезду вручали Шурке. Забыв инструкцию («топать не стараться»), он дал ножку. Подвески люстр вздрогнули. В голове вертелась дурацкая мысль: передать в камеру привет родителям и Майе, как на «Поле чудес».

На место он возвращался тише, тут и споткнулся, причем уже на дорожке. И, еще ловя равновесие, успел подумать, что это не прямой репортаж, в передаче это вырежут.

Остальным дали ордена в порядке старшинства: офицеры, мичманы, старшины, матросы. Кондрат тоже забыл инструкцию («руку крепко не жать») и от полноты изъявления чувств заставил Путина поморщиться.

Церемония уложилась в двадцать минут. По мере снижения званий скорость увеличивалась.

Банкет был накрыт неподалеку. Хотя и ему предстояло краткий инструктаж, но Ольховский, памятуя свою первую парадную трапезу в Москве, с рыбой постарался дела не иметь.

Столы стояли покоем. Первую выпили стоя. Повернулись в очередь чокаться с Путиным, но эту затею обслуга тихо пресекла («если он сам подойдет к вам — пожалуйста; оставаться на местах»). Качество жратвы было вне конкуренции, но поначалу кусок в горло не лез. Макс с завистью пялился на зажаренную целиком индейку: она оказалась уже разрезанной на тончайшие ровные ломти, чего не было видно, пока не ткнули вилкой. Бохан опомнился первым и принялся уминать в себя все подряд. Зазвенели, застучали, зажевали; разошлись.

«Швед, русский колет, рубит, режет», — приготовил фразу для записи Иванов-Седьмой, обрабатывая баранью отбивную на косточке.

— Смотри, какая интересная нервная реакция, — сказал доктор. — Мы выполнили задачу, добились успеха. Остались живы, здоровы, на свободе...

— Бабок склотили слегка, — вставил Мознаим и налил.

— ...Вместо стенки получили ордена в Кремле — уже неслабо. Где же прыжки от восторга? Нет прыжков от восторга. Какое-то ощущение обыденности. Почему? Потому что пережито большое напряжение, и стресс еще не снят. Удивительно умеет природа портить нам радость от жизни.

— А ты почему икру без масла намазываешь? — спросил Беспятых.

— А зачем лишние калории?

Беспятых закусил стопку жульеном и, примериваясь к заливному, поиграл ножом, на котором прыгала электрическая змейка. Заливное упало на салфетку, а салфетка с колен на пол, откуда и была мгновенно и незаметно подобрана официантом. Беспятых с неудовольствием посмотрел на разоренное блюдо и потянулся к ветчине.

— С возрастом мы замечаем, — сказал он, жуя, — что все радости, которых мы ожидали под фанфары, незаметно проникли к нам с заднего крыльца.

— Ты у нас философ.

— Это не я. Это один старик, который понимал в пожарь!

Произнеся первый тост. Путин лишь притрагивался к своей рюмке. Он посмотрел на часы. Перед ним поставили чашку с чаем. Ольховский достал сигарету, под которой возник огонек зажигалки. Когда огонек исчез, появилась пепельница.

— Так толком и не поговорили, Петр Ильич, — сказал Путин. — Ладно, что ж делать. Приеду в Питер — свидимся. Ну что... Кончай палить. Всеу свое время. Домой-то хочется?

К его уху склонился референт, помощник, секретарь, кто там они все есть: «Владимир Владимирович. Вам пора...»

У Ольховского было заготовлено большое прощальное наставление. Необходимо было постоянно контролировать разминирование Москвы; сажать виновных в невыплате пенсий; тихой сапой подрываться под нефтяные монополии; резко упростить формальности усыновления сирот; вкачать средства во флот немедленно; до черта всего. Он тоже посмотрел на часы. Черт, все это было и так ясно. Вместо этого он сказал:

— С чиновниками — это у тебя неплохо вышло, Владим Владимирович.

— Ну, на ход ноги, — сказал Колчак. — Хочется приватно сказать что-нибудь такое торжественное. Типа: мы тебе передали эстафету, теперь ты давай следующий этап. А если что — мы придем еще раз, маршрут проложен. Что в сокращенном варианте звучит: за благополучный проскок!

Когда Путин ушел («Продолжайте, не торопитесь. Это мне пора, извините»), Иванов-Седьмой ехидно спросил:

— Что-то я в тебе не замечал, Николай Палыч, пристрастия к верноподданическим текстам. Давно ли ты собирался ему приказ на брюхе татуировать?

Впервые в жизни Колчак выглядел сконфуженным.

— Есть у русских эта гадкая черта, — пожаловался он, — за глаза поливать власть, а в глаза ни

с того ни с сего лизать. Не понимаю. Вроде и по делу сказал. А получается — сам выдвинул, и самого же перед ним в прогиб несет.

— Прессуют нас прессуют, а раб не выдавливаются, да? — посочувствовал Беспятых.

— Клизму всем поголовно, — сказал доктор. — И позадно. Как очистительный этап демократии.

— Что ж. Опыт с птеродактилем у тебя уже есть.

— Не завидую я ему, — вздохнул Ольховский. — Одна разборка с Жуковым чего будет стоить.

Возвращались в темноте. Мознаим вынес под тужкой бутылку виски, ее отобрали и пустили по автобусу. Пить больше, вроде, и не хотелось, но добавить — это святое.

— Что за идиотское название награды: «За заслуги перед Отечеством второй степени»! — возмущался Груня. — Что второй степени — отечество? Или заслуги? Козлы!

На корабле тосковал Куркин с парой вахтенных. Награждение привезенными им орденами произвели перед строем со всей возможной торжественностью.

Заснуть не удавалось. Курили, разговаривали, ходили к командиру клянчить спирт — дал. Планы были радужные.

«Немало я стран перевидал, шагая с винтовкой в руке», — тихо гонял в радиорубке маркони. Втиснулся Макс с кружкой чифира; отхлебывали, перепуская затяжку через глоток, набился народ и стал петь.

Мознаим подсчитывал полученные «Авророй» деньги: бóльшая часть сохранилась. Но при делении на срок пай получался не астрономический. Он усовершенствовал калькуляцию: ввел зависимость от званий, должностей и выслуги лет — вышло куда веселей. Он озабоченно предвидел трудности с уговорами начальства на свою систему дележки.

«Мечта разыскивает путь — открыты все пути», — писал Иванов-Седьмой; он был счастлив.

Беспятых снился викинг в очках и с «конским хвостиком».

Колчак брился: это его успокаивало. Ольховский звонил в Петербург. Доктор мерил новый костюм, купленный на размер меньше. Серега Вырин в четвертый раз рассказывал кубрику, как он снял на Тверской негритянку и имел ее в служебке «Националя» всего за чирик швейцару. На самых горячих местах Сидорович ронял очки.

За час до подъема Шурка пробрался на бак и вынул из затвора ударник. Он завернул его в старый гюйс и спрятал на дно рундучка. Это была вторая неуставная вещь в его рундучке. Первой было покрывало Майи. Майя подарила ему его при расставании. Почему-то ей обязательно хотелось, чтобы он хранил как бы часть ее собственной постели (которой он никогда не видел). Ей виделось в этом что-то вроде семейного обета, домашнего очага и в таком роде. Шурка согласился только потому, что знал, что у беременных бывают свои причуды, которым надо уступать. А потом совестно было выкинуть. Покрывало было старомоднейшее, не иначе от бабушки, пикейное, полупрозрачное от стирок.

Вот этого покрывала в рундучке не оказалось. Наутро Шурка перетряс всех. Все клялись, что ничего о нем не знают. Посочувствовал один Груня. Он переживал и помогал искать.

Но утро было яркое, с морозцем, на опохмел Макс выкатил по кружке пива из заранее купленной и назначенной канистры, и к подъему флага Шурка примирился с потерей, «ерундой по сравнению с мировой революцией», как выразился Кондрат, и успокоился.

ЭПИЛОГ

Владимир Владимирович Путин прошел в президенты. Какие следствия имело это для России — все знают.

— Мы сделали все, что могли. Видит Бог, — сказал Ольховский.

— Чуть больше, — сказал Колчак.

На следующий же после выборов день к «Авроре» был подан ледокольный буксир «Суворов». В Речпорту их под завязку заправили топливом. Обратный путь прошел знакомым маршрутом без всяких приключений. Всем хотелось домой.

«Буксир прокладывает путь, — писал Иванов-Седьмой. — Лдины шуршат вдоль бортов. Морозовоевода дозором обходит владенья свои. Но уже весна, и солнце светит ярко. Это символично».

Проходя Свирь, высвистали по рации Егорыча, перезимовавшего дома, и вручили его долю прибыли. Старик ошалел и расчувствовался. Но был страшно огорчен, что его обошли награждением в Кремле. Обещали похлопотать за него, что позднее, конечно, забыли. Лоцман проявил смекалку: через фермерский банк за взятку перегнал свои доллары в финскую «Nordbanken group» и, раз в полгода наезжая

в Хельсинки за процентами налом, доживал свой век в относительном достатке и покое.

Ночью прошли невские мосты и встали на свою стоянку. Подняли лебедкой опущенные в лед свои швартовые балки и приварили на место. Убрали с набережной табличку о своем отсутствии. Утром казалось, что «Аврора» никуда и не уходила.

О походе напоминала только надломленная фок-стенга. На второй день Мознаим привез работяг, и все стало как раньше.

Первую неделю наслаждались отдыхом и гуляли по Петербургу, а потом впряглись в привычную службу, и события пошли своим чередом. Но в этой очередности событий теперь прослеживалась оптимистическая и даже мажорная тенденция.

— Не зря сходили! — констатировал Колчак, поднимая бокал на своем отвальном банкете в кают-компани. Он получил назначение на бригаду крейсеров на Тихоокеанском флоте: контр-адмиральская должность. До должности командующего флотом предстояло еще послужить.

Ушлый Мознаим получил квартиру от подобрешшего мэра Петербурга, а деньги вложил в акции «Лукойла» и устроился младшим менеджером в ее петербургский филиал. После чего приобрел коттедж когда-то знаменитого авторитета Комара в Комарово (каламбур документален) — целый замок из красного кирпича. Жена стала ходить по струнке, но земельная аренда доводит его до истерик.

Уволился с флота и лейтенант Беспятых — по окончании трехгодичного срока призыва. Он защитил кандидатскую по неожиданной теме: «Параллелизм в философском мировоззрении скандинавских викингов и японском бусидо». Потом вообще переключился на скандинавистику и к сорока стал профессором, половину года читая курсы в Стокгольме.

Доктор Оленев поступил в адъюнктуру Военно-Медицинской академии, не защитился, ушел из кадров и открыл небольшую частную клинику по поху-

данию. В ней он использовал методы профессора Калашникова, с которым подружился и даже одно время был его деловым партнером.

Интересно сложилась судьба Иванова-Седьмого. Он издал мемуары за собственный счет, после успеха книги права на издание купило крупнейшее московское издательство «АСТ», а полудохлый, но умственно активный «Лентелефильм» предложил ставить сериал. Иванов-Седьмой не мог доверить чужому человеку писать сценарии, ушел из музея, освоил профессию сценариста и всю оставшуюся жизнь проклинал и поносил режиссеров, ничего не смыслящих во флотских делах и вообще в литературе. Однако пережил свой звездный час: после выхода первых восьми серий он получил премию «Ника» за лучший телесценарий. «Моя жизнь состоялась!» — сказал он со сцены, поднимая статуэтку над головой.

Ольховский служил на «Авроре», сколько позволяло здоровье и Управление кадров. Половину собственных денег он вложил в реставрацию корабля, мечтая о времени, когда офицеры «Белфаста» почернеют от зависти. Взрослый сын продолжал быть несчастьем их семьи. После инфаркта Ольховский вышел в отставку и занял место директора музея. Здесь его жизнь. Надо отметить, что, поправившись, он стал гораздо спокойнее и здоровее, очень следит за собой.

Матросы разъехались. Бохан построил большой дом в деревне. Сидор приобрел автосервис в Курске, но прогорел. Больше других преуспел Макс. Он взял в аренду знаменитый «Сайгон», выкинул оттуда магазин и отдал роскошное кафе с фотографиями знаменитых некогда завсегдатаев. От Бродского до Боярского. Портреты украшены автографами — кто еще жив, конечно. Автографистам вручили карточки на бесплатное обслуживание. Расчет был верен: место стало модным центром Невского. Цены ломовые, но и народ ломится: вдруг он будет пить кофе за стойкой рядом с Розенбаумом. Макс окончательно

облысел, что не помешало ему жениться на красавице и изменять жене с любовницей-красавицей. Когда при нем заговаривают о Москве, он ласково улыбается и говорит: «Засаживали мы ей по шесть дюймов. Жить надо в Петербурге».

Сергея Вырин женился на дочери богатого гангстера и вложил деньги в папин бизнес. Ездит на «ягуаре». С чужими нагл, но своих боится.

Кондрат вдруг организовал частные охранные курсы. Плюха у него страшная.

Груня эмигрировал в Данию, сел на социал, поселился в Христиании с хиппи и нарками. Стал у них активистом движения за закрытие атомной электростанции в соседней Швеции.

Много лет спустя, на День Флота, родной корабль посетил замполит. Вечером он напился с офицерами и плакал, отвернувшись от телекамеры.

Осталось сказать только о Шурке. По возвращении он женился на своей Майе. Московского пая как раз хватило на двухкомнатную квартиру. Майя очень хотела мальчика и, когда родилась девочка, переживала страшно.

— Девочка — это замечательно, — сказал Шурка, целуя на крыльце роддома одеяльный конвертик. — Это к тому, что войны не будет. А когда родится мальчик, у него будет старшая сестра. Пусть нянчится.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОНЕЦ ИЗ ПИЗЫ

<i>Часть первая</i>	
ДЕПУТАТ БАЛТИКИ	3
<i>Часть вторая</i>	
Р. В. С.	33
<i>Часть третья</i>	
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ . . .	145
<i>Часть четвертая</i>	
ТАЙНА ДВУХ КАПИТАНОВ	323
<i>Часть пятая</i>	
ВЫСТРЕЛ	337
<i>Эпилог</i>	443

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Веллер Михаил Иосифович

ГОНЕЦ ИЗ ПИЗЫ

Технический редактор *М.Н. Курочкина*
Компьютерная верстка: *Р.В. Рыдалин*

ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 белме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E - mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.09.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура NewtonC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 4000 экз. Заказ № А-2584.

Отпечатано в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-17-088013-3

9 785170 880133

Veller, Mikhail Iosifovich

Gonets iz Pizy

26348668

1000709B

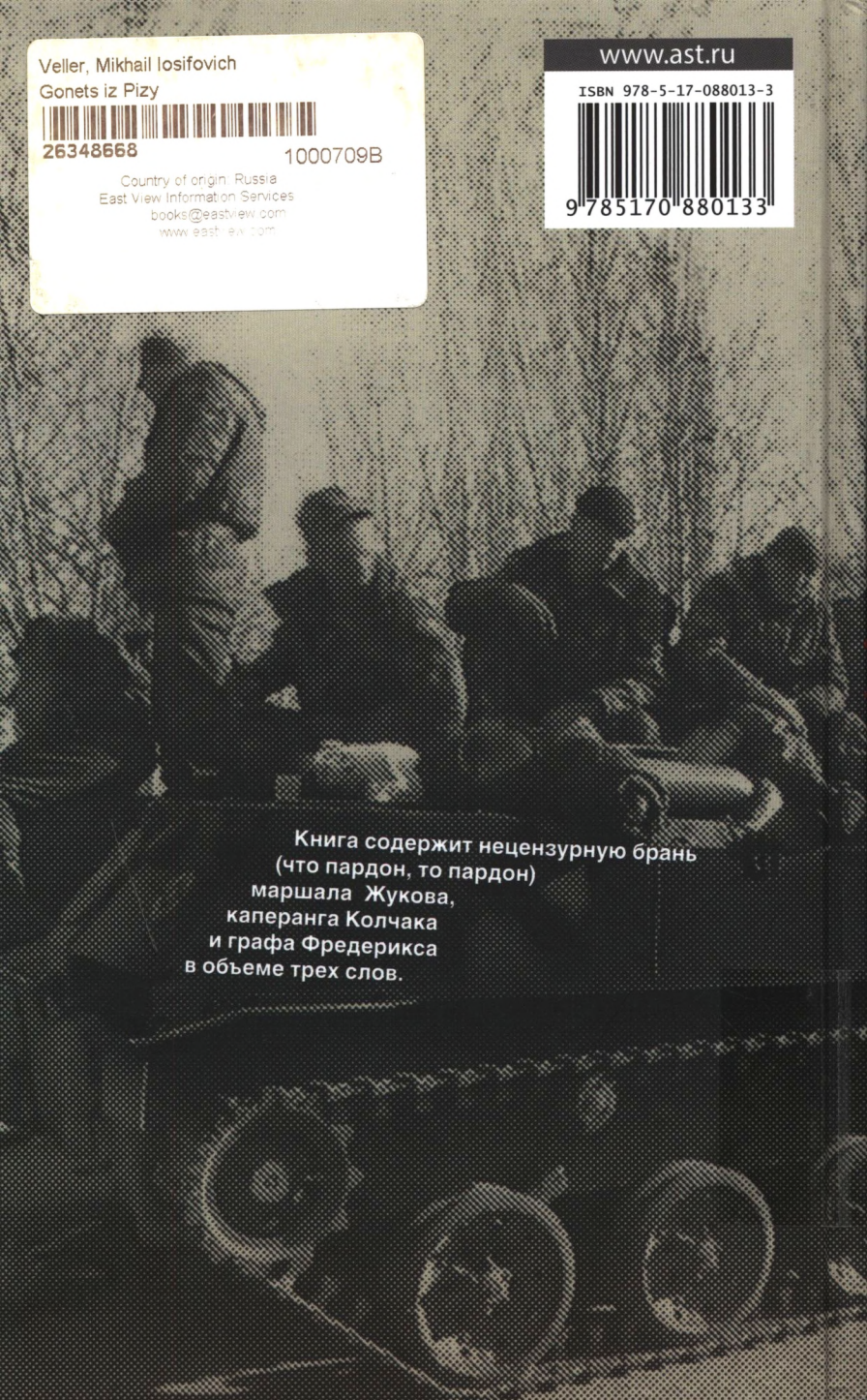
Country of origin: Russia
East View Information Services
books@eastview.com
www.east-view.com

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-088013-3

9 785170 880133

Книга содержит нецензурную брань
(что пардон, то пардон)
маршала Жукова,
каперанга Колчака
и графа Фредерикса
в объеме трех слов.